

А.Л. ИЛЬИН, Е.А. ИГНАТЮК

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ПИНЩИНЫ
(IX – НАЧ. XX ВВ.)**

Пинск
2013

УДК 908.316
ББК 26.84(1Бел)
И 46

Рецензенты:
доктор исторических наук, доцент А.Н. Вабищевич;
кандидат исторических наук Д.В. Лисейчиков

Утверждено
научно-техническим советом УО «Полесский государственный университет»
(№3 30 января 2013 г.)

Ильин, А.Л.

И 46 Очерки истории культуры Пинщины (IX – нач. XX вв.): монография / А.Л. Ильин, Е.А. Игнатюк. – Пинск : ПолесГУ, 2013. – 220 с.

ISBN 978-985-516-269-9

Исследуются культуры народов, живших на Пинщине (белорусская, польская, русская, еврейская, украинская, литовская и др.). Изучены многие сферы и формы культуры Пинщины: изобразительное искусство, архитектура, музыка, литература, наука, театр, библиотеки, книгоиздательская деятельность и т.д. Особое внимание уделено истории учреждений образования на Пинщине. Впервые рассмотрена деятельность Пинского православно-историко-этнографического кружка и Пинского польского культурного кружка, в котором главную роль играли Скирмунты – представители известного полесского дворянского рода. Заново открыты имена таких деятелей полесской культуры, как историки и краеведы: Михаил Загоровский, Антоний Мошинский, Дмитрий Каширин, Лев Грудницкий, Анатолий (Станкевич), Иоанн Акоронко, Феликс Дружиловский, Стефан Куклинский и др.

Монография рассчитана на специалистов в области культуры и истории Беларуси. Может быть использована в учебном процессе в таких курсах, как «Культурология», «Теория и история мировой культуры», «История педагогики», «Краеведение», «История путешествий и туризма» и др.

УДК 908.316
ББК 26.84(1Бел)

ISBN 978-985-516-269-9

УО «Полесский государственный университет», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Только после провозглашения независимости Беларуси в 1991 году стали появляться специальные книги по истории культуры нашей страны¹. Вообще за последние годы увеличился интерес к истории культуры Беларуси. Появляются многотомные издания по истории различных областей культуры: «Гісторыя беларускага мастацтва» (1987-1993), «Архітэктура Беларусі» (2005-2008) и др. В 2010 году начался выпуск энциклопедии «Культура Беларусі», содержащей много информации по культуре Пинского Полесья. Однако, всё-таки, мало написано книг², посвящённых культуре нашего региона и её деятелям. Недавно вышла 700-страничная История Пинска³, написанная исследователями из Института истории НАН Беларуси, в которой имеются разделы, посвящённые истории культуры Пинска и Пинщины.

К сожалению, не написано ни одной отдельной книги, посвященной истории культуры какого-либо региона Беларуси. Это, естественно, относится и к Пинскому Полесью; почти нет обобщающих работ по этой теме. Хотя можно отметить две содержательные статьи пинского исследователя Эдуарда Злобина⁴ по истории библиотечного дела и учреждений образования Пинщины. Художественные памятники средневековой Пинщины изучает известный российский искусствовед Василий Пуцко⁵. Интересные сведения о пинских католических монастырях содержатся в статьях авторов разных исторических эпох: Александра Ельского⁶, Александра Ярошевича⁷ и Светланы Адамович⁸. Более других повезло библиотеке Лещинского монастыря и типографии пинских иезуитов, этим темам посвящено достаточно много статей.

Авторы этой книги решились восполнить этот пробел: попытались написать историю культуры Пинщины с IX по начало XX века. Акцент был сделан на истории учреждений образования. Авторы монографии рассмотрели практически все области художественной культуры: литературу, музыку, театр, изобразительное искусство, архитектуру, за исключением таких тем, как народное искусство и деревянное зодчество. Они, понимая сложный характер исследуемой темы, старались сделать книгу как можно более информативной; ведь одна из главных задач книги – заинтересовать историей и самобытной культурой Пинщины как самих полешуков, так и жителей других регионов Беларуси. Книга должна быть интересна и учёным, и студентам, и школьникам, и простым читателям.

Культура дохристианской и раннехристианской Пинщины

Начнем разговор с истории и с культуры дохристианской Пинщины. Из исследований белорусских археологов Валентины Вергей и Олега Иова следует, что Пинск возник на рубеже IX-X веков на берегу Городищенского озера (в 12-ти километрах от современного города). «Упершыню гэтая мясціна была асвоена чалавекам у эпоху фінальнага палеаліту (каля VIII тысячагоддзя да н.э.). Пазней, змяняючы адзін аднаго, тут жылі насельнікі эпохі бронзы, мілаградскай і зарубінецкай культур жалезнага веку. У VIII ст. н.э. сюды прыходзяць славяне і будуць сваё паселішча, якое становіцца, магчыма, племянным цэнтрам»⁹. Развивались здесь какие-то простейшие ремёсла, од-

¹ Качаноўскі, У. Гісторыя культуры Беларусі / У. Качаноўскі. – Мінск, 1994;

Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск, 1994;

Парашкоў, С. Гісторыя культуры Беларусі / С. Парашкоў. – Мінск, 2004.

² Якімовіч, Ю. Драўлянае дойлідства беларускага Палесся XVII-XIX ст./ Ю. Якімовіч. – Мінск, 1975;

Шматаў, В. Іканалік Заходняга Палесся XVI-XIX стст. / В. Шматаў [і др.] – Мінск, 2002.

³ Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці / А.М. Літвін [і інш.]. – Мінск, 2012.

⁴ Злобин, Э. Развитие библиотечного дела на Пинщине / Э. Злобин // Берасцейскі Хранограф. – Брэст, 1999. – Вып.2. – С.108-113; Из истории учреждений образования Пинщины в досоветский период // Учитель вечен на земле Полесской. – Мінск, 2005. – С. 14-22.

⁵ Пуцко, В. Бронзовий енколпійон з Куп'ятіч – чудовна ікона Богородиці / В. Пуцко // Над Бугом і Нарвою. 2000. – № 4. – С. 16-18; Резная деревянная икона пинского князя // Гістарычная Брама. 2008. – № 1. – С. 103-111.

⁶ Ельскі, А. Пінск. Выбранае. / А. Ельскі. – Мінск, 2004. – С. 190-224.

⁷ Ярашэвіч, А. Архітэктурна-скульптурны ансамбль касцёла францысканцаў у Пінску / А. Ярашэвіч // Барока ў беларускай культуры і мастацтве. – Мінск, 1998. – С. 186-195; Пінскія кляштары // Наша Вера. 1999. – № 3. – С. 26-31.

⁸ Адамовіч, С. Ансамбль монастыря бенедиктинцев в Городище под Пинском / С. Адамовіч // Каштоўнасці мінуўшчыны. – Мінск, 2000. – Вып. 3. – С. 85-91; Комплекс Пінскага езуіцкага кляштара // Наша Вера, 1999. – № 3. – С. 32-36; Пінскі ордэн камуністаў // Беларуская мінуўшчына. 1997. – № 3. – С. 57-59.

⁹ Вяргей, В. Пінск старажытны / В. Вяргей, А. Іоў // Беларуская мінуўшчына. 1997. – № 3. – С. 3.

нако о письменности в тот период говорить не приходится, хотя археологи нашли в протогороде следы пребывания варягов, поэтому его жители могли быть знакомы со скандинавскими рунами. На нынешнее место (на берег реки Пина) Пинск был перенесён только в конце XI века. А уже через сто лет образовалось отдельное Пинское княжество. В 1174 году летописец называет отдельно князей туровских и князей пинских. Позднее упоминаются первые известные князья пинские – Ярослав Юрьевич (1183) и Ярополк Юрьевич (1190).

Возникает также серьёзная научная проблема: когда пришло и когда укрепилось христианство на Пинском Полесье? «Насельніцтва Пінска Гарадзішчанскага было паганскім, бо ніякіх рэчаў, звязаных з хрысціянствам, там не знойдзена. Ёсць звесткі, што ў пачатку XI ст. у Тураве была заснавана хрысціянская епархія, якая і стала асноўным правадніком новай рэлігіі ў межах усяго Тураўскага княства. Аднак працэс гэты быў павольны, і перажыткі паганства, як сведчаць археалагічныя матэрыялы, існавалі яшчэ вельмі доўгі час. Аб распаўсюджанні хрысціянства ў Пінску сведчаць знаходкі нацельных крыжыкаў, часткі бронзавага абразка-складзена з выявай Багародзіцы, каменнага шліфаванага абразка з выявай Спаса Эмануіла, якія датуюцца канцом XI-XIII ст.»¹. Известный археолог Пётр Лысенко отмечает, что для уникальной резной каменной иконки с детским изображением Иисуса Христа Эммануила имеются аналоги только в недатированных материалах среднего Поднепровья². Похоже, что в этот период культура Пинщины была тесно связана с Киевом, с которым её связывал удобный водный путь.

Итак, как выше упоминалось, археологические находки самых ранних христианских символов на Пинщине относятся только к рубежу XI-XII веков. На наш взгляд, христианство на Пинщине более-менее прочно утвердилось лишь с основанием Лещинского монастыря. Если судить по древнерусским летописям, то это важное событие произошло в середине XIII века: 1263 год (бегство князя Войшелка в Пинск) – наиболее ранняя дата упоминания о Лещинском монастыре. Пинский униатский епископ Гедеон Горбацкий, однако, утверждал в письме к князю Радзивиллу в 1779 году, что святой великий князь Владимир основал под самом Пинском Лещинский монастырь в конце X века. Это сообщение епископа очень сомнительно, поскольку не подтверждается археологическими находками.

Роль Лещинского монастыря, как культурного центра, возросла, когда туда в XIII веке была перенесена кафедра туровских епископов. В те времена при каждом монастыре и церкви, в которых имелись рукописные богослужебные книги, возникали небольшие школки, где церковнослужители обучали тех, кто хотел научиться читать и писать на церковнославянском языке. В общем, священники готовили себе смену. «Не подлежит ни какому сомнению, что первые появившиеся в нынешней минской губернии школы были основаны при православных церквях и монастырях, ещё во времена древней туровской епархии, уже перед нашествием татар, обнимавшей 14 удельных княжеств, возникших на земле Кривичей. Таким образом, история просвещения в бывшей земле Кривичей сливается с историей православия или, лучше сказать, с историей туровской епархии»³.

Архимандрит Анатолий (Станкевич), на которого ссылался Илларион Зеленский, писал: «Из официальных распоряжений некоторых туровских владык видно, что всякий кандидат во священство должен был прослужить несколько лет учителем в школе при той церкви, на приход к которой хотел поступить, и приобрести от прихожан свидетельство доброго учителя. Значит, школы были не только при княжских городах и монастырях, но и по приходам»⁴. К сожалению, архимандрит не указал конкретных документов о такой практике назначения священников в Туровской епархии. Такая информация нигде нам больше не встречалась. Поэтому к словам архимандрита Анатолия надо относиться осторожно. Хотя, наверное, подобные школки при храме, где обучались 2-5 человек, вполне могли существовать. В таких школках могли учиться не только будущие церковнослужители, но и купцы, знатные горожане. Число грамотных людей тогда было незначительное, даже в городах. Монахи в монастырях не только учили детей и взрослых, но и переписывали богослужебные книги, писали иконы.

Памятников письменности того времени в границах Пинщины сохранилось немного. Их легко перечислить. «Адзін з найбольш ранніх помнікаў пісьменнасці гэтага рэгіёна – абломак амфары з

¹ Вяргей, В. Пінск старажытны / В. Вяргей, А. Іоў // Беларуская мінуўшчына. 1997. – № 3. – С. 3.

² Лысенко, П. Древний Пинск XI-XIII вв. / П. Лысенко. – Пинск, 2007. – С. 148.

³ Материалы для географии и статистики России. Минская губерния. Составил подполковник Генерального штаба И. Зеленский. – Спб, 1864. – Ч. 2. – С. 389.

⁴ Воспоминание о древнем православии Западной Руси. – Москва, 1867. – С. 35-36.

г. Пінска, які датуецца XI-XII стст. На ім – фрагмент прадрэпананага слова: канцавая літара Д і перад ёю «частачкі» іншых літар.

Надпіс з Пінска **[Я]РОПОЛЧЕ ВНО** на абломку карчагі (карчага – вялікая гліняная пасудзіна з вузкім горлам). Датуючка: канец XI ст. (калі звязваць надпіс з імем князя Яраполка Ізяславіча) або канец XII ст. (калі надпіс звязаны з імем князя Яраполка Юр’евіча).

Надпіс на шыферным «прасліцы з Пінска» **НАСТАСНО ПРАСЛЪНЪ**, г. зн. «прасліцы», якое належала Анастасіі. Датуючка XII ст. (...)

Каменны абразок XII ст. з Пінска, на якім працэрчаны літары **ІС** з цітлай і **ХС** з цітлай, г. зн. «Ісус Хрыстос»¹.

О распространении письменности на Полесье свидетельствует и *писало*, найденное в Пинске при археологических раскопках, – приспособление для письма, которое представляло собой заостренный стержень с плоской лопаточкой на другом конце. Заостренным концом писали на наводственной дощечке (цере), а лопаточкой стирали написанное, чтобы на этом месте писать новый текст.

На наш взгляд, уровень культуры Киевской Руси XI-XIII веков значительно преувеличен дореволюционными русскими историками. Если посмотреть на жилую застройку Пинска и Бреста того времени, исходя из раскопок археологов, то она значительно уступает современной ей застройке западноевропейских городов. Да и уровень мастерства тогдашних пинских ремесленников, думается, значительно уступает уровню западноевропейских мастеров. Возможно, упадок культуры в XIII веке – последствия монголо-татарского нашествия: разрушение Киева негативно отразилось и на культурном развитии уцелевших провинциальных центров. Хотя исследователь древнего Пинска Петр Лысенко вряд ли согласится со следующим мнением: «Свидетельством развития культуры в древнем Пинске является развитие местного ювелирного ремесла и повышение спроса на изделия импортного производства (стеклянная посуда, оконные стёкла, женские украшения), а также местное производство высокохудожественных изделий из кости, украшенных орнаментацией (гребешки, накладки)»².

Одним из высших проявлений уровня развития культуры было возведение каменных церковных зданий монументальной архитектуры. Пока в Пинске археологи не обнаружили остатков таких сооружений. «Неардынарнай знаходкай з’являюцца паліваныя керамічныя пліткі, выяўленыя ў пластах канца XI – пачатку XII ст. Яны выраблены з белай гліны і пакрыты палівай зялёнага, жоўтага, карычневага і крэмавага колеру. Падобныя пліткі звычайна выкарыстоўвалі пры пабудове цэркваў. Але на даследаванай археолагамі тэрыторыі старажытнага Пінска не ўдалося прасачыць сляды манументальнага дойлідства. Магчыма, існаваў намер узвесці храм, для чаго ўжо нарыхтаваны былі ў вялікай колькасці пліткі, але па нейкіх прычынах яго будаўніцтва не здзейснілася»³. Полесье всегда славилось своими глинами, поэтому, возможно, в Пинске изготавливали плитку для храмов Киева, Турова, Владимир-Волынского и т.д. Можно отметить, что по разнообразию форм пинское собрание поливных плиток не имеет себе равных в Восточной Европе.

Многие тайны истории древнего Пинска могли бы раскрыть новые археологические исследования. К сожалению, на территории, где располагался древний город, построены дома, при строительстве которых необходимые археологические исследования почти не проводились.

История и культура Пинска XIV-XVI веков

Понимая сложность и слабую изученность поставленной проблемы, попробуем рассмотреть культуру средневекового Пинска через призму истории Западного Полесья. А поскольку эта история также мало изучена, то придется делать некоторые исторические экскурсы. В начале XIV века Пинское княжество вошло в состав Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Исследователь Любовь Левшун⁴ отмечает давнюю, крепкую и довольно загадочную связь между столичной Вильной и провинциальным Пинском. «Объясняется это, как кажется, следующим стечением обстоятельств: в родстве с древними пинскими князьями были (или, во всяком случае, считали себя) короли Речи Посполитой. В частности, королева Бона в жалованной подтверждающей грамоте духовно-

¹ Клімчук, Ф.Д. Старадаўняя пісьменнасць і палескія гаворкі / Ф.Д. Клімчук // Беларуская лінгвістыка. – 2001. – Вып. 50. – С.21.

² Лысенко, П. Древний Пинск XI-XIII вв./ П. Лысенко. – Пинск, 2007. – С. 159.

³ Вяргей В. Пінск старажытны / В. Вяргей, А. Іоў // Беларуская мінуўшчына. 1997. – С. 5.

⁴ Левшун, Л. Леонтий Карпович. / Л. Левшун. –Минск, 2001. – С. 13.

му причту Димитровской пинской церкви говорит о пинских князьях как о «продках наших»¹. Возможно, предки Гедимины были пинскими князьями, а может – Миндовга, по крайней мере, его сын Войшелк спасался в Пинске. Все это, конечно, только предположения. Великий князь Гедимин назначил пинским князем своего старшего сына Наримунта (после крещения – Глеб), которого западные хроникеры называют не иначе, как «русский король». Более ста лет Пинском правит династия православных князей Наримунтовичей. Только в конце XIV века пинским князем стал не Наримунтович, а Кейстуович: Сигизмунд – брат великого Витовта и сам в будущем великий князь. Он в 1396 году построил в Пинске деревянный францисканский монастырь – первую католическую обитель на территории современной Беларуси. Язычника Сигизмунда Кейстуовича окрестил в католичество первый настоятель Пинского францисканского монастыря отец Винцент.

Об уровне развития культуры того времени свидетельствует Пинское Евангелие, хранящееся сейчас в библиотеке Академии наук Литвы. Время его написания литовские учёные относят к концу XIV – началу XV веков. Наверно, об этом Евангелии пишет белорусский историк Георгий Голенченко: «Самым знакамітым пінскім пісьмовым помнікам пачатку XVI ст. можна лічыць упрыгожанае багатым арнамантам, расквечанае золатам і іншымі фарбамі Лешчанскае евангелле, якое набыў у Вільні ў 1846 г. заўзяты бібліяфіл прафесар Літоўскай семінарыі П.Н. Дабрахотаў у мясцовага старавера Фёдара Андрэвіча Букіна. На некалькіх незапоўненых лістах захаваліся дзве даніны Лешчанскаму манастыру: 1) пінскага князя Фёдара Іванавіча Яраславіча і княгіні Алены Сямёнаўны на возера Сомінае ў Пінскім павеце, 1513 г.; 2) Андрэя Васільевіча (Багдана Велятыцкага) ва два дворышчы на Усямераве, 1506 г. Павага да кніжных і літургічных рукапісаў у Пінскім павеце і ўвогуле на ўсіх землях Усходняга і Заходняга Палесся захоўвалася яшчэ стагоддзямі нават пасля распаўсюджання кнігадрукавання ў ВКЛ»².

В 1471 году польский король Казимир отдал пинское княжество Марии, вдове киевского князя Семена Олельковича. Более 50 лет Пинском правила династия Олельковичей. Это – эпоха раннего Возрождения в Италии. Ренессансные тенденции наблюдались и на восточноевропейских землях: Олельковский ренессанс³. В 1440 году состоялось восстановление Киевского княжества, которым стала править династия Олельковичей. Тогда начался экономический и культурный подъём Киева. Восстанавливаются древние храмы, переписываются и переводятся многочисленные книги, которые богато украшают (например, «Киевская Псалтырь»).

И в Пинске при Олельковичах, особенно при их зяте, русском князе Федоре Ярославиче, наблюдается культурный подъем: строится около десяти новых православных церквей и женский Варваринский монастырь. В начале XVI века в городе было 14 православных церквей (Дмитриевская (соборная), Афанасиевская (замковая), Юрьевская, Николаевская, Воскресенская, Онуфриевская, Семеновская, Стефановская, Троицкая, Михайловская, Спасская, Пречистенская, Ильинская и Фёдоровская) и два монастыря – Варваринский (женский) и Лещинский (мужской).

Многочисленные художники-иконописцы расписывают церкви и княжеский замок. Можно упомянуть художника Навошу, которому князь Федор Ярославич дал «две дворищи в селе Серники и двор в месте Пинском». Известно, что он расписал также княжеский замок. Замечательным мастером был резчик икон поп Анания. В документах того времени сохранились имена и таких мастеров, как замковые дойлиды (архитекторы-строители) Занко и П. Радивонович, а также золотаря Т. Дмитровича, которому князь Федор Ярославич пожаловал «землю в Жыдчи». Польский историк Антони Миронович пишет: «(...) князь Фёдор Иванович был большим меценатом искусства. В его пинском замке работали лучшие художники и артисты. Среди них было два мастера из [Давид] Городка: художник Навоша и ювелир Тимошка. Известны три восковых печати: две с 1509 г. и одна с 1513 г., которые сейчас хранятся в Национальной библиотеке Академии наук Литвы в Вильнюсе. На основании их можно утверждать, что печать Фёдора Ивановича была сделана из золота мастером-ювелиром Тимошкой»⁴.

Это время можно назвать «золотым веком» пинской культуры. Хотя славист Юрий Лабынцев таким временем считает конец XVI века, когда в 1581 году «при короле Стефании Батории Пинску

¹ Левшун, Л. Леонтий Карпович. / Л. Левшун. – Минск, 2001. – С. 14.

² Галенчанка, Г. Культурнае жыццё. 3 гісторыі духоўнай (прафесійнай) культуры / Г. Галенчанка // Гісторыя Пінска; Ад старажытнасці да сучаснасці / А.М. Літвін [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 207, 208.

³ Кралюк П. Острозька Біблія в контексті україньскої та еўропейських культур. / Кралюк П. [і др.] – Острог, 2006. – С. 24.

⁴ Mironowicz, A. Biskupstwo Turowskie-Pińskie w XI–XVI wieku. / A. Mironowicz. – Białystok, 2011. – S. 184.

было дано магдебургское право, то есть самоуправление, и герб: золотой лук с натянутой тетивой и стрелой. Город переживал период своего расцвета»¹.

Лещинский монастырь

Центром церковной и культурной жизни Пинского Полесья стал Лещинский монастырь, находившийся на берегу речки Пины в километре от города. С середины XIV века (после переноса в Пинск Туровской кафедры) в монастыре постоянно жили пинские православные епископы. Авторитет Лещинского монастыря был настолько велик, что киевские митрополиты XVII века титуловали себя архимандритами лещинскими. В его кельях монахи переписывали книги и рукописи. Так, сохранились пинские «Апостолы» XIV и XVI веков. По мнению церковного историка Виктора Мосейчука², в монастыре работала школа, в которой обучались дети горожан. Хотя автор не приводит в своей книге «История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря» документальных подтверждений этому, но его рассуждения логичны. О школе в Пинске пишет также и анонимный автор книги «Воспоминания о древнем православии Западной Руси», но тоже без ссылок на источники. Таким образом, нужны дополнительные исследования, тем более, что известный историк русской церкви митрополит Макарий (Булгаков, 1816-1882) не находил документов о православных школах в ВКЛ ранее второй половины XVI века.

Тогда, на рубеже XV и XVI веков, в Пинске и его окрестностях строились десятки новых церквей. «Гэта дае падставу лічыць Пінск XVI ст. буйнейшым на Палессі (а магчыма, і на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага) цэнтрам іканапісу»³. В 1482 году настоятель Лещинского монастыря Вассиан дал 100 рублей иконописцам, которые «писа чудно вельми Деисус с праздниками и пророками». Действительно, иконостас монастырской церкви славился в ВКЛ и своей красотой, и величиной (крупнейший в ВКЛ из 45 икон). Но, к сожалению, мало сохранилось имен замечательных мастеров, работавших в ту эпоху. Так, священник-резчик Анания создал известную икону «Премудрость созда себе храм», хранящуюся теперь в Русском музее в Петербурге. В этой иконе видны влияния искусства и Киева, и Новгорода. Возможно, Олельковичи приглашали мастеров из Киева, а князь Федор Ярославич – из Новгорода и Москвы. Поэтому в резной иконе проявился такой симбиоз разных художественных школ. В своей работе Анания использовал цитаты из «Библии» Франциска Скорины, изданной в 1517 году.

Интересно, что в 1543 году, по заказу пинского старосты Ивана Михайловича Хоревича, некий Парфен переписал на староукраинском языке скориновский Псалтырь. А это означает, что издания Франциска Скорины пользовались тогда популярностью на Полесье, и, наверно, имелись в монастырской библиотеке. Этот и другие факты свидетельствуют о том, что в монастыре был крупный скрипторий, где монахи переписывали рукописи и книги. «Там также осуществлялись переводы на славянский язык византийской литературы, переписывались литургические книги и агиографические произведения, создавались летописи и хроники»⁴.

В инвентаре Лещинского монастыря за 26 декабря 1588 года читаем: «(...) евангелие напрестольное на паргкамене писаное, полуоксамитом чорным крытое, з чотырма евангелисты на меди со крестом медяным позлотистым, евангелие другое напрестольное на папери писаное, на нем крест сребра грошового. Евангелие учительное на папери писаное. Апостол в полдеста писанный. Устав, в дест на папери писанный. Охтайки два на всю осм гласов. Прелоги два на все дванадцать м[еся]цей. Соборник великий на дванадцать м[еся]цей. Меней дванадцать в польдест. Триоди две, одна цветна, а другая постна. Книга Лествица в польдест. Книга Исак Сирий в дест, Псалтыр в польдест писаная – Богородичник в польдест, Часослов в польдест, Ермолец з знаменем. Службеников два: один старый в польдест, а другой в четвертку. Поминник в польдест». «Як бачым, інвентар уключае традыцыйны набор кніг, якія выкарыстоўваліся ў той час ва Усходняй Царкве для адпраўлення набажэнстваў і падрыхтоўкі казанняў. Евангелле і Апостал выкарыстоўваліся для літургічных чытанняў; ва Уставе выкладаліся правілы богаслужэння; паводле Служэбнікаў праводзілася літургія, а паводле Часоўніка – набажэнства гадзінаў; Актоіхі, Трыёдзі, Багародзічнік і Ірмалой змяшчалі рознага роду царкоўныя спевы; «Лествіца» і кніга Ісака Сырына, як, зрэшты, і г. зв. «Евангелле навучальнае» («Евангелие учительное»), уяўлялі з сябе зборнікі навук айцоў

¹ Лабынцев, Ю.А. В глубинном Полесье / Ю.А. Лабынцев. – Москва, 1989. – С. 108.

² Мосейчук, В. История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря. / В. Мосейчук. – Сергиев Посад, 2002. –С. 17.

³ Шматаў, В. Іканапіс Заходняга Палесся XVI-XIX стст. / В. Шматаў [і др.]. – Мінск, 2002. – С. 67.

⁴ Mironowicz, A. Biskupstwo Turowskie-Pińskie w XI–XVI wieku. / A. Mironowicz. – Białystok, 2011. –S. 264.

Царквы, прыдатныя і для падрыхтоўкі нядзельных казанняў, і для ўласнага пабожнага чытання манахаў і г.д.»¹.

Заметим, что в библиотеке монастыря, кроме богослужебных, были книги и для назидательного чтения: учительное Евангелие, Прологи, произведения Исаака Сирина и другие. Для своего времени библиотека была большой: насчитывала 34 рукописные книги. В течение XVII-XVIII веков библиотека значительно пополнилась печатными книгами на польском и латинском языках. Исследователь монастырской библиотеки Юрий Лаврик делит её историю на три этапа. Первый этап продолжался до середины XVII века. «Лешчанскія зборы гэтага часу камплектаваліся праз перапісанне манускрыптаў у самім манастыры і праз закупку. Пачатак 2-га этапу можна звязаць з 1668, калі манастыр стаў базыльянскім і, згодна з ордэнскімі прадпісаннямі, мусіў распачаць збіранне бібліятэкі, неабходнай для пастырскай працы, адукацыі і духоўнага самаўдасканалення манахаў. З гэтага часу, верагодна, адбываецца раздзяленне кніжнага фонду на літургічныя зборы пры цэрквах і ўласна манастырскую бібліятэку, якая хутка налічвала некалькі соцень тамоў. Камплектаванне фондаў вялося праз закупку літаратуры, атрыманне выданняў у падарунак або ў спадчыну па памерлых манахах. Гэты перыяд заканчваецца ў канцы 18 ст., калі ў складзе Расійскай імперыі грэка-каталіцкая царква пачала страчваць сваё прыярытэтнае становішча на карысць праваслаўнай. Трэці этап характарызуецца пэўным застоём у развіцці лешчанскіх кнігазбораў і заканчваецца ў 1839 са скасаваннем грэка-каталіцкай царквы ў Расійскай імперыі, ліквідацыяй манастыра і вывазам з яго бібліятэкі. На гэты час манастырская бібліятэка падзялялася на 2 кнігазборы агульнай колькасцю каля 300 тамоў. Першы быў прызначаны для адпраўлення набажэнстваў і змяшчаў літургічную і прапаведніцкую літаратуру (у адрозненне ад 16 – 1-й палавіны 17 ст. ў яго склад уваходзілі не толькі кірылічныя кнігі для служэння паводле грэка-візантыйскага абраду, але і выданні для лацінскага набажэнства). Другі кнігазбор складаўся пераважна з лацінскіх і польскіх кніг, якія былі патрэбны для духоўнага ўдасканалення, вучобы і навуковых заняткаў манахаў. Быў сістэматызаваны паводле прадметнай класіфікацыі і падзяляўся на раздзелы «Свяшчэннае пісанне», «Тэалагічныя кнігі», «Творы аратараў і паэтаў», «Прапаведніцкія творы», «Працы па аскетыцы», «Гістарычныя працы і жыцці святых гасподніх» і інш. У ім прысутнічала так сама літаратура свецкага характару. Далейшы лёс манастырскай бібліятэкі пасля скасавання манастыра да канца не высветлены»².

Иконопись Пинщины

Если начать разговор об иконописи, то, к сожалению, придется констатировать, что не дошли до нашего времени полесские иконы древнее XV века. С Лещинским монастырем связана загадочная и замечательная икона «Голубое Успение» XV века, ныне хранящаяся в Третьяковской галерее. Многие указывает на то, что эта икона «написана известным поствизантийским иконописцем Андреасом Рицосом (1422-1492), который продолжительное время жил в Венеции. Он был одним из мастеров поствизантийской школы, которую в Италии называли итальянско-греческой»³. К этой школе принадлежал иконописец Николас Ламбудис (родом из Спарты), написавший в середине XV века икону «Богоматери Умилении», хранящуюся сейчас в Музее старобелорусской культуры в Минске. «У мастацкім сэнсе іканапіс «залатога веку» знаходзіўся яшчэ цалкам у рэчышчы позневизантийскай і поствизантийскай традыцыі, аб гэтым сведчаць нешматлікія дайшоўшыя да нашага часу творы з Піншчыны: «Адзігітрыя Іерусалімскай», «Адзігітрыя Смаленская» з Дубянца, «Спас» і «Маці Божая» з-пад Дубровіцы»⁴.

Можно предположить, что после падения Константинополя в 1453 году меценаты Олельковичи пригласили художников, архитекторов и музыкантов из Византии, Балкан и Италии, многие из которых поселились на Пинщине. Искусствовед Надежда Высоцкая пишет об иконе «Одигитрии Иерусалимской», находящейся в пинской Варваринской церкви: «Па музычнасці ліній, вытанчанасці каларыту, складанай драматычнасці сюжэта гэты шэдэўр можна параўнаць толькі з тварэннем вялікага рускага ізографа XV-XVI стст. Дзіянісія»⁵. Некоторые искусствоведы замечают в

¹ Лаврык, Ю. Кнігазборы Пінскага Лешчынскага манастыра / Ю. Лаврык // Наша Вера. – 2007. – № 4. – С. 58-62.

² Лаўрык, Ю. Бібліятэка Пінскага Лешчанскага манастыра / Ю. Лаўрык // Культура Беларусі. Энцыклапедыя. – Мінск, 2010. – Т. 1. – С. 688.

³ Mironowicz, A. Biskupstwo Turowskie-Pińskie w XI–XVI wieku. / A. Mironowicz. Białystok, 2011. –S. 178.

⁴ Шматаў, В. Іканапіс Заходняга Палесся XVI-XIX стст. / В. Шматаў [і др.]. – Мінск, 2002. – С. 69.

⁵ Высоцкая, Н. Іканапіс Беларусі XV–XVIII стагоддзяў / Н. Высоцкая. – Мінск, 1994. –С. 8.

этой иконе, кроме очевидных византийских и южнославянских влияний, также и влияние Сиенской школы. Возможно, итальянка, королева Бона поселила в Пинске итальянских художников?

Значительное церковное строительство на Пинщине в XVI веке должно было вызвать расцвет иконописи, что и подтверждают археографические источники, в частности, описание Успенского храма Лещинского монастыря в инвентаре 1588 года. «В настоящее время в Пинском Полесье сохранилось несколько икон XVII века, которые местные жители связывают с именем святителя Димитрия Ростовского. Как правило, это большие по размеру иконы, писанные на полотне (например, икона Богородицы в селе Ставок), но большей частью – на доске. Эти иконы продолжают традиции древнерусской иконописи и заметно испытывают на себе южнорусское влияние»¹. Действительно, летом 1677 года Димитрий Ростовский побывал в Новодворском Успенском монастыре возле Пинска для поклонения Новодворской иконе Божией Матери, написанной, по преданию, святым Петром, митрополитом Московским. Несомненно, святитель посетил и окрестные монастыри: в Пинске, Купятичах и Дятловичах.

«В окрестностях Пинска были широко известны произведения другой школы [иконописи. – Авт.]. Условно называем её «столинской» от названия места первых находок такого типа. Их стиль напоминает способ рисования известных польско-украинских мастерских Рыботицких, однако отличаются большей деликатностью и лиризмом»². Наверно, эту школу лучше назвать давид-городокской.

Вообще полесская иконопись изучена слабо. На то есть объективные причины. «Ад XV – пачатку XVI ст. на Беларускам Палессі захаваліся высокамастацкія творы, але з прычыны малой колькасці і стылістычнай неаднароднасці яны не падуладны абагульняючаму аналізу»³. И очень сложно было бы сохранить древним иконам и рукописям. В 1648 году польские и в 1655 русские войска дотла сожгли Пинск. Наверно, крупнейшим центром иконописи, производства крестов и церковной утвари был Давид-Городок. Этнограф Исаак Сербов писал в начале XX века, что «на всём Полесье старинные кресты, иконы и чаши считаются давид-городокской работы»⁴.

Слабо изучена и полесская скульптура, очень мало сохранилось её образцов. Рядом с Лещинским монастырём на кургане Миндовга стояла часовня, внутри которой находилась чудотворная деревянная статуя Спасителя – одна из главных полесских святынь, наряду с иконой Купятицкой Божией Матери. Во время пожара, произведенного шведскими войсками Карла XII, часовня сгорела, но статуя Спасителя осталась невредимой и была перенесена в Успенскую церковь монастыря. Дальнейшая судьба статуи неизвестна. «Резчик Анания продолжал древнюю на Полесье традицию изготовления резных икон. Несомненно – то, что автор резного изображения Спасителя находится в тесной связи со школой священника Анания»⁵. О том, что на Пинщине существовала самобытная школа резной скульптуры, свидетельствует также и творчество мастера Иосифа Остапчика, создавшего в 1818 году скульптурный ансамбль в Николаевской церкви местечка Кожан-Городок.

«Руська мова»

Конечно, влиятельные пинские князья имели при себе канцелярии, в которых велась многочисленная документация по управлению княжеством. Документация велась на канцелярском языке или «русской мове», представляющем собой церковнославянский язык, насыщенный особенностями местных говоров. Филолог и историк Фёдор Климчук пишет: «Граматы канцелярыі вялікіх князёў літоўскіх даследаваў нарвежскі вучоны Х. Станг. Сярод гэтых помнікаў ён выдзеліў групу, якую можна ўмоўна назваць палескай у шырокім сэнсе. Мове гэтай групы не ўласцівы ні тыповыя беларускія, ні тыповыя ўкраінскія рысы. Яна арыентавана на сітуацыю ў паўднёвай Беларусі і паўночнай Украіне, інакш, на Палессі ў шырокім сэнсе. Да «палескай» групы помнікаў адносіцца частка грамат вялікіх князёў літоўскіх: Вітаўта Кейстутавіча (1392-1432; 2 граматы з 7), Свідрыгайла Альгердавіча 1430-1432; 5 грамат з 16); Жыгімонта Кейстутавіча (1432-1440; 2 граматы),

¹ Мосейчук, В. История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря. / В. Мосейчук. – Сергиев Посад, 2002. – С. 96.

² Chadyka, J. Kulturotwórcza rola Unii Brzeskiej na Białorusi / J. Chadyka // Unia Brzeska z Perspektywy czterech stulec. Lublin, 1998. – S. 176.

³ Шматаў, В. Ікананіс Заходняга Палесся XVI-XIX стст. / В. Шматаў [і др.]. – Мінск, 2002. – С. 88.

⁴ Сербов, И. Поездки по Полесью 1911 и 1912 годы / И. Сербов. – Вильна, 1914. – С. 47.

⁵ Мосейчук, В. История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря. / В. Мосейчук. – Сергиев Посад, 2002. – С. 98.

Казіміра Ягайлавіча (1440-1492; 5 ці 8 грамат з 20), Аляксандра Казіміравіча (1492-1506; чвэрць усіх грамат), Жыгімонта I Старога (1506-1548; чвэрць усіх грамат)»¹.

Украинский филолог Виктор Мойсиенко приводит убедительные аргументы того, что на формирование канцелярского языка ВКЛ решающее влияние оказал его полесский вариант: «Древнерусский язык в период становления его как официального в ВКЛ из черт живого языка вобрал в себя наибольшее количество полесских особенностей»². Похоже на то, что этот язык формировался, прежде всего, в канцеляриях Олельковичей и Ярославичей в Киеве, Пинске, Слуцке и др.

«Нядзіўна, што да нашых часоў дайшло шмат актавых матэрыялаў, лістоў, грамат, рукапісаў пінскага паходжаньня, а таксама кірылічныя зводы царкоўнага права: Уставы князеў Яраславічаў XV ст., «Світкі вялікага князя Яраслава» XV-XVI стст. (фактычна новыя помнікі, прыпісаныя знакамітаму кіеўскаму князю), Номаканоны ці Кормчыя (у перекладзе з грэцкай мовы – Закона-правіла, або Кніга «Зонара»). Адзін з такіх рукапісаў захаваўся ў бібліятэцы Акадэміі навук Літвы ў добрым стане»³.

Писцовые книги

Замечательными памятниками полесской книжности являются фундаментальные статистические труды-обозрения: «Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств», составленная пинским старостой Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 годах, а также «Писцовая книга бывшего Пинского староства», составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 годах пинским и кобринским старостой Лаврином Войной. С этих книг можно начинать развитие статистической науки в нашей стране. Они являются очень ценными источниками для исследований экономической истории, исторической географии, этнографии и ономастики Полесья. Оба пинских старосты Хвальчевский и Война были фанатичными католиками, поэтому писцовые книги написаны не на «руській мове», а на польском языке. В Пинске начала развиваться тогда и католическая культура. Под Пинском, в селе Могильна, родился интересный польский поэт, автор шести поэтических книг Ян Протасович (?- после 1608), который последние годы жизни, по мнению некоторых исследователей, провел в своем пинском имении.

Музыкальная культура в средневековом Пинске

Время правления Олельковичей и Ярославичей смело можно назвать золотым веком православной культуры. По количеству православных святынь (14 церквей и 3 монастыря) с Пинском в ВКЛ могли сравниться только столичная Вильна и Витебск. Князь Федор Ярославич завещал Пинское княжество королю Сигизмунду, а тот, в свою очередь, передал его жене – королеве Боне. С 1523 года позиции православия начинают ослабевать: не строятся новые церкви. Вследствие чего, по ревизии 1566 года, среди жителей Пинска не находим ни одного иконописца и художника. Но есть там 6 золотарей (ювелиров), а музыкантов и скоморохов – 5 (Дудер Иван, Епишка Музычич, Семен Скоморох, Дудзич Богдан, Труско Баламут). Наиболее популярным инструментом в средневековье была дуда, что мы и видим в указанном списке. Пропагандистами-исполнителями народного творчества были скоморохи.

Конечно, уделялось большое внимание и церковному пению. Так, в 1601 году Богдан Онисимович, «спевак родом из Пинска», написал знаменитый Супрасльский Ирмолой (церковная книга, содержащая тексты, которые поются во время литургии). Он был не монахом, а вольнонаемным хористом, отличавшимся совершенным мастерством писца, высоким уровнем музыкально-теоретических знаний и художественным талантом (страницы Ирмолая украшены рисунками и орнаментами). Ирмолой записан не традиционными «круками» (древний нелинейный способ записи нот), а европейскими квадратными нотами. «О высоком уровне развития церковной музыкальной культуры на территории Турово-Пинской епархии свидетельствует тот факт, что автором второго Супрасльского Ирмолая (1638-1639 гг.) был Фёдор Семенович из Бережного с Подгория, то есть из Подгорынья»⁴.

¹ Клімчук, Ф.Д. Старадаўняя пісьменнасць і палескія гаворкі / Ф.Д. Клімчук // Беларуская лінгвістыка. – 2001. – Вып. 50. – С.24.

² Мойсиенко, В. Этноязыковая принадлежность «руській мовы» во времена Великого Княжества Литовского / В. Мойсиенко // Славяноведение. – 2007. – № 5. – С. 62.

³ Галенчанка, Г. Культурнае жыццё. 3 гісторыі духоўнай (прафесійнай) культуры / Г. Галенчанка // Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці / А.М. Літвін [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 209, 210.

⁴ Mironowicz, A. Biskupstwo Turowskie-Pińskie w XI–XVI wieku. / A. Mironowicz. – Białystok, 2011. –S. 184.

Игумен Дубойского и Купятичского монастырей Афанасий Филиппович в своем дневнике поместил гимнообразный кант «Даруй покой церкви своей» с нотами. Это один из наиболее ранних образцов дошедших до нас нотных записей. Большое внимание музыкальному искусству уделяло и католическое духовенство. Первое документальное упоминание об органе в пинском костеле относится к XVI веку, хотя он мог быть установлен и раньше.

Пинское Богоявленское братство

Во второй половине XVI века позиции православия на Пинщине еще были сильны и высок уровень православной культуры. Поэтому, в то время родилось и трудилось на Пинщине большое количество выдающихся религиозных деятелей: митрополит Макарий (?-1556), митрополит Иона Протасевич (?-1577), писатель и издатель Елисей Плетенецкий (1550-1624), проповедник Леонтий Карпович (1579/1580-1620), святой Макарий Каневский (1605?-1678), писатель-публицист Афанасий Филиппович (1597-1648), писатель-богослов и издатель Епифаний Славинецкий (?-1657), писатель-богослов Иоанникий Галятовский (?-1688), митрополит Иосиф Нелюбович-Тукальский (?-1675), ректор Московской славяно-греко-латинской академии и архиепископ Архангелогородский Герман Концевич (?- 1735), его брат, проповедник и игумен Игнатий Концевич (1695-1753) и другие.

На рубеже XVI–XVII столетий Пинск оказался в эпицентре религиозной борьбы. Одним из главных организаторов Брестской церковной унии был богатый пинский шляхтич Кирилл Терлецкий (? -1607). Унию поддержал и пинский православный епископ Леонтий Пельчицкий (?-1595). Однако пинские священнослужители и мещане в большинстве своём не поддержали унию. Это можно объяснить сильным влиянием здесь главных православных центров ВКЛ: Киева и Вильны. Неслучайно все пинские Олельковичи и Ярославичи похоронены в Киево-Печерской Лавре. Кроме того, в момент подписания унии в 1596 году архимандритом Лещинского монастыря был просветитель и ярый защитник православия Елисей Плетенецкий. Представители от Пинска – архимандрит Елисей, мещанин Иван Васильевич Медзянко, от Пинского уезда – дворянин Дионисий Слобудский – были активными участниками православного Брестского собора. И хотя греко-католикам были переданы пинские церкви и Лещинский монастырь, православные не сдавались: ими были основаны на Пинщине четыре монастыря (в Новом Дворе (1608), в Пинске на Полозовщине (около 1614 г.), Дятловичах (1622) и Купятичах (1628)). В последнем хранилась главная полесская святыня – чудотворная икона Божией Матери, изображенная в кресте (энколпион). В Купятичском монастыре была и богатая библиотека. Сейчас в Киеве хранятся два Евангелия из неё, напечатанные Киевской братской типографией в 1644 году. Киево-Печерская Лавра тогда поддерживала активно православие на Пинщине, здесь у неё был свой форпост – Дятловичский Свято-Преображенский монастырь, находившийся в непосредственном её подчинении.

Важными центрами борьбы за православную культуру в ВКЛ являлись братства и братские школы, которые стали появляться в ВКЛ во второй половине XVI века. Историк Георгий Голенченко пишет: «У самім Пінску аформілася брацтва пры праваслаўнай царкве св. Феодара. З 1633 г. тое ж брацтва абзавялося новай «Богаяўленскай царквой» і стала іменавацца «богаяўленскім». Брацтвы абапіраліся пераважна на праваслаўнае мяшчанства, духавенства, некаторыя слаі шляхты, інакш кажучы, юрыдычна яны былі шырокасаслоўнымі арганізацыямі і ставілі сваёй мэтай падтрымку праваслаўнай царквы і веры ў новых палітычных умовах Рэчы Паспалітай, школьнай, асветніцкай дзейнасці, культурных, у тым ліку моўных традыцый»¹. Наиболее вероятно, что православное братство появилось в Пинске в конце XVI века. Известный историк церкви Константин Харлампович писал: «В Пинске школа существовала еще до учреждения братства, находясь под патронатом мещан, которые нанимали учителей. Но 21 августа 1631 г. школа эта, по велению пинского униатского епископа Григория и пинской капитулы, была отнята возным у православных вместе с церковью св. Феодора, при которой она состояла. В момент отнятия училища в нем находились несколько десятков «хлопят» и бакалавр Афанасий Стрелецкий. Последний раньше преподавал в Могилеве начатки латыни, можно поэтому думать, что и в Пинске изучался латинский язык. Из донесения возного об отнятии у пинских мещан церкви и школы можно видеть, что ученики собирались по звонку: возный нашел «звонов на звонницы 5, а шостый збиты у школи»»².

¹ Галенчанка, Г. З гісторыі царкоўна-рэлігійных адносін на Піншчыне у XVI–XVII стст. / Г. Галенчанка // Навукова-практычная канферэнцыя, прысвечаная 900-годдзю Пінска. – Пінск, 1997. – С. 15.

² Харлампович, К. Западнорусские православные школы / К. Харлампович. – Казань, 1898. – С. 368.

«Брацтва карысталася правам стаўрапігіі, атрыманым ад канстанцінопальскага патрыярха. Яно мела свой статут, згодна з якім члены брацтва павінны былі рэгулярна наведваць богаслужэнні, утрымліваць прытулак для хворых і састарэлых, школу, клапаціцца аб дзецях і ўдовах памерлых братчыкаў. Казна брацтва папаўнялася за кошт узносаў яго членаў. У склад брацтва ўваходзілі ўсе прадстаўнікі гарадскога самакіравання, значная частка пінскіх купцоў і багатых рамеснікаў, мясцовай шляхты. Яны рабілі ахвяраванні ў выглядзе зямельных надзелаў, дамоў, грашовых сум, аказывалі значную падтрымку праваслаўным цэрквам і манастырам, што надавала брацтву значную грамадскую вагу»¹. В 1633 году члены пінскага братства добіліся у польскага караля Владыслава IV разрэшэння на аснове пры Богоявленском манастыре школы, семинарыі і больницы. Константинопольскі патрыярх даў на гэты благасловенне. В 1640 году княгіня Раіна Соломерецкая (1606?-1645?), якая была таксама наследніцай всех багатств магнатскага рода Гойскіх, падарыла пінскаму братству значныя зямельныя ўгоддзя. Учываючы, што княгіня перад гэтым в сваём родовам волынском владенні – гораде Гоша – стварыла высшую праваслаўную школу с очень высокім узроўнем преподавання, можна прадпачыць, што такія жэ замыслы у нее былі і адносна пінскай школы. Но скорая смерць меценаткі і казацкія войны сталі прэградай гэтому. Вскоре пасле 1648 года, калі весь Пінск быў сожжэн, школу востанавілі.

Для начальнага аучэння учыцеля (дыдакалы) іспользавалі Псалтырь, Часослов і букварі. Учэбнае заведэнне было сярэднім, а не нізшым, паскольку в нем преподавалі сямь свабодных наук: граматыку, риторыку, дыялектыку, арыфметыку, геаметрыю, астрономію і музыку. На ўроках риторыкі учыніков аучылі саставляць і чытаць проповеді, на ўроках дыялектыкі – весті спор, саставляць сільлогізмы. Заняття па музыке сводзіліся к царковным песнопенням. В школе быў хор, каторым рукаводіў рэгент. Кроме того, ізучалі русскі, царковнослаўянскі, польскі, грэцкы і латынскы языкі. Прычём узровень преподавання быў доволна высок. Так, курс дыялектыкі строіўся на прадзвешчаннях Платона, Арыстотеля, Цицерона, Сенека і Эпікура. Курс астрономіі асновывался на устаревшей птоломеевской геацэнтрычэскай сістэме пастроення міра. І всё жэ школа выдэржывала канкуренцыю с месчным іезуітскым коллегіумам. Не без помашчч гэтых канкуренціа 21 сентября 1665 года школа была закрыта, а ёе багатая бібліатэка сожжэна. Преподаватели былі ізгнаны із горада, более трэхсот аучащыхся удалены із Пінска, а лухшыя взяты в іезуітскы коллегіум.

Богоявленскі манастыр і ёго бібліатэка

Оплотом праваславія на Полесье і в XVIII веке оставался Пінскы Богоявленскы манастыр. Пры нём сущэствовало на протяжэнні всего века братство, каторое сoderжало і школу.

Украінскы історык-археаграф Юрыі Мыцьк обнаружыл апісанне манастыря², саставленнае в 1757 году ёго настоятэлем Феофаном Яворскым: «(...) в Богоявленском манастыре была тогда большая дэрэвянная пятікупольная царковь, пастроенная в форме креста, в чэсть Богоявлєнія. Царковь была покрьта гонтом, но ёе крыша сільно протэкала. Большое кладбішчэ было обнесено забором, каторыі уже начінал валіться. В город вела брама, над каторой возвышалась колокольня. Со стороны кладбішчя стояла другая брама, на гэтых воротах былі нарисованы свв. Антоній і Феоdosій Печерскыі, а на дэрэях св. архістратіг Міхаіл. Посередине манастыря стояла дэрэвянная трапезная с храмом св. Николая-угодніка. Тут жэ – келія ігумена і келіі братіі, крытыя гонтом, каторыі былі уже старым і поэтому протэкал. На крыльце висел малый колокол, былі і настєнные часы. (...) В Богоявленском храме было два прідєла: с правой стороны Благовещєнія Прєсвятой Богородицы, в катором на престоле находілся антиминос киевского митрополита в 1747–1767 гг. Тимофея Щербаккого, а с левой – св. Иоанна Прєдтечи, в катором на престоле находілся антиминос киевского митрополита в 1731–1747 гг. Рафаіла Заборовского. Иконостас был очень старый. (...) Описанне кнйг, прівєденное саставителем справкы, стоит прівєстн полносцью:

«Кнйгы:

Служєбннкы чотыры

Акафистов два

Трафолой єдин

Апостолов два

¹ Дзянісава, А. Манастыры Турава-Пінскай єпархіі ва ўмовах антўўніяцкай барацьбы праваслаўнага насельніцтва ў канцы XVI–XVII ст. / А. Дзянісава // Беларускі Гістарычны Часопіс. – 2012. – № 4. – С. 31.

² Інстытут рукопсєй Наніональнай бібліатэкаы Україны. – Фонд 160. – Д. 944. – Л. 10-14об.

Требников великих три, а един малий
Библия една
Вінец книга една
Книга Номоканон болшая писанная
Книга «Мир с Б(о)гом»
Уставов един
Книга артикул една
Книга Слово на праздники
Триодей постних дві
Триодь цвітная одна
Миней московской печати одинадцять, а дванадцятий місяць в двох книгах
Прологов чотири
Ирмолаев чотири
Пролог старий вкратці на місяцей шесть
Евангелий страстных дві, а третое в новь прибуло
Часословов старих два, а новий третий
Октоих еден, а другий ветхий ит на двое розділений
Псалтир една весма ветха Миней писанных седм.

В нов прибуло:

Повечерник писаний
Номоканон четвертковий лвовской печати
Община писаная
Псалтир слідованная новая
Канон воскресенский и всю світлую седмицу
Правилник один».

Следует сказать, что набор книг был ограничен в основном практическими потребностями богослужения. Из дополнительной литературы можно отметить, разве что, выдающееся богословское произведение архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля «Мир с Богом человеку» (К., 1669; 2-е изд. – 1671), которое, между прочим, было осуждено в 1690 г. московским патриархом Иоакимом¹. Через 65 лет в библиотеке было уже около 130 книг:

Опись находящихся в Пинском первоклассном Богоявленском Монастыре книг в богослужении употребляемых и для чтения служащих, учинена 1823 года Ноября 28 дня Книги, поступившие из бывшей Уницкой катедры

Евангелие старинное Ветхое, оправленное в зеленый бархат с редким серебряным окладом – 1
Триодь постная, оправленная в черную кожу – 1
Октоих ветхий, оправленный в черную кожу – 1
Миней месячных в шести книгах, оправленных в черную кожу – 1
Акафистик, оправлен в крашенную (?) кожу – 1
Ирмолай Нотный, оправленный в черную кожу – 1
Книги, поступившие из бывшего Пинского Богоявленского монастыря
Евангелие оправленное в серебро суто подзлащенное – 1
Евангелие оправленное в зеленый бархат с штунами серебряными подзлащенными – 1
Евангелие оправленное в синий плис в серебряном подзлащенном окладе – 1
Евангелие учительское воскресное, оправленное в серую кожу – 1
Евангелие старинное, оправленное в зеленый бархат с штунами серебряными подзлащенными – 1
Апостол оправлен в черную кожу – 1
Триодь постная, оправленная в серую кожу – 1
Триодь постная, оправленная в кожу серую – 1
Триодь постная, оправленная в красную кожу – 1
Триодь постная, оправленная в черную кожу – 1
О церкви и таинствах, оправлена в серую краплястую (?) кожу – 1
Триодь цветная, оправлен в краплястую кожу – 1
Триодь цветная, оправлена в серую кожу – 1
Октоих на восем гласов в 2-х книгах, оправлен в серую кожу – 1

¹ Мицик, Ю. Albaruthenica. Студії з історії Білорусі / Ю. Мицик. – Київ, 2009. – С. 264-265.

Октоих о семи гласов в двух книгах, оправлен в серую кожу – 1
 Псалтырь следованный, оправлен в серую кожу – 1
 Псалтырь следованный, оправлен в черную кожу – 1
 Часослов, оправлен в серую кожу – 1
 Месячных Миней в 11-и книгах, оправленных в красную кожу – 1
 Общих Миней две книги, оправлены в серую кожу – 1
 Требник, оправлен в серую кожу – 1
 Требник, оправлен в серую кожу – 1
 Требник большой, оправлен в серую кожу – 1
 Служебник оправлен в серую кожу – 1
 Книга Евангелий Страстных, оправлен в черную бумагу – 1
 Прологов Кругов два в 8-ми книгах, оправлена в серую кожу – 1
 Книга венец Христовых в бумажной оправе – 1
 Книга Симфоний или Согласие на Богодухновенную книгу псалмов давидовых, оправлена в серую кожу – 1
 Розыск органической веры, оправлен в серую кожу – 1
 Книг 3-и Кирилла Архиепископа Иерусалимского поучений, две в бумажном переплете, а 3 в серой коже – 1
 Книга огородов слов поучительных, в бумажном переплете – 1
 Беседа Иоанна Златоуста о покаянии, оправлен в серую кожу – 1
 Толкование Священного Евангелия Блаженного Феофилакта, оправлен в серую кожу – 1
 Книг 4-и Молебных пений, оправлен в серую кожу – 1
 Книг три панихидных по Государях Императорах, оправлен в бумагу – 1
 Ирмолой, оправлен в серую кожу – 1
 Акафистчик, оправлен в серую кожу – 1
 Требник в осьмуху, оправлен в черную кожу – 1
Книги, привезенные из бывшего Минского Монастыря
 Беседы Иоанна Златоуста на 14-ть посланий, оправлены в серую кожу – 1
 Слов избранных из проповедей Златоустого, часть 1-ая и 2-я , оправлены в серую кожу – 1
 Беседы Златоустого на Иоанна Евангелиста, оправлена в кожу на подобие французской – 1
 Краткое поучение, оправлена в серую кожу – 1
 Беседы на Матвея книг две, оправлены в серую кожу – 1
 Толкование на псалтырь в 3-х книгах, оправлен в кожу накраплястую – 1
 Поучительных слов и бесед Златоустого Книг 2-е, оправлены в серую кожу – 1
 Беседы Василия Великого книга 1-я и 2-я оправлена в кожу на подобие французской – 1
 Четьи Миней в 4-х книгах, оправлены две в серую кожу, 3-я в черную, а 4-я в досках – 1
 Толкование Гавриила Митрополита Новгородского на Соборное послание, оправлено в серую кожу – 1
 Беседы Златоустого на бытие часть 1-я, оправлена в серую кожу – 1
 Служебник оправлен в кожу на подобие французской – 1
 1-й и 2-й Игнатия Богоносца, оправлен в серую накраплястую кожу – 1
 Требник, оправлен в красную кожу – 1
 Макарий Египетский, оправлен в красную кожу – 1
 О должности христианина, оправлен в серую накраплястую кожу – 1
 Служебник, оправлен в кожу на подобие французской – 1
 Ирмолай, оправлен в кожу на подобие французской – 1
 Служебник, оправлен в красную кожу – 1
Книги вновь поступившие
 Библия в 4-х частях в кожу накраплястую – 1
 Поучительные слова Святого Василия Селевкийского, оправлен в кожу накраплястую – 1
 Толкование Иоанна Златоустого на послание к Коринфянам
 Святого Апостола Павла, оправлен в накраплястую кожу – 1
 Толкование Иоанна Златоустого на послание к Римлянам и [неразборчиво]
 Святого Апостола Павла, оправлен в накраплястую кожу – 1
 Поучительные слова Василия Селевкийского, оправлен в накраплястую кожу – 1
 Толкование на псалтырь в 2-х книгах, оправлен в накраплястую кожу – 1
 Толкование Иоанна Златоустого на двадцать Пророков в 4-х частях,

оправлен в кожу накраплястую – 1
Изъяснение на Литургию, оправлен в кожу на подобие французской – 1
Христианское Богословие, оправлен в серую бумагу – 1
Краткое руководство к чтению книг, оправлен в кожу накраплястую – 1
История об Унии, оправлен в кожу накраплястую – 1
Апостол, оправлен в кожу красносерую – 1
Благодарственное Молебствование в 2-х экземплярах, оправлен в разноцветную бумагу – 1
Служба Святому Пророку Захарии и Святой Елисавете, оправлен в кожу накраплястую – 1
Последование на Рождество Христово 2-а Экземпляра, оправлен в красную и синию бумагу – 1
Избранные Сочинения Святого Киприана, оправлен в бумагу накраплястую – 1
Доклад Комитета усовершенствования Духовных Училищ, оправлен в серую бумагу – 1
Толкование на пророка Даниила, оправлен в кожу на подобие французской – 1
История Российской Иерархии в двух томах, оправлен в серую кожу – 1
Тайные Истории часть 3-я, оправлен в серую кожу – 1
Тайные Истории часть 4-я, оправлен в серую кожу – 1
Тайные Истории часть 5-я, оправлен в серую кожу – 1
Тайные Истории часть 6-я, в двух томах, оправлен в серую кожу – 1
Собрание поучительных слов Митрополита Амвросия в 3-х томах, оправлен на подобие французской в серую кожу – 1
Ответ Преосвященного Никифора на вопросы Старообрядцев в бумажном переплете и корешком серой кожи – 1
Взаимение должности общего монашеского жития, оправлен в синию бумагу с корешком серой кожи – 1
Исторические рассуждения о чинах Грекороссийской Церкви, в бумажном желтом переплете – 1
Собрание поучений сочиненных в Санкт Петербургской Духовной Академии студентами Святого отца Максима о любви в бумажном синем переплете – 1
Последование на день Св-й Пасхи и на всю Святую Седмицу, оправлен в красную и серую подмок (?) – 1
Ответ о красноречии проповедников, оправлен в синию бумагу – 1
Четыре Слова оглашенных Иеромонах Никифора Феодосия к Монахам в синем бумажном переплете – 1
Способ избавления от оспенной заразы, оправлен в синию бумагу – 1
Регистр обязываемых поминовений по великих Государях Императорах и Царях – 1
Содержание или изъяснительное описание Литургии в тетради – 1
Исторические рассуждения о чинах Грекороссийской Церкви в тетрадь – 1
Исторические рассуждения о древнем христианском богослужебном пении и российской Церкви в тетради – 1
Пастырское извещение о прививании моровой оспы в тетради – 1
Первое Слово на тезоименство Императора Александра I, сочиненное Феофилактом Епископом Калужским в бумажном переплете – 1
Второе слово Епископа Феофилакта, говоренное в день Алексея Человека Божьего, в бумажном переплете – 1
Третье слово на рождение великой Княжны Елисаветы Александровны в тетради – 1
Четвертое слово Наумовские [неразборчиво] в бумагах – 1
Пятое слово, в день Вознесения Господня, в бумажном переплете – 1
Шестое, на день вступления на престол Государя Императора в тетради – 1
Триодь цветная, оправлена в красную кожу – 1
Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни, оправлено в серую кожу – 1
Простое нотное пение Литургии Златоустого в тетради – 1
Краткое наставление о лечении болезней от разных ядов в бумажном переплете – 1
Ответ кратких исторических повествований о древностях христианских, оправлен в синию бумагу – 1
К Римлянам послание Святого Апостола Павла с толкованием в бумажном переплете – 1
Служебник, оправлен в красную кожу – 1
Ирмолайчик, оправлен в черную кожу – 1
Повечерник, оправлен в черную кожу – 1

Варварчик в бумажном переплете – 1
Толкование на соборное послание, оправлен в синию бумагу – 1
Толкование Воскресных Апостолов, оправлен в кожу на подобие французской – 1
Слова Макария Египетского в бумажном переплете – 1
Сокровище Сладчайших утешений, оправлен в кожу накрапляющую – 1
Георгия Кедрина, оправлен в кожу на подобие французской – 1
Григория Назианзина, оправлен в кожу на подобие французской – 1
Добротолюбие или словеса и Главизны Священного трезвения, оправлен в кожу на подобие французской – 1

Архимандрит Лазарь¹

Церковная уния и культура

У православных среди пинских униатов были достойные соперники, неординарные личности: епископы Леонтий Пельчинский (?-1600), Иона Гоголь (?-1602), Григорий Лис-Михаловский (?-1632), Рафаил Корсак (около 1595-1640), Пахомий Война (?-1653), Георгий Булгак (?- 1769?), Иоаким Горбацкий и Иосафат Булгак (1758-1838). Один из главных деятелей унии Иона Гоголь, вероятно, являлся предком великого русского писателя Николая Гоголя. Епископ Григорий Лис-Михаловский имел богатую библиотеку из 59 руських и польских книг, 39 латинских. Среди них – «Кройники княжества Литовского», «Право саске», «Статут московский», «Книжка о едности православия», «Юстификация невинности» (сочинение Мелентия Смотрицкого), «Быблей две словенских острожских» и другие. Рафаил Корсак, став митрополитом, написал первую биографию греко-католического митрополита Иосифа Рутского. Пахомий Война написал книгу «Зеркало», направленную против произведения Касьяна Саковича «Епанортозис или Перспектива». Епископ Георгий Булгак – автор трудов по теологии: «Библия руськая» (Супрасль, 1743) и других. Иосафат Булгак известен как последний в Российской империи греко-католический митрополит.

Архимандритом Лещинского базилианского монастыря одно время был Киприан Жоховский (1635?-1693) – духовный писатель, в будущем греко-католический митрополит. Монахи-базилиане Лещинского монастыря продолжали давние монастырские традиции: переписывание древних книг и рукописей. Так, в 1634 году базилианский монах Никодим переписал «Кормчую» (сборник христианского и церковного права) по приказу настоятеля Лещинского монастыря и известного писателя Иоанна Дубовича (?-1646). С 1821 по 1827 год настоятелем Лещинского монастыря был известный астроном, бывший преподаватель Виленского университета Цезарий Каменский (1765-1827).

Известно, что в конце XVII века в Пинске было две униатские школы: одна – городская, а другая – базилианская. В городской школе преподавали греко-католические священники. Поэтому она давала не очень высокий уровень образования², в отличие от базилианских, в которых преподавали выпускники иезуитских коллегий. Возможно, пинская базилианская школа располагалась в помещениях Лещинского монастыря. Эта школа существовала ещё в начале XIX века. Так, визитатор Лещинского монастыря в 1805 году отметил низкий уровень преподавания в монастырской школе³. Историк Владимир Поссе пишет: «Базіліянскія школы цалкам успрынялі езуіцкую арганізацыю, сістэму і змест навучання і выхавання. Адзіным істотным адрозненнем у іх было тое, што базіліянскія настаўнікі некалькі больш, чым езуіты, удзялялі ўвагу выкладанню на роднай для вучняў мове. Ва ўмовах заняпаду праваслаўных брацкіх школ гэты факт меў станоўчае значэнне. Асноўны кантынгент вучняў у базіліянскіх школах складалі дзеці дробнапамеснай беларускай шляхты і гараджан, што прынялі унію»⁴.

Пинские греко-католические епископы в конце XVIII века имели великолепную библиотеку (в неё вошла библиотека ликвидированного иезуитского коллегия) и богатый архив. Архимандрит Анатолий писал: «Удаляясь на покой, Горбацкий сдал весь архив пинско-туровских епископов в библиотеку Бытенского монастыря на хранение. Но в 1837 году пожар в монастыре истребил Бытенскую библиотеку, в пожаре погиб и архив пинско-туровских епископов. Мне удалось только рассмотреть опись этого архива, случайно сохранившуюся. Из описи можно только узнать, какие

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 6472. – Л. 63-66.

² Харлампович, К. Западнорусские православные школы / К. Харлампович. – Казань, 1898. – С. 514.

³ НИАБГ. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 45. Лісейчыкаў, Д. Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720-1839 гг. / Д. Лісейчыкаў. – Мінск, 2011. – С. 43.

⁴ Пасэ, У. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі ў другой палавіне XVII і XVIII стагоддзяў / У. Пасэ // Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мінск, 1968. – С. 85.

драгоценные материалы для истории погибли невосвратно»¹. Из вышеприведённого описания библиотеки Богоявленского монастыря видно, что в ней хранилось шесть книг из библиотеки пинских греко-католических епископов.

Более чем два века деятельности греко-католической церкви на Полесье наложили свой отпечаток и на местную иконопись: краски на иконах стали более яркими, а сама живопись барочной и более реалистичной. Исследователь иконописи Василий Пуцко пишет: «Оригинальность новой белорусской и украинской иконе, думается, придаёт прежде всего фольклоризация образа, ставшая постоянной спутницей накатывающейся волны западных воздействий. Последние не могли совершенно вытеснить византийскую иконографию. Однако они её радикально видоизменили в процессе стилистической переработки, с оглядкой на книжную гравюру, европейскую в своей основе – остальное довершили условия демократической среды с её тяготением к фольклорной интерпретации классического образца»². «На Пинщине складывается своеобразная традиция украшать иконы рельефной чеканкой. В храмах, рядом с образами, появляются картины на полотне – свидетельство отсутствия понимания назначения иконы»³. К сожалению, многие памятники культуры униатов были уничтожены после 1839 года, когда уния была ликвидирована.

Варваринский монастырь

Православный Варваринский женский монастырь (на горе под замком города) известен с 1520 года, когда пинский князь Фёдор Иванович Ярославич и его жена отписали обители несколько деревень. Хотя существуют предания, что обитель основана при первых пинских князьях (XII или XIII век). Вероятно, что в 1600 году монастырь стал униатским – сестёр базилианок. «Акрамя манаскіх келляў у афіцыне быў арганізаваны ў канцы XVIII ст. пансіён, дзе маглі жыць пад апекай кляштара жанчыны, якія ўносілі за гэта пэўную плату. Існавала пры кляштары і школа для дзяўчат, частка з якіх навучалася бясплатна, за кошт ахвяраванняў»⁴. В начале XIX века эта школа для девочек ещё существовала. В монастыре была и небольшая библиотека: согласно визитации Пасхазия Лещинского (1814 г.) она насчитывала всего 46 книг.

В 1839 году монастырь снова стал православным. Через десять лет его ликвидировали. В 1855 году его восстановили, переведя в Пинск монашек из Слуцка. Через три года обитель разместилась в комплексе бывшего Пинского монастыря бернардинцев. В 1874 году монашки были переведены в Минский Спасо-Преображенский монастырь, куда и перевезли святыни пинского монастыря, о которых писал А. Хвалебников в своей книге о минской обители: «(...) в придельном алтаре храма находился очень древний напрестольный серебряный вызолоченный крест. Над этим распятием, в рост, была изображена св. великомученица Варвара. Монограмма на кресте гласила: «... сей крест роблен 1644 ... до церкви святой великомученицы Варвары в богоспасаемом месте Пинску, при монастыре девическом...» на нижней части креста надпись «Работы Божия игуменой того же монастыря Евфросинии Тризнянки», т.е. дочери Тризны. Пинское происхождение имели, вероятно, и две древние иконы: св. Варвары и св. Илии, которые до революции находились в Минском Спасо-Преображенском монастыре»⁵.

Иезуитский коллегиум

В 1540 году испанский дворянин, фанатик веры Игнатий де Лойола создал Общество Иисуса. Главной целью нового монашеского ордена стало не замалывание своих и чужих грехов, не помощь бедным и страждущим, а спасение католической церкви пред угрозой Реформации и турецкой опасности, а также расширение сфер влияния Рима. Основным средством достижения указанной цели иезуиты считали активную миссионерскую деятельность через создание лучших учебных заведений. Пинский краевед Эдуард Злобин так характеризует педагогическую систему иезуитов: «Система образования у иезуитов была уникальна и прогрессивна для своего времени. Еще

¹ Воспоминание о древнем православии Западной Руси. – Москва, 1867. – С. 54-55.

² Пуцко, В. Белорусская иконопись XVI-XVIII вв. на путях европизации и фольклоризации / В. Пуцко // Белорусский сборник. – Спб., 2005. – Вып. 3. – С. 46.

³ Костюк, В. (о. Василий) Очерки по истории Православия в Пинском Полесье (X – XVIII вв.) / В. Костюк // Запіскі Культурна-гістарычнай Калегіі імя Канстанціна Астрожскага. – Брэст, 2002. – С. 87.

⁴ Скеп'ян, А. Царква і канфесійнае жыццё / А. Скеп'ян // Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці. – Мінск, 2012. – С. 247.

⁵ Хвалебников, А. Минский Спасо-Преображенский первоклассный монастырь / А. Хвалебников. – Минск, 1899. – С. 18.

в середине XVI века при поддержке Игнация Лойолы, первого генерала иезуитов, родилось новшество в системе образования – появление школьной программы. Первая типовая университетская программа была составлена иезуитами в Риме в 1586 г. Была введена строжайшая регламентация учебного процесса, записи лекций профессора просматривались начальством, без разрешения которого нельзя было упоминать о том, что не фиксировалось программой. Еще одна находка иезуитов: образованием можно управлять. Поэтому привлекательность иезуитского образования заключалось в том, что, во-первых, учиться стало легче, студент получал отличное образование (при этом был избавлен от необходимости самому выбирать предметы, преподавателей); во-вторых, иезуиты первыми отказались от телесных наказаний и стали употреблять в качестве стимула награды и отличия. Методы преподавания были рассчитаны на то, чтобы поощрять дух соперничества. В учебном году коллегиума было всего 190 дней. Запрещалось заниматься более 2 часов подряд, поэтому программы, в которые входили классические и новые языки, логика и философия, осваивались учениками гораздо успешнее, чем в других школах. Иезуиты также настаивали на бесплатности образования»¹.

Как уже говорилось, в начале XVII века позиции православия на Пинщине были сильны, поэтому не случайно здесь появились иезуиты. В 1623 году пинский стольник Николай Ельский пригласил в город иезуитов, а в 1630 пожаловал им собственный дом и построил деревянный костел. В 1635 году пинский староста Альбрехт Радзивилл заложил огромный каменный костел св. Станислава (освящен в 1646 г.), а в 1634 с его помощью был открыт иезуитский коллегиум, ставший со временем центром культуры Пинска. Стоит отметить, что князь Альбрехт Станислав Радзивилл (1593-1656), столько сделавший для Пинска, был плодовитым писателем и историком, писал свои произведения на латыни. В своем главном произведении «Мемуары о главных событиях, которые произошли в Польше после смерти Сигизмунда III» великий канцлер писал про международную, религиозную и социальную политику Речи Посполитой, о культуре, обычаях, быте и жизни шляхты. Многие современные исследователи той эпохи постоянно обращаются к мемуарам князя.

Исследователь истории ордена иезуитов в Беларуси Тамара Блинова пишет: «До появления членов «Общества Иисуса» в Пинске не было ни одного учебного заведения. Местная шляхта вынуждена была посылать своих детей для получения образования либо в Брест, либо в Луцк. Пользуясь этим обстоятельством, иезуиты развернули не только активную миссионерскую деятельность, но и работу по созданию школ. При этом необходимо отметить, что здесь они быстро добились больших успехов. По данным каталогов, Пинская иезуитская школа была организована в 1634–1635 учебном году. Под этой датой в источнике указаны только фамилии и имя магистра Иоанна Калицкого без определения дисциплин, которые он преподавал. Видимо, в этом году действовали только начальные классы. А через год, т. е. в 1636–1637 учебном году, сыновей местной шляхты и горожан обучали уже три учителя, двое из которых были магистрами: один – инфимы, второй – грамматики, а третий – ксёндз-профессор Лукаш Папроцкий вел курсы синтаксиса и поэзии. Полное среднее образование пинская молодежь смогла получать с 1641–1642 учебного года (...). К концу первой половины XVII века в подготовке кадров для ордена иезуитов важную роль стал играть Пинск. Здесь была открыта высшая школа, предназначенная не для светской молодежи, а для будущих членов ордена. В 1646–1647 учебном году Станислав Тупик читал для клириков логику, в следующем учебном году Иоанн Волкович преподавал математику, а в 1648–1649 учебном году тот же С. Тупик обучал молодых иезуитов метафизике»². С 1642 по 1646 год учебным процессом коллегиума руководил Андрей Боболя (1591-1657) – Апостол Полесья. Тогда ректором был Станислав Томиславский (возможно первый ректор коллегиума).

Тяжелые испытания выпали на долю Пинского коллегиума в середине XVII века. Тамара Блинова пишет: «Известно, что в 1648 г. в Пинске и его окрестностях большой размах приняло движение народных масс, на помощь которым Б. Хмельницкий послал отряд А. Небабы. Оно было подавлено войсками польного гетмана Великого Княжества Литовского Януша Радзивилла. В результате развернувшегося боя, прошедшего 9 ноября 1648 г., Пинск потерял 14 тыс. своих жителей, 5 тыс. домов были разрушены полностью. Однако, несмотря на огромные материальные трудности, выпавшие на долю иезуитов, уже в следующем учебном году они смогли вновь от-

¹ Злобин, Э. Из истории учреждений образования Пинщины в досоветский период / Э. Злобин // Учитель вечен на земле Полесской. – Минск, 2005. – С. 15.

² Блинова, Т. Иезуиты в Беларуси: роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т. Блинова. – Гродно, 2002. – С. 58.

крыть школу, в которой работал только один магистр Самуэль Корсак – профессор школы («professor scholarum»). Возобновить деятельность средней школы пинским членам ордена удалось не сразу, а только в 1654–1655 учебном году. Однако в дальнейшем ее судьба вновь испытала потрясение. Как известно, группировка казацкой старшины не оставляла своих намерений присоединить часть белорусских земель к гетманской Украине. С приходом её к власти в 1657 г. эти планы получили отчетливо выраженный характер. 4 мая 1660 г. отряд казаков прибыл в Пинск. Иезуитские строения в городе и имения, расположенные вокруг него, подверглись опустошению. Но и в этом году школа не бездействовала, хотя работал только один класс грамматики, а с 1663–1664 учебного года пинские иезуиты возобновили деятельность классов инфимы, грамматики, синтаксиса и риторики. Что же касается высшей школы в городе, то она открыла свои двери для светской молодежи в 1683–1684 учебном году»¹. Важно отметить, что в 1657 году ректор коллегіума Андрей Воллович (1610-1676) отправил на Полесье для осуществления миссионерской деятельности Андрея Боболю и Шимона Маффона, вскоре погибших от рук казаков, а в 1660 году следующий ректор Шимон Вдзеконский спас преподавателей коллегіума, распустив их по домам при приближении к Пинску казаков.

После первого разгрома коллегіума его ректор и известный педагог Андрей Воллович поручил архитектору Матеушу Фальковскому восстановить разрушенные здания. Из архивных документов видно, что архитектор руководил и возведением костёла св. Станислава. Искусствовед Светлана Адамович пишет: «Бясспрэчную цікавасць мае контракт датаваны 1672 годам, заключаючы рэктарам пінскай калегіі М.Стажыньскім з «архітэктарам рамяства мулярскага», віленскім магістрам Янам Вінцэнтам Сальвадорам, які ўзяў на сябе абавязак «... ад самай зямлі... збудаваць пінскі калегіум, злучыўшы новыя муры са старымі мурамі, выклаўшы скляпенне найлепшым чынам...». У 1670-х гг. рэканструкцыя калегіума была завершаная»². Огромное здание коллегіума впечатляло современников. Историк Андрей Самусик пишет: «Внутренняя планировка коллегіума имела коридорную схему. На первом этаже размещались классы, общая столовая и хозяйственные помещения. На втором и третьем – лаборатории, библиотека, а также жилые помещения учеников и монахов. Отдельные помещения были расписаны настенными фресками (школьный театр, ряд классов). Пол был выложен белыми глиняными плитками. Многочисленные каминные и печи украшены изразцовыми плитками в основном зелёного цвета с геометрическим, солярным и зооморфным орнаментом»³. Лаборатории были оснащены картами, глобусами, микроскопами, электрическими машинами и другим оборудованием.

Работы по украшению костёла св. Станислава и здания коллегіума продолжались и в XVIII веке. Историк архитектуры Тамара Габрусь пишет: «У канцы XVII ст. і на працягу ўсяго XVIII ст. у дакументах трапляюцца імёны архітэктараў Рыгора Энгела і Яна Клауса, Францішка Карэва і Язэпа Алэндзкага. У 1748–1777 гг. работы працягваў прафесар архітэктары Матэвуш Кісялеўскі»⁴. Интерьеры костёла и коллегіума, думается, расписали художники-иезуиты: Якуб Бретзер (1690-1733) и Игнатий Доретти (1703-1763). Стены костёла были расписаны фресками на темы жития св. Станислава.

В 1702 году ректор коллегіума Мартин Годабский (?-1709) нашел в костёле св. Станислава мощи Андрея Боболи и много сделал для распространения культа святого на Полесье. А ректор Александр Бакуновский прославился не только духовной и культурной деятельностью, но и ростовщической. В 1737 году он одалживал деньги пинским мещанам. Так, имея огромные земельные наделы, даже в Минске и Вильне, ведя активную ростовщическую деятельность, иезуитский монастырь и коллегіум быстро богатели, что позволяло продолжить капитальное строительство. В 1749–1753 гг. архитектор Ян Тупальт (1707-1769) осуществил самую значительную перестройку барочного костёла. Светлана Адамович пишет: «Менавіта тады на касцёле былі ўзведзены каменныя вежы замест драўляных, фасады ўпрыгожаныя гіпсавымі скульптурамі, а з абодвух бакоў фасаду ўзведзены арыгінальныя крылы, якія служылі таксама званіцамі. Па сведчанні сучаснікаў, касцёл уражаваў не толькі сваімі памерамі, але і адмысловаю працаю лепшых еўрапейскіх майстроў, якія стварылі галерэю цудоўных фрэсак, упрыгожылі інтэр'ер святыні разьбою па дрэве,

¹ Блинова, Т. Иезуиты в Беларуси: роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т. Блинова. – Гродно, 2002. – С. 58.

² Адамовіч, С. Комплекс Пінскага езуіцкага кляштара / С. Адамовіч // Наша Вера – 1999. – № 3. – С. 34.

³ Самусик, А. Пинский коллегіум иезуитов / А. Самусик // Отдых и путешествия – 2002. – № 4.

⁴ Габрусь, Т. Мураваныя харалы / Т. Габрусь. – Мінск, 2001. – С. 162.

скульптурнымі кампазіцыямі, вырабамі з бронзы»¹. В 1738 году было закончено, наконец, сорокалетнее строительство и второй части здания коллегиума.

Богатства монастыря способствовали и культурному подъему. Ректорство Бакуновского – это время расцвета школьного театра и работы пинской типографии. Одним из последних ректоров был Вильканович (1757 г.), а при ректоре Николае Тшебицком коллегиум в 1772 году закрыли в связи с ликвидацией ордена иезуитов.

Обучение в коллегиуме велось на латинском языке. Изучались и другие классические языки: греческий и еврейский, а также польский и старобелорусский. В начале XVIII века уровень образования в иезуитских коллегиумах стал падать. Нужны были срочные реформы. В пинском коллегиуме ввели преподавание немецкого и французского языков. Так, в 1750–1751 учебном году немецкий язык начал преподавать Андрей Берент, а Франциск Ромел преподавал французский язык в классе поэзии. Другим новшеством было введение в программу изучения истории и географии, которые изучались по учебникам близкого друга короля Станислава Понятовского, историка Кароля Вырвича (1717-1793), который одно время преподавал в Пинске. В 1762–1765 гг. историю в коллегиуме преподавал Казимир Головка (1718–после 1773) – автор ряда учебников по географии. Работали в коллегиуме и другие видные ученые. Так, в 1660–1662 гг. орденское право преподавал писатель Томаш Клаге (1598-1664). В конце XVII века писатель-полемист Ян Кулеша (1660-1706) преподавал красноречие и греческий язык, а в 1756–1758 гг. профессор Петр Борташевич – математику и философию. Преподавателями коллегиума в XVIII веке были также знаменитый поэт-латинист Михаил Корицкий (1714-1781), драматург Кшиштоф Путиловский (1650-1707), автор ряда теологических, философских и географических трудов Стефан Пузына (1667-1738). Очень скудны биографические сведения о таких преподавателях, как Ежи Берент, Якуб Гралевский, Александр Еленский, Ян Космовский, Владислав Наревич, Томаш Селигмахер, Франтишек Шиманович и др.

Историк Георгий Голенченко даёт информацию² об ещё 22 преподавателях коллегиума, связанных с Виленской иезуитской академией: Казимире Кояловиче, Горгониусе Агейсане, Альберте Менкальском, Балтазаре Рогальском, Яне Садковском, Иерониме Бурба, Мачее Милуньском, Кшиштофе Лосевском, Александре Корвате, Яне Кляте, Станиславе Орловском, Петре Цимермане, Людвике Ловпя, Франтишке Блаудзевиче, Игнации Лосневском, Мартине Гословском, Мациясе Кононовиче, Карле Езерском, Юзефе Бартошевском, Станиславе Ростовском, Юзефе Янковском, Юзефе Толочко и Юзефе Пажовском. Пинский коллегиум всегда находился под патронатом академии. «Захаваныя актавыя матэрыялы апошняга і іншыя дакументальныя крыніцы сярэдзіны XVII-XVIII стст. дазваляюць высветліць іх арганізацыйныя і педагагічныя сувязі, а таксама метады падрыхтоўкі і выкарыстання акадэмічных выпускнікоў і настаўнікаў у Пінску і іншых беларускіх гарадах, дзякуючы частай афіцыйнай зменлівасці настаўнікаў і ўніфікацыі еўрапейскага і мясцовага вопыту. Многія педагогі пінскага калегіума, асабліва на вышэйшых курсах, вызначаліся вялікім настаўніцкім вопытам, мелі ўніверсітэцкую адукацыю, нярэдка ступені бакалаўраў, магістраў, радзей – дактароў навук»³.

Таким образом, преподавательский корпус был очень сильным. Однако из стен корпуса вышло не так много, как можно было ожидать, известных деятелей культуры. Это, наверно, связано и с тем, что высшая школа в Пинске работала, в первую очередь, для нужд ордена, а монахи-иезуиты занимались, прежде всего, организационной, миссионерской деятельностью, а только потом преподавательской. На века пинский коллегиум прославил его выпускник-иезуит, великий польский историк и поэт Адам Нарушевич (1733-1796), написавший фундаментальную «Историю польского народа». Среди других известных выпускников можно отметить архитектора-иезуита Франтишка Карева (1731-1802), богослова, публициста и педагога Анастаза Керницкого (1678-1733), которого современники за красноречие называли «Периклом», филолога и переводчика Игнация Нагурчевского (1725-1811), политического и хозяйственного деятеля, преобразователя Полесья Матеуша Бутримовича (1745-1814), уже упоминавшегося Кароля Вырвича и других.

Большое внимание уделялось музыкальной подготовке учащихся. В 40-е годы XVII века в пинском коллегиуме работал музыкант-теоретик, филолог и философ Сигизмунд Лавксмин (1596-

¹ Адамовіч, С. Комплекс Пінскага езуіцкага кляштара / С. Адамовіч // Наша Вера – 1999. – № 3. – С. 34.

² Галенчанка, Г. Культурнае жыццё. З гісторыі духоўнай (прафесійнай) культуры / Г. Галенчанка // Гісторыя Пінска; Ад старажытнасці да сучаснасці / А.М. Літвін [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 231-233.

³ Галенчанка, Г. Культурнае жыццё. З гісторыі духоўнай (прафесійнай) культуры / Г. Галенчанка // Гісторыя Пінска; Ад старажытнасці да сучаснасці / А.М. Літвін [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 213.

1670), которого прославила книга «Теория и практика музыки» – наиболее раннее среди известных музыкально-теоретических пособий, созданных в ВКЛ. Иезуиты при коллегиях создавали музыкальные бурсы, где молодые бедные шляхтичи имели полное содержание, а за это должны были учиться музыке, пению, игре на музыкальных инструментах и участвовать во всех церковных церемониях коллегия, а также и в других торжественных церемониях и процессиях, школьных театральные постановки. Музыковед Тамара Лихач пишет: «Дакладная дата ўзьнікнення музычнай бурсы ў Пінску невядома? Аднак зразумела, што Пінская Калегія, самая вялікая па колькасці ксяндзоў у ВКЛ, мела адпаведны музычны калектыў. Першыя успаміны пра яго датычаць паловы XVIII ст. У 1742 г. Ё. Залускі, тады біскуп луцкі, служыў нешпары [молитва. – Авт.] ў езуітаў «пры прыемным гучанні капэлы». Капэла бурсы доўгі час абслугоўвала літургічныя патрэбы мясцовых дамініканцаў. Я. Гіжыцкі адзначае, што пінскія дамініканцы высока ацэньвалі ролю езуіцкіх музыкантаў у заахвочванні парафіянаў да наведвання набажэнстваў. Калі ў 1751 г. пачас паўсюдна спраўлялі чарговы юбілей, яны занатавалі: «1 студзеня. У гэты дзень, як і ў іншыя ўрачыстыя дні езуіцкая капэла, паводле ўчынёнага кантракта ад 1 лістапада мінулага года, іграла сьвятую імшу ў нашым касцёле з аплатай 4 злотыя за кожны дзень, і дзякуючы гэтаму людзі прызываліся быць на набажэнствах ў нашым касцёле, бо перад тым іх бывала вельмі мала». Езуіты вымушаны былі адмовіцца ад супрацоўніцтва з прапаведнікамі [афіцыйная назва дамініканскага ордэна. – Т. Л.], бо клапаціліся пра мастацкі ўзровень гучання сваёй капэлы. Так, у 1770 г. касцельны пазітыў [маленькі арган. – Т. Л.] пінскіх дамініканцаў быў такі зруйнаваны, што езуіты забаранілі сваёй капэле іграць у гэтым касцёле ў святы. Паводле традыцыі, ансамбль бурсы і ў сьвецкіх урачыстасцях: знаходжаньне караля Станіслава Аўгуста ў Пінску ў 1784 г. прыгожыя разнастайныя балі і канцэрты, прычым «капэла калегіі іграла да сьвятанья»¹.

Школьный театр начинает свою деятельность на территории ВКЛ после Люблинской унии 1569 года. Он функционирует в учебных заведениях многих католических орденов (пиар, базилиан, доминиканцев и др.), становится неотъемлемой частью местной театрально-музыкальной культуры. Особенно активным в развитии школьного театра, а также в создании паратеатральных представлений был орден иезуитов, который пышными театральными и музыкальными зрелищами хотел поразить воображение протестантов и православных. Латинский язык был основой поэтики и риторики. Преподавание этих дисциплин в стенах коллегия не мыслилось вне театрализованных диспутов и диалогов, декламаций и спектаклей. Часто спектакли давались на польском языке и на местных говорах. Авторами школьных драм и опер, постановщиками спектаклей были в основном преподаватели коллегия, исполнителями ролей – ученики старших и младших классов.

В пинском коллегии школьный театр возник в 1662 году, то есть всего через два года после его разгрома казаками. Известный литературовед Адам Мальдис пишет: «Услед за Полацком і Гродна школьны тэатр з'явіўся ў Пінску. Паводле У. Разанава, у 1662 г. тут ставілася мартыралагічная драма «Уцёкі бласлаўёнага Станіслава Косткі», а 23 мая 1663 г. – польская п'еса «Уладзіслаў Ягайла, кароль польскі». Да 1689 г. адносіцца міфалагічная драма з інтэрлюдыямі пра Персея і Медузу.

З пінскіх друкованых праграм да нас дайшлі наступныя:

1716 г. Масленічная драма «Чорны лебедзь, які спявае пахвальную песню». Інтэрлюдыі адзначаны пасля пралога, першага і другога актаў.

1717 г. Масленічная драма «Ласункі на стала літоўскага пераможца Аляксандра Вітаўта». Аргумент гэтага твора ўзяты з П. Каяловіча. Пасля першага і другога актаў ішлі інтэрмедыі.

1721 г. Масленічная драма «Яблыка, прыемнае з выгляду». У аснове яе – звычайная ў той час гісторыя аб міжусобіцах, помсце, раптоўнай смерці ад атручанага яблыка ў час балявання.

1732 г. Пасля значнага перапынку на масленіцу была пастаўлена драма з інтэрлюдыямі «Парушальнік стройнасці хору». Аргументам былі ўзяты радкі з П. Толькоўскага. Як звычайна, пасля пралога, першага і другога актаў ішлі інтэрмедыі. Перад летнімі канікуламі жыхары Пінска глядзелі п'есу «Лёгка дарога да вышэйшых ушанаванняў». На прыкладзе Кімода, сына рымскага імператара Марка Аўрэлія, сцвярджалася карыснасць адукацыі.

1733 г. Да нас дайшлі праграмы паказаных у гэтым годзе масленічнай драмы «Сон чалавечага жыцця» і п'есы «Мудры ніжэй толькі за бога». Сюжэты абодвух твораў узяты з усходняй гісторыі. У праграмах адзначаны інтэрмедыі.

¹ Лихач, Т. Музыкальные бурсы езуитов на Беларуси / Т. Лихач. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zmk-y.org/modules.php>.

1734 г. Выконваліся дзве драмы: на масленіцу – «Нітка самай боскай Арыядны Марыі» і ў канцы школьнага года – «Кніга мудрасці». Драмы суправаджаліся інтэрмедыямі.

1735 г. На масленіцу была паказана «драма жахаў» – «Пень, запрошаны на бал з царства смерці». Вось яе кароткі змест. На бал графа Фрыгійскага з’яўляюцца дэмань, каб пакараць гаспадара за блюзнерства. Для кантрасту з гэтымі жудаснымі сцэнамі былі ўведзены інтэрмедыі.

К. Эстрайхер [польскі бібліограф. – Авт.] у сваёй бібліяграфіі адзначае таксама пінскую праграму 1739 г. на лацінскай мове. (...) Па сваёй ідэйнай накіраванасці пераважная большасць твораў, што складалі рэпертуар школьнага тэатра, была цесна звязана з сярэднявечнай ідэалогіяй. У духу контррэфармацыі сцвярджалася ў іх думка аб марнасці, прывіднасці зямнога жыцця, праслаўлялася вечнае замагільнае быццё. Галоўным героем часта рабіўся аскет, які ахвяруе ўсім дзеля хрысціянскіх ідэалаў. Ён загадзя рыхтуецца да смерці, час якой прадвызначаны богам. Гэту наканаванасць, лёс чалавечы нельга прадбачыць. Адзін з герояў п’есы «Сон чалавечага жыцця» (Пінск, 1733) забівае пасля балю захмялелага імператара, які сам яшчэ зусім нядаўна збіраўся пакараць яго смерцю. У многіх творах школьнага тэатра дзейнічаюць звышнатуральныя сілы. Рэальнае спалучаецца з нерэальным. Элементы дзівоснага прысутнічаюць, напрыклад, у масленічнай драме «Парушальнік стройнасці хору» (Пінск, 1732). У ёй у самы разгар балю з’яўляецца з пекла ў суправаджэнні музыкантаў цень памёршага сябра. У іншым творы («Нітка самай боскай Арыядны Марыі», Пінск, 1734) цень сябра дапамагае імператару вырвацца з марнага акружэння і стаць набожным чалавекам. Звышнатуральныя сілы часта выручаюць мучанікаў¹. Декорации к спектаклям рисовали известные художники-иезуиты: Ян Тадеуш Клавс (пер. пол. XVIII в.) и Адам Казимир де ла Марс (нач. XVIII в.).

Иезуиты устраивали в Пинске театрализованные шествия и представления, в которых соединялись многие виды искусств. Историк Яков Мараш писал: «В костеле св. Станислава в Пинске, кроме студенческой конгрегации, с 1726 г. существовало братство Доброй смерти. Католическое духовенство в 1727 г. устроило здесь исключительно торжественное празднование по поводу канонизации блаженных Станислава Костки и Алойзы. К этому времени церковники приурочили ходатайство о проведении беатификации Андрея Боболи, который считался «святым мучеником за веру» именно в Белоруссии. На похоронных дрогах (12 локтей в длину и 8 в ширину) везли образы новых святых. Колесницу конвоировали вооруженные отряды литовского войска и наёмных солдат. Процессия сопровождалась музыкой, артиллерийским салютом. Естественно, что такое мероприятие привлекло к себе внимание жителей Пинска и провинциальной шляхты. После торжественного богослужения шляхта собралась в здании иезуитской коллегии, где смотрела драматическое представление учащихся, посвященное деятельности «святых». Аналогичные празднества повторялись ежегодно»². По торжественным случаям в Пинске устраивались колокольные концерты. Так, в 1744 году за звон во время похорон Томаша Цехановича, которые состоялись у пинских доминиканцев, орден заплатил местным иезуитам и францисканцам по 8 злотых, бернардинцам – 4, коммунистам – 3, паненкам-законницам (мариавиткам) – 3, униатской кафедре и кармелитам босым по 3 злотых.

Типография при пинском коллегииуме была основана в первой половине XVIII века, хотя есть сведения³, что пинские иезуиты ещё в 1672 году издали книгу своего преподавателя Томаша Клагге, но эта книга пока не обнаружена. Точная дата основания пинской типографии неизвестна. Первая известная исследователям книга издана в Пинске в 1729 году. Эта книга «*Hebdomas sancta Pii Sacerdotis*» на латинском языке имеет литургический характер. Всего известно 11 названий книг, изданных пинской типографией, в их числе несколько книг на польском языке известного проповедника-иезуита Петра Скарги (1536-1612) и польского магната Казимира Неселовского (1676?-1754). «У Пінску выйшлі кампільтаўныя зборнікі «усякай усячыны» – *Публічныя забаўкі (Otia publica)* і *Хатнія забаўкі (Otia domestica)*, у якія, акрамя уласных барочных вершаў, аўтар уключыў разнастайныя дакументы і эпісталярныя матэрыялы, публічныя прамовы, пасланні,

¹ Мальдзіс, А. Арганізацыя пастановак і рэпертуар школьных тэатраў / А. Мальдзіс // Гісторыя беларускага тэатра. – Мінск, 1983. – Т. 1. – С. 135, 136, 139.

² Мараш, Я. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века / Я. Мараш. – Мінск, 1974. – С. 162.

³ Рошчына, Т. Выданні пінскіх езуітаў (XVIII ст.) / Т. Рошчына // Матэрыялы другіх кнігазнаўчых чытанняў «Кніжная культура Рэчы Паспалітай». – Мінск, 2002. – С. 230.

эпітафіі, легенды, маніфесты»¹. Префектом типографии в 1730-1735 годах был Ежи Кучинский, приглашенный пинскими иезуитами из Варшавы. В ней работал в 1733–1734 гг. также варшавский печатник Томаш Тхоржницкий. Последняя известная книга была издана в пинской типографии в 1745 году. Почему типография прекратила свое существование так быстро? Наверно, сменился ректор коллегиума. Но главное, как считает исследователь Татьяна Рощина, – финансовые проблемы монастыря.

«Пры калегіуме існавала невялікая бібліятека, якая складалася ў асноўным з кніг, падараваных у 1699 г. ксяндзом Пятром Быкоўскім. У сярэдзіне XVIII ст. яна папаўняецца кнігазборам езуіта Казімера Бжазоўскага. Бібліятека фінансавалася невялікамі сумамі на набыццё кніг. Пасля скасавання ордэну езуітаў у 1772 г. яна была перададзена ў карыстанне школаў Камісіі адукацыйнай»². Однако богатый архив и ценные рукописные и печатные памятники были перевезены в Бельгию, где оказались в архивах ордена иезуитов. В 1940 году сохранившаяся часть библиотеки иезуитского коллегиума, входившая в состав библиотеки католической семинарии, была вывезена из Пинска в ленинградские библиотеки. Известна только одна книга с владельческой надписью Пинского иезуитского коллегиума: *А.Волян О wolności Rzeczypospolitej. Wilno, 1606.*

Францисканский монастырь

Мы уже немного писали об истории возникновения монастыря. Отметим, что монастырь сильно пострадал (деревянный костел сгорел полностью) в 1706 году во время пребывания в Пинске шведской армии во главе с королем-полководцем Карлом XII. По инициативе настоятеля Антония Олехновича (1667-1725) новый барочный каменный костел возводился с 1712 по 1730 год. В здании костёла структура готического храма соединена с планировкой знаменитого римского храма Иль Джезу, с которого началось барокко в европейской архитектуре. Францисканский монастырь является одним из лучших в Беларуси архитектурным ансамблем эпохи позднего барокко. И это не случайно, так как «манаскія ордэны, якія прытрымліваліся Статута св. Франціска (францысканцы і бернардынцы) арыентаваліся галоўным чынам на простага верніка. Яны вялі актыўную пастырскую працу і займаліся самаадукацыяй»³. Францисканцы делали упор на эмоциональной стороне веры в Бога, отсюда и то, что они придавали большое значение эстетике литургии. Пинский францисканский костёл поражает великолепием и богатством интерьера, прежде всего – главного алтаря, шести боковых (Франциска Ассизского, Пресвятому Сердцу Иисуса, Богоматери Ружанцовой, Антония Падуанского, Варвары и Святого семейства) и амвона. Историк ордена Камилл Кантак считал, что скульптором-резчиком и живописцем алтарей и амвона был виленский мастер, францисканец Ян Шмит (?-1731). Архитектурно-скульптурный алтарный комплекс Пинского францисканского костёла – один из лучших в Беларуси. «Скульптур у касцёле каля 100, яны ўяўляюць надзвычай багаты ансамбль, які стварае атмасферу ўсхваляванай урачыстаці і прыўзнятасці. Гэта ўражанне ўмацняецца шматлікімі пазалочанымі або пасярэбранымі архітэктурнымі дэталіямі – кансолямі, вітымі канеліраванымі калонамі, пышной арнаментальнай разьбой з мяккімі святлоценявымі пераходамі, якія надаюць інтэр’еру надзвычайную дэкаратыўнасць. Пэралівы святла і ценю, мноства дробных рэфлексаў на пасярэбранай або пазалочанай разьбе і аб’ёмнай пластыцы ствараюць своеасаблівае паветранае асяроддзе, якое запаўняе інтэр’ер касцёла»⁴. Более подробно об этом уникальном ансамбле можно почитать также в работах искусствоведа Александра Ярошевича⁵.

Несомненную ценность представляют собой также фресковые росписи в крестовой галерее монастыря, посвященные святому Франциску Ассизскому: «Стигматизация», «Прославление св. Франциска», «Рождение», «Дьявол раздора, мамоны и плоти», «Франциск с братией работает в саду». На одной из фресок изображён профессор, который читает лекцию. Духом умиления к природе проникнута фреска, где святой благословляет птиц. Эти уникальные, единственные сохранившиеся в Беларуси, росписи, посвященные Франциску Ассизскому, можно отнести к первой

¹ Рошчына, Т. Выданні пінскіх езуітаў (XVIII ст.) / Т. Рошчына // Матэрыялы другіх кніжнаўчых чытанняў «Кніжная культура Рэчы Паспалітай». – Мінск, 2002. – С. 233.

² Самайлюк, Т. Друкарня езуітаў у Пінску / Т. Самайлюк // Спадчына. – 2003. – № 4-5. – С. 96.

³ Ганчарук, І. Каталіцкія манаскія ордэны ў Беларусі ў 1770-х – 1820-х гг. / І. Ганчарук // Гістарычны альманах. – 2003. – Т. 9. – С. 189.

⁴ Лявонава, А.К. Старажытна-беларуская скульптура / А.К. Лявонава. – Мінск, 1991. – С. 146.

⁵ Ярашэвіч, А.А. Архітэктурна-скульптурны ансамбль касцёла францысканцаў у Пінску // Барока ў беларускай культуры і мастацтве. – Мінск, 1998. С. 186-195.

половине XVIII века¹. На фрески обратил своё внимание великий русский писатель Николай Лесков, посетивший Пинск в 1862 году: «Коридор вдоль всего монастырского келейного корпуса довольно недурно расписан картинами, изображающими разные чудеса. Живопись эта напоминает изображение странствий Святой Федоры, написанное на стене у выхода из ближайшей пещеры Киевской Печерской Лавры»². Монастырь славился своим органом и органистами. В 1766 году в костёле стоял отличный орган с больше чем 30 цинковыми с оловом и деревом пищалками. Самый известный из органистов – францисканский монах Людвик Лапчинский (?-1679).

Пинские францисканцы проявили себя и на педагогической ниве. Историк Антони Мошинский писал: «Пинский монастырь с давних времен содержал новициат и так называемые орденские курсы (студии), нередко в своем лоне имел деятелей, известных своей добродетельностью, наукой и общественной деятельностью (...). Тут жили: Себастьян Мошинский – доктор Замойской академии, известный в своё время проповедник, умерший в 1664 г.; Себастьян Кволек – коллегиальный, римский (Collegialis Romanus, неизвестно о каком-то коллегииуме идет речь), потом профессор теологии в Замойской академии; Иосафат Парысович [ок. 1670-1732. – Авт.] – баконьский бискуп, о котором очень тепло вспоминают в монастырских книгах; Пётр Янковский – теологии и свободных наук итальянский доктор (Italicus Doktor, наверно, в Италии защищал докторскую диссертацию) королевский теолог, умер в 1793 г. В акте визитации пинского монастыря, осуществленной 20 мая 1663 г. прелатом, визитатором Луцкой епархии Валерианом Рожевским, упоминается школа при костёле отцов францисканцев, для которой монастырь содержал бакалавра, но ни о ее организации, ни о ее дальнейшем существовании не нашел ни одного упоминания. Была то, наверно, приходская школка, подчиненная иезуитскому коллегииуму (...) От 1772 года, когда был распущен орден иезуитов, до 1799, существовала тут подокружная школа под управлением бывших иезуитов и главного тут ученого, ректора Яксы, после ухода которого руководство перешло новогрудскому коморнику Мацею Нарушевичу»³. Отметим также, что в 1765 году в Пинске вступил в францисканский орден и принял монашеское имя Гаудентий писатель Кароль Жэра (1743–после 1798). Основное его произведение «Горба смеха» – сборник анекдотов и поучительных историй, многие из которых случились на Пинщине.

Нами в архиве обнаружен интересный документ⁴, из которого следует, что в монастыре кроме подокружной школы, было и высшее теологическое учебное заведение (студия) с двумя отделениями: теологии и философии с математикой. «У 18 ст. практычна ўсе манаскія супольнасці імкнуліся заснаваць свае навучальныя ўстановы. Гэта быў час росквіту манаскіх студый. (...) Абсалютная большаць студый мела характер вышэйшых навучальных устаноў (у іх выкладалася праграма вышэйшая за сярэдні курс навучання публічнай школы) і ў гэтым сэнсе яны былі асяродкамі адукацыі і складалі пэўную альтэрнатыву для той часткі мясцовай моладзі, якая не мела магчымасці для навучання ў Вільні»⁵. В 1825 году в монастыре было только отделение философии с математикой – более низкое, которое уже не отвечало университетской программе.

Ведомость от ксендзов пинских францисканцев согласно пунктов, присланных правительством о костёле, монастыре и т.д.

Монастырь ксендзов францисканцев – каменный, с костёлом также каменным. От основания является приходским, расположенный в уездном городе Пинске Минской губернии.

Положение духовенства

В этом монастыре имеется орденское учебное заведение с отделениями спекулятивной [умозрительной. – Авт.] теологии, философским, где изучают начальные курсы математики, логики, метафизики и физики. Также есть в этом монастыре и новициат. Живут в нём следующие лица:

Ксёндз Пётр Рыбалтовский – патер провинции, пенсионер, пинский настоятель и плебан; О.[тец] Антони Бжозовский – патер провинции, пенсионер; О. Франтишек Тшасковский – патер провинции, пенсионер, профессор теологии; О. Антони Михаловский – писарь ведомства сурогоацкого, живет в Городище по разрешению монахов при уважаемом сурогате; О. Леон Тваровский – профессор философии и математики; О. Пётр Тваровский – штатный проповедник; О. Людвик

¹ Ярашэвіч, А. Пялёсткі з «Кветачак святога Францішка» / А. Ярашэвіч // Наша вера. – 2004. – №2. – С. 8-11.

² Лесков, Н. Из одного дорожного дневника / Н. Лесков // Кругозор (Пинск). – 2000. – № 1. – С. 37.

³ Moszyński, A. O Klasztorze pińskim XX. Franciszkanów / A. Moszyński // Athenaeum. – 1844. – Т.4. – С. 53.

⁴ Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Фонд 2031. – Оп. 2. – Д. 4325. – Л. 3,4.

⁵ Ганчарук, І. Каталіцкія манаскія ордэны ў Беларусі ў 1770-х – 1820-х гг. / І. Ганчарук // Гістарычны альманах. – 2003. – Т. 9. – С. 195.

Тарашкевич – профессор философии; О. Анджей Гойжевский – профессор моральной теологии; О. Антони Марциновский – магистр новициата, пенсионер; О. Франтишек Ушинский – ризничий, пенсионер; О. Феликс Коцьмеровский – профессор пинских народных школ; О. Вит Вышинский – профессор пинских народных школ; О. Яцек Комар – исповедник; О. Юзеф Гриневицкий – управляющий монастырем; О. Доминик Виановский – студент теологии; О. Гжегож Голицкий – студент теологии; О. Изидор Грубчинский – студент теологии; О. Кароль Крушевский – студент теологии Брат Мельхиор Луневский – семинарист, субдьякон, студент теологии; О. Казимеж Тваровский – студент философии и математики; О. Каспер Савицкий – студент философии и математики; О. Павел Корсак – студент философии и математики; Брат Габриэль Кульвинский – послушник, заслуженный профессор; Брат Мацей Збуцкий – послушник, заслуженный профессор; Б. Тадеуш Пулховский – послушник, управляющий фольварка Вышевичи; Б. Якуб Гомолицкий – послушник, заместитель ризничего; Б. Андриан Голловко – послушник, управляющий фольварком Рудка; Б. Бонифаций Ольпинский – послушник, новициант; Б. Михал Витковский – послушник, новициант.

Фундуш

Этот монастырь основан великим князем литовским Сигизмундом в 1396 году на основе земельных вложений в Пинском уезде Минской губернии, а именно двух фольварков, называемых Вышевичи и Рудка. К фольварку Вышевичи относятся два села. Одно под тем же названием, что и фольварок, в котором находится 128 мужских и 104 женских души. Второе село Кудричи, в нем находится 160 мужских и 128 женских души. К фольварку Рудка относятся также два села. Одно Охов, в котором имеется 168 мужских и 161 женская душа. Второе село Кошевичи иначе Канковичи, в нем – 111 мужских и 99 женских души. Этому монастырю принадлежит в селе Сварищевичи, расположенное в Луцком уезде Волынской губернии, пять дымов при кирпичном заводе, в которых 19 мужских и 21 женская душа.

В городе Пинске имеет этот монастырь из фундушей. 1-е. Корчма с участком, называемая Петушок, пожалованная польским королем Казимиром в 1445 г. 2-е. Сеножатъ, называемая Рыбаловка, а также плотины и переправы на речках Пине и Струмень в самом городе, ясновельможным князем Федором Ярославичем пожалованные.

Доходы

Прибыль от всего перечисленного имущества, которая идет полностью на собственное потребление и расходы, насчитывает в пересчете на деньги 12000 злотых. Ежегодный доход от прихода около 200 злотых.

Кроме доходов от имущества имеет еще монастырь дарственные суммы с обязательством отправления на вечные времена богослужений: 1-я. 67315 злотых пинского кагала, от которых 4 процента указаны ликвидаторским декретом в 1766 году. 2-я. У ясновельможного пинского земского судьи Михала Пласковицкого 3000 злотых. 3-я. У ясновельможного пинского земского судьи Станислава Гудебского 6000 злотых.

Приходская школа

В такой школе, которую монастырь содержит на свои средства, учатся дети бедных и сироты. 15 детей обучают чтению, письму и арифметике, а также и музыке. Их профессором является ксендз Кароль Крушевский, указанный в вышерасположенном списке монахов.

Больница для бедных, старых и немощных

В больнице для действительно бедных и немощных, которая содержится на средства монастыря, находится 10 больных. Имеет дарственные суммы – 500 злотых от добродетелей в пинском кагале. К тому же четыре процента от ста – Вышевичи имеют от монастыря.

Раскинутость прихода, принадлежащего Пинскому францисканскому костёлу, составляет в длину 15 миль, а в ширину – 6 миль. Число прихожан, способных к причастию, мужского пола 197 и женского – 253. В этом приходе с начала 1797 года родилось 50 душ. Умерло 47 душ. Венчалось 34 пары. Из-за больших размеров прихода к приходскому костёлу относятся филиальные костёлы:

1-й. Оховский костёл, расположенный в 2 милях от Пинска в Пинском уезде Минской губернии. Этот костёл не имеет никакого фундуша, но ксендзы-францисканцы его построили для удобства своих прихожан, и при нем поставили одного ксендза из своего ордена по имени Бонаветура Липский, содержащегося за счет средств фольварка Рудка, к которому по воскресеньям и в дни праздников для помощи присылается из монастыря второй ксендз.

2-й. Второй филиальный Осовский костёл, расположен в 6 милях от Пинска в том же уезде Минской губернии. Этот костёл благодаря стараниям пинских ксендзов-францисканцев, а так

же разных добродетелей, в 1776 году был построен. Фондуш этого костёла такой: осовская шляхта Анджей, Михал и Франтишек Карповичи записали пинским францисканцам две волоки земли, чтобы всегда содержали при костёле одного ксендза. Имеет также этот костёл дарственную сумму 2226 злотых от пинского подчашего Адама Ширмы. С этого фондуша содержат францисканцы одного ксендза из своего ордена, пенсионера по имени Людвик Карпинский, которому на помощь в дни больших торжеств пинский монастырь присылает двух ксендзов.

3-й. Третий филиальный Плотницкий костёл расположен в 5 милях от Пинска в Пинском уезде Минской губернии. Этот костёл фондовал в 1749 году васильковский староста Михал Скимунт на проценты от суммы в 2000 злотых. На праздничные дни в этот костёл приезжает Пинского францисканского монастыря ксендз.

В том же приходе живут пенсионеры, ксендзы, экс-иезуиты: 1-й Его милость ксёндз Кароль Ширма – каноник в Кристинове 2-й. Его милость ксёндз Юзеф Серафинович – каноник в Завидчицах 3-й. Его милость ксёндз Тадеуш Скифард в Бердунах, о которых подробный рапорт сделал Его милость ксендз, ректор пинских школ Якуб Якса.

Этот рапорт, как правильно написанный, своими подписями утверждаем – в Пинске в монастыре отцов францисканцев в ноябре месяце 30-го дня 1797 года.

О. Пётр Рыболтовский – провин. прелат, пинский настоятель и плебан

О. Антони Бжозовский – патер провинции, пенсионер

О. Франтишек Тшасковский – патер провинции, пенсионер, профессор спекулятивной теологии.

Первое описание монастырской библиотеки датируется июнем 1675 года, этот документ был подписан Мартином Михаловским – тогдашним министром Русской и Литовской провинции ордена францисканцев. В описи было всего несколько десятков книг. В начале XIX века в библиотеке насчитывалось около 2160 книг, из которых приблизительно 1500 книг ранее находились в библиотеке иезуитского коллегиума. В монастырском архиве хранились старинные привилеи, данные монастырю польскими королями: Яном Казимиром (1649), Михаилом Вишневецким (1669), Яном Собеским (1688), Августом II (1729) и Августом III (1740). Кроме того, в монастырских зданиях хранился и уездный архив.

Почти с момента основания монастыря при нём существовала приходская школа. Благодаря монастырскому фондушу, францисканцы содержали постоянно 10 мальчиков, сыновей бедных шляхтичей, давали им начальное образование, думается, учили их также музыке – игре на органе. Большинство из них продолжали учёбу в уездном училище.

Отметим также, что в 1773 году в Речи Посполитой была создана Эдукационная комиссия¹, которая осуществляла реформу всей системы народного образования в духе идей эпохи Просвещения. Проведению реформы благоприятствовал роспуск ордена иезуитов, школы, и имущество ордена было передано Эдукационной комиссии. Средние школы создавались двух типов: окружные (7-летние) и подокружные (6-летние). Великое Княжество Литовское было разделено на три школьных округа: литовский, жмудский и полесский. В последнем округе было всего шесть средних школ, из которых две – в Пинском уезде: в местечке Любешов (руководили монахи-пиары) и в самом Пинске, где на базе бывшего иезуитского коллегиума была создана подокружная школа. Историк Светлана Морозова² считает, что этой школой руководили базилиане. Ей подчинялись низшие школы в местечках и селах: Логишин³, Городище, Лопатин и др. В пинской школе преподавали монахи-базилиане и экс-иезуиты, а располагалась она в здании бывшего иезуитского коллегиума. Школа испытывала серьёзные проблемы с финансированием. В школьном здании размещалась табачная лавка, в его подвалах – склад табака, за что школа получала от местного купца 200 злотых ежегодно. Кроме того, учителя сдавали свои квартиры для проведения судебных заседаний. «Школа набывала свецкую накіраванасць. Найважнейшае значэнне надавалася прадметам фізіка-матэматычнага цыкла, асабліва фізіцы, у праграму якой уключаліся таксама элементы земляробства, батанікі, садоўніцтва, мінералогіі, гігіены. Для прывіцця вучням практычных навыкаў уводзіліся асновы геаметрыі, ветэрынарыі, камерцыі і інш. З гуманістычных навук выкладаліся

¹ Эдукационная комиссия – руководящий орган системы просвещения в Речи Посполитой в 1773–1794 годах. Первое в Европе ведомство, по функциям, аналогичное общегосударственному министерству просвещения.

² Морозова, С. Уніяцкая царква ў культурна-гістарычным развіцці Беларусі (1596–1839) / С. Морозова. – Гродна, 1996. – С. 28.

³ Известно, что в 1781 году в приходской школе при Логишинском костёле обучалось 11 детей.

польская і лацінская граматыкі, геаграфія, гісторыя, заканазнаўства і інш.»¹. Даваліся ученикам і элементы астрономіі. В школе был глобус и армиллярная сфера (инструмент, употреблявшийся для определения экваториальных координат небесных светил). Возможно, что перед самым разделом Речи Посполитой к руководству школы пришли монахи-францисканцы. Нам известен только один преподаватель подокружной школы: профессор французского и немецкого языков Лемани, который в 1784 году во время посещения Пинска королём Станиславом Августом обратился к нему с просьбой о повышении зарплаты. Польский монарх-меценат учредил золотую и серебряную медали «Diligentine» («За прилежание»). До нас дошли сведения, что во время экзаменов 25 июня 1788 года такие медали от имени короля вручил пинский подстароста Матеуш Бутримович, который произнёс краткую речь. Медалями были награждены ученики 3-го класса Бонифаций Еждзалло и 2-го класса Ингаций Сондецкый.

Бернардинский монастырь

Среди распространённых католических орденов в ВКЛ был орден францисканцев-обсервантов или бернардинцев, которые стремились сохранить строгость изначальных монашеских правил св. Франциска. Пинский монастырь отцов бернардинцев, конечно, не мог равняться с иезуитским и францисканским монастырями ни по величине, ни по богатству. Однако бернардинцы внесли значительный вклад в развитие культуры наших земель, особенно музыкальной. Большинство нотных рукописей с литургическими произведениями происходят именно из бернардинских монастырей. Об истории монастыря и его вкладе в культуру читаем в следующем документе²:

Бернардинцы

Фундатором бернардинцев на Каролине, пинском предместье, был в 1717 г. Михал Вишневецкий вместе со своей женой Катажиной Дольской (хотя временами подают более раннюю дату, однако документально это не подтверждают). Вначале костёл и кляштор были деревянными, и только в 1770 г. бернардинцы начали строить каменные строения, которые окончили в 1786 году. Костёл был освящен в честь св. Архангела Михаила городищенским аббатом Альфонсом Оранским. Этот костёл имел в длину 44 локтя, в ширину – 15, в высоту – 30, чердак – трёхэтажный, завершался железным крестом. Алтарей в нём было 5; в главном – Распятый Иисус Христос, а сверху Архангел Михаил, в боковых – Непорочное Зачатие, св. Анна, св. Франтишек и св. Антоний Падуанский; перед входом в костёл стояла статуя Христа в терновом венце.

Каменный кляштор [монастырский жилой корпус. – Авт.] также начали строить бернардинцы, но в 1829 году строительство еще не закончили; его длина имела 90 локтей, ширина – 15, высота – 12. В то время там жило 5 капланов и 8 братьев; в библиотеке томов 433.

Фундуши монастыря были такими: участок земли, на котором стоял костёл и кляштор, окруженные садами, составлял 6 моргов и 2 прента, над Пиной земли 221 прент, около монастыря мариавиток – 70 прентов, луга над Струменем и в полмиле от города, с которых собирается сена 40 возов; капиталы в позднейших монетах: с записи Вишневецких – 2250 рублей серебром, от Вавжинца Михаловского – 600 рублей серебром, от Игнация Луковского – 300 рублей серебром, от Яна и Магдалены Котловских 415 рублей серебром, от Войцеха Пусловского – 450, от гетмана Михала Огинского – 1500, от Яна Казимира Маковецкого – 3000, от Стравинских – 150, от Катажины Беганьской – 252 рублей серебром 16,5 копеек. Всего – 6667 рублей серебром и 16,5 копеек.

Обязательства: ежегодно читается месс 104, а поётся – 52. Ежегодный доход – 1472 рублей серебром 80 копеек.

В старину, во второй половине XVIII века, было тут философское учебное заведение, о котором в XIX в. ничего неслышно.

В XIX в. известны несколько пинских настоятелей: о. Людвик Пшеволоцкий, между 1796 и 1825 гг.; о. Конрад Заранович, 1805–1811; о. Аполинарий Маркевич, 1811–1819; о. Серафин Юхневич, 1819–1822.

Прихода здесь бернардинцы не имели. В 1832 г. правительство забрало и костёл, и кляштор; эти каменные здания долго стояли без всякого применения, наконец, в костёле устроили православную церковь, в кляшторе, возможно, позднее достроенном, в 1853 году поселили православных монашек.

¹ Пасэ, У. Адукацыйная камісія / У. Пасэ // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 63.

² ГАБО. – Фонд 2031. – Оп. 2. – Д. 4350. – Л. 32.

Отметим, что монастырская библиотека находилась на втором этаже монастырского корпуса. В ней были книги по теологии, философии, истории, грамматике, юриспруденции и ораторскому искусству. Список книг библиотеки насчитывает несколько сотен названий, отдельно велась опись книг, выданных на руки. Польский историк Мария Пидльпчак-Маерович пишет о документах, хранящихся в библиотеке Вильнюсского университета: «У бернардинцев в Пинске, в библиотечных инвентарях за 1797-1799 годы, записано несколько сот книжек в систематическом каталоге и отдельно записаны книги, находящиеся в трапезной или выданные на руки. В недатированном каталоге, в систематическом каталоге записано 587 книжек, изданных в 1548–1818 годах. Также недатированный документ на русском языке озаглавлен: «Подробная опись польским книгам, находящимся в библиотеке при костёле святого Михаила с переводом названия их на русский язык» и является правдоподобно переведённым библиотечным инвентарём пинского бернардинского монастыря. В 1829 г. записано «польские книги, присланные из разных [!] городов», изданные в 1625–1825 годах и хронологично записанные. На очередных карточках инвентаря, в хронологичной порядке, указано также 489 книжек, изданных 1625–1825 и 1700–1829 годах. «Каталог книгам по части духовной», подготовленный в Минске комитетом для распределения бывших монастырских библиотек в марте 1841 г., содержит 292 тома и дополнительно 100 книг, описанных сводно, происходящих из библиотеки пинских бернардинцев»¹.

Замок князя Михаила Вишневецкого

Фундатор бернардинского монастыря, канцлер великий литовский, пинский староста, князь Михал Серваций Вишневецкий (1680-1744) в самом конце XVII века перестроил замок своего тестя, князя Кароля Дольского, находившийся в пинском предместье Каролин. Новый замок строился по французскому образцу (возможно, архитектором французом), с бастионами по углам, и соединял в себе черты великолепного дворца и оборонительного сооружения. Белорусский историк Михаил Ткачѳ писал в своей книге «Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі. XIII-XVIII стст.», что замок имел «ў плане выгляд чатырохвугольнага памерам 75 x 37 x 46 x 75 м[етра]. Курціны і чатырохвугольныя бастыёны з брустверам былі выкладзены каменем... Узнятыя вароты фланкіраваліся агнём з двух бастыёнаў. Перад замкам ішоў дзевяціметровай шырыні роў з пад'ёмнымі мостам. Неабходна адзначыць, што паўночныя бастыёны былі значна большымі, чым тыя, якія знаходзіліся з паўднёвага боку, дзе замак ахоўваўся крутымі берегамі і водамі Піны».

Замок простоял около пяти лет, был уничтожен в 1706 году солдатами шведского короля Карла XII. Тогдашний его владелец, князь Михал Вишневецкий, активно поддерживал польского короля Августа II Сильного, воевавшего на стороне Российской империи против шведов. Ещё во второй половине XIX века художник Наполеон Орда нарисовал живописные руины замка. Поскольку Полесье бедно на камень, то местные жители растащили руины замка для строительства своих домов. Даже Замковую улицу, напоминавшую о том, что в этом месте когда-то находился великолепный замок, переименовали.

Доминиканский монастырь

Монастырь доминиканцев основан в 1667 году маркграфиней Марией Строцци, родственницей польской королевы Цецилии Ренаты. Фундаторка была замужем за полоцким воеводой Яном Копотем. Она хотела, чтобы в монастыре был лектор Св. Писания для обучения школьной молодежи. До конца XVIII века костёл монастыря оставался деревянным. Главный алтарь великолепной резной работы украшала икона Богоматери *Непорочное Зачатие*. Боковые алтари были посвящены Иисусу, св. Доминику, св. Винценту из Ферарры. Монахи-доминиканцы понимали неисчерпаемые возможности музыки, способной оказывать глубокое воздействие на эмоциональное состояние человека. Неслучайно ей отводилась значительная роль в богослужениях, во время которых звучало пение, играл орган и инструментальные капеллы. С 1750 года доминиканцы стали приглашать на монастырские богослужения капеллу иезуитского коллегиума, что значительно повысило посещаемость литургий. После строительства деревянного костёла в нём установили орган, организмом которого был Франтишек Подгурский (?-1687). Правда, через сто лет этот орган обветшал и находился в ужасном состоянии. Вскоре, после приглашения, иезуитская капелла отказалась играть у доминиканцев. Уровень францисканских музыкантов оказался слабым. Поэтому в 1770 году приор Альберт Трухановский, который переехал из Минска в 1768 г., завёл свою капеллу. «У красавіку пастанавіў вучыць музыцы на розных інструментах уласных прыгонных хлопцаў, каб

¹ Pidłypczak-Majerowicz, M. Biblioteki zakonne ziemi brzeskiej w XVIII i XIX w. / M. Pidłypczak-Majerowicz // Берасцейскія кнігазборы. – Брэст, 2010. – С. 384.

некалі займае уласную капэлу; таму ўзяў настаўніка, і з часам у дамініканцаў узнікла пастаяная інструментальная музыка». Аналагічна Забельскай калегіі пінскія манахі стварылі тыповы прыгонны аркестр. Настаўнік (напэўна, асоба свецкая ці з іншага ордэна, бо прыёр вымушаны быў яго «ўзяць», а брату са свайго манастыра ён «даручыў» бы) здолеў за невялікі час стварыць нядрэнны калектыў, бо ўжо ў тым жа 1770 г. дамініканская капэла ўпамінаецца ў дакументах: «З нагоды нейкай касцельнай урачыстасці і прыезду правінцыяла ў рэфекторыі [сталовая зала кляштора. – Т. Л.] на абедзе было шмат гасцей, у іх ліку біскуп Гарбацкі [новы уніяцкі біскуп. – Т. Л.] і айцец Цыпрыян Булгак, базыліянскі апат на Ляшчы. Усіх прыёр прымаў пачэсна, і дамініканская капэла іграла на абедзе, акрамя твораў да стала (sztuk stołowych), нованапісаны польскі кант да біскупа і апата і лацінскі ў гонар правінцыяла; гэта ўсім вельмі спадабалася»¹.

Манахі-домініканцы акцэнтавалі ўвагу на першую ачаду на навучнай дзейнасці, на развіцці рацыянальнага абаснована хрысціянскай філасофіі. «Дамініканцы, якія кіраваліся Статутам св. Аўгустына, асноўную ўвагу надавалі тэалагічнай падрыхтоўцы манахаў. Дамініканскія навучальныя ўстановы належалі да найлепшых у сярэднявечнай Еўропе, а з іх асяроддзя паходзілі знакамітыя тэалагі і мысліўцы: св. Томаш Аквінскі (1225-1274 гг.), св. Альберт Вялікі (каля 1200-1280 гг.) і інш. Дамініканцы былі ідэалагічнымі абаронцамі касцёлу, змагаліся з ерасямі і кіравалі інквізіцыяй (з 1232 г.) У сваёй дзейнасці асноўны акцэнт рабілі на казанні (афіцыйная назва ордэна – «Ордэн братоў прапаведнікаў»)»². «При монастыре доминиканцев в 1726 г. в Пинске открылась Высшая школа [Генеральная студия. – Авт.] Русской доминиканской провинции, которая имела право присвоения ученых степеней своим питомцам. Высшая школа содержала двух профессоров богословия и профессора философии. При этом учебном заведении существовала библиотека в 889 томов»³. В начале XIX века студии в монастыре уже не существовало. В 30–40-е годы XIX века историк Антони Мошинский нашел в монастырской библиотеке историческую хронику монастыря, составленную в 1762 году Климентом Жебровским. Можно только догадываться о тех богатствах, что хранились в доминиканской библиотеке. Думается, что после закрытия монастыря в 1850 году библиотека была вывезена в Вильну.

Городищенский бенедиктинский монастырь

В живописном месте, на высоком берегу Городищенского озера, недалеко от Пинска в 1659 году монахи-бенедиктинцы из знаменитого итальянского монастыря Монте-Кассино, основанного самим св. Бенедиктом Нурсийским, заложили монастырь. Их пригласили на Полесье полоцкий воевода Ян Кароль Копоть и его жена Анна. Еще до 1662 года здесь, в Городище, был возведен деревянный монастырский комплекс, при котором существовали школа, больница и библиотека. Приходская школа существовала, предположительно, до 1832 года, когда после подавления польского восстания царские власти закрывали католические монастыри и учебные заведения.

При монастыре действовало высшее теологическое и философское учебное заведение (студия) для монахов-бенедиктинцев, которое было ведущим в ВКЛ. Имея девиз «крестом и плугом», бенедиктинцы особое внимание уделяли культурной и экономической деятельности. Их монастыри превращались в крупные хозяйственные и культурные центры. Отсюда и богатства Городищенского монастыря: он владел почти 1500 крепостными крестьянами и стремился расширить свои земельные владения. Так, в 40-е годы XVIII века приор Вавжинец Булгарович захватил соседний Купятичский православный монастырь и его земли. Всё это позволило вести активное каменное строительство.

В середине XVIII века более 30 лет возводился новый каменный костёл, строительство которого было закончено в 1775 году усилиями аббата Станислава Клешковского (?-1814) – личности неординарной, издавшего богословский труд «Forma gregis». Небольшой костёл был построен в лучших традициях итальянского барокко, а сам монастырский ансамбль на фоне живописного озера смотрелся как сказочный городок. Костёл внутри был расписан чудесными фресками, которые отображали библейские сюжеты и эпизоды истории Речи Посполитой. Их автором считается известный художник-пиар Кароль (в монашестве – Лукаш) Гюбель (1722-1793), расписавший до этого Любешовский пиарский костёл. На стенах висело 18 религиозных картин, некоторые кисти

¹ Ліхач, Т. Каталіцкія інструментальныя капэлы Беларусі / Т. Ліхач // Мастацтва. – 1996. – №10. – С. 35.

² Ганчарук, І. Каталіцкія манаскія ордэны ў Беларусі ў 1770-х – 1820-х гг. / І. Ганчарук // Гістарычны альманах. – 2003. – Т. 9. – С. 189.

³ Злобин, Э. Из истории учреждений образования Пинщины в досоветский период / Э. Злобин // Учитель вечен на земле Полесской. – Минск, 2005. – С. 15.

итальянских мастеров. Монастырь привлекал окрестных крестьян и шляхту великолепным органом. Нам известен только один монастырский органист – Казимир Потоцкий (?-1755).

В монастыре была богатая библиотека. Польский историк Иоланта Гвёздзик исследовала её каталоги, хранящиеся в библиотеке Вильнюсского университета. «Роль чтения в жизни монахов показывала библиотека: «довольна многочисленная, состоявшая около 2000 [столько книг попало в университетскую библиотеку. – Авт.] томов. Возникла она на основе монастырских доходов (...), в ней содержались переводы Священного Писания, произведения отцов церкви, теологические, философские, аскетические и моральные труды, книги по церковной и гражданской истории, по церковному и гражданскому праву, по проповедническому и всеобщему красноречию на латинском, итальянском, польском и русском языках, изданных в Венеции, Риме, Базеле, Париже, Кёльне, Лейпциге, Вене и Майнце. Книжное собрание (по красиво оформленному каталогу «*Generale Summarium omnium libror[um] in bibliotheca Monasterii Castro Casinensis alias Horodiscensis Reperibilium conscriptu[m] anno Dn 1783 г.*», или во времена аббата Альфонса Оранского) составлено тематически, и обозначено буквами алфавита: **А** – Библейские книги (аж 51 позиция, в том числе еврейская Библия), **В** – латинские аскетические книги (труды F. Agiasa, L. Blosiusa, F. Salezego, L. Pinellego – значит самых важных европейских писателей этого течения), **С** – польские аскеты (большинство тогдашних писателей аскетично-мистической теологии, издания из Люблина, Ракова, Калиша, Варшавы), **Д** – польские проповедники (в основном – иезуиты), **Е** – проповедники (между прочим, труды Насkiego, Людвика из Гранады), **F** – философские книги и математика (в основном – труды Аристотеля), **G** – схоластико-теологические книги (между прочим, труды Петра Ломбарда), **Н** – канонические книги, **И** – теолого-моральные книги (сборники, тексты св. Бернарда), **К** – латинские исторические книги, **L** – книги различных материалов (тут, между прочим, *Хроника св. отца Бенедикта* Венгжиновича, *О крестовых походах* Устшицкого), **Л** – польские исторические книги, **М** – полемические книги, **О** – политические книги, **P** – политические книги, **R** – законы, **S** – медицинские книги, **T** – риторов, **U** – поэты, **W** – синтаксис, **X** – обряды, **Z** – панегирики. Список 1797 г. повторяет ту же систему, с детализацией позиций: **А** (9 экземпляров Библии и 13 экз. в 21 томе комментариев и канонов), **В** (65 экз. в 90 томах), **С** (соответственно, 42 экз. в 46 томах), **D** (63, 145), **E** (34, 44), **F** (57, 131), **G** (30, 101), **H** (18, 28), **I** (33, 50), **K** (39, 52), **L** (7, 22), **L** (23,30), **M** (10, 11), **N** (5 экз.), **O** (12, 12), **P** (8,12), **Q** (17, 17), **S** (12, 15), **T** (20, 31), **U** (14, 14), **W** (15, 9), **V** (16, 9), **X** (16, 9), **Y** (16, 12), **Z** (10), к этому стоит добавить 10 панегирических текстов и 100 итальянских «служащих для богослужения».

В общем, 3462 названия, к которым в начале XIX в. присоединено 97 томов. Применённое тематическое деление собрания показывает сферу деятельности монахов, также указывает на их высокий интеллектуальный уровень. В библиотеке аббатства находились, вероятно, все самые важные труды того времени, издания польских и европейских типографий. В старопольский период равнозначным с печатным было рукописное хождение текстов. В университетской библиотеке сохранились многочисленные рукописи городищенского происхождения, показывающие этапы религиозного образования, как, например, философские, риторические и теологические трактаты (между прочим, рукопись о Бенедикте Подлевского, городищенского профессора, потом плоцкого, лектора генерального капитула в 1774 г.), книги по медитации, молитвенники, руководства для новициантов, проповеди, прагматическая литература, особенно копии правил. Из сохранившихся [рукописных. – Авт.] копий печатных изданий известно, что бенедиктинцы занимались переводом текстов, копировали литургические книги, как аббат Альфонс Оранский, который «хоровые книги с нотами, переписанные собственноручно, оставил»¹.

19 декабря 1864 года последний настоятель монастыря Казимир Добровольский (1800?-1880) составил список части библиотеки из 1357 книг. В 1866 году монастырь был закрыт царскими властями. Его богатая библиотека (3712 книг) была разделена: книги религиозного содержания передали в духовное ведомство, светского – в пинскую гимназию, а рукописи и наиболее древние книги отправили в Виленскую публичную библиотеку. После восстания 1863 года царские власти продали уникальный монастырский комплекс на слом. Пинская католическая общественность, однако, выкупила его. К сожалению, красивый и живописный архитектурный ансамбль монастыря всё-таки был уничтожен немцами при их отступлении в 1944 году.

¹ Gwioździk, J. Kultura umysłowa zakonów katolickich ziemi brzeskiej XVI–XVIII ww. Zarys problematyki / J. Gwioździk // Берасцейскія кнігазборы. – Брэст, 2010. – С. 337-338.

Любешовский пиарский коллегіум

В 1684 году великий маршалок литовский, князь Ян Дольский, в местечке Любешов Пинского уезда (сейчас Волынская область Украины) фундовал монастырь ордена пиаров. В XVIII веке пиары были главными конкурентами иезуитов в области народного образования, и для этого их пригласили в ВКЛ. В пиарских школах учеба была бесплатной, плата бралась только за интернат, принимали в школы детей из самых разных слоёв населения. «Курс навучання ў рэфарміраваных піярскіх вучылішчах разлічваўся на шэсць гадоў. На працягу гэтага часу вучні павінны былі за-своіць не толькі традыцыйную ў манастырскіх вучылішчах суму ведаў па гісторыі рэлігіі і ба-гаслоўю, але і лацінскую мову, і абавязковае для будучых дзеячаў каталіцкай царквы краса-моўства. У праграму піярскіх вучылішчаў увялі і новыя прадметы: матэматыку, фізіку, гісторыю Польшчы і ўсеагульную гісторыю, «палітыку, ці азнаямленне вучняў з творамі па пытаннях палітычных і з мясцовымі законамі і правамі», а таксама родную (польскую) мову»¹.

При Любешовском монастыре в 1693 году на средства князя Яна Дольского был открыт пиарский коллегіум с шестилетним обучением, который имел ботанический сад, большую библиотеку, физический кабинет с научными приборами, в котором находилась богатая коллекция минералов, подаренная ректором Виленского университета Юзефом Твардовским. Ботанический сад, украшенный цветами и декоративными кустами, был в английском стиле, в нём находилась оранжерея, где выращивали цитрусовые культуры. Существовал оркестр учеников. При коллегіуме было три конвикта (пансиона) для детей бедной шляхты. Коллегіум возглавляли ректор (занимался административными делами) и префект (занимался учебным процессом). Преподаватели низших классов имели звание магистров, а высших – профессоров. Отметим, что в коллегіуме учились по специальной программе и новицианты – кандидаты для поступления в пиарский монашеский орден.

Историк Антони Мошинский так описывал роль латинского языка в учебном процессе коллегіума: «Однако всегда и тогда [XVIII век. – Авт.], и позднее латинский язык в Любешовской пиарской семинарии предшествовал другим наукам. Молодые воспитанники, наряду с изучением правил языка по пиарской грамматике, толковали классических римских авторов, переводили с польского языка на латинский, учили просодии [система стихосложения. – Авт.], писали латинские стихи. Эта последняя работа наиболее сильно влияла на обогащение памяти запасом слов и выражений, а также на познание языка древнего Рима. (...) Механической, наверно, была такая работа, которая не сделала никого поэтом, но не являлась бесполезной. Долго, ещё и в моё время (1816, 1817 г.) новицианты писали латинские стихи в честь ректора коллегіума, магистра новициата, или по добровольной выбранной теме, которые особенно в горацевском и сапфическом духе, обязательно должны были носить громкое имя оды. И я когда-то был таким латинским поэтом, и писал немало, даже с лёгкостью, так как молодая память крепко держала именно слова, и каждому свойственно чувство меры»².

«У 1750–60-я гг. навучальная сістэма калегіума рэарганізавана паводле рэформ С. Канарскага. У апошній чвэрці 18 ст. ў час дзейнасці Адукацыйнай камісіі Любяшоўскі піярскі калегіум быў падакруговай школай, з 1783 у Берасцейскай навучальнай акрузе, з 1790 – у асобай Піярскай навучальнай акрузе з тэрмінам навучання 6 гадоў (у 3 класах) і 4 выкладчыкамі (рэктар, прэфект, выкладчык мовы і матэматыкі, малодшы выкладчык). У 1782 у калегіуме вучылася 60 юнакоў, у 1788 – 75, у 1789 – 70»³.

Любешовский коллегіум был одним из лучших учебных заведений Речи Посполитой. Он успешно конкурировал с Пинским иезуитским коллегіумом, а после закрытия последнего, бесспорно, стал лучшим учебным заведением на Полесье, где в основном и училась местная шляхетская молодежь. В Любешове работали знаменитые ученые-пиары: Анёл Довгирд, Ежи Цярпинский, Михал Францкевич, Бернард Сыруць, Анджей Пучинский, Мацей Тукалло, Михал Харкевич, Фердинанд Серафинович, Алексей Котюжинский, Мацей Догель, Казимир Нарбутт, Станислав Юндзилл и другие. Среди воспитанников коллегіума видим польского, белорусского и американского национального героя Тадеуша Костюшко (учился в 1755–1760 годах), его старшего брата Юзефа, поэта Михала Харкевича, профессоров Виленского университета Ф. Серафиновича, Б. Сыруця и М. Францкевича. От фамилии знаменитого профессора Францкевича пошла в Речи

¹ Пасэ, У. Адукацыйная камісія / У. Пасэ // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 86.

² Moszyński, A. Kazimierz Narbutt / A. Moszyński // Athenaeum. – 1842. – Т.4. – С. 182.

³ Самусік, А. Любяшоўскі піярскі калегіум / А. Самусік // Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя. – Мінск, 2006. – Т. 2. – С. 230.

Посполитой поговорка: «Умный, как Францкевич». В коллегииуме также учился и работал знаменитый хирург и акушер, пинчук Рафал Червяковский (1743-1816).

Большой и ценной была монастырская библиотека, о которой последний ректор коллегииума и его историк Антони Мошинский писал: «Библиотека монастыря насчитывала около 3 тысяч томов, состояла из произведений преимущественно латинских, французских и польских. Имела латинских классиков (...), ad usum Delphini и другие великолепные издания.; собрание французских историков, особенно с XVIII века, собрание польских писателей, издания Мостовского, газеты и журналы прошлого и текущего столетий. Однако так называемых «белых ворон» и очень ценных книг не имела, а инкунабул было очень мало. Важнейшие рукописи: 1) Jus canonicum в 4-ть. 2) Institutiones logicae transtulit (из Кондилака) Felicianus Paszkiewicz S.P. в 4-ть. 3) Institutiones Philosophinae (de Logica) Augustini Zylewicz S.P. в 4-ть. 4) Institutiones Mathematicae 1764 Augustini Zylewicz в 4-ть. 5) Institutiones Philosophinae (de Physica) 1765 Aug. Zylewicz. 6) Ziemiopisarstwo Markwarta S.P. в 4-ть, и с несколько десятков теологических книг»¹. Была отдельная библиотека для новициантов. В монастырском архиве хранилось много старинных документов, среди которых можно отметить охранную грамоту, выданную коллегииуму в 1707 году российским императором Петром I.

При коллегииуме с 1609 года существовал фундуш (фонд) князей Вишневецких (гетмана и пинского старосты Михала Серваця Вишневецкого и его жены Катажины) на обучение двенадцати бедных учеников шляхетского происхождения, к которому позже присоединили фундуш князей Четвертинских (1703; Игнация Святополк-Четвертинского), а также фундуш подчашия пинского Людвика Куженецкого (1783).

Другие католические монастыри как центры культуры

По количеству католических монастырей Пинск уступал в Речи Посполитой Варшаве, Кракову, Вильне, Львову, Люблину, Познани, Вроцлаву, Луцку, Гданьску, Перемышлю. В Пинске преобладали нищенствующие монашеские ордена. Среди них своим аскетизмом выделялись *босые кармелиты*. «У той жа час, як усе іншыя жабрацкія ордэны, кармеліты займаліся пастырскай працай і евангелізацыяй, а таксама паглыблялі свае тэалагічныя веды»².

Монастырь босых кармелитов основал 6 мая 1734 года на берегу Пины городской ландвоит Шимон Оссовский. В 1791 году вместо деревянного костёла построили каменный. Деньги на его обустройство выделил князь Онуфрий Друцкий-Любецкий. Несмотря на свою короткую, менее чем столетнюю, историю, монастырь внес свой вклад в историю культуры Пинска. При нем не было учебного заведения, но там воспитывались дворянские дети-сироты. Здесь хранился богатый архив и была библиотека, насчитывавшая 190 книг. В 1832 году после закрытия монастыря в его библиотеке нашли древнюю рукопись: *История города Пинска*, которая была написана на старопольском языке, предположительно в XVII веке. К сожалению, рукопись вскоре пропала, как одна из неразгаданных тайн истории города.

По соседству, на берегу Пины, пильтинский каноник, основатель женского монашеского ордена мариавиток Стефан Турчинович³ поселил в 1756 году (хотя есть сведения, что и раньше) общину монашек, но забыл обеспечить их капиталом. Монашки жили за счет общественных пожертвований и обучением за небольшую плату бедных девушек. Кроме того, они зарабатывали деньги с помощью своего рукоделия. Орден мариавиток отвечал тогда в Речи Посполитой за женское образование. По примеру Девы Марии, монашки должны были заботиться о бедных девочках и сиротах. В правилах ордена читаем «помещать бедных благородных сирот, не имеющих способа к жизни, и давать онным приличное воспитание и образование». В начале XIX века в монастыре был небольшой женский пансион. Воспитанницы получали не только религиозное воспитание и начальное образование, но и навыки к самостоятельной жизни: их обучали рукоделию. Думается, что такой же пансион был и в предыдущем столетии. Кроме того, в монастыре жили молодые еврейские девушки, которые хотели перейти в христианство.

«Згодна са статутам таварыства, мар’явіткі павінны былі займацца адукацыяй дзяўчынак як на платнай, так і бясплатнай аснове. Калі ў 1818 г. у пінскіх мар’явітак навучалася 16 дзяўчынак, 8 з іх як «бедныя сіроты» вучыліся бясплатна, то ў 1829 г. навучэнак было ўжо 20: сярод іх сірот было

¹ Moszyński, A. Kronika Kollegium lubieszowskiego XX. Piarów / A. Moszyński. – Krawów, 1876. –S. 149.

² Ганчарук, І. Каталіцкія манаскія ордэны ў Беларусі ў 1770-х – 1820-х гг. / І. Ганчарук // Гістарычны альманах. – 2003. – Т. 9. – С. 189.

³ Ельскі, А. Пінск / А. Ельскі // Выбранае. – Мінск, 2004. – С. 220.

только 3, а 5 проста наведвала лекції. Гэта сведчыць аб тым, што пінскія мар'явіткі, карысталіся даволі сталай папулярнасцю ў насельніцтва, але без асаблівага поспеху»¹.

Князь Ян Кароль Дольский в 1695 году основал в предместье Каролин монастырь ордена коммунистов. Это был их единственный монастырь в ВКЛ. Поэтому коммунисты содержали во второй половине XVIII века семинарию (среднюю школу) для воспитания и обучения будущих священнослужителей. «В библиотеке Варшавского университета сохранилась рукописная книга философских работ и стихов одного из воспитанников семинарии Михаила Кодлубовского, будущего гродненского официала, написанная им в 1738-39 гг. В ней 4 трактата, посвященные различным разделам философии Аристотеля, и помещены 3 стихотворения»². Библиотека монастыря насчитывала 385 книг, в том числе Библии, напечатанные в Кёльне, Венеции, 19 хоровых бревияров (молитвенники для священников).

При монастыре была одно время и небольшая школка. Так, Людвик Куженецкий дал на фундуш на содержание пяти учеников, а пиар Игнатий Святополк-Четвертинский – одного.

Новый культурный взлёт при Михаиле Огинском и Матеуше Бутримовиче

В 1746 году знаменитый магнат и меценат культуры князь Михаил Казимир Огинский (1730-1800) получил пинскую экономию и приблизительно в 1752 году стал пинским старостой. Хотя его основной резиденцией являлся город Слоним, князь часто бывал в Пинске, где у него располагался собственный двор. Кроме того, рядом, в местечке Телеханы, находилась летняя резиденция мецената. Михаил Огинский был настоящим представителем эпохи Просвещения. Часто бывал в Париже, где близко сошелся с великим французским философом Дени Дидро. Князь даже писал статьи в знаменитую *Французскую энциклопедию*. Дидро в своих мемуарах дал высокую оценку его музыкальным способностям. Действительно, Михаил Огинский был талантливым музыкантом и композитором. Он рассказал Дидро о покровителе Полесья – святом Андрее Боболе. Писатель написал о святом в своем произведении «Разговор философа с женой маршала де ***». В 1765 году при своем дворе в Слониме Михаил Огинский создал оперный театр, капеллу и школу по подготовке балетных артистов и музыкантов. Несомненно, что свой слонимский театр он вывозил для показа представлений в любимый Пинск. А имение Гоноратин под Телеханами, где жила его сестра Гонората Огинская, вообще становится второй сценической площадкой слонимского театра. В 1784 году король Станислав Август посетил Гоноратин. Историк Адам Нарушевич писал, что король «с полным удовольствием осмотрел сады, фонтаны и украшения дворца и внимал концерту придворного оркестра. Вечером он присутствовал на представлении оперы «Дезертир» и одного балета в празднично освещенном театре»³. После 1792 года балетная школа была окончательно переведена в усадьбу Гоноратин, где находился небольшой театральный зал. Тогда в это имение из Варшавы часто приезжал Михаил Огинский, сделавший его своей последней резиденцией.

Князь много сделал для экономического развития Полесья. По его инициативе и в основном за его деньги были построены два знаменитых канала – Огинский (1765–1775) и Королевский (Днепро-Бугский, 1775–1784), превратившие Пинск в «полесский Ливерпуль» – в «порт двух морей». Строительством каналов занимался приятель и доверенное лицо князя – Матеуш Бутримович (1745-1814). Не будучи полешуком, он на Пинщине пустил глубокие корни. В своем имении Кристиново Бутримович впервые на Полесье провел мелиоративные работы, применял передовой сельскохозяйственный опыт. Неслучайно, его называли *Преобразователем Полесья*. После окончания строительства Королевского канала весной 1784 года Бутримович отправил по нему в Варшаву целую флотилию судов с полесскими товарами: свежим мёдом, сушеными вьюнами, грибами, воском, вяленой рыбой, ячменными крупами, лоем (говяжий жир) и т. д., чем удивил население столицы и самого короля. Осенью Станислав Август сделал ответный визит на Полесье, в ходе которого в Пинске собственноручно положил первый камень в основание дворца Бутримовича. Красавец-дворец построили только через десять лет.

Во время путешествия монарха полешуки решили поразить его своими талантами. В имение Дубой под Пинском дочка пинского ловчего, паненка Куженецкая, под музыкальное сопровожде-

¹ Антановіч, З. Пінскі кляштар мар'явітак (паводле крыніц НГАБ) / З. Антановіч // *Архіварыус*, 2005. – Вып. 3. – С. 7.

² Злобин, Э. Развитие библиотечного дела на Пинщине / Э. Злобин // *Берасцейскі хранограф*. – Брэст, 1999. – Вып. 2. – С. 108-113.

³ Цеханавецкі, А. Міхал Казімір Агінскі і яго «сядзіба музаў» у Слоніме / А. Цеханавецкі. – Мінск, 1993. – С. 33.

ние исполнила стихотворную арию «За здоровье его величества короля». Пребывание монарха в Пинске сопровождалось балами и концертами, причем местная капелла играла до рассвета. Своими стихами на польском языке встречали Станислава Августа пинские поэты: староста Франтишек Хоминский и ксёндз Михал Харкевич. Когда король отправился в имении Матеуша Бутримовича – Кристиново, то дорогу от Пинска украсили прозаичными и стихотворными надписями на четырех языках – польском, латинском, русинском и еврейском, а также триумфальными арками. Вдоль дороги стояли сотни крестьян из окрестных деревень: одни из них играли на дудочках, другие – на цимбалах, третьи пели и танцевали, инсценируя дожинки. Ремесленники показывали свои изделия, а их дети – умение читать. Дело в том, что Матеуш Бутримович открыл в ближайшем селе Лопатин школу для детей ремесленников и крестьян, где вначале учили читать и писать, а потом – разным ремёслам: изготовлять замки, рессоры, кресла и другие изделия¹. Король Станислав Август наблюдал за «танцующим простым народом», которому подыгрывали крестьяне из села Галево – «один на скрипке, а второй на цимбалах». В самом Кристинове монарх предложил дочке хозяина юной Юзефине (в будущем мать знаменитого художника Наполеона Орды) сыграть на клавикордах и, довольный её игрой, «просил, чтобы музыкантку послали в Варшаву».

В 1788 году Матеуш Бутримович был избран депутатом знаменитого Четырехлетнего Сейма. 16 апреля 1789 года, выступая на заседании сейма, он обвинил православных священнослужителей в подстрекательстве крестьян к бунтам. Будучи патриотом своей страны, пинский подстароста прекрасно понимал, что для её спасения необходимо интегрировать в польское общество православных и евреев. «Вялікую вядомасць атрымаў Бутрымовіч, унёсшы на разгляд сойма прапанову «далучыць яўрэяў да мяшчанскага стану», у якой прадгледжваліся крокі, накіраваныя да лібералізацыі ўнутранага жыцця яўрэйскіх абшчын. Гэтая прапанова мела на мэце дасягненне грамадзянскага адзінства «паспалітага люду»»². Реформатор был автором двух книг политического содержания. Много внимания он, как уже говорилось, уделял и просвещению своих крестьян.

В 1780 году был назначен пинским старостой другой приятель и сотрудник князя Огинского – писатель и переводчик Франтишек Хоминский (?-1809), автор ярких стихотворений и публицистических произведений, что не могло ни сказаться положительно на культурной жизни Пинска. Доказательство этому пышный прием короля в 1784 году. Обширной культурной программой руководили пинский староста Франтишек Хоминский и подстароста Матеуш Бутримович. Староста дал тогда бал в честь короля, Станислав Август открыл его танцем с женой пинского маршалка, князя Франтишка Друцкого-Любецкого.

Монарх участвовал в освящении в костёле знамен конных полков, квартировавшихся в городе. Тогда в Пинске стояли конные полки польной и большой булавы Великого Княжества Литовского: полк Огинского и полк Грабовского, которые имели капеллы, состоявшие из нескольких медных и деревянных духовых инструментов. Так, капелла конного полка Огинского состояла из гобоистов: Бенедикта Козловского и Михала Легуцкого, а также из барабанщиков – Григория Белявского и Винцента Пётуха³. Конечно, эти капеллы принимали участие в торжественной встрече короля в 1784 году и в праздновании именин монарха в 1791 году, когда прозвучал марш духовых инструментов. Из тогдашних городских инвентарей следует, что в Пинске жили художники Борковский и Хведор.

Как видно, перед последними разделами Речи Посполитой культурная жизнь Пинска была насыщенной.

Телеханская фаянсовая мануфактура

Знаменитый меценат, князь Михал Казимир Огинский в 1779 году основал в местечке Телеханы Пинского уезда фаянсовую мануфактуру, о которой расскажем, используя материалы её истории Валерия Жука⁴. Как считают польские искусствоведы, на начальном этапе на ней работали шведские специалисты из города Мариенберга, что под Стокгольмом. Первые изделия: вазоны, кувшины, чашки, тарелки, чайники, скульптуры малых форм, подсвечники, кафельная плитка и др. изготовлялись в стиле рококо и барокко. Изделия украшались рельефным декором (чаще всего гирляндами цветов, плодов и листьев) и расписывались с преобладанием красных и зелёных кра-

¹ Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Федорук. – Минск, 2004. – С. 31.

² Ільяноў, В. Нашчадак рыцара Бутрыма / В. Ільяноў // Беларуская мінуўшчына – 1997. – № 3. – С. 40.

³ Дадіомова, О. Музыкальная культура городов Белоруссии в XVIII веке / О. Дадіомова. – Минск, 1992. – С. 204.

⁴ Жук, В. Декоративно-прикладное искусство Беларуси XVIII–XX в. / В. Жук. – Минск, 2006.

сок. В конце XVIII века сильное влияние оказывает классицизм: появляются античные мотивы, типичным становится декор из венков, женских масок, розеток и т.п. Производятся новые виды изделий: декоративные вазы и вазы-курительницы, достигавшие значительных размеров (до 90 см в высоту), фризы и карнизы для украшения каминов и печей. Появляются и фольклорные мотивы: местные мастера лепили не утончённые женские головки, а лица простых крестьянок. По технике выполнения изделия телеханских мастеров всё-таки уступали лучшим образцам западноевропейских мастеров.

В начале XIX века продукция мануфактуры становится более простой и демократической, рассчитанной на широкие слои населения, преобладает производство фаянсовой посуды, даже белой. После 1820 года мануфактура попадает в руки откупщиков и вскоре приходит в запустение, прекращает своё существование в 1830 году. Сохранилось немного изделий мануфактуры, например, садовые вазы, хранящиеся в польских музеях. Телеханский фаянс имел своё клеймо в виде латинских букв «С» и «СО». Буквы, скорее всего, являются аббревиатурой княжеского титула Михала Казимира Огинского (Conte Oginski), которую он использовал на своём гербе.

Велятичский кружок

Под Пинском в имении Велятичи образовался ещё один культурный центр. Королевский шамбелян Казимир Езерский пригласил в свои полесские имения великого польского историка и поэта Адама Нарушевича поработать над «Историей польского народа», которую учёному заказал король Станислав Август. С 1777 по 1779 год Нарушевич плодотворно работал над фундаментальным произведением, большая часть которого была создана в Велятичах. Думается, что многие документальные источники королевский историк получил из богатых библиотек и архивов пинских монастырей и усадеб.

Это был самый счастливый период в жизни Адама Нарушевича. Жить и работать на лоне природы – это было в духе модных тогда идей великого французского философа-просветителя Жан-Жака Руссо. В работе по сбору и копированию исторических материалов Адаму Нарушевичу помогали сам хозяин имения Велятичи Казимир Езерский, а также секретари историка Фабиан Сакович и Матеуш Нелюбович-Тукальский. Фабиан Сакович (1742-после 1777) – довольно известный в то время поэт, переводчик и педагог-иезуит. Матеуш Нелюбович-Тукальский, представитель знатного полесского дворянского рода, увлекался народным фольклором и историей. «Супольнікам Нарушевіча па даследчай працы быў яго сакратар, гісторык Матэвуш Тукальскі-Нелюбовіч, які ў той час з навуковымі мэтамі шукаў «рэха мінулага» не толькі сярод архіўных дакументаў, а і ў вуснай народнай творчасці. Збіраў ён песні на Жмудзі і Літве. Спявалі яму мясцовыя «ліцьвіны» ў Любчы, Вяляцічах, дзе з 1779 г. ён жыў. Праўда, што-небудзь канкрэтнае сказаць пра яго запісы цяжка, паколькі яны не былі надрукаваны, а лёс арыгінала невядомы»¹. При таких помощниках не хотелось Адаму Нарушевичу покидать Полесье, но приказ друга-короля заставил историка в 1779 году вернуться в Варшаву.

В 1786 году оригинальные книги знаменитого архива – *Литовской Метрики* – благодаря усилиям Адама Нарушевича, канцлера Александра Сапеги и подканцлера Иоахима Хрептовича были заново переплетены, в каждую книгу был вклеен печатный титульный лист и, составленный метрикантом Григорием Качановский, реестр документов в латинской транскрипции. Всю работу по упорядочению Литовской Метрики в течение двух лет сделал метрикант (архивист) и королевский секретарь Григорий Качановский (с типично пинской фамилией). Он в 1787 году составил «Инвентарь книг Метрики Великого Княжества Литовского». Думается, что Качановский также входил в велятичский кружок и помогал там Нарушевичу.

Православные и их культура в XVIII веке

Униатство на Полесье в XVIII веке в основном победило, но многие православные на Пинщине от своей веры не отреклись. И центром этой борьбы православных за выживание являлся Пинский Богоявленский монастырь. Особенно проявил себя в такой борьбе Феофан Яворский – игумен Богоявленского монастыря (с 1758 по 1768 год). Понимая всю важность просвещения для сохранения православной веры и подготовки кадров священнослужителей, он при монастыре открыл начальную школу для детей пинских мещан и священнослужителей, где наряду с другими предметами изучали польский и церковно-славянский языки. Настоятель также собрал монастырскую библиотеку. При ней был богатый архив исторических документов и дарственных грамот, часть из

¹ Каханоўскі, Г. Беларускае фалькларыстыка / Г. Каханоўскі, Л. Малаш, К. Цвірка. – Мінск, 1989. – С. 36, 37.

которых относилась к временам Витовта и Сигизмунда Старого. Богоявленский монастырь пользовался большим авторитетом среди православных Речи Посполитой. Благодаря авторитету обители и влиянию Матеуша Бутримовича в монастыре в июле 1791 года состоялась Пинская генеральная конгрегация, то есть съезд православного духовенства и мирян, на котором приняли решение о создании в стране независимой от российской власти церкви. Однако это решение, по причине раздела Речи Посполитой, воплотить в жизнь не удалось.

«Руководство православными приходами Пинщины осуществлялось через игуменов Пинского Богоявленского монастыря. Внешним знаком их отличия были фиолетовая мантия и золотой наперсный крест. В ведении игуменов находились приходы трёх протопопий: Пинской, Туровской и Давид-Городокской. В 1771 году в Пинской протопопии насчитывалось 7 церквей, в Туровской – 7, в Давид-Городокской – 13»¹. В местечке Давид-Городок никогда не было унии, поэтому здесь хранили традиции православного искусства. Тут трудилась плеяда талантливых иконописцев, резчиков, золотарей: Филипп (1663-1681), Корней (1702-1763), Кемей (1734-1735), Ярко (1734), Проконий Гречко, Леонтий (1764). Наверно, можно говорить о местной иконописной школе. Восхищают, прежде всего, замечательные резные Царские врата Свято-Георгиевской церкви (1724).

Нами найден интересный документ², который дает представление не только о положении православного духовенства на Пинщине сразу после раздела Речи Посполитой, но и об уровне образования членов семей священников.

Ведомость Давидгородской и Пинской протопопий о наличии церквей и священно-церковнослужителей и их жен и детей и о приходах с коликое число дворов за 1793 год, в Давидгородском духовном правлении сочинена

В местечке Давидгородок Церков Воскресения Христова Новая Деревяна.

Другая Церков приписна Загородом в поле во именованіе Святого Великомученика Георгия Старая Деревяна.

При оной Церкви

Священник Евфимий Сениевич удов 46 лет]

Другой части викарний Матвей Янчиновский 48 [лет]

Жена его Анастасия 37 лет

Дети их

Симеон в священника Лулинецкого Алексія Юзефовича обучается писать по руску

и по полску и наслугует в дьяконской должности 14 [лет]

Григорий обучается в Давидгородской школе писать 12 [лет]

Мария 9 [лет]

Евдокия 7 [лет]

Петр 5 [лет]

Невестка умершего Протоиерея Федора Ахимовича Агафия живет на половинном доходе Дети ея

Петр обучается в Слуцкой Семинари 19 [лет]

Иоанн съехал в Могилев 16 [лет]

Дяк Иоанн Бранцевич мещанин 34 [года]

Пономарь Андрей Смородский мещанин 36 [лет]

Прихит писаной Церкви приходских дворов 496

В Селе Олианах Церков Святыя великомученицы Параскевы Новая Деревяна

При оной Церкви

Священник Емельян Ворсоба 35 [лет]

Жена Его Татьяна 29 [лет]

Дети их

Дария 13 [лет]

Параскевия 11 [лет]

Яков обучается в доме русской грамоте 8 лет

Евдокия 5 [лет]

Ефросиния 2 [года]

Братанич его Стефан в дяковской должности 25 [лет]

¹ Костюк, В. (о. Василий) Очерки по истории Православия в Пинском Полесье (X – XVIII вв.) / В. Костюк // Запискі Культурна-гістарычнай Калегіі імя Канстанціна Астрожскага. – Брэст, 2002. – С. 76.

² НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 429. – Л. 3-6.

Прихит писаной Церкви приходских дворов 95
В Селе **Малешеве** Церков Св. Апостола Иоана Богослова Новая Деревяна
Другая приписна Церков в селе **Березовцы** Св. Архистратига Михаила Старая Деревяна
При оной Церкви
Священник Симеон Струковский 36 [лет]
Жена его Анна 31 [год]
Дети их
Иоанн обучается в доме русской грамоте 11 [лет]
Брат Его Павел в дяковской должности 33 [года]
Прихит писаных Церквах приходских дворов 84
В Селе **Велемичах** Церков Святаго Пророка Илии Старая Деревяна
При оной Церкви
Священник Федот Сулковский 45 [лет]
Жена его Анна 35 [лет]
Дети их
Иоанн обучается в Пенской семинарии 19 [лет]
Татьяна 15 [лет]
Симеон обучается в дому роской грамоте 8 [лет] Христина 5 [лет]
Стефан 2 [года]
Дяк Максим Сулковский С: [священника] сын сторожовец 20 [лет]
Прихит писаной Церкви приходских дворов 56
В Селе **Олпен** Церков Успения пресвятыя Богоматери Новая Деревяна
При оной Церкви
Священник Антоний Чернянский 34 [года]
Жена его Матрона 25 [лет]
Дочь их Агафия 2 [года]
Мати Его Феодосия 72 [года]
Дяк Косма Селевский малоросиец 25 [лет]
Прихит писаной Церкви приходских дворов 40
В Селе **Лядце** Церков Святаго великомученика Георгия Старая Деревяна
При оной Церкви
Священник Александр Кирикевич 43 [года]
Жена его Татияна 33 [года]
Дети их Иоанн обучается в дому русской грамате 11 [лет]
Варвара 7 [лет]
Татияна 2 [года]
Дяк того села жител Федор Ерусалимович 40 [лет]
Прихит писаной Церкви приходских дворов 64
В Селе **Рублях** Церков Святаго Архистратига Михаила Старая Деревяна
При оной Церкви
Протоиерей Григорий Раславский 45 [лет]
Жена его Мария 29 [лет]
Дети их
Елена 6 [лет]
Теща его Мария 56 [лет]
Умершаго Священника Карна Яремича жена Васса 31 [год]
Дети Ея
Григорий обучается в Киве 13 [лет]
Анилина 8 [лет]
Должность дяковскую по охоте правлять прихожане тоже и пономарскую
Прихит писаной Церкви по выходе моем из арешту вычислено мною Протоиереем приходских дворов, кои еще не совсем на унию и на римскую религию пристали таковы оставшихся число 55
В Селе **Белоуше** Церков Пресвятыя Троицы Старая Деревяна
При оной Церкви
Священник Гавриил Струковский 40 [лет] Жена его Анна 37 [лет]
Дети их
Иоанн обучается в Слуцкай семинарии 15 [лет]

Ефросиния 7 [лет]

Дяк Давидгородский мещанин Мойсей Шаприло 20 [лет]

Прихит писаной Церкви приходских дворов 168

В Селе **Олманах** Церков Воскресения Христова Старая Деревяна

При оной Церкви

Священник Иоанн Сулковский 29 [лет]

Жена его Иулиана 21 [год]

Дочь их Евдокия 2 [года]

Умершаго С: Константина Яхимовича Жена Евдокия 60 [лет]

Дети Ея

Михаил к церковнослужению неспособен 33 [года]

Жена его Пелагея 30 [лет]

Стефан Дяком 29 [лет] Федор неучен 21 [год]

Богдан неучен 19 [лет]

Прихит писаной Церкви приходских дворов 80

В Селе **Старосели** Церков Святителя Николая Старая Деревяна

Другая приписна Церков в Селе **Переходичах** теж Святителя Николая Старая Деревяна

При оных Церквях Священник Антоний Мисевич удов 53 [года]

Дети его Павел обучается в Слуцкой семинарии 21 [год]

Сава обучается в дому русской грамоте 15 [лет]

Стефанида 13 [лет]

Параскевия 11 [лет] Дяка настоящего не имеется

При оных церквях приходских дворов 64

В Селе **Березове** Церков Рождества Пресвятыя Богородицы погорела 1793-го года Июля 23.

Другая приписна Церков в селе **Блэжонах** Покров Пресвятыя Богородицы Новая Деревяна

При оных Церквях

Священник Иоанн Рункевич 58 [лет]

Жена его Марина 53 [года]

Дети их

Андрей обучается русской и полской грамоте приходским дяком 30 [лет]

Жена его 24 [года]

Дочь их Мелания л [наверно, новорожденная]

Димитрий не учен 21 [год]

Агрипина 15 [лет]

Василий обучается в дому русской грамоте 11 [лет]

Федор обучается тож русской грамоте 9 [лет]

При оных Церквях приходских дворов 76

Пенская Протопоии

В Селе **Лулинице** Церков Водвижения чеснаго Креста Старая Деревяна

При оной Церкви

Священник Алексей Юзефович 73 [года]

Жена его Агафия 64 [года]

Дети их

Рафаил обучен Руской и полской грамоты приходским дяком 35 [лет]

Жена Его Анна 16 [лет]

Иосиф обучен русской и полской грамоты находится в сиятельной пане Щитовой 24 [года]

Прихит писаной Церкви приходских дворов 101

В Селе **Вуйвичах** Церков Святаго Пророка Илии Нова Деревяная

При оной Церкви

Священник Федор Юзефович 43 [года]

Жена его Феодосия 39 [лет]

Дети их

Петр в дому обучается русской грамоты 8 [лет]

Иоанн 4 [года]

Иосиф 2 [года]

Дяк: Стаховскаго Стефана сын Федор Артемович 22 [года]

Прихит писаной Церкви приходских дворов 88

В Селе **Стахове** Церков Покров Пресвятыя Богородицы Старая Деревяна
При оной Церкви
Священник Самуил Олпенский 60 [лет]
Жена его Татяна 34 [года]
Дочь их Агрипина 7 [лет]
Другой священник Стефан Артемович 54 [года]
Жена его Мелания 44 [года]
Дети их
Федор обучен русской грамоте находится при церкви Вуйвицкай дяком 22 [года]
Анна 17 [лет]
Стефанида 14 [лет]
Василий обучается в дому русской грамоты 8 [лет]
Агафия 6 [лет]
Марина 4 [года]
Екатерина 2 [года]
Прихит писаной Церкви приходских дворов 129

В Селе **Плотнице** Церков Покров пресвятыя Богородицы Новая Деревяна
При оной Церкви
Священник Матвей Киркевич 54 [года]
Жена его Агафия 40 [лет]
Дети их
Даниил обучается в Слуцкай семинарии 15 [лет]
Петр обучается в Слуцку 13 [лет] Евдокия 9 [лет]
Феофия
Прихит писаной Церкви приходских дворов 89

В Селе **Качановичах** Церков Святыя великомученицы Параскевы Новая Деревяна
При оной Церкви
Священник Петр Киркевич 36 [лет]
Жена его Мария 29 [лет]
Дети их
Иоанн обучается в дому русской грамоты 10 [лет]
София 8 [лет]
Татяна 2 [года]
Прихит писаной Церкви приходских дворов 35

В Селе **Серниках** Церков Святаго великомученика Димитрия Новая Деревяна
При оной Церкв
Священник Петр Трусевич вдов 69 [лет]
сын его Иоанн обучен русской грамоты упражняется хозяйством 29 [лет]
Жена его Пелагия 27 [лет]
Дети их
Иулияна 10 [лет]
Стефан 6 [лет]
Матрона 4 [года]
Василий 2 [года]
Дяк онаго села житель Симеон Махнович 62 [года]
Прихит писаной Церкви приходских дворов 99

Протоиерей Давидгородский и Пенский
Григорий Раславский

Если изучить приведенный документ, в котором основное внимание уделено уровню образования и способности к церковному служению сыновей православных священников, то можно прийти к интересным выводам. Можно предположить, что у царских властей в 1793 году, а может и ранее, уже были планы уничтожения церковной унии. И для осуществления этого церковные чиновники прикидывали – сколько священников можно подготовить из среды местной православной молодёжи? Тогда на Пинщине дело образования священнических сыновей было поставлено очень хорошо: с 7 по 14 лет мальчики обучались русской и польской грамоте, закону Божию дома, у своих отцов или у приходского дьяка, или в приходских школах в Давид-Городке и Пинске.

В 15–16 лет поступали в духовные семинарии в Слуцке, Пинске и даже в Могилёве. Похоже, что начальная школа при Пинском Богоявленском монастыре со временем превратилась в семинарию. Однако ещё каких-то 10–20 лет назад дело образования сыновей священников было поставлено плохо. Действительно, среди священнических сыновей (старше 30 лет) много необразованных. В этом прогрессе на педагогической ниве, наверно, велика роль епископа Виктора Садковского, который прибыл в 1784 году в Слуцк и вскоре возглавил воссозданную в Речи Посполитой православную епархию, подчинявшуюся киевскому митрополиту. Он увидел низкий образовательный уровень православных священников на Полесье и во всей Речи Посполитой. По его инициативе императрица Екатерина II издала 15 апреля 1785 года указ о создании Слуцкой духовной семинарии, преподаватели которой были приглашены из Киево-Могиланской академии.

Возникает вопрос: когда возникла Пинская духовная семинария? Исследователь Руфин Игнатьев писал, что при Пинском Богоявленском монастыре существовало училище, которое при открытии Минской епархии в 1794 году было обращено в духовную семинарию¹. Также можно предположить, что семинария была открыта даже чуть раньше в 1793 году. Возможно, в пинскую семинарию также были приглашены преподаватели из Киева, а обучение в ней велось на русском языке. Можно предположить, что пинская семинария была закрыта приблизительно в 1798 году, когда российский император Павел I сократил число духовных семинарий. Кроме того, когда к власти в 1796 году пришел император Павел I, и прекратился массовый перевод униатов в православие, то не было уже потребности в подготовке большого числа православных священников.

Пинское уездное училище

После ликвидации ордена иезуитов (1772 г.), как известно, была создана Пинская трёхклассная подокружная школа с шестилетним сроком обучения, которая располагалась в здании бывшего иезуитского коллегиума. После второго раздела Речи Посполитой в 1793 году, когда Пинщина вошла в состав Российской империи, новые власти провели реорганизацию системы образования. В 1800 году Пинская подокружная школа получила статус четырёхклассного уездного училища. В том же году весь комплекс бывшего иезуитского монастыря передали православному Богоявленскому монастырю. Архимандрит Лазарь существенно потеснил училище: выделил для него и для жилья его учителей неудобную часть здания коллегиума, причем потребовал за использование здания плату 100 рублей в год. Францисканцев на короткий период отстранили от руководства училищем.

В 1803 году был создан Виленский учебный округ, во главе которого стал близкий друг императора Александра I, польский патриот, князь Адам Ежи Чарторыйский, проводивший политику активной колонизации образования в вверенном ему учебном округе. Основным языком обучения в училищах и школах оставался польский. «Асноўнае месца ў новым вучэбным плане павятовых вучылішчаў займала вывучэнне польскай і лацінскай моў і літаратуры, а таксама французскай і нямецкай моў. Прыблізна чвэрць усяго вучэбнага часу адводзілася на фізіка-матэматычныя і прыродазнаўчыя навукі. У гэтых вучылішчах выкладаліся таксама гісторыя, геаграфія, логіка і права. Так званае хрысціянскае вучэнне ў вучэбным плане адсутнічала, але мясцовы свяшчэннік быў абавязаны кожны дзень перад урокамі і ў святочныя, і нядзельныя дні вадзіць вучняў на набажэнствы. Руская мова ў вучэбны план увадзілася толькі ў тым выпадку, калі сярод вучняў знаходзіліся ахвотнікі яе вывучаць»². Уездные училища объявлялись всесословными. В действительности, они были доступны только богатым. Крестьянские дети могли получать начальное образование или в приходских школах, или в немногочисленных сельских школах, которые содержали богатые помещики.

Тогда же, в 1803 году, был создан Виленский университет, которому подчинялись все учебные заведения округа. Визитатор (инспектор) университета так описывал ситуацию, которая сложилась вокруг Пинского уездного училища: «По причине тесноты дома для помещения училища в Пинске университет признал нужным уездное училище в этом городе поручить ксёндзам Францисканам. Визитатор имеет поручение осмотреть состояние их дома в Пинске и вникнет в их приготовления к надлежащему содержанию училища. Касательно же училищного дома, отданного греко-российскому архимандриту, визитатор осведомится, весь ли тот дом ему отдан по повелению высшего начальства, или та только часть, которая бывшею эдукационною комиссией отделе-

¹ Памятная книжка Минской губернии на 1878 год. – Минск, 1878. – С. 12.

² Пасэ, У. Асвета і грамадска-палітычны рух у школах Беларусі ў першай палавіне XIX стагоддзя / У. Пасэ // Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мінск, 1968. – С. 134.

на была от греко-униатского епископа, а прочее должно принадлежать к эдукационному фонду, почему к сему поручению университет приобщает выписку с постановления оной комиссии касательно сего дома. Визитатор также узнаёт в Пинске и в других местах сей губернии, где помещики, желая получить прибыль через наём учащимися квартир, делают такие распоряжения, которые бывают не выгодны и в тягость последним, как например: зажиточнейшим подданным своим запрягают принимать учеников на лучшие квартиры, дабы через то беднейшие, нанимая свои дома дороже, впрочем невыгодные, могли поправить скудное своё состояние и выплачивать господину подать. Визитатор особенно донесёт о сём университету»¹. Увеличили тогда до пяти и число классов в училище.

О деятельности в ту пору Пинского уездного училища под управлением францисканцев подробно пишет современный историк католической церкви Юзеф Макарчик: «В 1805 – 1832 годах по поручению властей Виленского университета братья-монахи [францисканцы. – Авт.] взяли под свою опеку уездное училище в Пинске. Сохранились подробные данные, относящиеся к функционированию этого училища, которое называли поиезуитским. (...)»

Здание школы [деревянное на каменном фундаменте] располагалось возле монастыря. Имело оно пять залов [четыре классных помещения], обогреваемых зимою. Училище имело лаборатории: физическую и математическую с необходимыми принадлежностями для проведения занятий. Учителя жили в монастыре, а ученики на наёмных квартирах в городе, платя за годичное содержание (включая питание) 200 польских злотых. Училище имело библиотеку, доставшуюся ему от иезуитов, которой пользовались учителя и ученики»². Библиотека имела книги по следующим разделам: «Отцы церкви и теология» – 593 книги; «Проповеднические» – 280; «Священная история и история и пророчества» – 287; «Право» – 108; «Философия» – 178; «Риторика и литература» – 398; «Медитация» – 144; «Разногласия» – 105; «Духовность» – 81; «Разное» – 477; «Манускрипты» – 380; «Для польских и русских учителей» – 49; общее число книг – 3080. Отметим, что в библиотеке было много ценных рукописей – 380. Учителя заботились об увеличении библиотеки и средств обучения: в 1807 году было куплено 90 книг. Через семь лет в библиотеке имелось 3079 книг, а также *земной и небесный глобусы*. На средства монастыря было приобретено 95 книг.

Интересным был преподавательский состав училища.

Персональный состав учителей Пинского уездного училища в 1808 г.

Учителя	Предметы, которые преподают
о. Антони Рамотовский	Смотритель, физика и математика
о. Мельхиор Луневский	Красноречие
о. Доминик Хжановский	
о. Юзеф Головка	Русский язык
о. Якуб Маковский	Французский язык
о. Станислав Тшцинский	

Персональный состав учителей Пинского уездного училища в 1810 г.

Учителя	Предметы, которые преподают
о. Антони Рамотовский	Смотритель, физика и математика
о. Мельхиор Луневский	Красноречие
о. Доминик Хжановский	
о. Юзеф Головка	Русский язык
о. Якуб Маковский	Французский язык
о. Станислав Тшцинский	
о. Рогер Кшинский	Духовник, рисование

Персональный состав учителей Пинского уездного училища в 1816 г.

Учителя	Предметы, которые преподают
о. Доминик Хжановский	Смотритель, польская и латинская грамматика
о. Юзеф Головка	Физика, история, математика
о. Антони Жебровский	История права и литература

¹Крачковский, Ю. Исторический очерк деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования 1803-1832 / Ю. Крачковский. – Вильна, 1903. – Ч. 1. – С. 60.

² Makarczyk, J. Kustodia Grodzieńska / J. Makarczyk. – Grodno, 2006. – S. 93.

о. Тимотеуш Юзефович	География, арифметика, моральная теология
о. Станислав Нарбут	Духовник, русский и французский языки

Персональный состав учителей Пинского уездного училища в 1818 г.

Учителя	Предметы, которые преподают
о. Мельхиор Луневский	Смотритель, красноречие
о. Юзеф Головка	Физика, математика
о. Кароль Короза	Польский, латинский и французский языки
о. Тимотеуш Юзефович	География, моральные науки
о. Станислав Нарбут	Духовник, русский язык

Персональный состав учителей Пинского уездного училища в 1822 г.

Учителя	Предметы, которые преподают
о. Кароль Короза	Смотритель, французский язык
о. Каэтан Панфилович	Физика, математика
о. Ян Пайончковский	Литература
о. Тимотеуш Юзефович	Польский и латинский языки
о. Францишек Любовицкий	Астрономия, география, моральные науки
о. Францишек Махцинский	Русский язык

Персональный состав учителей Пинского уездного училища в 1825 г.

Учителя	Предметы, которые преподают
о. Каэтан Панфилович	Смотритель училища
о. Ян Пайончковский	Логика и литература
о. Тиберий Павловский	Арифметика, математика
о. Ромуальд Болинский	История, география
о. Францишек Махцинский	Русский язык, христианская доктрина
о. Адриан Новогрудский	Французский язык
брат Ипполит Пёнковский	Физика, история и агрономия
брат Бенедикт Заремба	Немецкий язык

В отличие от других учебных заведений Виленского учебного округа преподаватели в пинском училище менялись редко. В апреле 1826 года Герасим Кутневич, директор училищ Минской губернии, так описывал состояние учебного заведения: «И учебная, и хозяйственная части сего училища найдены в хорошем состоянии, что я приписываю деятельности смотрителя оногo ксёндза Панфиловича. Даже российский язык, вопреки ожиданию моему, преподаётся здесь довольно успешно. Учитель сего языка ксёндз Махцинский, зная сей оный грамматически, обучает оному усердно и внушает необходимость и пользу его учащимся, а тем много содействует к успехам в оном. Неослабный надзор смотрителя держит всё не только в училище, костёле и церкви, но и вне оных в надлежащем порядке и устройстве относительно учащихся. Не имел ни малой причины к неудовольствию в сем училище, обязанностью моею почитаю просить правление университета не оставить сказать несколько благосклонных слов смотрителю Панфиловичу и учителю Махцинскому за ревностное прохождение должностей их в поощрении их к вящему трудолюбию. Копию с акта визиты сего училища, в котором оно пространнее описано, присоединяю здесь под буквою Л.»¹.

Юзеф Макарчик пишет также и об учебных программах: «На основе сохранившихся книжек, которыми пользовались учителя и ученики можно рассказать больше о самой программе и её объёме. Для примера, предметы «Красноречие» и «Поэзия» состояли из двух частей и 21 раздела, а в них были вопросы, связанные с красноречием, написанием писем, а также с обучением произношения и письма. На уроках физики давались сведения о Земле, временах года, реках, ветрах и облаках, силе сжатия, свете, звёздах, луне и солнце, и о свойствах тел. На занятиях по географии касались вопросов картографии: о Земле и планетах, о вращении Земли, луны, а также проблем гномоники, то есть науки о компасах. Вопросы по арифметике включали сведения о числах, о сложении и вычитании дробей, их умножении и делении, упражнения с дробями, о правилах трёх, о процентах, общий счёт, меры длин и веса. Геометрия включала вопросы: линии и плоскости, те-

¹ Белоруссия в эпоху феодализма. – Минск, 1979. – Т. 4. – С. 339.

лесные углы, призмы, пирамиды, цилиндры, шары и подобные тела. Изучали также французский язык по учебнику Gedike F. *Wypisy francuskie*. Латинская грамматика включала сведения о правописании, частях речи, синтаксис и словарь. История содержала сведения о происхождении человечества, большой культуре, географических открытиях, о польских королях, историю немецкого народа»¹.

Училище фактически готовило низших государственных чиновников. Один из них Иван Андреевич Сачковский, который окончил училище в 1828 году, вспоминал: «Будучи в совершенном малолетстве, отдан Родителями моими давно уже умершими, к наукам в бывшее Пинское Уездное для дворян училище, состоящее на степени Гимназии. В оном обучаясь преподаваемых наук, как то: в двух низших классах, Закона Божия, нравственной науки, Грамматики, Арифметики, Географии и переводов с Латинского на другие языки, а в высших: Математики, Алгебры, Географии Астрономической, Физики, Истории Натуральной, Ботаники, Риторики, Поэзии, Историей: Русской, Греческой и Римской, переводов Латинских сочинителей: Вергилия, Горация, Овидия и Цицерона – в 6-ом классе кончил полный курс таковых – после этого обучался два года законоведению (...)»². Стоит подчеркнуть, что такой набор учебных дисциплин почти отвечал уровню гимназии.

В 1819 году была проведена инспекция училища. Во время её составили список учеников по классам.

класс	количество учеников
вступительный	11
I	14
II	19
III – первый год	21
III – второй год	7
IV – первый год	6
IV – второй год	9
Итого	87

В училище работали так называемые домашние смотрители. Было их семь.

В 1819 году учебное заведение посетил знаменитый земляк, заместитель генерального визитатора школ и учебных заведений Минской губернии, почётный смотритель школ Пинского уезда Юзеф Твардовский, который отметил: «Учителя этого училища достойны доверия провинциала о. Антони Михаловского, который их призвал к этой важной общественной обязанности, выполняли они все пожелания Виленского университета, заботились о добром имени этого училища»³. Однако посетив по поручению Виленского университета все учебные заведения Минской губернии, Юзеф Твардовский⁴ отметил, что народное образование в этой губернии находится в совершенно пренебрежительном состоянии, так как плебаны и настоятели монастырей охладели в своей ревности к народным школам, а светское сословие не желает участвовать в деле народного образования.

«Пинское училище содержалось на средства литовской провинции миноритов. Имело годовое содержание 1606 польских злотых. Платили на это различные монастыри. Из этой суммы 5 учителей получали по 200 злотых за год, а остальные деньги предназначались для закупки книг, журналов и научных приборов»⁵.

Приведем краткую информацию об отдельных учителях, взятую из книги Ю. Макарича.

О. Мельхиор Луневский, директор училища и учитель красноречия, литературы, истории и права. Обучался в Дрогичине над Бугом у пиаров, далее в 1793 г. вступил в францисканский орден, где учился логике, физике, красноречию, истории. Получил степень доктора теологии. Через год преподавал в уездном училище в Колтынянах, после – три года в Ковно. В Пинске находился с 1808, директором стал в 1817 г.

¹ Makarczyk, J. *Kustodia Grodzieńska* / J. Makarczyk. – Grodno, 2006. – S. 95-97.

² НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 33722. – Л. 11.

³ Makarczyk, J. *Kustodia Grodzieńska* / J. Makarczyk. – Grodno, 2006. – S. 97.

⁴ Материалы для географии и статистики России. Минская губерния. Составил подполковник Генерального штаба И. Зеленский. – СПб, 1864. – Ч. 2. – С. 411.

⁵ Makarczyk, J. *Kustodia Grodzieńska* / J. Makarczyk. – Grodno, 2006. – S. 97.

О. Юзеф Головко, учитель математики и физики. Вначале учился в пинском училище, потом учёба в ордене, далее – в Виленском университете, где получил степень кандидата философских наук. В уездном училище начал работать в 1808 г.

О. Кароль Короза, учитель польской, латинской и французской грамматики. Учился в Гродненском уездном училище, потом учёба в ордене, далее – в Виленском университете, где получил степень кандидата философских наук. В 1815 г. был учителем в орденской школе в Удзяле. В Пинске находился с 1816 г.

О. Тимотеуш Юзефович, учитель моральной теологии, религии, арифметики и математики. Учился у базилиан на Жмуди, далее окончил орденскую учёбу. Учителем в Пинске был с 1816 г.

О. Станислав Нарбут, учитель русского языка, училищный духовник. Учился у миссионеров в Освее, далее – в Виленском университете, где получил степень кандидата философских наук. В Пинске находился с 1813 г.

Приведём сведения и о других учителях Пинского уездного училища из книги Ю. Макарчика:

О. Францишек Махцинский, бакалавр и учитель в Пинске, воспитанник дисненского конвента, родился 30.12.1797 г., вступил в орден 24.12.1818 г., высвящен в ксёндза 21.01. 1822 г.

О. Телесфор Мисюкевич, бакалавр, каменецко-городской дефинитор, учитель в Пинском уездном училище, воспитанник дисненского конвента, родился 18.05.1800 г., вступил в орден 11.01.1820 г., высвящен в ксёндза 22.05. 1824 г.

О. Феликс Валентинович, учитель французского языка, воспитанник олькеницкого конвента, вступил в орден 20.09.1826 г., высвящен в ксёндза в 1827 г.

О. Генрик Станьский, бакалавр, учитель русского языка, родился 22.07.1800 г., вступил в орден 06.11.1819 г., высвящен в ксёндза 15.08. 1824 г.

О. Антони Фальковский, студент Императорского Виленского университета, учитель в Пинском уездном училище, воспитанник [пинского] конвента, родился 18.09.1802 г., вступил в орден в 1823 г., высвящен в ксёндза 22.05. 1824 г.

О. Феликс Павиловский, учитель в Пинском уездном училище, воспитанник виленского конвента, родился 23.03.1803 г., вступил в орден 04.06.1823 г.

О. Бенедикт Заремба, учитель немецкого языка в Пинском уездном училище, воспитанник пинского конвента, родился 14.05.1803 г., вступил в орден 14.11.1823 г., высвящен в ксёндза 14.02. 1828 г.

О. Бонаветура Кударкевич, учитель в Пинском уездном училище, воспитанник минского конвента, родился 28.03.1804 г., вступил в орден 29.07.1823 г., высвящен в ксёндза 07.04.1830 г.

Юзеф Макарчик далее сообщает: «При проведении францисканцами методов католического воспитания случались недоразумения, когда среди учеников оказались и православные. Случилось, что была направлена жалоба православному минскому архиепископу Анатолию о принуждении пинскими францисканцами православных учеников к участию в католических богослужениях. В ноябре 1825 г. дело попало в трибунал в Пинске и было рассмотрено только в 1829 г. В результате рассмотрения дела 10 учеников, признанных обращенными силой, заставили вернуться в православие»¹.

Интересные сведения об учебном и воспитательном процессе можно почерпнуть из отчёта Пинского уездного училища² за 1830-1831 учебный год.

Об учителях: Все учителя с усердием исполняли свои должности.

Число учеников всякого класса с показанием в ответе числа учеников греко-униатского исповедования: В первом классе – 48, греко-униатского исповедования – 4. Во втором классе – 26, греко-уния – 1. В третьем классе – 28. В четвертом классе – 30, греко-уния – 3.

Общее мнение учителей относительно поведения и христианского духа учеников каждого класса: Во всех классах ученики поведения похвального и христианского духа хорошего.

Мнение об успехах и прилежании к наукам: Прилежания и успехов всякого класса ученики хороших.

Имена прилежнейших учеников и мнения об их поведении:

В 1-м классе: Клионовский Антоний, Домбровский Юлиуш, Саломонович Виктор, Скирумунт Агатон, Шпаковский Юлиуш.

Во 2-м классе: Славинский Александр, Шпаковский Владислав, Шелюжицкий Ефим, Горбачевский Фелициан.

¹ Makarczyk, J. Kustodia Grodzieńska / J. Makarczyk. – Grodno, 2006. – S. 98-99.

² НИАБМ. – Фонд 3157. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 129-130.

В 3-м классе: Борычевский Димитр, Салоницкий Иван, Саломинович Фёдор.

В 4-м классе: Каминский Фердинанд, Войнилович Викентий, Зубкович Николай.

Все поведения примерного.

Какого рода были проступки и сколько раз употреблялись наказания? Какие? И за что именно? Проступки в течение года были ребяческие и таковые исправляемы были выговорами и ставлением на колени в классах.

В каком состоянии здоровье учеников? В хорошем.

В каком состоянии училищные строения? Хорошее.

В каком состоянии учебные пособия и что прибыло в течение года? Все пособия хорошо удерживаются. Прибыло книг 25 и Микроскоп.

Получало училище пожертвования и от кого? Не получало.

Были необыкновенные случаи в училище? Распущение учеников по домам родителей во время болезни холеры.

Отчёт подписал смотритель Пинского уездного училища ксёндз Франциск Марцинский [правильно Махцинский. – Авт.].

После восстания декабристов новый император Николай I стал проводить более реакционную и охранительную политику в области образования. «Імкненні і намеры царызму найбольш поўна выявіліся ў школьным статуце 1828 г. Статут 1828 г. пакінуў нязменным падзел агульнаадукацыйнай школы на тры ступені з адной вельмі істотнай розніцай, якая заключалася ў ліквідацыі пераемнасці вучэбных планаў прыходскага і павятовага вучылішчаў і гімназіі. Кожны тып навучальнай установы быў пераўтворан у самастойнае цэлае, пры гэтым кожны закончаны круг навучання прызначаўся для зусім пэўных сацыяльных груп насельніцтва. Аднакласныя прыходскія вучылішчы павінны былі «дастаўляць ... сродкі да набыцця ведаў дзецям самых ніжэйшых станаў», трохгадовыя павятовыя – пераважна «для купцоў, рамеснікаў і іншых гарадскіх абывацеляў», гімназіі (курс абучэння прадаўжаўся ў іх сем год) – для дзяцей «дваран і чыноўнікаў». Такім чынам, статут 1828 г. куды больш рэзка, чым статут 1804 г., правёў саслоўны прынцып у адукацыі»¹.

Отметим, в 1830 году в трёхклассных уездных училищах Виленского учебного округа изучали следующие предметы:

1-й класс: Закон Божий (2 часа в неделю), русский язык (3), польский и латинский языки (3), арифметика (3), история (1), география (2), чистописание (4), черчение и рисование (2).

2-й класс: Закон Божий (2), русский язык (3), арифметика (3), история (1), география (2), польский и латинский языки (3), чистописание (4), черчение и рисование (2).

3-й класс: Закон Божий (2), русский язык (3), польский и латинский языки (3), арифметика (1), геометрия (4), история (2), география (2), чистописание (1), черчение и рисование (2).

Как видим, после введения статута 1828 года резко сократился срок обучения в уездных училищах. Исчезли такие предметы, как физика, логика, астрономия, агрономия и др.

Среди воспитанников Пинского уездного училища стоит отметить врача, литератора Марметра Рениера и его одноклассника, полесского поэта, революционера Франца Савича. Многие воспитанники училища участвовали в восстании 1831 года и заговоре Шимона Конарского. Их воспитали в духе польского патриотизма следующие учителя (персональный состав учителей Пинского уездного училища в 1828 г.):

Учителя	Предметы, которые преподают
о. Тимотеуш Юзефович	Смотритель, религия
о. Генрик Станьский	Русский язык
о. Францишек Махцинский	Польская и латинская грамматика
о. Адриан Новогродзкий	Французский язык
о. Бенедикт Заремба	Немецкий язык
о. Телесфор Мисюкевич	История, география
о. Тиберий Павловский	Арифметика, математика
о. Ипполит Плонкевич	Студент Виленского университета
священник Максим Загоровский	Религия для православных

¹Пасэ, У. Асвета і грамадска-палітычны рух у школах Беларусі ў першай палавіне XIX стагоддзя / У. Пасэ // Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мінск, 1968. – С. 147.

В 1816 году в училище обучалось 78 учеников, а в 1830 году – 102. Преподавание на русском языке было введено в 1831/1832 учебном году; тогда же училище отобрали у францисканцев.

Минский губернатор Николай Сушков 21 августа 1839 года писал Минскому архиепископу Никанору, что Пинский францисканский монастырь – рассадник польского патриотизма, и его необходимо закрыть. Губернатор приписывал монахам многочисленные преступления: во время восстания 1831 года они прятали в монастыре повстанцев, два монаха и 24 крестьянина (из их имен) присоединились к повстанческому отряду Тита Пусловского, учитель Телесфор Мисюкевич хранил у себя порох, а Юзеф Головка – картечь и т. д. Особо Сушков писал об училище: «Они [францисканцы. – Авт.] до 1831 года из фондушей своих содержали в сих зданиях училище, занимаясь обучением значительного числа юношества, в роде Гимназии, но и сие занятия сколько из собранных сведений известно, употребляли непохвально и даже сомнительно, в особенности в мятежное 1831 года время, привлечением учеников особенным способом и именно: они под предлогом отличия в науках, раздавали им медали с лентами, кои ученики носили публично, как бы ордена на платье, и таким образом сия молодёжь, как полагать можно, была опасна от явного соединения с мятежником Пусловским, действовавшим возмутительно в Пинском уезде, единственно благовременным распоряжением Правительства, закрытием того училища под предлогом появления холеры; после которой и по прекращению мятежа, училище то, как уже неблагонадежное, совершенно упразднено, и вместо одного учреждено, без участия их и в особом здании другое под названием Дворянского, которое удерживается особыми способами (...)»¹.

Вот в такой патриотической атмосфере воспитывался Франц Савич. «На здольнага хлопчыка звярнуў увагу наглядчык вучылішча Францішак Махцінскі, які стаў яго апекуном і зрабіў моцны ўплыў на духоўнае фарміраванне. (...) Махцінскі прывіў Францішку цікавасць да ранняй гісторыі хрысціянства, прагу справядлівасці. З малых гадоў заветнай марай, паводле ўспамінаў самога Ф. Савіча, была свабода айчыны, больш за ўсё непакоіла прыгнечанае становішча народа»².

Пинского уездное училище было закрыто 27 января 1832 года.

Пинское приходское училище

Кроме уездного училища в Пинске было ещё приходское католическое училище, которое сохранил некий помещик Скирмунт. Можно предположить, что это помещик – уездный предводитель дворянства Александр Адамович Скирмунт. В отчёте училища³ за 1830-1831 учебный год читаем:

Об учителях: Учитель сего училища усердно исполнял свою должность.

Число учеников всякого класса с показанием в ответе числа учеников греко-униатского исповедования: В 1-м классе – 24, из коих 1 – греко-униатского исповедования. Во 2-м классе – 21.

Общее мнение учителей относительно поведения и христианского духа учеников каждого класса: Все хороших поведений и христианского духа хорошего.

Мнение об успехах и прилежании к наукам: Успехи и прилежание к наукам хорошие.

Имена прилежнейших учеников и мнения об их поведении:

В 1-м классе: Вредт Николай, Ляцевич Юлиан, Церпицкий Адам.

Во 2-м классе: Квятковский Александр, Нестерович Гилярий, Витт Куприян.

Все поведения хорошего.

Какого рода были проступки и сколько раз употреблялись наказания? Какие? И за что именно? Детские проступки извлекали сходные наказания.

В каком состоянии здоровье учеников? В хорошем.

В каком состоянии училищные строения? Особенного строения не имеет, отправляются уроки в строении Пинского Уездного Училища.

В каком состоянии учебные пособия и что прибыло в течение года? Особых пособий не имеет, во всяком случае, употребляются учебники оных из уездного училища.

Получало училище пожертвования и от кого? Не получено.

Были необыкновенные случаи в училище? Распущение учеников от холеры.

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 11205. – Л. 122.

² Кісялёў, Г. Савіч Францішак / Г. Кісялёў // Беларускія пісьменнікі : біябібліяграфічны слоўнік у 6 томах. – Мінск, 1995. – Т. 5. – С.217.

³ НИАБМ. – Фонд 3157. – Оп. 1. – Д. 70. – Л.129-130.

К сожалению, мы точно не знаем, когда возникло училище. В 1834 году приходское католическое училище было ликвидировано, а на его месте было создано православное, где обучение велось на русском языке по ланкастерской системе. По некоторым сведениям¹, тогда при православном приходском училище был причетнический класс.

Городищенское приходское училище

Недалеко от Пинска, в Городищенском бенедиктинском монастыре, было приходское училище, которое содержали ксёндзы-бенедиктинцы. В отчёте училища² за 1830-1831 учебный год читаем:

Об учителях: Учитель сего училища усердно исполнял свою должность.

Число учеников всякого класса с показанием в ответе числа учеников греко-униатского исповедования: Всех учеников в оном училище находится 18. В 1-м классе – 10, во 2-м классе – 8. Все исповедания Римско-Католического.

Общее мнение учителей относительно поведения и христианского духа учеников каждого класса: Все хороших поведений и христианского духа доброго.

Мнение об успехах и прилежании к наукам: Успехи в науках и прилежание хорошие.

Имена прилежнейших учеников и мнения об их поведении:

В 1-м классе: Шпаковский Франц, Грегорович Иван.

Во 2-м классе: Здзитовецкий Осип.

Все поведений похвальных.

Какого рода были проступки и сколько раз употреблялись наказания?

Какие? И за что именно? Детские проступки исправляемы были наказанием сообразно их возрасту.

В каком состоянии здоровье учеников? В хорошем.

В каком состоянии училищные строения? В хорошем.

В каком состоянии учебные пособия и что прибыло в течение года? В хорошем, ничто в течение года не прибыло.

Получало училище пожертвования и от кого? Не получено.

Были необыкновенные случаи в училище? Не было.

Приходская школа не имела специального фундуша: монахи, заботясь о детях своих прихожан, содержали около 15 учеников, обеспечивая им питание, одежду и помещение. Кроме того, монастырь оплачивал работу отдельного школьного учителя.

Любешовское уездное училище

В местечке Любешов на юге Пинского уезда было в 1806 году создано четырёхклассное уездное училище на базе знаменитого пиарского коллегияума, которым руководили ксёндзы-пиары. Оно имело славные исторические традиции, опытный педагогический коллектив, оборудованные учебные классы и кабинеты, поэтому пользовалось популярностью среди местного населения. В 1820 году, на непродолжительное время, училище подняли до ранга гимназии. Тогда в училище-гимназии работало семь учителей.

В 1826 году инспектор Герасим Кутневич писал: «Обращая внимание моё на сие училище не менее со стороны учебной, как и хозяйственной, могу сказать, что оно ничем не уступает пинскому, кроме того, что в нём успехи в российском языке слабее, но и сей недостаток при благотворном влиянии на училище начальника кляштора ксёндза Круковского, знающего хорошо российский язык и убеждающего учеников обучаться оному прилежно, скоро вознаградится. Отеческое попечение его, Круковского, о содержании имеющегося при училище конвикта в довольстве, чистоте, порядке и опрятности достойно благосклонного уважения правления университета, каковому и предаю оное. Тщательное и ревностное прохождение должности г-на смотрителя Ержиковича поставляет меня в необходимость просить правление университета о милостивом воззрении на оное»³. В 1830 году в четырёх классах училища училось 125 учеников. Через два года было принято решение властей о закрытии училища.

Последним смотрителем училища был известный историк и педагог Антони Мошинский. Любешовское уездное училище, просуществовав почти 150 лет, было закрыто царскими властями 10

¹ По поводу 50-летия воссоединения униатов с Православной церковью // Памятная книжка Минской губернии на 1889 год. – Минск, 1888. – С. 305.

² НИАБМ. – Фонд 3157. – Оп. 1. – Д. 70. – Л.129-130.

³ Белоруссия в эпоху феодализма. – Минск, 1979. – Т. 4. – С. 339.

декабря 1834 года вместе с пиарским монастырём, на территории и на содержании которого оно находилось.

Телеханская школа кантонистов

Местечко Телеханы Пинского уезда находится на берегу Огинского канала, соединяющего реки Щара и Ясельда. Работы по строительству канала были начаты в 1770 году графом Михалом Казимиром Огинским. Возобновились они уже российскими властями в 1799 году. Под наблюдением генерала-лейтенанта Франца Деволанта (?-1818) канал был достроен и открыт для судоходства в 1804 году. Центр его управления и обслуживания находился в Телеханах. А сам канал находился в подчинении главного управления путей сообщения, директором которого император Александр I назначил своего швагра, принца Георгия Ольденбургского (1784-1812). Он был человеком разумным и очень деятельным, хотя и молодым. 20 ноября 1809 года вся территория внутренних водных и сухопутных сообщений была разделена на 10 округов. Для службы в них был учрежден «корпус инженеров» на военном положении, и для земляных и иных работ при прорытии каналов и других работ была составлена «мастеровая бригада». Для упорядочения судоходства и для надзора за ним была предназначена особая «Полицейская команда».

Принц также приказал устроить четыре школы для солдатских детей, одну в Шлиссельбурге (I округ), одну при Мариинском канале (II округ), одну при Огинском канале в Телеханах (VI округ) и одну при Северо-Екатерининском канале в Великом Устюге (IX округ). Штат предложенных школ должен был состоять из смотрителя (он же законоучитель), двух учителей и 50 школьников. Законные и незаконные дети солдат (в возрасте от 10-14 лет) обязаны были поступать в эти школы, в которых их готовили к солдатской службе, в первую очередь – к работе армейскими писарями.

Открытие школы в Телеханах состоялось только 1 мая 1816 года, так как в 1811 солдатских детей соответствующего возраста набралось не более пяти. Жалованье учителю было определено в 350 рублей в год, а денег на содержание 20 школьников было испрошено 2500 рублей. Воспитанники были на полном государственном обеспечении: они получали от школы учебники, еду, кровати, белье, посуду. Воспитанники должны были вставать не позже 6 час. 30 мин. утра и ложиться спать не ранее 20 часов. В воскресные и праздничные дни полагались прогулки и игры. В субботу, после полудня вместо уроков полагалось повторение материала, пройденного за неделю. Изучались следующие предметы: катехизис, арифметика, чтение и чистописание.

В 1841 году Телеханскую школу преобразовали в школу кантонистов, которая должна была готовить писарей и кондукторов (помощников инженеров) путей сообщения, поэтому Телеханскую школу кантонистов стали называть кондукторской. Кантонисты образовывали особое сословие, к которому принадлежали несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов и еврейские дети-рекруты. Осмотр школы в том же году показал, что её воспитанники жили не в семьях, а в казармах, и здании школы, кроме того, не имели ни кроватей, ни постельного белья. Пришлось государству выделить деньги на исправление ситуации.

Курс учения был разделён на два класса: в первом в течение двух лет преподавались начальная грамота, а во втором – чистописание, грамматика, первые правила арифметики и черчение планов. В школе было два учителя, эти должности обычно занимали её выпускники. Закон Божий преподавал местный священник. Смотрителями школы назначались высшие офицерские чины, а заведующим – начальник Телеханской дистанции и одновременно командир телеханской роты путей сообщения. Выпускники школы назначались в канцелярии и чертёжные по округам, или посылались на работы при Огинской системе. Проверка в 1855 году показала, что школа была переполнена учениками, хотя значительное число детей местных кантонистов оставалось вне стен школы.

Однако значительное расширение деятельности министерства путей сообщения в области сухопутного, водного и железнодорожного транспорта требовало много рабочих рук и нормальной постановки учебного процесса с техническим уклоном. Нужны были чертёжники, младшие мастера, съёмщики планов, а школы кантонистов выпускали полуграмотных «специалистов», которые, в крайнем случае, могли быть только хорошими писарями.

В 1856 году была произведена реформа школ кантонистов, которые просуществовали до конца 80-х годов. Хотя институт кантонистов был ликвидирован ещё в 1856 году, но телеханскую школу ещё долго называли по-старому.

Из заведующих Телеханской школой кантонистов нам известны: поляк Саковский, возглавлявший её в 50-е годы, а также инженер Александр Владимирович Дурново (1841-1913). Он окончил Институт путей сообщения в Санкт-Петербурге, об учёбе в котором оставил интересные вос-

поминания, в частности, о великом русском математике Михаиле Остроградском. С 1866 года инженер Дурново заведовал телеханской школой. Позднее служил на Северном Кавказе, был членом Комитета управления внутренними водными путями и шоссейными дорогами, писал воспоминания о своей жизни и коллегах – инженерах-путейцах.

В 1870 году 5-е отделение IX округа путей сообщения переехало из Телехан в Слоним. Наверно, тогда же телеханская школа прекратила своё существование.

Церковные библиотеки

Если про монастырские библиотеки Пинщины до XIX века остались хоть какие-то сведения, то про библиотеки при приходских храмах мало что известно. «Царкоўныя зборы мелі дваікае прызначэнне: па-першае, яны служылі практычным мэтам, даючы святару неабходныя пры богаслужэнні тэксты і інструкцыі; па-другое, гэтыя кнігі былі галоўнымі (можна, і адзінымі) падручнікамі для навучання грамаце дзяцей прыхаджан. Праўда, далёка не кожная царква мела поўны камплект неабходных кніг»¹. Так, на одну униатскую церковь в 1680-82 годах в Минском и Новогрудском соборах приходилось в среднем 3,6 книги. Можно предположить, что тогда такое печальное положение с церковными библиотеками было и на Пинщине.

Положение не изменилось и в XVIII веке. Из-за бедности приходов греко-католические церкви имели минимальный набор необходимых для богослужения книг. В этом можно убедиться, рассмотрев следующие выдержки из визит двух униатских церквей, любезно предоставленные минским историком Денисом Лисейчиковым:

04.01.1777 г. деревня Ремель Пинского уезда

*Церковные книги. Кроме печатного in folio львовского Служебника, Нового Завета и Октоиха in quarto, Евангелия in folio старого, от которого сохранилось 5 серебряных табличек, никаких других [книг] при церкви нет*².

Визита Ремельской церкви³ 28.02.1787 г. указывает, что все имущество точно такое же, как и в визите 04.01.1777.

06.01.1777г. деревня Ольгомель. *Церковные книги. Служебник in folio супрасльський, Трифологион in folio, Требник супрасльський in octavo, Тестамент [имеется в виду Новый Завет. – Д.Л.] in octavo, Треодь Цветная и Постная in folio, Страстное Евангелие in folio, Псалтырь in quarto, [все] печатные*⁴.

27.02.1787 г. деревня Ольгомель. *Большой Служебник, Трифологион, Треодь Постная Цветная, Страстное Евангелие, Требник и Псалтырь печатные*⁵.

В начале XIX века большинство церквей в Пинском уезде были уже православными. Все эти церкви в 1825 году имели библиотеки с количеством книг от 5 (Завидчицы) до 35 (Ставок). Рассмотрим библиотеку Купятичской Свято-Николаевской церкви

1	Евангелие в лист Львовской печати обложено Плисом зелёным оправлено в серебро. Посередине бляхи изображение Креста, на рогах Евангелистов четыре, на обороте Пуклев четыре. Посередине Звездочки [неразборчиво] 11 защепок [неразборчиво] все сребны без позолоты. Способное	1
2	Евангелие в четверть лист Львовской печати обложено зелёным бархатом, оправлено в серебро. Посередине Распятие. По рогах четыре Евангелиста, на обороте Переплёта четыре посередине бляшки изображение Богоматери [неразборчиво] позолочено штук десять без защепок. Способное	1
3	Евангелие в четверть Львовской печати обложено зелёным бархатом, оправлено в серебро. Посередине Распятие. По рогах Евангелиста четыре, на обороте Пукликов четыре. Посередине бляшка изображение Богоматери с Младенцем без позолоты и без защепок. Способное	1
4	Служебник в осьмуху, Московской печати в коженном переплёте. Способный.	1
5	Служебник в осьмуху, Львовской печати. Способный.	1
6	Мшал уницкий в лист Почаевской печати. Способный.	1
7	Апостол в лист Почаевской печати. Способный.	1

¹ Нікалаеў, М.В. Гісторыя беларускай кнігі /М.В. Нікалаеў [і інш.]. – Мінск, 2009. – Т. 1. – С. 254.

² НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 41240. – Л. 2.

³ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 41240. –Л. 283.

⁴ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 41240. –Л. 4.

⁵ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 41240. –Л. 282.

8	Псалтырь в осьмуху. Московской печати. Способный	1
9	Псалтырь в четверть листа. Почаевской печати. Способный	1
10	Октоих в лист Почаевской печати. Способной	1
11	Октоих в лист Почаевской печати. Старый	1
12	Триодь Постная в лист Почаевской печати. Новая	1
13	Триодь Цветная в лист Львовской печати и Способный	1
14	Праздничные Минеи в осьмуху Московской печати. Способный	1
15	Миней общая в лист Почаевской печати . Способный	1
16	Требник в осьмуху Московской печати. Способный	1
17	Поучение Краткое в лист Московской печати . Способный	1
18	Книжица о должности Христианина. Способный	1
19	Трефолой в лист Почаевской печати . Новый	1
20	Ермолайчик в четверть листа Московской печати. Способный	1
21	Священная библия в четверть листа большой Московской печати	1
22	Новый Завет в двух частях в четверть листа Московской печати	2
23	Книжица Молебная на Рождество Христово	1
24	Книжица Молебствий возшествия на престол	1
25	Книжица Нотные пение Литургии	1
26	Панихидник Книжица	1
27	Проскомидия Московской печати	1

Проанализируем состав Купятичской церковной библиотеки¹ (из 28 книг). 17 книг способные (пригодные для богослужения), 1 – старая, 2 – новые. Книги львовской и почаевской печати – это униатские книги, их 13 – почти половина (46,4%), книг московской печати (православных) – 10. Купятичская церковь вернулась из униатства в православие приблизительно в 1794 году. Можно отметить, что униатские книги до 1825 года ещё не уничтожались и даже использовались в богослужении. Видим, что все Евангелия в Купятичской церкви греко-католические, а без них богослужение невозможно. После ликвидации унии в 1839 году униатские богослужебные книги постепенно изымались из православных церквей и уничтожались.

Существовали церковные библиотеки практически при каждом православном храме. Книг там было немного: в основном те, которые использовались при богослужении, однако имелась и не богослужебная литература религиозного содержания: жития святых, проповеди известных пастырей, подшивки газеты «Минские епархиальные ведомости» и др. Церковное начальство обязывало приходских священников иметь церковные библиотеки, чтобы быть на рубеже борьбы против влияния католицизма.

Ведомость

о церковных библиотеках в 1-м благочиническом округе, Пинского уезда, Минской епархии за 1878 год.

В 1878 году по Благочинию 1-го округа Пинского уезда состояло библиотек:

а, при церквях 21

б, в 1-м благочиническом округе при Благочинии 1

В течение 1878 г. вновь библиотек не учреждено ни при церквях, ни при благочиническом округе

Итого 22

Примечание. Более замечательных библиотек нет, пожертвований для них книгами и деньгами не было.

Ведомость сию составил Благочинный, 1-го округа, Пинского уезда, Священник Иоанн Акоронко²

Из предложенного документа видно, что церковные библиотеки влачили жалкое существование.

Библиотека и архив Дятловичского Спасо-Преображенского монастыря

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 6472. – Л. 259 об.

² НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35523. – Л. 23.

В тяжелые времена для православной церкви Речи Посполитой – в начале XVII века, когда большинство монастырей перешло в унию, многие православные магнаты стали основывать монастыри. Так, королевский дворянин Константин Богданович Долмат-Цеперский (?–1623?) завещал средства для основания Дятловичского монастыря в Пинском уезде, управление которым он передал архимандриту Киево-Печерской лавры Елисею Плетенецкому (1554-1624).

Жизнь и деятельность мецената православной культуры Константина Долмата мало изучена. Можно отметить только статью белорусского книговеда Юрия Лаврика¹. Известно, что Константин Долмат жертвовал большие деньги не только на строительство православных церквей и монастырей, но и на издание книг. Сейчас известны только две книги: «Беседы на Деяния св. Апостолов» Иоанна Златоуста (1624 г.) и «Толкование на Апокалипсис» Андрея архиепископа Кесарийского (1625 г.), изданных полностью на средства православного мецената. Константин Долмат спонсировал деятельность лаврского научно-литературного кружка, во главе которого стоял Елисей Плетенецкий – основатель и руководитель лаврской типографии. «Суммой пенязей приложил» Долмат, и вообще, как говорил поэт и печатник Тарасий Земка (?-1632), «голосу типографии дал». Один из главных деятелей научно-литературного кружка, выдающийся писатель и историк Захария Копыстенский (?-1627) посвящал свои произведения роду Долматов.

Дятловичский монастырь до второго раздела Речи Посполитой был приписан к Киево-Печерской лавре (назывался ещё Новопечерским), что имело и свои отрицательные стороны: богатейшая полесская обитель (свыше тысячи крепостных крестьян) не смогла за 230 лет своего существования построить ни одного каменного монастырского здания. Наверно, большая часть огромных монастырских доходов уходила в распоряжение лавры, а позднее – Минской епархии.

Естественно, что монастырь в начальный период возглавляли образованные лаврские монахи, окончившие Киево-Могилянскую коллегию, которая была создана митрополитом Петром Могилой в 1632 году по образцу иезуитских школ, и всегда несла печать западного влияния.

Первым настоятелем Дятловичского монастыря, как уже говорилось, был выдающийся церковный и культурный деятель Елисей Плетенецкий. Но и среди последующих игуменов монастыря видим известных церковных деятелей: архимандрит Василий Копыстенский, историк, философ и богослов Иннокентий Гизель (около 1600-1683), епископ Теодор Василевич (?-1678), писатель и богослов, архиепископ Лазарь Баранович (1616-1693), архимандрит Иннокентий Жданович (?-1731), архимандрит Варнава Старжицкий (?-1742), переводчик Гедеон Онискевич (1696-1747), архимандриты Мелентий Бувайло-Лесницкий (?-1792) и Киприан Островский (около 1753-1812), архиепископ Варлаам Шишацкий (1750-1820) и др. Благодаря духовному влиянию лавры Дятловичский монастырь являлся значительным культурным центром Полесья.

При монастыре была большая библиотека богослужебной и религиозной литературы. Можно предположить, что первой книгой библиотеки было Евангелие Петра Мстиславца, изданное в 1575 году в виленской типографии братьев Мамоничей, и подаренное монастырю его основателем Константином Долматом. В Российской государственной библиотеке хранится точно такое же Евангелие, подаренное меценатом другой обители, основанной им же в Слуцком уезде – Цепрскому монастырю.

Из описи имущества Дятловичского монастыря 1765 года видно, что в его библиотеке было 82 книги, из них – 44 изданы в типографии Киево-Печерской лавры (почти 54%). Оставшиеся 38 книг, можно предположить, были изданы в Москве, в Вильне и т.д. Интересно, что в книжном собрании, близкого к Дятловичскому и по месту расположению, и по времени основания православного монастыря – Пинского Богоявленского – было в 1757 году только 68 книг. Думается, что похожая по содержанию библиотека была и в Дятловичском монастыре. Украинский историк Юрий Мызык² так охарактеризовал ту пинскую библиотеку: «Следует сказать, что набор книг ограничен в основном потребностями богослужения, с дополнительной литературы можно отметить разве что выдающееся богословское произведение архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля «Мир с Богом человеку» (К., 1669; 2-е изд. – 1671), которое, между прочим, было осуждено в 1690 г. московским патриархом Иоакимом». Можно предположить, что такая «еретическая» книга была когда-то и в книжном собрании Дятловичского монастыря, так как её автор был одно время и его настоятелем. Отметим, что Иннокентий Гизель написал знаменитое

¹ Лаўрык, Ю. «На друкаванні кніг, царкве Божай патрэбных...» / Ю. Лаўрык // Роднае слова. – 2011. – № 8. – С. 81-84.

² Мицик, Ю. Albaruthenica. Студії з історії Білорусі / Ю. Мицик. – Київ, 2009. – С. 265.

историческое сочинение «Синописис», с которого фактически начинается российская историография.

В Национальном историческом архиве Беларуси хранится инвентарное описание имущества Дятловичского монастыря¹, составленное в 1837 году, когда архимандрит Палладий передавал обитель новому настоятелю Феофану. В нём содержится и опись монастырской библиотеки, состоявшей из 199 книг. Её анализ позволит сделать некоторые выводы о духовной жизни насельников обители, о культурных влияниях на них и др. Приведем полное описание библиотеки.

Евангелие

62. Евангелие в лист Киевской печати 1712 года, оправленное в кофейную адамашку, на верхней доске пять серебряных чеканных бляшек, в коих гладкая середина с позолотой и с рисунком, на средней воскресение Христовое, а на прочих нарисованы четыре Евангелиста; на исподней же доске пять серебряных штучек без позолоты, серебро весом семнадцати лотов пробы восьмой – 1.

63. Евангелие в большой лист Московской печати 1748 года, обложено жёлтою чеканною медью, верхняя доска позолоченная с чеканным посреди Спасителем и предстоящими и с четырьмя Евангелистами, а исподняя посеребряная – 1.

64. Евангелие листовое в коже Киевской печати 1746 года, на верхней доске серебряные штучки весом 1 лот с половиною пробы шестой – 1.

65. Евангелие в малый лист 1575 года в пёстром [неразборчиво], на верхней доске бляшки серебряные с рисунком Богоматери с младенцем, весом один лот, и в [неразборчиво] бляшек медных побеленных и на исподней доске медная побеленная – 1.

66. Евангелие листовое Киевской печати 1746 года в красном бархате, на нём серебряных сверху бляшек пять: средней распятие Христово с двумя предстоящими, а на прочих нарисованы четыре Евангелиста, кругом по берегам обложено чеканною серебряною бляшкою и сверх того две серебряные звездочки, все сие штучки позолочены, на исподней доске бляшек серебряных пять и с коих средняя позолочена и с рисунком Архистратига Михаила и две зацепки серебряные, всего серебра в нём один фунт и двенадцать лотов пробы девятой – 1.

67. Евангелие листовое Киевской печати 1746 года в зеленой разводной парче на верхней доске бляшек пять: на средней рисунок распятия Христова с четырьмя предстоящими, а на прочих четырёх нарисованы Евангелисты, оная доска кругом обложена узкою серебряною с позолотою чеканною бляшкою; а на исподней посредине бляшка серебряная, позолоченная с променами и рисунком Киевопечерской Богоматери, коей предстоят преподобный Антоний и Феодосий и четыре серебряные пукли соединенные с трёх сторон чеканною серебряною обкладкою на корешке четыре серебряные чеканные бляшки и две зацепки серебряные, все сие штучки позолочены, весом один фунт двадцать девять лотов, серебро пробы шестой – 1.

68. Евангелие в большой лист Виленской печати 1644 года, обложено голубою цветною матерью. На верхней доске посредине серебряная бляшка с рисунком Преображения Господня; кругом оной два малые серебряные Ангелы и шесть серебряных Звёздочек, сверх того по рогам четыре серебряные бляшки с рисунком Евангелистов, кои бляшки соединены на берегах чеканною обкладкою серебряною; на исподней четыре серебряные пукли и по средине бляшка серебряная с рисунком Покрова Богоматери и две зацепки серебряные, все сие штучки позолочены, весом один фунт и двадцать лотов серебра пробы восьмой – 1.

69. Евангелие страстное в лист без года на простой бумаге в корешке – 1.

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 12553.

Книги молитвословия

№	Какие именно вещи	Год печати	В какой оправе	Число вещей
179	Служебники два в лист Киевской печати	1735 и 1740	в коже	2
180	Служебники три в лист Киевской печати два без года, а третий	1689	в коже	3
181	Служебник в четверть Киевской печати	1737	в коже	1
182	Служебник в 8-ху Московской печати	1795	в коже	1
183	Апостол в лист Киевской печати	1766	в коже	1
184	Часословов два в лист Киевской печати, один без года, другой –	1742	в коже	2
185	Псалтыри в лист две Киевской печати	1766 1755	в коже	2
186	Октоих в лист Киевской печати ветхий	1739	в коже	1
187	Октоих в 8-ху четырёх последних числов (?) Московской печати печати	без года	в коже	1
188	Шестидневен в четверть Москов. печати	1762	в коже	1
189	Триоди две постные Киевской печати, одна без года, а другая	1743	в коже	2
190	Триоди цветные две в лист Московской печати, одна без года, а другая	1747	в коже	2
191	Миней на Октябрь две Москов. печати	1704 и 1724	в коже	2
192	Миней на Сентябрь две Московской печати, обе	1724	в коже	2
193	Миней на Ноябрь две Москов. печати	1705 и 1724	в коже	2
194	Миней на Декабрь Москов. печати две, одна без года, а другая	1724	в коже	2
195	Миней на Генварь Москов. печати две	1705 и 1724	в коже	2
196	Миней на Февраль Москов. печати две	1705 и 1724	в коже	2
197	Миней на Март Москов. печати две	1705 и 1724	в коже	2
198	Миней на Апрель Москов. печати две	1705 и 1724	в коже	2
199	Миней на Май Москов. печати две	1705 и 1724	в коже	2
200	Миней на Июнь Москов. печати две	1705 и 1724	в коже	2
201	Миней на Июль Москов. печати две	1705 и 1724	в коже	2
202	Миней на Август Москов. печати две	1705 и 1724	в коже	2
203	Общая Миня Москов. печати без года	–	в коже	1
204	Службы преподобным Печерским в лист Киевской печати	1763	в коже	1
205	Ирмолаев в четверть Киев. печати два, один без года, а другой –	1819	в коже	2
206	Службы на каждый 1-х Седмице великого поста в 3-х частях в четверть Москов. печати	1811	в коже	3
207	Службы на каждый день страстных Седмице в 3-х частях в четверть Москов. печати	1811	в коже	3
208	Повечерников в четверть Киев. печати три	без года	в коже	3

209	Акафист с канонами в четверть Киевск. печати два	1786	в коже	2
210	Последование на Пасху в трех экземплярах в 8-ху Киев. печати без года	–	в коже	3
211	Требник в лист Петра Могилы Киев. печати без года	–	в коже	1
212	Требник в четверть Киев. печати два, один без года, а другой –	1736	в коже	2
213	Требник в 8-ху Москов. печати	1795	в коже	1
214	Устав церковный в лист Москов. печати	1773	в коже	1
215	Поучений на воскрес. и праздничные дни Киевской печати	1777	в коже	1
216	Простое придворное пение Литургии Златоуста: Петербург. печати	1815	в бумаге	1
217	[Ф. Львов] Круг простого пения церковного Санкт-петер. печати в четверть	1830	в тетра- дах	1
218	Последование молеб. пение в четверть Киев. печати	1786	в коже	1
219	Чин молебный в четверть на Новолетие в 1 день генваря Киев. печати без года	–	в коже	1
220	Служба Св. Димитрия Ростов. в четверть Москов. печати	1758	в бумаге коже	1
221	Служба благодарственная о победе под Полтавою Киев. печати	1709	в коже	1
222	Акафист Вел. Варваре в четверть Киев. печати	1747	в коже	1
223	Благодарственное моление в день возведения на престол и Коронации в 4-х книжицах в четверть Москов. печати	1797	в бумаге	4
224	Чин священного служения в большом Успенском Соборе в четверть Мос. печати	1795	в бумаге	1
225	Панихидных реэстров государ. фамилии в 8-ху два Москов. печати	1813 1826	в бумаге	2
226	Благодар. моления о избавлении России от нашествия Галлов в четверть одна Москов., а другая Санктпетер. печати	1816 1826	в бумаге	2
227	Последование благодарственное на исправление крамол, в чет. [верть] Моск. печати	1826	в бумаге	1

Книги разные в лист

228	Прологов два Москов. печати	1685 и 1702	в коже	2
229	Житие Св. Отцов в четырех томах Киевской печати на весь год	1764	в коже	4
230	Ефрема Сирина две книги Москов. печати	1701 и 1819	в коже	2
231	Патерик Печерский Киев. печати	1760	в коже	1
232	Поучения Кирилла Иерусалимского Москов. печати	1772	в коже	1
233	Краткие поучения Москов. печати	1795	в коже	1
234	Слова избранные из поучений Иоанна Златоустого Москов. печати	1792	в коже	1
235	Слова и беседы Иоанна Златоустого Москов. печати	1791	в коже	1
236	Беседы Иоанна Златоустого о покаянии Москов. печати	1779	в коже	1
237	Беседы Иоанна Златоустого на Бдение част. 2 Москов. печати без года	–	в коже	1
238	Лествица воздушная на небо Москов. печати	1785	в коже	1
239	Ответ Преосв. Никифора на вопросы старообрядцев Москов. печати	1813	в коже	1
240	Беседы Иоанна Златоустого на послание к Коринфянам Москов. печати	1806	в коже	1
241	Амвросия Медиоланского о должностях книга Москов. печати	1776	в коже	1
242	Богоугодных трудов Василия в книгах 2 Москов. печати без года	–	в коже	1

243	Устав Новгородского Юрьева Монастыря Москов. печати	1832	в коже	1
244	Толкования на Соборные послания Москов. печати	1794	в коже	1

Книги в четверть

245	Поучительные слова Григория Назианзина часть 1-я Москов. печати	1820	в коже	1
246	Добролюбие от Писаний Св. Отцов Москов. печати	1822	в коже	1
247	Толкование на Литургию в 3-х книгах Москов. печати одна – а две –	1807 1816	в коже	3
248	Толкование на Псалтырь в 2-х частях Москов. печати	1806	в коже	2
249	Георгия Кедрина история (...) Москов. печати	1806	в коже	1
250	Толкования на Собор. послания Санктпет. печати	1820	в коже	1
251	Толкования Иринея Архиеп. на двенадцать пророков в 6-ти книгах Санктпет. Печати а) – б) – в) – г) – д) – е) –	1804 (...) 1805 1806 1809 1807	в коже	6
252	Толкование на Пророка Даниила Москов. печати часть седьмая	1816	в коже	1
253	Послание Апост. Павла к Римлянам с толкованием Москов. печати	1815	в бумаге	1
254	Слова Макария Египетского Санктпетер. печати	1781	в коже	1
255	Наставление о должности Христианина Москов. печати	1795	в коже	1
256	Библия в 8-ху Вет. и Нового Завета Москов. печати в 4-х томах	1806	в коже	4

В Осьмуху

257	Христианские Богословия Иеромонаха Ювеналия Москов. печати	1806	в коже	1
258	Толкование Воскресных Евангелий в двух томах Москов. печати	1819	в коже	2
259	Толкование Воскресных Апостолов в двух томах Москов. печати	1819	в коже	1
260	Сокровище сладчайших христианий Москов. печати	1819	в коже	1
261	Беседа Василия В[еликого] Санктпетер. печати	1827	в коже	1
262	Нравственные слова Василия В. Санктпетер. печати	1824	в коже	1
263	Беседы Василия В. на разные материи Санктпетер. печати	1824	в коже	1
264	Толкование Евангелий на Господние и Богородничные праздники Санктп. печати	1824	в коже	1
265	Беседы Василия Вел. на псалмы Санктпетер. печати	1827	в коже	1
266	[Амвросий (Орнатский)] История Российской Иерархии в семи книгах разных годов Москов. печати	–	в коже	7
267	Беседы Митрополита Михаила в девяти книгах Санктпет. печати разных годов	–	в коже	9
268	Собрание поучительных слов Митрополита Амвросия в пяти книгах Московской печати	1826	в коже	5
269	Избранные сочинения Киприана Епископа Карфагенского Санктп. печати	1803	в коже	1
270	Изъяснения воскресных праздничных Евангелий Санктпет. печати	1801	в коже	1
271	Наставление правильно состязаться с раскольниками Санктпет. печати	1826	в коже	1

272	Беседы на пятую, шестую и седьмую главы Евангелия Матвея Санктп. печати	1827	в коже	1
273	Слова Макария Египетского в двух книгах Санктпет. печати	1817	в коже	2
274	Доклад Комитета о усовершенствовании Д.[уховных] училищ Санктп. печати	1809	в коже	1
275	Златое сочинение Самуила Марокского Раввина Иудейского Санктп. печати	1827	в коже	1
276	Оглавление Законам Грекороссийской Церкви Санктп. печати	1827 и 1828	в коже	2
277	Св. Максима о любви Санктп. печати	1817	в бумаге	1
278	[И. Кутелов] Опыт краткого исторического повествования о древностях Христианских Москов. печати	1814	в бумаге	1
279	Исторический разсуждения о членах Грекороссийской Церкви Москов. печати	1817	в бумаге	1
280	Собрание поучений Санктпетербургской Академии Студентов Москов. печати	1819	в бумаге	1
281	[Филарет (Дроздов)] Разговоры между испытующим и уверенным о православии Санктп. печати	1815	в коже	1
282	Иоанна Ксифилина и Василия Вел. поучения Москов. печати	1835	в бумаге коже	1
283	[Филарет (Дроздов)] Беседы к глаголемому старообрядцу Москов. печати	1835	в бумаге	1
284	Чин действий Священнейшего Коронования Императора Николая Павловича Москов. печати	1826	в бумаге	1
285	Инструкция благочинному Монастырей Санктпетер. печати	1828	в бумаге	1
286	Устав общежительного Монастыря Каневской обители в 3-х книгах Санктп. печати	1824	в бумаге	3
287	[Филарет (Данилевский)] Поучение к новопостриженному Монаху в двух книгах Санктп. печати	1824	в бумаге	2
288	Полезные наставления иноку в начале его подвигов в двух книгах Санктп. печати	1822	в бумаге	2
289	[Д. Соснин] О нетлении Святых мощей в двух книгах Санктпет. печати	1832	в бумаге	2
290	[Филарет (Дроздов)] Сказание и обращение о открытии мощей Святителя Митрофана [Воронежского] Санктпет. печати	1832	в бумаге	1
291	[Григорий (Постников)] Слово при открытии мощей Святителя Митрофана [Воронежского] Санктпетер печати	1832	в бумаге	1
292	[Д. Соснин] О Святых чудотворных иконах церкви Христианской Санктпет. печати	1833	в бумаге	1

Если взглянуть на вышеприведенное описание библиотеки, то удивляет, во-первых, малое количество книг, изданных до XVIII века. Это можно объяснить следующим фактом: в 1718 году при загадочных обстоятельствах сгорела богатая библиотека Киево-Печерской лавры. Её архимандрит Иоанникий Сенютович начал собирать новую монастырскую библиотеку. «К библиотеке были присоединены книжные собрания приписанных к Лавре монастырей, церковей и скитов (...)»¹. Очевидно, что практически вся библиотека Дятловичского монастыря была тогда перевезена в Киев, оставили только пару десятков книг, необходимых для богослужения, в первую очередь Евангелие Петра Мстиславца, подаренное основателем монастыря Константином Долматом. В 1837 году в монастырской библиотеке было всего 19 богослужебных книг, изданных до 1718 г.

После лаврского пожара библиотека Дятловичского монастыря пополнялась книгами, изданными в Киево-Печерской лавре и в Московской синодальной типографии. В XIX веке стали поступать в основном книги, изданные в Санкт-Петербурге.

¹ Фрис, В. Історія кириличної рукописної книги в Україні / В. Фрис. – Львів, 2003. – С. 157.

Проанализируем монастырскую библиотеку, состоявшую в 1837 году из 199 томов. В Москве было издано 108 книг (54,2%), в Санкт-Петербурге – 50 (25,2%), в Киеве – 37 (18,6%), в Вильне – 2 (1%), без указания места – 2 (1%). Тогда киевские книги в монастырском собрании составляли всего 18,6 %, что в процентном отношении в три раза меньше по сравнению с 1765 годом. А это показывает, что после присоединения Полесья к Российской империи и переподчинения монастыря минскому епископу киевское влияние на обитель уменьшалось с каждым годом.

Историю Дятловичского монастыря и его библиотеки разделим на три периода:

1. С 20-х годов XVII века до 1689 года, когда Киевская митрополия подчинялась ещё константинопольскому патриарху (книги обители дарили, а также они поступали из типографии Киево-Печерской лавры);

2. 1690 – 1792 гг., когда Киевская митрополия подчинялась московскому патриарху, а потом Священному Синоду Русской Православной Церкви, хотя само Полесье принадлежало Речи Посполитой (книги поступали через Киев из лаврской и московской типографий);

3. 1793 – 1837 гг., когда Полесье находилось в составе Российской империи (книги поступали из столиц только через Минскую духовную консисторию).

В первый период было издано 7 библиотечных книг (3,5%), во второй – 64 (32,2%), в третий – 94 (47,2%), а без указания года – 34 (17,1%).

Вызывает интерес наличие в библиотеке книги «Служба благодарственная о победе под Полтавою» (1709 г.). Это, на наш взгляд, означает, что в начале XVIII века православные монахи и церковнослужители Речи Посполитой себя считали подданными Московского государства и проводили соответствующую идеологическую пропаганду среди местного населения.

Предшественник настоятеля Палладия, архимандрит Маркиан, наверно, умер в 1836 году, так как в архивных документах встречаются сведения, что в этот год были проданы его вещи и книги, а вырученные деньги (113 рублей) хранятся в монастырском казнохранилище. Недавно в архиве нами была найдена книжная опись¹, датированная 14 августом 1836 года, явно библиотеки какого-то учебного заведения, так как в ней много различных учебников. Известно, что в XVIII веке при монастыре существовала школа, готовившая своих учеников для поступления в Киево-Могилянскую академию. В монастырской школе изучали русскую (церковно-славянскую) и латинскую грамоту, арифметику и т.д. Набор книг второй библиотеки более соответствует духовной семинарии. Похоже, что эта библиотека хранилась отдельно от монастырской, вероятно, в личных покоях игумена Маркиана, которую, наверно, и продали вместе с его личными вещами. Поэтому этих книг нет в описи монастырской библиотеки за 1837 год.

№	Книги	Год издания	Переплет	Цена оных серебром	
				Руб.	Коп.
1	Библия в лист Ветхого и Нового завета	1802	в коже	10	«
2	Патерик в лист	1806	в коже	«	50
3	Беседы Иоанна Златоуста на деяния Св. Апостолов на славянском языке	1768	в коже	«	75
4	Рукописная книга разсуждений о слове Петра Апостола	1712	в коже	«	25
	В большой четверти				
5	Слова Макария Египетского	1781	в коже	«	15
6	[Ж. де Вильтьери] Христианин пришелец земной	1771	в коже	«	30
7	[И. Арндт] Исследование Христианства	1779	в корешку	«	25
8	О должностях Пресвитеров [приходских]	1779	в коже	«	20
9	Краткое руководство к чтению Библии	1781	в коже	«	40
10	Служба Дмитрию Ростовскому	1759	в корешку	«	10
11	Требник	1805	в коже	1	«
12	Лексикон Греческий	1811	в коже	2	25
13	Латинский Лексикон Геснеров	1796	в коже	2	25
	В четверть				
14	Universae phraseologie latinae corpus	[1756]	в коже	1	«

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 11687. – Л. 14, 15.

15	Краткая всеобщая История	1769	в коже	«	25
16	Elementa oratoria	1807	в корешку	«	20
17	Christianae orthodoxae Theologiae Theophane Prokopowicz	1792	в коже	«	35
18	Греческая Грамматика	1788	в корешку	«	15
19	Elementa Philosophiae	1791	в коже	«	20
20	Christianae Orthodoxae Theologiae	1784	в коже	«	30
21	[<i>Фома Кемпийский</i>] О подражании Иисусу Христу	1799	в коже	«	15
22	[<i>Ф. Прокопович</i>] Разсуждение о Соломоновой книге [и нарицаемой] песни песней	1774	в бумаге	«	5
23	[<i>Ф. Прокопович</i>] Разсуждение о безбожии	1774	в бумаге	«	5
24	[<i>Михаил Ломоносов</i>] Краткое руководство к красноречию	1797	в корешку	«	10
25	Православное учение и Христианское Богословие	1730	в корешку	«	15
26	[<i>Н. Курганов</i>] Универсальная Арифметика	1787	в коже	«	15
27	[<i>Х. Баумейстер</i>] Нравоучительная Философия	1788	в коже	«	17,5
28	[<i>Ш. Дреленкур</i>] Сокровище сладчайших утешений против ужасов смерти	1819	в коже	«	25
29	[<i>М. Симигиновский</i>] Грамматика Польская	1791	в корешку	«	7,5
30	[<i>Пётр Могила, митр.</i>] Православное исповедание [кафолической и апостольской церкви восточной]	1830	в корешку	«	30
31	Созерцание превосходнейших писателей Латинского языка [в златом, сребреном, медном и железном веке процветавших / Для пользы учащегося юношества сокращенно представленное Оллаем Боррихием]	1783	в корешку	«	6
32	Руководство к физике [<i>сочинённое Петром Гиларовским учителем Математики и Физики в учительской гимназии, Физики в обществе благородных девиц, Российского слога и Латинского языка в благородном Пажеском корпусе</i>]	1793	в корешку	«	16
33	Христиана Бауместера Логика	1787	в коже	«	10
34	Христиана Бауместера Метафизика	1789	в коже	«	17,5
35	Поучительное Слово Преосвященного Платона разных годов книг одиннадцать		в коже	2	75
	в Осьмуху				
36	Centum quatuor historiae Sacrae	1807	в корешку	«	17,5
37	Syntaxis latina	1780	в корешку	«	10
38	Ответ о совершенстве	1805	в бумаге	«	7,5
39	Initia Rhetorica	1770	в корешку	«	7,5
40	[<i>Крафт Г.В.</i>] Краткое начертание физики	1787	в корешку	«	5

Мы уже писали, что в конце XVIII века в Пинске была открыта православная духовная семинария. Анализ учебников вышеприведённого книжного собрания говорит о том, что это, похоже, и есть библиотека Пинской духовной семинарии. Учебное заведение, наверно, располагалось в Богоявленском монастыре. Можно предположить, что когда в 1799 году сгорел этот монастырь, то его монахи при переселении в Дятловичскую обитель забрали с собой и библиотеку семинарии. Это книжное собрание кратко охарактеризуем.

Во второй половине XVIII века философия в Киево-Могилянской академии преподавалась по системе немецкого философа Христофора Вольфа (1679-1754) и его ученика Христиана Баумейстера (1709-1785). «(...) в Академии вводится с 1752 г. учебник последователя Лейбница и Вольфа кенигсбергского учёного Христиана Баумейстера «Элементы философии», который представлял собой антитезис схоластическому аристотелизму»¹. И в библиотечной описи находим указанную книгу на латинском языке «Elementa Philosophiae», а также и три учебника Баумейстера, в том числе «Нравоучительную Философию» (последние три книги изданы в знаменитой московской

¹ Хижняк, З.І. Історія Києво-Могилянської академії / З.І. Хижняк, В.К. Маньківський. – Київ, 2003. – С. 85.

типографии масона Николая Новикова). В Киево-Могиланской академии богословие изучалось по известному учебнику «*Christianae orthodoxae Theologiae in Academia Kiowiensi a Theophane Prokopowicz eiusdem Academiae rectore, postea archiepiskopo Novogrodensi adornatae et propositae*», а риторика – по «Краткому руководству к красноречию» Михаила Ломоносова. Эти же учебники были и в вышеприведённой семинарской библиотеке. Изучали физику в семинарии по учебникам П. Гиларовского и Г. Крафта, а арифметику по учебнику Николая Курганова (1725-1796), который тогда вытеснил знаменитую арифметику Магницкого. Всеобщую историю пинские семинаристы изучали по книге Иеронима Фрейера (1675-1747) «Введение в историю», которую московский профессор Харитон Чеботарёв (1746-1815) перевёл с немецкого языка, изменил авторское название и дополнил её «Кратким российским летописцем» Михаила Ломоносова, что позволило по новому учебнику изучать и русскую историю.

Большое внимание уделялось изучению языков, особенно латинскому и греческому. Латынь в XVIII веке была языком науки. Например, философия преподавалась тогда исключительно на латыни. Семинаристы знакомились на языке оригинала с произведениями Горация, Овидия, Вергилия, Цицерона, Юлия Цезаря, Сенеки, Тацита, Плутарха, и др., а также с латиноязычной поэзией эпохи Возрождения. Книга «Созерцание превосходнейших писателей Латинского языка» содержит не только произведения латинских авторов, но и сделанные её переводчиком Гавриилом Данковым библиографические указания на лучшие издания произведений, а также на имевшиеся тогда и подготовленные к печати русские переводы.

Греческий язык является ключом к изучению богословских христианских источников, к овладению греко-византийским культурным наследием. Основным учебником в XVIII веке была «Греческая грамматика», составленная по инициативе епископа Афанасия (в миру – Алексей Иванов, 1746-1805).

Польский язык, как государственный, изучался по учебнику преподавателя Киево-Могиланской академии Максима Симигиновского (1758-?). Обычно в духовных семинариях изучали ещё немецкий, французский и древнееврейский языки. Думается, за 40 лет учебники по этим языкам просто не сохранились. Интересно, что среди авторов книг находим не только православных, но и протестантов, и католиков, что говорит о значительном западном влиянии на учебный процесс в семинарии.

Отметим также, что в 1837 году в обители хранился немаленький архив, в котором было 1067 разных документов и бумаг в 17 связках. Основное содержание этих документов – подтверждение прав Дятловичского монастыря на различные земельные угодья. Вообще, приведённые описания библиотек Дятловичского монастыря требует более глубокого изучения со стороны различных специалистов.

Священники как учителя

Уже отмечалось ранее, что православные священники в XVIII веке учили своих детей грамоте, арифметике и Закону Божьему. Думается, что за плату священники учили также детей православных дворян и мещан. Найденный нами в архиве документ¹ говорит о подобной практике в середине XIX века.

*В Минскую Духовную Консисторию
Пинского Уезда Села Жолкин
Священника Феодосия Тарановича*

Рапорт

В исполнение предписания Плотницкого Благочинного Священника Стефана Смородского от 9 мая за № 69, чтобы доставляли ведомости за 1841 год о учении поселянских детей, или причины [неразборчиво] не обучаются, то сим честь имею донести, что я обучал своего прихода двох дворянских сыновей как Осипа Андреева Боричевского, сына Павла и Моисея Григориева Дзиковицкого, сына Димитрия, которые то мальчики по нуждению своих родителей обучаться чтению вовсе не захотели, что уже мною было донесено о сим 3-го Стана бывшему Приставу Половинскому, но ни какого удовлетворения не получил. За сим прошу Духовной Консистории донести [неразборчиво] дабы повелено было вышеупомянутым дворянам выслать своих детей к обучению ибо они дворяне только делают насмешку с моего увещевания. Очень почтительнейше доношу.

Священник Феодосий Таранович

№ 15

Июля 13 дня 1842 года

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 16163. – Л.81.

Священник Таранович обращается в полицию, чтобы та силой заставила шляхетских детей Павла Боричевского и Дмитрия Дзиковицкого учиться у него. Думается, что в такой ситуации батюшка заботился не об образовании детей, а о потерях в своём семейном бюджете. Интересно ещё и то, что православная шляхта совершенно не заботилась об образовании своих детей. Был прав автор замечательной пьесы «Пинская шляхта», когда показал православных шляхтичей как неучей и людей с рабской психологией.

Обучением на дому занимались и католические священники, наверно, даже в более широких масштабах, чем православные.

Поселянские училища

После ликвидации унии в 1839 году православные иерархи понимали, что для укрепления православия на белорусских землях необходимо крестьянских детей учить и воспитывать в русском и православном духе. Тем более, что некоторые польские помещики открывали школы в своих имениях, в которых воспитывали сельских детей в польском и католическом духе. Поэтому в 1839 году Минская Духовная Консисто́рия приняла решение об открытии при сельских и городских церквях епархии поселянских училищ (школ), в которых местные священники и псаломщики должны были бесплатно обучать детей крестьян, мещан и церковнослужителей. Занятия проходили обычно в домах учителей. Учебные программы таких школ соответствовали программам начальной школы. Ученики должны были знать четыре арифметических действия, читать и писать на русском и церковно-славянском языках, знать главные молитвы и основы Священной истории. Ревностным сторонником поселянских школ был архиепископ Минский Михаил (Голубович), который прилагал все усилия к тому, чтобы при каждой православной церкви была школа.

Священник Плотницкой церкви Пинского уезда Стефан Смородский, по собственной инициативе, открыл такую школу ещё в 1838 году. Однако поселянские школы в Пинском уезде открывались очень медленно. Так, к 1842 году было открыто всего пять школ: в Пинском Богоявленском и Дятловичском Преображенском монастырях, при Плотницкой, Парохонской и Вылазской церквях. Местные священники так объясняли медленный рост числа поселянских школ: дети добровольно учиться не хотят, родители их, не ощущая от учения корысти, в училище не высылают и ещё отвлекают от него домашними работами, помещики, усматривая от невежества крестьян свою пользу, просветить их страшатся. О тогдашних проблемах поселянских училищ писали и члены Пинского Духовного Правления.

*В Минскую Духовную Консисто́рию
Пинского Духовного Правления*

Рапорт

Указом из Минской Духовной Консисто́рии от 17-го Марта сего года за № 1637-м велено поспешить доставлением в оную Консисто́рию сведений о поселянских училищах, вследствие чего Правление предписывало [неразборчиво] Благочинным доставить сведения, заведены ли при Церквях подведомых их Благочинию Поселянские Училища. На что Выгоношенский Благочинный Приневский и Велемицкий Корженевский рапортами донесли сему Правлению, первый, что ни в одном приходе, принадлежащем его ведомству, нет училищ: потому что крестьяне сами собою не соглашаются обучать детей грамоте, а Помещики не обращают на это внимание, а второй, что означенные училища в ведомстве его ещё не заведены, впрочем, есть надежда, что по окончании хозяевами работ полевых, в наступающую осень, несколько учеников поступит и будет обучаться в домах священно и церковно служителей: потому что школы не построены, сколько же именно будет учеников и где, он Корженевский имеет донести о том Епархиальному Начальству обстоятельно.

О чём Минской Духовной Консисто́рии сие Правление почтеннейшее рапортует.

*Пинского Монастыря Архимандрит Феофан
Пинского Собора Священник Иоанн Марковский
Жабчицкой Церкви Священник Иосиф Загоровский¹*

Ещё одной значительной проблемой для поселянских школ была нехватка учебных книг.

*В Минскую Духовную Консисто́рию
Выгощицкого Благочинного Священника
Григория Приневского*

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 16163. – Л.79.

Рапорт

В исполнение Указа Минской Духовной Консисории от 23-го Генваря сего года №241 я требовал дабы Глиненский Священник Максим Тихонович показал какие именно книги и поскольку экземпляров нужны к первоначальному обучению детей в Глиненском приходе и он по (...), что нужно 10 Славянских букварей, 5 Часослов и 3 Псалтыря, причём добавил, что Глиненской Церкви все суммы не больше имеется как один рубль пятьдесят копеек, о чём покорнейше препровождаю.

№ 372
23 Марта 1845 года

Благочинный Священник Григорий Приневский¹

Школа при Пинском Богоявленском монастыре была открыта 13 февраля 1839 года.

В 1844 году в ней училось 7 мальчиков (3 – дети монастырских служителей, 1 – сын дворянина, 2 – сыновья крестьян, 1 – сын новокрещённого еврея). Работал в школе один учитель. В 1844 году было в Пинском уезде ещё семь поселянских школ:

Местонахождение училища	Время открытия	Число наставков	Число учеников						
			Состоящих на лице		Выбывших в течение года				
			Муж.	Жен.	По окончанию года		До окончания года		
				Муж.	Жен.	Муж.	Жен.		
Плотницкой Покровской церкви	1838	1	24	–	–	–	–	–	–
Обровской Крестовоздвиженской церкви	1843 Сент.5	1	6	–	–	–	–	1	–
Белоушской Троицкой церкви	1844 Окт. 1	1	32	37	–	–	–	5	2
Ольманской Воскресенской церкви	1844 Окт. 1	1	20	10	–	–	–	3	2
Парахонской Рождества Богородицы церкви	1842 Сент. 11	1	6	–	–	–	–	–	–
Вылазской Рождества Богородицы церкви	1842 Сент. 13	1	20	–	–	–	–	–	–
Мистковицкой Троицкой церкви ²	1843 Сент.5	1	6	–	–	–	–	–	–

В архиве сохранились более подробные сведения об училище³ при Дятловичском Спасо-Преображенском монастыре.

Ведомость о Духовных и Крестьянских Мальчиках, обучающихся в Дятловицком Преображенском монастыре – духовной Грамоте, письмам и другим предметам, с показанием лет их и успехов, сказавших ими в течение Месяцев: Генваря, Февраля, Марта, Апреля, Октября, Ноября и Декабря за прошедший 1841 год, также способности, нравственности к ... году. Когда кто из них поступил в Училище, составленная сего 1842 года Марта 30 дня.

№	Имена и прозвания учеников	Лета	Успехи их	Способность	Нравственность	Когда кто поступил
	Духовные:					
1	Иван Былинский	10	Выучил Часослов 10-ть Конфем Псалтыря. По Арифметике: Счисления Сложение, Вычитание, Умножение и учит деле-	Весьма хороших	Примерной	В 1841 году Месяце Генваре

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 16163. – Л.87.

² НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 18817. – Л.85 об.

³ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 16163. – Л. 50, 51.

			ние. Из Российской Грамматики: склонение. Из Краткого Катехизиса выучил Символ веры, Таинства, Молитву Господне и 4-е Заповеди с толкованием, а из Истории до Иосифа проданного до египтян и занимается писанием на бумаге			
2	Стефан Былинский	8	Выучил Часослов 10-ть Конфем Псалтыря. По Арифметике: Счисления Сложение и Вычитание. В Российской Грамматики: учит склонение. Из Краткого Катехизиса выучил до Молитвы Господней, а из Истории до Потопа и пишет на бумаге	Хороших	Хорошей	В том же году
3	Матвей Масловский	13	Выучил Часослов и Псалтырь	Хороших	Худой	В 1840 году
4	Николай Мазанович	7	Выучил Букварь и из Часослова Учит Полунощницу	Хороших	Хорошей	В 1841 году
5	Никодим Янцевич	8	Выучил склады и учит Молитвы	Хороших	Примерной	В 1841 году
6	Иосиф Ритецкий	10	Выучил Молитвы, Часослов, по Арифметике: Счисления Сложение и Вычитание и Пишет на Бумаге	Хороших	Примерной	В 1841 году
	Крестьянские:					
7	Григорий Кпаф	16	Выучил Псалтырь и гражданский чин действия как совершилось коронование Императорское, занимается в Державе чтением и учит Минию за месяц Сентябрь	Весьма хороших	Хорошей	1836 г
8	Иван Носкович	11	Выучил Псалтырь, учит Минию за месяц Октябрь и занимается чтением по преслов Богослужения	Весьма хороших	Хорошей	1837 году
9	Афанасий Черноокий	10	Выучил Псалтырь	Очень хороших	Смиренной	1838 году
10	Трофим Романов	11	Окончивши Часослов, выучил 15-ть Конфем Псалтыря	Очень хороших	Кроткой	1838 году
11	Стефан Киптевич	12	Окончил Часослов и выучил 8-м Канфем Псалтыря	Хороших	Скромной	1838 году
12	Кондрат Жук	13	Окончил Часослов и выучил 6 Конфем Псалтыря	Нехудых	Примерной	1838 году

13	Гавриил Черноокый	16	Окончил Часослов и выучил 3 Конфемы Псалтыря	Весьма хороших	Примерной	1838 году
14	Пётр Коцуба	11	Выучил Букварь из Часослова полунощницу и первый час	Весьма хороших	Хорошей	1840 году
15	Дмитрий Жук	13	Выучил полунощницу и первый час	Нехудых	Посредственной	В 1838 году
16	Марко Носкович	13	Выучил Букварь и полунощницу	Слабых	Хорошей	В 1838 году
17	Корней Харитонович	13	Выучил Букварь и полунощницу	Слабых	Хорошей	В 1838 году
18	Феодр Брезипа	8	Выучил Букварь	Надёжных	Скромной	1840 году
19	Василий Конопацкий	8	Выучил Букварь	Надёжных	Скромной	1840 году
20	Иван Конопацкий	7	Выучил Букварь, склады и Молитвы	Средственных	Нехудой	1841 году
21	Филипп Конопацкий	9	Выучил первоначальные буквы и склады	Слабых	Средственной	1841 году

Показавших в сей ведомости учеников, обучил Дятловицкого Преображенского Монастыря Послушник Александр Маевский.

Все сии ученики, исключая последних 6-ти обучались по Арифметике: счислению, сложению и вычитанию, а также первоначальному письму, кроме сего 7-й, 11-й, 14-й и последние 6-ти на часы Молитвы ...

Из этого подробного отчёта видно, что преподавание в училище при Дятловичском монастыре было на довольно высоком уровне. К сожалению, вскоре оно было закрыто.

*В Минскую Духовную Консисторию
Благочинного Монастырей,
Настоятеля Пинского Богоявленского
Монастыря Архимандрита Феофана
Репорт*

Заведённая бывшим Настоятелем Заштатного Дятловицкого монастыря Архимандритом Иовом школа для изучения грамоты поселянских и другого звания детей при оном Монастыре существовала по Май Месяц истёкшего 1842 года. Обучал детей Послушник того Монастыря Александр Маевский; с того времени она же Архимандритом упразднена, восстановить оную опять, по недостатке в учителе, почти не возможно, ибо из чинов Духовных того Монастыря, одни по старости приняться за труд не в силах, другие по испорченной нравственности к исполнению сей обязанности оною управлять не надёжны; а послушников нет способных; то о сём на благорассмотрение Минской Духовной Консистории почтеннейшее представляю.

Благочинный Монастырей Архимандрит Феофан¹

№ 1

Генваря 12 дня 1843 года

И в дальнейшем число поселянских училищ в Пинском уезде росло очень медленно. Новый этап в развитии народного образования на селе начался после отмены крепостного права в 1861 году, когда на казённые средства стали открывать народные училища.

Отметим, что сельских детей обучали тогда не только в училищах. «Почти при каждой церкви, в доме священника или дьячка, дети обучаются славянскому и русскому чтению и молитвах, а в отделениях, зависящих от народных училищ, занимаются обучением бывшие ученики народных

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 16163. – Л.110.

училищ, или вольнонаёмные от крестьян, за условленную плату»¹. Думается, что это всё идет от многовековой традиции обучения грамоте при православных церквях.

Домашнее образование шляхты

Испокон веков полесская знать обучала своих детей дома. Как же обстояло дело с домашним образованием дворянских детей на Пинщине в первой половине XIX века? Пинский краевед Роман Горошкевич в архиве известного полесского рода нашел интересный документ – записку Ришарда Бутримовича (сына пинского подстаросты Матеуша Бутримовича) о том, сколько ему стоило обучение на дому своего сына Ксаверия в 1825-1830 гг. «Итак, имеем два вида учителей: гувернёры и профессора. У гувернеров разная зарплата. Малиновский, например, за год взял 50 рублей, Микульский – 150, пан Богуслав за неполные четыре года взял 950 рублей. Отдельные учителя учили молодого Бутримовича языкам, математике и музыке. Книги вместе с нотами стоили на протяжении этих нескольких лет свыше 250 рублей. За музыкальный инструмент «пантатон» уплачено 480 рублей»².

У богатых шляхтянок гувернантками были в основном француженки, которые обучали их французскому и немецкому языкам. Учили девушек также игре на фортепиано, рисованию и танцам. В середине XIX века очень популярными были фортепианные произведения польского композитора Фредерика Шопена.

Пинское уездное дворянское училище

После подавления восстания царское правительство взяло курс на русификацию образования в Северо-Западном крае, на внедрение идеологических принципов николаевского режима «самодержавие, православие и народность» в деятельность всех учебных заведений. Первым шагом в этом направлении было закрытие в мае 1832 года Виленского университета и ликвидации его учебного округа. «Навучальныя ўстановы Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губерняў увайшлі ў склад Беларускай вучэбнай акругі. Кіраўніцтва акругай ажыццяўляў, цяпер ужо без дапамогі універсітэта, папачыцель Р.І. Карташэўскі. (...) На пасадзе папачыцеля Беларускай вучэбнай акругі Р.І. Карташэўскі працаваў каля дзесяці год – да канца 30-х гадоў XIX ст. Увесь гэты час ён старанна праводзіў русіфікацыйскую палітыку»³. И это назначение на должность попечителя не являлось случайным: Григорий Карташевский был другом и родственником известной славянофильской семьи Аксаковых. И создание отдельного Белорусского учебного округа в 1829 году (первоначально в составе только двух губерний: Витебской и Могилёвской) имело одну цель – русификация Северо-Западного края по частям, начиная с самого слабого звена.

Следующим шагом в этом направлении был процесс полного вытеснения монашеских католических орденов из сферы образования и ужесточение сословных ограничений при поступлении в учебные заведения. Например, Пинское уездное училище, как руководимое францисканцами, было закрыто. Вначале планировалось в Пинске открыть гимназию. Попечитель Белорусского учебного округа Григорий Карташевский просил губернские власти предоставить закрытый бернардинский монастырь для училищного ведомства, чтобы разместить там гимназию. Однако царские власти решили, что это будет чересчур большим подарком для местных поляков и полешуков, которые принимали активное участие в восстании. Вместо гимназии было открыто светское уездное училище на базе переведенного в Пинск Холопеничского уездного училища. В постановлении Министерства Народного Просвещения от 1 мая 1832 года читаем: «(...) 3) Существующие в Минской губернии монашеские училища: в местечке Лужках – Пиарское и в городе Пинске – Францисканское упразднить ныне же. 4) Находящееся в местечке Холопеничах штатное светское уездное училище перевести ныне же в город Пинск, оставя при оном штат и звание училища на степени Гимназии, и по устройении оногo, упразднить Пиарское училище в местечке Любешов (...)»⁴. Часть прежних учителей-монахов продолжала работать, однако постепенно шла смена преподавательских кадров. В 1833/1834 учебном году в училище обучалось 106 учеников. В 1853 году для учи-

¹ Отчёт по управлению Минскою дирекцією народных училищ за 1866 год. – Вильна, 1867. – С. 11.

² Horoszkiewicz, R. Przyczynek do historii szkolnictwa na Polesiu / R. Horoszkiewicz // życie Polesia. – 1926. – № 18.

³ Пасэ, У. Асвета і грамадска-палітычны рух у школах Беларусі ў першай палавіне XIX стагоддзя / У. Пасэ // Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мінск, 1968. – С. 148.

⁴ Собрание постановлений по Министерству Народного Просвещения. – Санкт-Петербург, 1864. – Т. 2. – Отд. 1. – С. 276.

лица было построено специальное двухэтажное каменное здание по проекту Казимира Скимунта (мужа известного скульптора Елены Скимунт).

В январе 1834 году учебное заведение было преобразовано в Пинское уездное для дворян училище¹ или проще сказать в дворянское училище. В начале 1834 года оно получило новый бюджет. Ввели также новую учебную программу. В 1843 году бюджет училища увеличен до 3580 рублей. В 1844 году обучалось в нём 128 учеников.

После закрытия в 1834 году любешовского училища фундуш князей Вишневецких перенесли в пинское дворянское училище. На эти деньги был открыт при пинском училище конвикт (пансион) для двенадцати учеников. К сожалению, этот фундуш в 1852 году перенесли в минскую гимназию.

Пинское училище было рассчитано на обучение в нём в основном детей дворян, иногда туда попадали дети священников и купцов. О том, как не просто было попасть в училище детям из других сословий, говорит следующий документ:

*Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Михаилу
Архиепископу Минскому и Бобруйскому и Кавалеру
Пинского Уезда и Благодочиния
Отолчицкой Покровской Церкви
Священника Иоанна Акоронко
Прошение*

Покорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство дозволить воспитывать моего одиннадцатилетнего сына Эраста в Пинском Уездном Дворянском Училище оставив его в Духовном звании с тем, чтобы он мог приготовиться к низшему отделению Семинарии, или по крайней мере к высшему отделению Духовных Уездных Училищ.

На что ожидаю Вашей Высокомилоостивейшей Архипастырской резолюции.

*1856 года
Июля месяца
14 дня
село Велесница*

Священник Иоанн Акоронко²

Вначале дворянское училище было четырёхклассным, но в 1837 году было преобразовано в пятиклассное с шестилетним курсом обучения (в последнем классе учились два года). «В 1843 г. для учебных заведений западных губерний был утверждён новый штат, в котором не значилось должности учителя польского языка – это значит, что с этого времени польский язык был исключён из учебных планов всех типов учебных заведений западных губерний. Таким образом, к середине 1840-х гг. система образования в западных губерниях была формально и содержательно деполонизирована и унифицирована с общероссийской образовательной системой»³. 1843 год, на наш взгляд, можно считать лишь годом формального и окончательного юридического закрепления запрещения преподавания на польском языке в учебных заведениях западных и юго-западных губерний Российской империи, а фактический запрет на Полесье был осуществлён ранее, ещё в 1834 году.

Преподавание стало полностью на русском языке. Сразу же возникла острая проблема с преподавательскими кадрами. Прежних учителей поляков-католиков монастырских (римско-католических и униатских) учебных заведений почти всех уволили, особенно участвовавших в восстании 1831 года. Кроме того, было запрещено брать на работу студентов Виленского университета на вакантные места учителей. Григорий Карташевский стал приглашать преподавателей из России, но, поскольку оттуда учителя ехали неохотно, он стал отправлять местную молодёжь на учёбу в российские университеты. Преподавательский состав дворянских училищ был приблизительно таков: третья часть – учителя, приехавшие из России, а остальные – местные молодые уро-

¹ Собрание постановлений по Министерству Народного Просвещения. – Санкт-Петербург, 1864. – Т. 2. – Отд. 1. – С. 503.

² НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28304. – Л. 1.

³ Игнатовец, Л. Реорганизация системы образования в Виленской, Гродненской и Минской губерниях и Белостокской области во второй половине 20-40-х гг. XIX в. / Л. Игнатовец // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – Серыя 1. – 2012. – № 2. – С. 10.

женцы. Думается, что проблема с педагогическими кадрами в пинском училище более-менее решилась с помощью перевода сюда холопнического училища.

Сведений о преподавателях Пинского дворянского училища у нас мало. В 1836 году учителем работал некий Лешкевич. Однако самой заметной фигурой среди них был Дмитрий Каширин (земляк и друг Виссариона Белинского), который преподавал русский язык и увлекался пинской историей. О нём поговорим подробнее чуть ниже. Православным законоучителем был сначала протоиерей, настоятель Пинского собора Иоанн Марковский, а потом протоиерей Василий Грудницкий. Католическим законоучителем 20 лет был францисканец Анастаси Мацкевич (1802?-1855). Его сменил ксёндз Фелициан Родович (1832?-1864?). В 1845 году штатным смотрителем училища являлся Николай Васильевич Белли, которого за хорошую работу министерство народного просвещения в 1849 году наградило подарком. В начале 50-х годов смотрителем был уже Михаил Десницкий (?-1887), в будущем он возглавлял Виленскую дирекцию народных училищ. В 1858 году штатным смотрителем работал Константин Игнатьевич Ган, учителем истории, географии и законовещения – Константин Степанович Ержилович, учителем немецкого языка – Гильберт, учителем рисования и чистописания – Пласковицкий, учителем французского языка – Карафа-Корбут, старшими учителями – Александр Скворцов и Антон Лянцевич, врачом – Рымкевич.

Училище имело неплохую библиотеку. Каталог «Книг хранящихся в библиотеке Пинского дворянского училища» за 1850 год находится в библиотеке Виленского университета.

Среди выпускников Пинского дворянского училища за 26 лет его существования находим мало примечательных личностей. Можно только отметить польского общественного деятеля и известного минского врача Сигизмунда Свенцицкого (1836-1910), а также исследователя Кавказа, инженера и писателя Болеслава Статковского (1825-1898). Такая скудость на известные имена выпускников, на наш взгляд, результат того, что польскоязычных учеников обучали на чуждом им русском языке. В 1858 году Пинское уездное дворянское училище было преобразовано в мужскую гимназию.

Частные школы

После войны 1812 года на Пинщине местными богатыми помещиками были созданы несколько школ взаимного обучения (или ланкастерских). Они «атрымалі сваю назву па імя англійскага педагога, які ўпершыню выкарыстаў у канцы XVIII ст. новую сістэму навучання ў пачатковай школе. Асаблівасць гэтай сістэмы заключалася ў тым, што яна дазваляла аднаму настаўніку адначасова арганізаваць навучанне вельмі вялікай колькасці вучняў. Дасягалася гэта з дапамогай групы найбольш падрыхтаваных вучняў, якія пад наглядом педагога вучылі астатніх дзяцей, размеркаваных на невялікія групы»¹. Впервые в Виленском учебном округе метод взаимного обучения был использован в Столинском училище Пинского уезда, открытом в 1816 году на средства большого патриота ВКЛ, графа Александра Поцея (1774-1846). В его школе училось свыше 100 детей (как крестьянских, так и шляхетских). Причём некоторые из учеников были из отдалённых графских имений в других губерниях. Дети обучались в зимнее время чтению, письму на польском языке, арифметике, получали элементарные знания по агрономике. Со временем училище стало приходским и было крупнейшим среди всех приходских училищ Минской губернии. Так, в 1819 году в Столинской школе было 103 ученика; во всех же прочих 29-ти приходских школах губернии общее число учеников доходило тогда до 493.

Другая ланкастерская школа была создана чуть позже в селе Велесница, которым владел ректор Виленского университета Юзеф Твардовский (1786-1840). Очевидно, что он её создал на свои средства. Отметим, что Юзеф Твардовский был успешным бизнесменом: он организовал в Пинске крупную компанию, торговавшую лесом, которая успешно конкурировала с еврейскими лесоторговцами.

Нужно заметить, что помещики неохотно создавали и содержали школы для детей своих крепостных крестьян, так как учёба отвлекала детей от полевых работ. Чтобы разрешить противоречие между непрерывностью учебного процесса и участием учеников в полевых работах, Юзеф Твардовский придумал такую формулу: зимой школа работала каждый день, но во время хорошей погоды осенью и весной – только по воскресеньям и праздникам.

В 1836 году богатый помещик Александр Скирмунт основал в селе Поречье Пинского уезда суконную фабрику. Для детей рабочих фабрики и окрестных крестьян он открыл училище (про-

¹ Пасэ, У. Асвета і грамадска-палітычны рух у школах Беларусі ў першай палавіне XIX стагоддзя / У. Пасэ // Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мінск, 1968. – С. 145.

фессионально-техническое). В училище детей учили основам грамотности и арифметики, а также ткацкому мастерству.

Михаил Загоровский

Мало известно об одном из первых пинских историков-археографов Михаиле Загоровском. Его биографию попробуем восстановить буквально по крупицам. Загоровские – известный род униатских и православных священников, которые в XVIII веке занимали ключевые позиции в церковной иерархии Туровщины. Возможно, отсюда родом отец нашего героя, протоиерей Максим Иванович Загоровский (1770-1829?), который в начале XIX века был пинским благочинным, настоятелем Фёдоровской соборной церкви, фактически руководил православной церковью на Пинщине. У его же сына Михаила были практически неограниченные возможности ездить по пинским монастырям и церквям для сбора исторических документов.

Михаил Максимович Загоровский родился шестого сентября (ст. ст.) 1797 года, возможно, в Пинске. О матери его известно только то, что её звали Наталья Ивановна. Она была дочерью православного священника. Первоначальное образование Михаил, наверно, получил в Пинском уездном училище, которым руководили местные францисканцы. Обучение там велось на польском языке. В 30-е годы Михаил Загоровский писал прошения в Минскую дирекцию народных училищ, просил перевести его на преподавательскую работу в Царство Польское, при этом отмечал, что хорошо знает польский язык. Можно предположить, что позднее юноша окончил Минскую духовную семинарию и духовную академию, так как преподавал Закон Божий в разных учебных заведениях.

С 1823 года Михаил Загоровский работал учителем русского языка и Закона Божиего в Бобруйском уездном училище (на правах гимназии). Поскольку в Бобруйске он прожил больше десяти самых важных лет своей жизни, то остановимся на истории Бобруйского училища, которая ведёт нас к иезуитскому коллегияму, существовавшему в городе с 1694 года. После ликвидации ордена иезуитов коллегияму преобразовали в трёхклассную подокружную школу Русского округа Эдукационной Комиссии. В 1797 году эта школа получила статус уездного училища. В 1810 году училище было закрыто, а в 1820 открыто вновь. В 1830 году в четырехклассном Бобруйском уездном училище училось 70 учеников, в 1833/1834 учебном году их число возросло до 120.

В 20-30 годы Бобруйская крепость была одним из самых значительных военных объектов Российской империи, где размещался крупный армейский гарнизон. Там служили образованные офицеры (в частности, декабристы: Василий Тизенгаузен, Иван Повало-Швейковский, Василий Норов, Степан Трусов, Емельян Троцкий и др.), которые не могли не заинтересовать молодого учителя историей Бобруйска. В 1835 году Михаил Загоровский писал в Правление Белорусского учебного округа: «По совету знатных Лиц, живших в Бобруйской крепости, веть(?) оной, и под влиянием благоприятных обстоятельств, восемь лет с месяцами, на своём иждивении, без всякой надежды на вознаграждение, производя розыски в древних могильных насыпях, курганах, возвышающихся в окрестностях новейшего Бобруйска, рассматривая древнейшие укрепления, окопы, урочища, идолопоклоннические жертвенники; собирал исторические материалы, письменные и печатные для сообщения в кратких очерках, любителям Русских Древностей исторических выводов, о началах Бобруйска, во многих отношениях замечательнейшего в старину и наши времена (...))»¹. Стоит отметить, что до Михаила Загоровского раскопки в окрестностях Бобруйска вёл выдающийся историк Теодор Нарбут (1784-1864).

У Михаила Загоровского не сложились отношения со смотрителем Бобруйского уездного училища учителем Кукелем, поэтому учитель в декабре 1833 года написал прошение о переводе его в Царство Польское. Однако начальство предложило ему работу в Березовецком или Ляданском уездных училищах. В конце концов, Михаил Загоровский перевёлся в Забельскую гимназию.

*Министерство
Народного Просвещения
Департамент
Народного Просвещения
Белорусский
Учебный Округ
Директор училищ*

*Его Превосходительству Господину
Попечителю Белорусского Учебного
Округа, Действительному Статскому
Советнику и Кавалеру Григорию
Ивановичу Картошевскому*

¹ НИАБМ. – Фонд 3157. – Оп. 1. – Д. 128. – Л. 29.

Витебской Губернии
в Витебске
9 Июня 1834 года
№ 357

О прибытии Загоровского
в Забельскую Гимназию
к месту его назначения

Правление Белорусского Учебного Округа предписанием от 5 Апреля 1834 года № 492 назначило бывшего учителя Бобруйского уездного училища Коллежского Секретаря Загоровского вторым учителем в Забельскую Доминиканскую Гимназию для преподавания Русского языка в первых 5 классах с жалованием по 1200 р. в год. Ныне Смотритель училищ Полотского уезда Плотто рапортом от 20 минувшего Мая № 72 доносит, что помянутый учитель Загоровский прибыл в оную Гимназию 5-го и введён в исправление должности 14-го числа того же Мая, о чём Вашему Превосходительству и имею честь донести.

Директор

подпись¹

При Забельском доминиканском монастыре, располагавшимся в местечке Волынцы Дриссенского уезда Витебской губернии, в 1772 году была открыта школа (коллегиум). В 1816 году её преобразовали в гимназию (по другим источникам – в 1811). Доминиканцы даже носились с планами о преобразовании гимназии в академию с тремя факультетами. В 1833/1834 учебном году в ней обучалось 127 учеников. Когда Михаил Загоровский приехал в Волынцы, то преподавание там велось ещё на польском языке. Однако в 1835 году, после визита в гимназию товарища министра народного просвещения графа Николая Протасова, преподавание было переведено на русский язык.

В декабре 1835 году Загоровский вышел с просьбой в Правление Белорусского учебного округа о его переводе на соответствующую преподавательскую должность в город Вильна, чтобы он мог работать в богатых виленских архивах над историей Бобруйска. В этом прошении Михаил Загоровский показал себя как хороший знаток архивов Вильны, Санкт-Петербурга, Киева и Новогрудка. 19 сентября 1836 года Забельская доминиканская гимназия была закрыта. Михаил Загоровский переехал в Могилёв, где преподавал в мужской гимназии. В 1854 году он был уже на пенсии.

Несомненно, что Михаил Загоровский часто бывал в Пинщине и собирал там исторические документы, а возможно, и проводил археологические раскопки, сотрудничая с пинскими историками: Антонием Мошинским, Дмитрием Кашириным, Стефаном Куклинским и др. В газете «Минские Епархиальные Ведомости» в 1872 году Михаил Максимович Загоровский опубликовал два десятка исторических документов из архива Лещинского монастыря, например, «Инвентарь обители за 1595 год при введении в архимандритство Елисея Плетенецкого». Можно предположить, что у Загоровского была значительная часть архива Лещинского монастыря.

Умер забытый пинский историк Михаил Максимович Загоровский, вероятно, в 1874 году (надпись на могильном камне плохо читается) в Пинске, где и похоронен на старом православном кладбище. Рядом с его могилой находится могила брата, чиновника пинского акцизного управления Филиппа Максимовича Загоровского (1818-1897).

Антони Мошинский и Дмитрий Каширин

Вклад Антони Мошинского (1800-1893) в развитие культуры Пинска огромен. Им, совместно с литератором и историком Александром Ельским, написана первая история города² и самостоятельно – «Описание Пинского уезда» (1850). Его личность и многочисленные научные и литературные труды почти неизвестны пинчанам. Томаш Мошинский родился 30 сентября 1800 года на Волыни в дворянской семье. Учился в Дубровицком пиарском коллегиуме и Кременецком лицее в Волынской губернии, где мог встречаться с известным историком и фольклористом Зорианом Доленгой-Ходаковским. Вскоре Мошинский под именем Антони вступил в монашеский орден пиаров, главной задачей которого было бесплатное обучение всех желающих. Во время работы в Паневежском коллегиуме он познакомился с ковенским учителем, поэтом Адамом Мицкевичем. В

¹ НИАБМ. – Фонд 3157. – Оп. 1. – Д. 128. – Л. 26.

² Moszyński, A. Pińsk / A. Moszyński, A. Jelski // Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów Słowiańskich. – Warszawa, 1887. – Т. 8. – С. 167-183.

1832 году отец Антони стал ректором пиарского коллегияума в местечке Любешов на Пинщине. Коллегияум превратил в образцовое учебное заведение. Тогда же и началось его увлечение историей Пинщины. Чуть позже Антони Мошинский познакомился с польским писателем Юзефом Крашевским, часто приезжавшим в Пинский уезд, где в имении Осовая жили родственники его жены – Стаховские. Думается, что о. Антони снабжал писателя материалами по истории Пинска, а сам, не без помощи Крашевского, оказался под влиянием идей петербургской котерии (кружка польских панславистов-консерваторов во главе с польским писателем и критиком Михалом Грабовским). Помогал о. Антони историческими материалами и выдающемуся польскому писателю и историку Владиславу Сырокомле.

Почти одновременно с Мошинским в Пинске появился историк Дмитрий Федорович Каширин (1810–после 1874), малоизвестный пинчанам. Литературовед Марк Поляков, исследователь жизни и творчества русского критика Виссариона Белинского, писал о Дмитрие Каширине, друге критика так: «Сын мещанина. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825-1826 гг.). В сентябре 1826 г. принят вольным слушателем на нравственно-политическое отделение. В письме к П.П. и Ф.С. Ивановым от 13 января 1831 г. Белинский писал: «Об себе скажу, что я в нынешний год живу лучше, нежели прошлый; ибо прервал все связи с подлецами, бездельниками и дураками и вообще веду себя благоразумнее. Петровым, Протопоповым, Кашириным и вашими молодцами, с которыми стоит Попов, ограничивается круг моего короткого знакомства». Впоследствии в письме к М.П. Погодину Каширин поделился воспоминаниями о Белинском-студенте. Окончил университет в августе 1831 г. со званием действительного студента, после чего служил учителем в Лепельском и Пинском училищах (Белорус. учеб. округ). В 1835 г. выпустил книгу «Грамматические уроки русского языка», на которую Белинский дал неодобрительный отзыв («Молва», 1835, № 41). Имя Каширина неоднократно встречается в переписке П.Я. Петрова с Белинским. В 1874 г. был начальником и преподавателем истории в Ковенской женской гимназии. В 1867-1874 гг. участвовал в издании «Археографического сборника документов, относящихся к истории северо-западной Руси»¹. Несомненно, что Дмитрий Каширин был связан с историком Михаилом Погодиным. Каширин слушал в университете лекции молодого профессора по русской истории, которые пользовались огромным успехом среди студенческой молодежи. Вот так Дмитрий описывал влияние Погодина на студента Белинского в письме к самому профессору: «Видеть Вас немедленно – было его [Белинского. – Авт.] задушевным желанием. Живое в моей памяти то время, когда он прибежал запыхавшись в нашу квартиру (он был казённокоштным, а мы жили около Тверского бульвара) с криком: Видал! Видал! Долго мы не могли добиться: кого? Но, наконец, рассказал он, как встретил Вас, ловил Ваши взоры, Ваши движения (...) Да, Михаил Петрович, было время, когда [слово] Ваше звучало чем-то электрическим в устах молодого поколения и даже Белинского»². Вероятно, что свою книгу Каширин в 1835 году издал в типографии Московского университета по протекции Михаила Погодина.

Нами в Минске в Национальном историческом архиве Беларуси обнаружены три документа, касающихся Дмитрия Каширина:

Министерство финансов

Департамент разных

податей и сборов

13 Мая 1838 г.

№ 2239

О взыскании денег

Минской казенной палате

Зачин

Департамент Народного Просвещения от 5 сего Мая за № 5157 уведомил, что Г. Министр Народного Просвещения утвердил старшего учителя русского языка в Пинском Дворянском Училище в чине 9 класса.

Вследствие сего Департамент разных податей и сборов предписывает Минской Казённой Палате следующие с Каширина за чин деньги внести недоимку о запоступлении [неразборчиво] в казну имеет наблюдение.

Вице Директор

¹ Поляков, М. Студенческие годы Белинского / М. Поляков // Литературное наследство. – Москва, 1950. – Т. 56. – С. 428.

² Поляков, М. Студенческие годы Белинского / М. Поляков // Литературное наследство. – Москва, 1950. – Т. 56. – С. 336.

В 1843 году Дмитрий Каширин работал штатным смотрителем Бобруйского дворянского училища.

*В Минскую Духовную Консисторию
Старшего Учителя Слуцкой Гимназии
Надворного Советника
Дмитрия Фёдорова сына, Каширина*

Прошение

Честь имею покорнейше просить Минскую Духовную Консисторию о выдаче Метрического свидетельства о рождении и крещении сына моего: Феодора Димитровича Каширина, родившегося 1843 года, Мая 31 дня и крещённого Священником Филипповским, во время бытности моей в городе Бобруйске Штатным Смотрителем Дворянского Училища.

Представил при сём лист гербовой бумаги девяносто копеечного достоинства, честь имею покорнейше просить выслать свидетельство это Г. Директору Слуцкой Гимназии.

*Старший Учитель Русской Словесности
Надворный Советник Каширин*

*1856 Января 15
Слуцк²*

Следующий документ даёт некоторые сведения о жене, брате и матери Дмитрия Каширина.

По справке в Консисторию Аказаной

В Метрической Книге Города Бобруйска Церкви Николаевской за 1843 год имеется запись рождения и крещения – Следующая, 1843 Июня 1 рождение, а 4 крещение № 13-м Феодор сын Бобруйского Дворянского Училища Штатного Смотрителя Коллежского Ассесора Дмитрия Феодорова Каширина Православного исповедания и законной жены его Анны Августиновой Латинского исповедания, над коим таинство крещения совершил Бобруйской Николаевской Церкви Благочинный Священник Иоанн Филипповский с диаконом Фомою Борзаковским. Восприемниками были Губернский Секретарь Яков Фёдоров Каширин и Мать Его Ульяна Андреева Каширина.

Секретарь³

Дополним вышеприведённые сведения о Дмитрие Каширине, собранные литературоведом Марком Поляковым. С 1855 по 1863 год Каширин преподавал русский язык и словесность в Слуцкой гимназии, а после – в Кейданской. Последний владелец Кейдан граф Марьян Чапский был сослан за участие в восстании 1863 года, а его имение было конфисковано, там хранился богатый архив князей Радзивиллов – биржанской линии. Дмитрий Каширин и учитель истории ковенской гимназии Юльян Чехович (1843?-1887) привели кейданский архив в порядок и в 1870 году издали его часть в виде отдельного восьмого тома «Археографического сборника документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа». После восстания Кейданская гимназия была закрыта, и Дмитрий Каширин переехал в Ковно, где работал сначала инспектором Ковенской дирекции народных училищ, а потом начальником Ковенской женской гимназии. Его дальнейшая судьба нам, к сожалению, неизвестна.

Антони Мошинский и Дмитрий Каширин, прибыв в Пинск, начали поиски старинных документов, хранившихся в библиотеках многочисленных местных монастырей. Отец Антони позже писал: «После закрытия в 1832 г. Пинского кармелитского монастыря в его библиотеке, впрочем, маловажной, говорят, была найдена рукопись «История города Пинска». Узнав об этом через несколько лет по слухам, я принялся ревностно отыскивать, в чьих руках находится сия рукопись. Ни один её видел, ни у одного она была в руках, но никто не умел указать, где её можно найти. Утверждали лишь, что рукопись состоит из нескольких десятков листов, писана старинным польским языком, в семнадцатом столетии (...)»⁴. И всё же на переломе 30-40-х годов XIX века Антони Мошинский нашел в доминиканской монастырской библиотеке историческую хронику монасты-

¹ НИАБМ. – Фонд 333. – Оп. 1. – Д. 746. – Л. 837.

² НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 26923. – Л. 1.

³ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 26923. – Л. 2.

⁴ Moszyński, A. Zabytek historyczny o Pińsku / A. Moszyński // Athenaeum. – 1841. – Т. 6. – S. 91.

ря, составленную в 1762 году Климентием Жебровским. В этой хронике была рукопись на старопольском языке, в которой подробно рассказывалось о бунте пинских жителей в 1648 году во время восстания Богдана Хмельницкого. Жебровский писал, что эту рукопись ему передал пинский земский регент Василий Трухновский. Рукопись о пинском бунте о. Антони опубликовал вначале в 1841 году в журнале Юзефа Крашевского «Атенеум», а затем под названием «Исторический памятник о Пинске» в 1846 году в московском журнале «Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских», который редактировал выдающийся славист Осип Бодянский. Думается, что эта рукопись попала в руки Бодянского через посредничество Дмитрия Каширина или Юзефа Крашевского.

Отметим, что в личной библиотеке Мошинского было много различных старинных документов. Например, выдающийся русский писатель Николай Лесков, посетивший Пинск в 1862 году, писал, что видел у Мошинского 24 старинных грамоты¹. Как настоящий славист о. Антони исследовал связи между русским славянофилом Михаилом Ломоносовым (1711-1765) и польским пиаром, писателем Ежи Цяпинским (1728-1768).

К сожалению, жизнь и творчество одного из первых детских поэтов в польской литературе – Антони Мошинского изучены слабо: нам известна только одна статья² о нём, опубликованная в Польше. Поэтому попытаемся составить почти полный список его литературных и исторических произведений, изданных в виде отдельных брошюр и книг:

1. *Historji literatury polskiej*. Wilno, 1825.
2. *Kazanie na pogrzebie Jasnie Welmożnego Władysława Franciszka Czarneckiego b. Chorążego W.x.L., Rzeczywistego Radzy Stanu, ordenów S. Stanisława i Orla Białego Kawalera miane w Kościele Lubieszowskim XX. Pijarów 14 listopada 1829 r.* Wilno, 1829.
3. *Wiersz M.A. Mureta pisany do synowca*. Wilno, 1829.
4. *Kazanie na pogrzebie Jasnie Wielmożnych Woyciecha [...] i Józefy z domu xczki Druckiej Lubeckiej Pusłowskich miane dnia drugiego żałobnego obchodu w Kościele Parafialnym Olszewskim 12 lipca 1833 r.* Wilno, 1833.
5. *Wiersz Horacyusza Flakka o sztuce rymotwórczej*. Wilno, 1835.
6. *Odpowiedź na recenzją dzieła: Wiersz Horacego O sztuce rymotwórczej przekładania (z łaciny) x. Antoniego Moszyńskiego SP.* Wilno, 1836.
7. *Kolęda dla dzieci*. Wilno, 1836.
8. *Kolęda dla dzieci*. Wilno, 1838.
9. *Kolęda dla dzieci*. Wilno, 1840.
10. *Lukasz Hübel*. Wilno, 1840.
11. *O klasztorze pińskim XX. Franciskanów*. Wilno, 1844.
12. *Żywot Macieja Dogiela z przydaniem wiadomości o sporze pijarów wileńskich z jezuitami wileńskimi (roku 1723-1753)*. Wilno, 1844.
13. *Mowa z powodu zgonu śp. Ignacego hr. Platera*. Kraków, 1855.
14. *Idalii z Sobańskich Hr. Platerowej żonie, Konstancyi z hr. Platerów hr. Manuzzi siostrze, Konstantemu Włodzimierzowi, Wiktorowi i Feliksowi synom śp. Ignacego hr. Platera na pamiątkę, szacunku i współczucia*. Warszawa, 1855.
15. *Wiadomość o rękopisach polskich oddziału teologicznego w Cesarskiej publicznej bibliotece w Petersburgu*. Kraków, 1874.
16. *Monografia Kollegium i Szkoły Pijarskiej w Międzyrzeczu-Koreckim*. Kraków, 1876.
17. *Magia i spirytyzm w zarysie*. Kraków, 1876.
18. *Kronika Kollegium Lubieszowskiego XX. Pijarów*. Kraków, 1876.
19. *De sacra critica brevis commentatio...* Kraków, 1876.
20. *Pińsk i Pińszczyzna*. 1882.

В киевском архиве хранится интересное и загадочное дело³ о черепе и короне короля Стефана Батория. В мае 1847 года луцкий исправник написал секретное донесение киевскому генерал-губернатору Дмитрию Бибикову о слухах, что какой-то учитель пинского училища передал помещику Луцкого уезда и известному писателю Юзефу Крашевскому древний череп с серебряной короной. Исправник провёл расследование и «выяснил», что какой-то древний череп с латинскими

¹ Лесков, Н. Из одного лорожного дневника / Н. Лесков // *Кругозор (Пинск)*, 2000. – № 1. – С.35.

² Piotrowski, W. O zapomnianym twórcy poezji dziecięcej wieku dziewiętnastego – Antonim Tomaszu Moszyńskim / W. Piotrowski // *W kręgu literatury i języka*. – Piotrków Trybunalski, 2005. – S. 403-412.

³ Центральный государственный исторический архив Украины, в г. Киеве. – Фонд 442. – Оп. 797. – Д. 73.

надписями, действительно, передали Крашевскому, и это сделал надзиратель гродненского благородного пансиона Миреси. Однако луцкий исправник пока не видел самого черепа, так как писатель, ссылаясь на плохое здоровье, не поехал за этим артефактом в другое имение. Нам неизвестно, чем закончилась эта история. Выдвинем гипотезу: первоначальные слухи о том, что череп и корону Крашевскому передал учитель пинского училища, были правдивыми. Тогда этим учителем мог быть только историк Дмитрий Каширин. В 1871 году пинский учитель Стефан Куклинский раскапывал курган Миндовга, который находился рядом с Лещинским монастырём, и мало что там нашёл. Можно предположить, что ещё в 30-40 годы раскопки кургана начал Дмитрий Каширин (возможно, совместно с Михаилом Загоровским) и нашел череп с серебряной короной. Тогда, вероятно, что это были череп и корона не польского, а литовского короля Миндовга или его сына Войшелка. А надзиратель Миреси передал Крашевскому другой череп.

Возвращаясь к таинственной «Истории города Пинска», можно предположить, что текст хранился у Дмитрия Каширина или Михаила Загоровского, которые мало кому его показывали, поскольку в рукописи было много неугодных для православия фактов, говоривших о значительной польской странице истории Пинска. В тогдашней российско-польской борьбе за Полесье очень важно было историком, лояльным к царскому правительству, доказать изначально русинские и православные корни Пинщины. В пользу версии о нахождении рукописи «История города Пинска» именно у Дмитрия Каширина говорит и тот факт, что даже после выезда из Пинска он продолжительное время интересовался историей Пинщины. Работая в гимназии в Кейданах, историк в 1864 году опубликовал в двух номерах (№ 31, 32) славянофильской московской газеты «День» интересную статью «О римско-католических костёлах и каплицах в Пинском уезде», в которой, возможно, использовал материалы из загадочной «Истории города Пинска». Отметим также, что редактор газеты «День», известный писатель-славянофил Иван Аксаков (1823-1886) поддерживал связи с Пинщиной: материально помогал местным православным церквям, переписывался с пинскими священниками...

Иван Аксаков и Полесье

Знаменитый русский славянофил и националист Иван Аксаков (1823-1886) мечтал объединить всех славян под скипетром российского императора. Писатель был одним из духовных отцов идеологии «западнорусизма», считавшей белорусов, украинцев и русских единым народом с некоторыми этнографическими особенностями. Такие яркие представители этого течения, как (белорус) историк Михаил Коялович (1829-1893) и (полешук) протоиерей Иоанн Котович (1839-1911) тесно сотрудничали с московской газетой «День», редактором которой был Иван Аксаков. Главными проводниками русской культуры тогда на Полесье должны были быть православные священники, но они в значительной мере ещё находились под влиянием польской культуры.

Иван Аксаков в газете «День» (1863. № 30) опубликовал свою страстную статью-обращение «Из Москвы к православным белорусам не из крестьян, а преимущественно к белорусскому духовному сословию (1863)», где писал: «Мы виноваты перед вами: простите нас. Последние события раскрыли нам глаза, ослеплённые польской ложью, а вместе с тем раскрыли всю бездну нашей вины. Мы, русское общество, как будто забыли про существование Белоруссии; мы долго, долго коснели в неведении о той глухой, безвестной, но тем не менее достославной святой борьбе, которую вели белорусы за свою народность и веру – с могучими, сильными, искусными и богатыми, со всех сторон окружавшими их врагами – польщицкою и латинством. (...) Мы должны помочь вам указанием на те ваши раны, которые нам виднее отсюда со стороны. Русские, путешественники, посетившие ваш край из братского участия, передали нам про одно явление в быту духовенства и вообще православной русской среды, стоящей в общественном положении и по образованию выше простого народа, которое, не скрываем, нас смутило, огорчило и оскорбило. Мы разумеем здесь то, что в ваших школах, училищах и православных семинариях – учащиеся говорят между собой не иначе, как *по польски!* Мало того: семейный домашний язык православных русских священников – польский; жёны, сестры, дочери русских священников не употребляют другого языка, кроме польского... Они не дают себе труда (да и можно ли винить их, коли мужья, отцы и братья о том не заботятся?) выучиться по-русски, а белорусское наречие презирают, как хлопское. Они молятся Богу в православных русских церквях по польским молитвенникам!» Некоторые православные священники в 1863 году даже поддержали польское восстание. Кроме того, местные приходы были бедны, а церкви слабо украшены и плохо оснащены церковной утварью. Иван Аксаков прекрасно понимал, что для укрепления православия и победы русской культуры на Полесье нужно православных священников поддерживать не только морально, но и материально. Писатель-

славянофил поддерживал контакты с пинскими священниками и помогал их церквям церковной утварью и литературой.

В Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург) нами обнаружен документ, свидетельствующий о такой помощи.

Ведомости о церквях Минской епархии, нуждающихся в утварных и различных вещах.

Пинского уезда

[60-е гг.]

Пинского благочиния

А. Церкви весьма бедные

№		Кто священник	Примечания
1	Параскевская в с. Бучин	Пётр Приневский	Свящ.церк. (...)
2	Ильинская в с. Достоево	вакансия	
3	Параскевская в с. Жабчицах	Симеон Наркевич	
Любешовского благочиния			
4	Николаевская в с. Боровом	Василий Конюшевский	Е.Н.Семеновский и Петрова
5	Покровская в с. Деревок	Михаил Малевич	(..) есть братство
6	Михайловская в селе Волька (?)	Игнатий Дешковский	Кравцов
Хоинского благочиния			
7	Покровская в селе Ненковичи	Фёдор Заранкевич	есть братство
8	Георгиевская селе Сварцевичах	Досматривающий Витчевский священник Александр Теодорович	
9	Параскевская в селе Лопатин	вакансия	при сих церквях есть братство, со- стоящее из при- хожан-крестьян
10	Рождества Богородицы в с. Радчиск	Леонтий Теодорович	
Телеханского благочиния			
11	Параскевская в селе Бобровичах	вакансия	Сгорела 1842 г. и по настоящее время не построена В.В. Селиванов
12	Преображения в местечке Логишин	Софроний Копанасевич	
13	Георгиевская в селе Малковичах	Иосиф Горбацевич	
14	Рождества Богородицы в селе Малоплотнице	Григорий Роздяловский	
<i>Б. Церкви бедные</i>			
Пинского благочиния			
15	Крестовоздвиженская в с. Бродницах	Лука Теляковский	
16	Рождества Богородицы в с. Вылазах	вакансия	
17	Параскевская в селе Дубновичах	Фёдор Каминский	
18	Вознесенская в селе Ляховичах	вакансия	
19	Преображенская в с. Язвинках	Викентий Ярмолович	
Любешовского благочиния			
20	Параскевская в с. Кухоцкая Воля	Григорий Санкевич	есть братство, состоящее из крестьян
21	Богоявленская в с. Червище	Викентий Проневич	
Хоинского благочиния			
22	Ильинская в Вуйвичах	вакансия	есть братство, состоящее из крестьян
23	Рождества Богородицы в селе Лемешевичах	вакансия	
24	Рождество-Богородичная в с. Остров	вакансия	
Телеханского благочиния			
25	Рождество-Богородичная в с. Глинная	Митрофан Черняковский	
26	Троицкая в с. Доброславка	Иоаким Киркевич	

27	Покровская в с. Озаричах	Евстафий Бортошевич	
В. Церкви недостаточные			
Пинского благочиния			
28	Рождество-Богородичная в с. Дубой	Иосиф Ненадкевич	
29	Покровская в с. Отолчицах	Иоанн Акоронко	
Любешовского благочиния			
30	Вознесенская в с. Угриничах	Ипполит Зелетенкевич	При всех этих церквях существует братство, состоящее
31	Николаевская в с. Любязи	Симеон Шимановский	
32	Преображенская в м. Любешов	Стефан Киркевич	
33	Покровская в Дольске	вакансия	
34	Петропавловская в с. Мохре	Григорий Таранович	
Хоинского благочиния			
35	Троицкая в с. Местковичах	Максим Кришпинович	из крестьян
36	Михайловская в с. Витчевке	Александр Теодорович	
37	Рождество-Богородичная в с. Муровин	Василий Лукашевич	
38	Покровская в с. Речице	Онуфрий Ярмолевич	
39	Богородичная в с. Велятичах	Иосафат Вишневецкий	
Телеханского благочиния			
40	Михайловская в с. Хотыничах	благочинный Максим Тиханович	
41	Покровская в с. Выгонощи	Александр Таранович	
42	Крестовоздвиженская в с. Святоволе	Николай Стоянович	
Состоящие в Велимицком благочинии весьма бедные			
43	Рождество-Богородичная в с. Бухличах	Пётр Тиминский	
44	Михайловская в с. Струга	Иоанн Юрашкевич	
45	Воскресенская в селе Ольманах	вакансия	
46	Рождество-Богородичная в с. Дубой	Василий Горячко	

Примечание. По отдалённости церквей от Уездного города Пинска и от почтовых станций, удобнее и вернее носится, в случае надобности, с местным благочинным, чем с приходскими священниками. Любешовским благочинным – Священником Иоанн Дешковский (живёт в г. Пинске), Пинским – Священник Василий Шеметилло (живёт в г. Пинске), Хоинским – Протоиерей Иоанн Ляцевич (живёт в с. Хойно) и Телеханским – Священник Максим Тиханович (живёт в с. Хотыничах). На счёт последних трёх церквей: Бухличцкой, Стругской и Ольманской можно сносятся с Велемицким благочинным, священником Стефаном Кирикевичем, живущем в с. Велемичах, Мозырского уезда¹.

Стоит ещё раз отметить, что славянофилы не отрицали полностью языковых и этнографических особенностей народов *Западной Руси*, выступали даже за развитие их культур в рамках общерусской – для борьбы с влиянием польской культуры и католицизма. К середине 60-х годов XIX века идеи славянофильства и западнорусизма успели проникнуть в сознание многих церковнослужителей Пинщины, поэтому вскоре там возник историко-этнографический и литературный православный кружок для борьбы с последствиями унии в сознании полешуков и влиянием польской культуры на Полесье.

Загадка пинского летописца Митрофана

Таинственна и противоречива история о монахе-летописце Лещинского монастыря Митрофане и его летописи. Вероятно, первым о нём написал польский писатель и историк Юзеф Крашевский в 1837 году. «С этого времени показываются [когда Пинск стал убежищем литовского князя Войшелка. – Авт.] уже здесь Греческие монастыри; несколько позже ведет Русскую Летопись (на которую ссылается Лет.[описец] Ривиус) Пинский Чернец Митрофаней»². Позднее Юзеф Крашевский написал путевые заметки «Воспоминания Вольни, Полесья и Литвы» (1840), где имеется большой раздел «Пинск и Пинское Полесье», представляющий собой переработку его статьи в журнале

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеке. – Фонд 14 (Аксакова). – Д. 504.

² Крашевский, Ю. Пинск и его окрестности / Ю. Крашевский // Сын Отечества. – 1837. – Ч. 187. – № 18. – С. 196, 197.

«Сын Отечества», редакторами которого были Николай Греч и Фаддей Булгарин.. В указанном разделе читаем: «Древняя местная [пинская. – Авт.] православная епархия имеет не очень выяснённую историю. Хроника Митрофания, пинского монаха, очень древняя, уже заставляет догадываться об истории монастыря, опираясь на какое-то упоминание о нём во времена Войшелка»¹. Юзеф Крашевский в своих произведениях неопределенно указал время написания пинской летописи – давно, но после 1253 года (пребывание Войшелка в Пинске).

Из приведённых цитат следует, что Крашевский не видел саму летопись, при этом написал, что на неё ссылался ливонский «летописец» Ривиус, хронику которого якобы нашел известный историк Литвы Теодор Нарбут, который в своих трудах часто ссылался на недостоверные или даже вымышленные источники. С именем этого исследователя древней Литвы связано появление различных мистификаций и фальсификаций: «Дневник путешествия посла крестоносцев графа Кибурга», документ о возведении городских стен города Вильна, герб дохристианской Вильны и др. Современный литовский историк Артурас Дубонис подверг большим сомнениям подлинность хроники Ривиуса. Кстати, Юзеф Крашевский поверил в подлинность «Дневника путешествия посла крестоносцев графа Кибурга».

Следующее свидетельство о летописи Митрофана встречаем в книге архимандрита Анатолия (Станкевича), написанной в конце 50-ых годов XIX века. «Третье, что св. Владимир, утвердивши кафедру епископскую во Владимире на Воьлини, пришел в Пинск и сам основал Лещенский монастырь, – это сказание исторически достоверное, оно заимствовано у Митрофана летописца Пинского. О Митрофане говорит Кадлубек, который видел часть летописи Митрофана, писанной на досках; о Митрофане говорит Стрыйковский, как современнике пр. Нестора»². Без всякой проверки и оценки эти сведения заимствовали разные авторы: архимандрит Николай (Трусковский)³, В. Зверинский⁴ и др.

Что можно сказать о сообщении архимандрита Анатолия? Он также саму летопись Митрофана не видел, но написал, что её видел польский хронист Кадлубек, и о ней упоминал другой польско-литовский хронист Мацей Стрыйковский. За прошедших 150 лет ни один исследователь не привёл цитаты из Кадлубка и Стрыйковского о летописи Митрофана, что вызывает вопрос: а существуют ли вообще эти цитаты? Ещё в 1909 году известный белорусский историк-археолог Дмитрий Довгялло писал: «Переход к историческим данным о Лещинском монастыре, которые перечислены в библиографическом указателе у В.В. Зверинского в вышеуказанном труде, мы также должны сознаться, что они нуждаются в самой серьёзной проверке и оценке»⁵. До сих пор, однако, ничего не сделано в этом направлении. Недавно мы просмотрели «Хронику» Кадлубка. Как и ожидалось, там ни разу не упоминался ни пинский летописец Митрофан, ни даже киевский князь Владимир-Креститель. Даже сам город Киев в хронике упоминался несколько раз.

Вызывает интерес письмо пинского греко-католического епископа Гедона Горбацкого к князю Радзивиллу, написанное в 1779 году. «В письме говорится, что святой Владимир был в землях ятвягов, обитавших неподалеку от Припятского Полесья, после принятия христианства. Ятвягов и находившихся по соседству с ними дреговичей он просветил светом Христова учения. В Пинске святой Владимир основал Лещинский монастырь. Далее Горбацкий ссылается на Стрыйковского, согласно которому великий князь Владимир послал в Новогрудок епископа Леонтия, а для утверждения христианства среди населения Пинского Полесья записал на основанный им монастырь угодие Вильча»⁶.

В этом письме «свидетельство» Кадлубка об основании Лещинского монастыря как будто подтверждает епископ Горбацкий. Кроме того, выплывает ссылка на Стрыйковского, хотя и по другому поводу. Архимандрит Анатолий часто бывал в Лещинском монастыре и мог читать это письмо. А лет через пять сведения из этого письма переплелись со слухами о летописи Митрофана, о которой, по словам Юзефа Крашевского, упоминалось в какой-то западноевропейской летописи.

¹ Kraszewski, J. Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy / J. Kraszewski. – Warszawa, 1985. – S. 109.

² Воспоминание о древнем православии Западной Руси. – Москва, 1867. – С. 15.

³ Николай, архим. Историко-статистическое описание Минской епархии / архим. Николай. – Санкт-Петербург, 1864. – С. 136.

⁴ Зверинский, В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях / В. Зверинский. – Санкт-Петербург, 1897. – Т. III. – С. 88.

⁵ Довгялло, Д. Пинский Лещинский монастырь в 1588 г. / Д. Довгялло. – Минск, 1909. – С. 99.

⁶ Мосейчук, В. История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря. / В. Мосейчук. – Сергиев Посад, 2002. – С. 9

На наш взгляд, возможны три варианта в истории с летописью Митрофана:

1. Никакой пинской летописи не было. Эпоха романтизма – это время сознательных и несознательных фальсификаций и мистификаций. В красивую легенду о летописце-монахе Митрофане и его пинской летописи, сочинённую мифическим Ривиусом, а точнее историком-романтиком Теодором Нарбутом, поверил Юзеф Крашевский. Потом пошли многочисленные вариации на эту тему с использованием ещё и письма греко-католического епископа Гедона Горбацкого.

2. Летописец Митрофан был и жил в Лешинском монастыре. Но сама летопись давно погибла, и её никто в XIX веке не видел, но легенду о ней всё-же создали. Однако в этом случае, на наш взгляд, летописец Митрофан жил в конце XV – начале XVI века в эпоху «Олельковского ренессанса» (золотого века пинской культуры).

3. Летопись Митрофана сохранилась до середины XIX века. Тогда она хранилось, вероятно, у кого-то из пинских историков – Михаила Загородского или Дмитрия Каширина. Слухи о ней и её содержании дошли до Юзефа Крашевского и архимандрита Анатолия. Но сама летопись сгорела в огне пожара. Пинск в середине XIX века имел очень мало каменных зданий. В позапрошлом веке (среднем, раз в 20 лет) случался большой пожар, в котором выгорал практически весь город.

Вряд ли истина в вопросе существования летописи Митрофана будет окончательно установлена. Нам наиболее близок первый из предложенных вариантов.

Изучение Полесья польскими исследователями

Пинское Полесье является очень интересным краем в природно-географических, климатических, исторических отношениях, а особенно в языковых, фольклорных и этнографических, поэтому к нему проявляли большой интерес польские и другие исследователи. Белорусский филолог Анатолий Литвинович¹ изучает вопрос об исследовании Пинщины польскими историками, литераторами, фольклористами, этнографами и языковедами.

Великий славист Зориан Доленга-Ходаковский (1784-1825) написал в 1818 г. книгу «О славянстве перед христианством», которая активизировала изучение славянского фольклора, в частности и на Полесье. Его ближайший друг и помощник, поэт Христиан Лях-Ширма (1796-1866) опубликовал свой романтический манифест «Мысли о песнях крестьян Червонной Руси», где призвал использовать фольклор в художественных произведениях и, как пример, поместил две свои думы «Ясь и Зося», «Зданек и Галина», написанные на основе украинских баллад. Но более важна для нас деятельность другого ученика великого слависта – библиографа, журналиста и экономиста Казимира Контрыма (1772-1836). Славист Иван Лобойко вспоминал, что он вместе с историками Иоахимом Лелевелем, Игнатием Даниловичем и библиотекарем Казимиром Контрымом составляли целые «диссертации в ответ на многочисленные вопросы Румянцева², связанные с научными проблемами»³. «Контрым у 1829 г. ажыццявіў этнаграфічна-пазнавальнае падарожжа па Палессі, пасля чаго апублікаваў своеасаблівую справаздачу аб паездцы пад назвай «Падарожжа па Палессі ў 1829 годзе служачага польскага банку Контрыма». У працы было нямала цікавых звестак пра народную культуру, жыццё і побыт жыхароў Палесся»⁴. Эта экспедиция была организована Польским банком для опеределения экономического потенциала Полесья. Отметим, что Казимир Контрым имел огромное влияние на тайные студенческие кружки филоматов и филоретов. Наверно, под его влиянием исследователь Юзеф Снядецкий (1799-1859) написал большую статью⁵ «Полесье», в которой рассматривал экономические перспективы развития региона, прежде всего торговли, сельского и лесного хозяйства. Он отмечал огромную роль животноводства в хозяйствах полешуков.

Историк и архивист Лукаш Голембёвский (1773-1849), который подружился с Доленгой-Ходаковским ещё во время их совместной работы в Кременецком лицее, в своих научных трудах изучал обычаи, суеверия и игры своих земляков-пинчуков, особенно на своей любимой малой родине – в местечке Погост-Загородский Пинского уезда. Большим недостатком работ Голембёвского является то, что он часто в них не указывал место, где собирался этнографический материал.

¹ Литвіновіч, А. Палешукі і іх традыцыйная культура ў асвятленні польскіх даследчыкаў другой паловы XIX–XX стагоддзяў / А. Литвіновіч // Славянское вече – 2. Минск, 2003. – С.202-206.

² Николай Румянцев (1754-1826) – граф, российский государственный деятель, меценат, субсидировал исторические исследования на территории Беларуси.

³ Козлов, В. Колумбы российских древностей / В. Козлов. – Москва, 1981. – С. 32.

⁴ Каханюўскі, Г. Беларускае фалькларыстыка / Г. Каханюўскі, Л. Малаш, К. Цвірка. – Мінск, 1989. – С. 54.

⁵ Śniadecki, J. Polesie / J. Śniadecki // Biblioteka Warszawska. – 1845. – Т. 2. – З. 4. – S. 1-34.

Все вышеуказанные ученые заложили фундамент, на котором их последователи начали создавать полесскую литературу, а также и белорусскую.

В начале XIX века польские и русские слависты еще не выделяли отдельного полесского языка. Это, наверно, связано и с тем, что Доленга-Ходаковский и другие исследователи непосредственно тогда не побывали на Пинском Полесье. Поляки считали полешуков этнографической группой «люду польского», которых называли русинами. Национальное самосознание самих жителей Полесья было на очень низком уровне: они понимали только своё отличие от соседних народов и называли себя «тутейшими» или «русскими».

Однако великий польский поэт Адам Мицкевич (1798-1855) не только выделил полесский язык, но и отметил его красоту в одной из своих лекций про славянские литературы в знаменитом парижском Коллеж де Франс: «Со всех славянских народов русины, это значит крестьяне Пинской, частично Минской и Гродненской губерний, сохранили наибольшее количество общеславянских черт. В их песнях и сказках есть всё. Письменных памятников у них мало, только «Литовский статут» написан на их языке, самом гармоничном со всех славянских языков, наименее изменённом. Всю свою историю на земле они прожили в страшной нищете и пригнёте»¹. В 1856 году белорусско-польский поэт Владислав Сырокомля (1823-1862) издал «Короткое исследование языка русинов Минской губернии», где называл их язык «певучим, нежным»².

После поражения восстания 1830-1831 гг. увеличился интерес к Полесью польских учёных и писателей. «Сярод іншых збіральных і даследчых вуснай народнай творчасці і быту беларускага народа, на якіх у той ці іншай ступені ўплываў Хадакоўскі, былі К. Контрым, Р. Зянкевіч, І. Крашэўскі і інш., якія ў пошуках старажытных славянскіх павер'яў, казак і песень услед за Хадакоўскім асабліваю ўвагу звярталі на Палессе»³. Про Казимира Контрыма и Лукаша Голембёвского мы уже ранее писали.

Польский писатель Юзеф Крашевский (1812-1887) призвал в 1840 году исследовать Полесье, характер и быт его народа. Он сам был родом с Полесья: корни рода Крашевских находятся на Пинщине, а его детство прошло в отцовском имении Долгое на Пружанщине. На полесские темы Крашевский написал много не только художественных, но и научно-познавательных произведений: «Пинск и его окрестности» (1837), «Пинск и Пинщина» (1838), «Полесская ярмарка», «Село на Полесье», «Корчмы и дороги на Полесье» (1839), «Воспоминания о Полесье, Вольни и Литвы» (1842), «Одежда мещан и крестьян с окрестностей Бреста, Кобрин и Пружан» (1860) и др. «Да ранніх прац Крашэўскага этнаграфічна-фальклорнага плана належыць аднесці «Пінск і яго ваколіцы». Аўтар нарыса звяртаецца да чытача з адкрытым пытаннем: ці ацаніў хто па-сапраўднаму гаспадарчыя магчымасці поўдня Беларусі, культуру гэтага краю? І сам адказвае: ніхто толкам не ацаніў эканамічны патэнцыял Пінска, гэтага «будучага Ліверпуля». Многае Крашэўскім узятая з летапісаў, хронік, мемуараў, з адшуканых манускрыптаў і апублікаваных крыніц. Пісьменнік даў даволі выразны малюнак Пінска, якім ён бачыўся яму ў час падарожжа»⁴. Любовью к родному Полесью проникнуты многие страницы путевых заметок «Воспоминания о Полесье, Вольни и Литве». Украинский литературовед Стефания Баженова отмечает: «В своей работе Ю. Крашевский старался каснуться всех аспектов народной культуры региона, дать разностороннюю характеристику исследуемой территории, основных занятий населения, одежды, обычаев и обрядов, народных песен. Крашевский не только писал о полешуках-русинах, но и рисовал их: в 1850 году он издал «Несколько рисунков из жизни сельского населения Кобринщины»⁵. Под влиянием замечательного исследования Евстафия Тышкевича (1814-1873) «Описание Борисовского уезда» Крашевский в 1850 году в журнале «Атенеум» анонимно опубликовал «Несколько очерков из жизни сельского населения Кобринского уезда», где описал одежду, суеверия, и обычаи полешуков. Туда он включил 24 пословицы и 7 украинских песен, в том числе знаменитую песню «Не ходи Грицю на вечерницы». Позже писатель говорил, что русинский фольклор – чудесный материал для создания литературных произведений, а для того, чтобы они были «совсем прекрасными, нужно писать их на местном языке народном».

¹ Mickiewicz, A. Dzieła wszystkie. Wydanie Sejmowe / A. Mickiewicz. – Warszawa, 1938. – Т. 16. – S. 230.

² Syrokomla, W. Krótkie studia o języku i charakterze poezji Rusinów z prowincji Mińskiej / W. Syrokomla // Gazeta Warszawska. – 1856. – № 139. – S. 6.

³ Каханоўскі, Г. Беларуская фалькларыстыка / Г. Каханоўскі, Л. Малаш, К. Цвірка. – Мінск, 1989. – С. 104.

⁴ Каханоўскі, Г. Беларуская фалькларыстыка / Г. Каханоўскі, Л. Малаш, К. Цвірка. – Мінск, 1989. – С. 255.

⁵ Баженова С. На шляху рэалізму / С. Баженова. – Кам'янець-Подільський, 2006. – С. 96.

Юзеф Крашевский считал главным делом своей жизни создание и выпуск популярного журнала «Атенеум» (1841-1851). Активными сотрудниками журнала были деятели полесской культуры: Антони Мошинский, Плакид Янковский и Ромуальд Зенькевич. Тема полесской культуры была широко представлена: фольклор, переписка Доленги-Ходаковского, воспоминания Генрика Цешковского о Лукаше Голембёвском и др.

Исключительное место в полесской культуре занимает фольклорист Ромуальд Зенькевич (1811-1868). Юзеф Крашевский поддерживал фольклористическую деятельность своего университетского однокурсника: высоко оценил его главный труд «Народные песни пинского люду», напечатал в своём журнале большую подборку песен.

Ромуальд Зенькевич работал домашним учителем детей князя Геронима Друцкого-Любецкого (1779-1844) в его имении Луниин на Пинщине. В княжеской резиденции образовался настоящий культурный центр. В своём дворце князь создал музей и собрал великолепную библиотеку. В имении жили и работали художник Михаил Кулеша (1795 или 1800-1863), поэт Павел Гениуш (1805-1848) и композитор Геркуланум Кремпский (? – ?)... Наверно, под влиянием своих виленских учителей (Ивана Лобойко, Иоахима Лелевеля, пинчука Леона Боровского (1784-1846) и др.) Ромуальд Зенькевич начал собирать песни, сказки, легенды в окрестностях села Луниин. Больше 200 песен в 1851 году было опубликовано в его труде «Народные песни пинского люду» (параллельно с польским переводом), который стал первым сборником полесского фольклора. В предисловии к сборнику Зенькевич написал: «(...) следы обычаев тут ещё живы с далёких столетий и мимо них нельзя пройти исследователям»¹. Гениуш и Кремпский помогали ему в сборе фольклора, а композитор записывал мелодии к собранным песням. К сожалению, нотные записи не сохранились.

Главным научным трудом Ромуальда Зенькевича является статья «Про урочища и обычаи населения Пинщины и про его песни», где он исследовал быт, менталитет и фольклор пинчуков в общеславянском контексте. Исследователь пошел по стопам Доленги-Ходаковского: считал главным источником изучения древней истории – фольклор, топонимику и археологические памятники, прежде всего, городища. Зенькевич также изучал городища: земляные валы возле Кожан-Городка, Дубнович, двор Городок, курган Девка возле Белого озера и др., поддерживал гипотезу Ходаковского о том, что Полесье – прародина славян. Наверно, от своего учителя Ивана Лобойко фольклорист получил широкие славянские познания и понимание специфики полесского в контексте общеславянского, что так удивляет современных исследователей. К большому сожалению, его активная фольклористическая деятельность была рано прервана слепотой.

Огромная заслуга Ромуальда Зенькевича в том, что он воспитал такого патриота Полесья, как князь Эдвин Друцкий-Любецкий (1828-1901). В 1861 году варшавская «Газета польска» (отметим, что её редактором был тогда Ю. Крашевский) поместила следующую информацию: «Мы получили от князя Эдвина Друцкого-Любецкого из Пинска письмо (от 15 мая) следующего содержания: «Диалект полешуков, будучи полностью отличным от русского и польского языков, значительно усложняет науку чтения в сельских школах по букварям польским и русским. Сельские дети с большим желанием учились бы читать на тугейшем языке, на собственном говоре. К сожалению, этот говор не имеет ни одной книги, ни даже простого букваря. С целью исправления такого недостатка прошу от имени всех жителей Пинского уезда сообщить через газету, что мы назначаем премию (100 рублей серебром) за создание букваря на полесском диалекте. День 1 июня 1862 г. – последний срок присылки букварей (с указанием фамилий авторов в запечатанных конвертах) на конкурс. Высылать на мой адрес. Назначенные мною лица, решат кому присудить премии. Адрес: князю Эдвину Друцкому-Любецкому в Пинск. Другие газеты могут перепечатать это объявление». Отметим, что князь, в отличие от Зенькевича, полностью признал самостоятельность полесского языка.

Нам неизвестны буквари, написанные к этому конкурсу. Возможно, далёким отголоском того конкурса было создание в 1875 году православным священником Луниинской церкви Платоном Тихоновичем грамматики говора села Луниин. Хотя этот говор ближе к белорусскому языку, чем к полесскому.

Стоит отметить и других польских исследователей Полесья. Известный писатель и публицист Эдвард Масальский (1799-1879) написал этнографическую работу «Обычаи пинчуков и белорусов», которая, к сожалению, не опубликована. Возможно, Масальский тоже гостил у князей Друцких-Любецких.

¹ Piosenki gminne ludu Pińskiego/ Zebrał i przekładał Romuald Zieńkiewicz. – Kowno, 1851.

Этнографические исследования на Пинщине проводили Мстислав Каминский (1839-1868) и Пётр Якса-Быковский (1823-1889). Этнограф и публицист Мстислав Каминский в своей работе¹ «Воспоминания про Пинщину» дал интересные известия об обрядах, быте, обычаях и фольклоре пинчуков.

Этнограф и писатель Пётр Якса-Быковский одним из первых стал изучать уникальный обряд *вождения Куста*, а также свадебные обряды пинчуков. Обобщающие результаты своих исследований он изложил в своей работе «Обрядовые песни русского населения окрестностей Пинска»².

Польский фольклорист Оскар Кольберг (1814-1890) не оставил без внимания такой уникальный регион, ещё в 1837 году он посетил Пинское Полесье, исследовал свадебные обряды на Пинщине. В конце жизни фольклорист издал собранные на Полесье фольклорные и этнографические материалы, присоединив к ним выписки из публикаций Лукаша Голембёвского, Ромуальда Зенькевича, Юзефа Крашевского и др., а также сообщения, посланные его корреспондентами.

Много внимания Полесью уделяли варшавская газета «Tygodnik Ilustrowany» и журнал «Kłosy». Выдающийся польский писатель и этнограф Казимир Вуйцицкий (1807-1879) в своей статье³ писал, что на Пинщине существует обычай украшать девушек берёзовыми веточками на Зелёные святки (Троицу).

Много примечательных этнографических сведений содержится в статьях польской писательницы Элизы Ожешко⁴ и литературоведа, педагога Антони Бондзиковича⁵ (?-1893). Вероятно, что последний родился на Пинщине, так как в начале 60-х годов XIX века какие-то помещики Бондзиковичи владели имением Любоницк в Пинском уезде. Пинский шляхтич Александр Бондзикович участвовал в восстании 1863 года. Известно также, что Антони Бондзикович родился в Минской губернии.

В пренебрежительном по отношению к полешукам тоне написана статья⁶ писателя Станислава Жентковского (1843-1897).

Польский поэт Винцент Польш (1802-1872) путешествовал по Пинскому Полесью. Свои впечатления он изложил в цикле интересных статей⁷.

Исследователь З. Щеры⁸ считал Пинщину особенным краем, имеющим самобытные черты, которых нет в других регионах.

Этнограф Эдвард Хлопицкий (1830-1894) в цикле очерков⁹ дал описание свадебного обряда в селе под Пинском.

Исследователь В. Бютнер¹⁰ основательно и глубоко изучал языческие верования пинчуков.

Путешественник-натуралист Конрад Хмелевский (1871-1945) в статье¹¹ «указує граніцы Палесся, дзеліцца сваімі думкамі пра мінулае гэтага краю і інш. Па яго словах, паляшук ёсць прадукт змяшання двух плямён: беларусаў і маларусаў (украінцаў). Для яго характэрная надзвычайная скрытнасць і непрыступнасць, а таксама казацкі сум. Гэты народ пра сябе не вельмі высокай думкі: «Я не чалавек – я паляшук», – адзначае аўтар, – затое ў таямніцах лёсу ўзносіць сваю Айчыну»¹².

¹ Kamiński, M. Wspomnienia Pińszczyzny / M. Kamiński // Kalendarz Warszawski. – 1867. – S. 37-44.

² Bykowski, P. Pieśni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pińska / P. Bykowski // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. – Kraków, 1878. – Т. II. – S. 260-285.

³ Wójcicki, K. Uroczystość zesłania Ducha Świętego / K. Wójcicki // Tygodnik Ilustrowany. – 1862. – Т. 5. – № 142. – S. 233-234.

⁴ Orzeszkowa, E. Wspomnienia z powiatu Pińskiego // Tygodnik Ilustrowany. – 1867. – Т. 15. – № 380. – S.9-10; № 381. – S. 22-23.

⁵ Bądzikiewicz, A. Pińsk i Pińszczyzna / A. Bądzikiewicz // Tygodnik Ilustrowany. – 1863. – Т. VIII. – № 197. – S. 260-263.

⁶ Rzętkowski, S. Wieśniacy pińscy / S. Rzętkowski // Tygodnik Ilustrowany. – 1871. – Т. 7. – № 200. – S. 211.

⁷ Pol, W. Na jeziorach / W. Pol // Kłosy. – 1869. – Т. 9. – № 213. S. 64-66; № 214. – S. 77-78; № 215. – S. 87-88; № 216. – S. 99-100.

⁸ Szczery, Z. Wycieczka do Pińska w Pińszczyznę / Z. Szczery // Kłosy. – 1877. – Т. 24. – № 605. – S. 67-68, 70.

⁹ Chłopicki, E. Pińszczyzna, notatki z teki podróźnej / E. Chłopicki // Kłosy. – 1886. – Т. 42. – № 1078. – S. 123; № 1079. – S. 140; № 1080. – S. 149-150; 1887. – Т. 44. – № 2. – S. 148, 186, 254, 328, 346, 370.

¹⁰ Bütner, W. Zabytki pogaństwa na Polesiu / W. Bütner // Kłosy. – 1890. – Т. 50. – № 1282. S. 80, 82.

¹¹ Chmielewski, K. Błota poleskie / K. Chmielewski // Tygodnik Ilustrowany. – 1915. – № 37. – S. 548.

¹² Літвіновіч, А. Палешукі і іх традыцыйная культура ў асвятленні польскіх даследчыкаў другой паловы XIX-XX стагоддзяў/ А. Літвіновіч // Славянское вече – 2. Минск, 2003. – С.203.

Наша землячка Хелена Чеховская (1860? – до 1932) в 1896 году опубликовала статью «Свадьба в Рудске»¹, которая не потеряла своей научной ценности и сейчас. «Даследчыца зрабіла не толькі дакладнае апісанне вясельных абрадаў, праілюстраваўшы іх 75-ю песнямі, але, што вельмі важна, адна з першых сярод даследчыкаў беларускай вуснапаэтычнай творчасці XIX ст., прывяла да шэрагу песень нотныя запісы. Пасля ад'езду маладога і маладой у царкву на вячанне тыя, хто застаўся, прыбіралі каравай барвінкам і калінай. У час упрыгожвання караваю спяваюцца песні. Цікаваць уяўляе песня, дзе гаспадар параўноўваецца з валасатым мядзведзем (па старажытнейшым народным уяўленням шэрсць сімвалізавала сабой багацце)»². Ценность работы ещё и в том: «Даследаванне Г. Чахоўскай, да прыкладу, надрукавана на адной з гаворак былой Піншчыны. Яна выкарыстоўвае ў сваёй публікацыі мясцовыя словы, якія выражаюць розныя паняцці як вясельнай абраднасці, так і іншых сфер гаспадарчай і грамадскай дзейнасці чалавека»³.

Хелена Чеховская родилась в имении Рудск Бродницкой волости Пинского уезда (сейчас – Ивановский район Брестской области). Вот так она описала своё родное село: «Село лежит на песчаных землях. Через его середину проходит коммуникационный тракт из Янова до Любешова. С одной стороны села, над речкой, находятся огороды, со второй стороны, на возвышенности ранее стояло имение».

Её отец Александр Петрович Чеховский (?-1901) владел имением Рудск (636 десятин). Его жена Паулина Станиславовна (в девичестве Полховская) владела имением Лыщ (около 400 десятин). Они имели трёх сыновей: Юстина (1849), Станислава и Владислава (1858) и дочь Хелену. Братья Чеховские получили хорошее образование и востребованные профессии: ветеринара, врача и инженера. Можно предположить, что Хелена также получила хорошее образование, наверно, окончила филологический факультет Академии знания в Кракове, поскольку именно на этом факультете была издана её статья «Свадьба в Рудске». Похоже, что она замуж не вышла, так как в 1901 году после смерти отца она получила свою часть наследства (1/14 часть имения Рудск и 550 рублей) под фамилией Хелена Чеховская. Имение Рудск тогда досталось её старшему брату Юстину, когда после его смерти в 1931 году начался новый делёж имения Рудск, то Хелена Чеховская уже в нём не упоминалась, хотя вспомнили про её брата Владислава, жившего тогда в Варшаве. Можно также предположить, что Хелена Чеховская работала учительницей, возможно, в Варшаве.

В 1888 году вышла интересная статья «Говор пинчуков»⁴, подписанная Марцелом Карпинским. Известны ещё две солидные филологические работы этого автора. Много странного в этой истории: имя автора явно католическое, но свои работы издавал в Варшаве на русском языке. Тогда в Варшаве в костёле на Краковском предместье служил ксёндз Марцел Карпинский (1843?-?). Является ли ксёндз автором работы «Говор пинчуков» ещё предстоит выяснить?

Пинский «Мур»

В середине XIX века в Лунине и Пинске сложились крупные центры польско-полесской культуры. К пинскому кружку можно отнести скульптора и художника Елену Скирмунт (1827-1874), а также её дядю – знаменитого художника и композитора Наполеона Орду (1807-1883), жизнь и творчество которых связаны с дворцом Бутримовичей-Скирмунтов.

В истории Пинска и его культуры дворец Бутримовича, который часто называли «Мур», занимает особое место. Палац в 1794 году построил предположительно виленский архитектор Кароль Шильдхауз в архитектурном стиле, сочетавшем элементы барокко и классицизма. Дворец поражал жителей и гостей города своей красотой. Юзеф Крашевский в 30-е годы XIX века так его описал: «Один из них [дворцов. – Авт.], Г. Скирмунта, довольно красив и даже, как щёголь в деревне, так кажется и стыдится своей вычурной архитектуры, подле других домов, стоящих попросту без затей, как сундучки на полках»⁵. Первым хозяином дворца был известный государственный деятель,

¹ Czechowska, H. Wesele w Rudzku / H. Czechowska // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne Akademii Umiejętności w Krakowie. – 1896. – Т. 1. – С. 17-48.

² Літвіновіч, А. Палешукі і іх традыцыйная культура ў асвятленні польскіх даследчыкаў другой паловы XIX-XX стагоддзяў / А. Літвіновіч // Славянское вече – 2. – Минск, 2003. – С. 205.

³ Літвіновіч, А. Традыцыйная культура беларусаў у польскай перыядыцы другой паловы XIX-пачатку XX ст. / А. Літвіновіч. – Минск, 2005. – С. 124.

⁴ Карпинский, М. Говор пинчуков / М. Карпинский // Русский Филологический Вестник. – 1888. – Кн. XIX. – С. 45-54.

⁵ Крашевский, Ю. Пинск и его окрестности / Ю. Крашевский // Сын Отечества. – 1837. – Ч. 187. – № 18. – С. 208.

предприниматель и меценат Матеуш Бутримович. Фигура для Полесья действительно колоссального масштаба. Пинский подстароста сумел увидеть в Полесье, в этом Богом забытом крае «болот и лесов», перспективный регион для развития торговли, промышленности и сельского хозяйства. Бутримович много сделал для экономического подъёма края. Пинский подстароста был очень просвещённым человеком, политическим мыслителем, изучавший, как депутат Великого сейма, вопросы политического устройства и стабильности Речи Посполитой. При нём дворец превратился в центр культуры. Во дворце устраивались балы и приёмы, где на фортепьяно играла дочь хозяйина и замечательная пианистка Юзефа Орда, талантом которой восхищался польский король Станислав Понятовский. Сам Матеуш Бутримович собирал коллекцию живописи, в первую очередь фамильные портреты.

После смерти пинского подстаросты хозяйкой дворца стала его дочь Юзефа Орда (1775-1859), вышедшая замуж за кобринского помещика Михаила Орду. Их сын, Наполеон Орда, стал знаменитым художником и музыкантом. Однако пинский дворец унаследовала его сестра Гортензия Скирмунт (1808-1894), вышедшая замуж за богатого помещика Александра Адамовича Скирмунта – человека довольно прогрессивных взглядов. Их дочь Елена Скирмунт была талантливым человеком, причем её талант проявился во многих областях: скульптура, изобразительное искусство и литература. Думается, что не последнюю роль в раскрытие её художественного таланта сыграла та творческая аура, царившая в дворце, в котором Елена выросла. Частым гостем дворца был Юзеф Крашевский, с которым Елена Скирмунт дружила всю свою недолгую жизнь. Она вышла замуж за своего дальнего родственника Казимира Скирмунта (1824-1893), который был неплохим архитектором. Вокруг супругов образовался художественный кружок, в который входили близкие им люди, не только пинчане: родной брат мужа, художник Шимон Скирмунт (1835-1902); подруга скульптора, художница Ядвига Кеневич (?- 1892); художник и мемуарист Эдвард Павлович (1825-1909); художник и литератор Бронислав Залеский (1820-1880); художник Константин Радык, реставрировавший тогда картины в пинском костёле... К этому кружку можно смело отнести и дядю Елены, художника Наполеона Орду, жившего каждую полесскую зиму в пинском дворце, где заканчивал свои многочисленные архитектурные зарисовки, которые привозил после летних путешествий по землям бывшей Речи Посполитой.

Если коротко остановиться на творчестве Елены Скирмунт, то польский искусствовед Иоланта Поляновская¹ характеризует его как что-то среднее между реализмом и назаретизмом. В нём можно выделить четыре основные темы: портреты близких людей, христианство, история Литвы и родное Полесье. Поскольку Скирмунты происходят из языческого княжеского рода, то Елене Скирмунт была близка тема истории средневековой Литвы: она создала скульптурные портреты литовских государственных деятелей: великих князей Миндовга и Гедимина, планировала создать образ полководца-князя Витовта, а также церковных деятелей, носителей литовского народного духа: виленского епископа Войцеха Тabora, жмудского епископа Мельхиора Гедройца и святого Казимира. Елену Скирмунт можно считать одним из самых ярких представителей литвинской идеи в польском искусстве. Бронислав Залеский написал её биографию, которую неслучайно назвал «Из жизни литвинки» (Познань, 1876).

Благодаря стараниям Елены Скирмунт и её дочки, последней владельницы дворца, историка и писателя Констанции Скирмунт (1851-1934) пинский «Мур» превратился в настоящий музей. Здесь имелись галерея картин голландских мастеров, портреты Бутримовичей, Скирмунтов, Орд и других породнившихся с ними родов; портрет во весь рост Адама Мицкевича кисти знаменитого художника Валентина Ваньковича, собрания слуцких поясов и саксонского фарфора, персидские ковры, старое венецианское зеркало, мебель в стиле ампир.

Особое место занимали скульптурные работы Елены Скирмунт: мраморный бюст матери Гортензии Скирмунт, скульптурные портреты Миндовга и Гедимина, а также её портретные рисунки: бабушки Констанции Сулистровской (1844), мужа Казимира (1850), матери (1854), писателя Юзефа Крашевского, сестры Марии Чапской (1851), сестёр Теофилии и Зеноны Любанских, а также «Видочек с натуры (Пинщина)» (1850), «Жительницы окрестностей Давид-Городка» (1855), «Лирник полесский» (1859), «Костёлок св. Карла в Пинске» (1868) и др. Одно время во дворце хранилось полное собрание архитектурных пейзажей Наполеона Орды.

¹ Polanowska, J. Helena Skirmuntowa, zapomniana rzeźbiarka XIX w. / J. Polanowska // Biuletyn Historii Sztuki. – 2004. – № 1-2. – S. 105-124.

Загадочный полешук Наполеон Орда

Хотя о выдающемся художнике и композиторе Наполеоне Орде, особенно в последнее время, написано большое количество книг и статей, но в его жизни всё ещё остается много загадок и тайн.

Одна из таких загадок жизни художника – таинственный друг Тит Плонский. В 1833 году Наполеон Орда под чужой фамилией, как слуга Титуса Плонского, пришёл с ним пешком в Париж из Швейцарии. Потом они почти каждое лето путешествовали по Голландии, Англии, Шотландии, Португалии, Австрии, Германии и даже побывали в Алжире. Во время путешествий художник начал делать карандашные зарисовки и писать акварели окружающей природы и архитектурных памятников. Хотя его мать была довольно богатой помещицей (около 1000 крепостных крестьян), вряд ли она имела возможность передавать за границу большие суммы денег. Выскажем гипотезу, что таинственный друг – это известный повстанец Тит Пусловский, старший сын одного из богатейших польских магнатов Войцеха Пусловского. Неслучайно композитор посвятил полонез «Плавный» Юлии Пусловской, жене Франтишка Пусловского – родного брата повстанца.

В Париже Наполеон Орда познакомился со многими деятелями французской культуры: композиторами – Шарлем Гуно и Гектором Берлиозом, писателями – Стендалем и Оноре де Бальзаком. Символично, что последние годы жизни художник провёл в имении Верховня на Волыни. В близком Бердичеве венчался великий писатель Оноре де Бальзак с графиней Эвелиной Ганской, а потом жил в её имении Верховня. Романист писал на родину: «(...) имение это – настоящий Лувр». Красивый дворец, построенный в стиле классицизма, был заполнен картинами и скульптурами лучших польских и европейских мастеров. Рядом, в Чуднове, жил её брат, польский писатель Генрик Ржевусский, дворец которого являлся одним из центров зарождения белорусской литературы. Сестрой Эвелины Ганской и Генрика Ржевусского была светская львица Каролина Собанская, любовница поэта Александра Пушкина. Перед приездом Наполеона Орды имение Верховню купил генерал от кавалерии и петербургский военный губернатор Адам Ржевусский (1801-1888) – родной дядя Эвелины Ганской. Жена генерала Ядвига Янчевская (?- 1889) – польская писательница, писавшая под псевдонимом «Лелива». Наполеон Орда был воспитателем их старшего сына Станислава Ржевусского (1864–около 1912). Возможно, художник своими рассказами о Париже способствовал тому, что позднее его воспитанник жил в Париже и писал там пьесы на французском языке.

А теперь поговорим о матери и четырёх сёстрах Наполеона Орды. В списке имений Кобринского уезда¹ за 1816 год читаем, что помещица Юзефа Ордова владела имением Вежки с деревнями и 986 крепостными крестьянами. Что за имение Вежки? Может другое название Вороцевич? С 1835 года мать художника находилась под полицейским надзором. В списках лиц, находящихся под надзором в 1848 году, читаем: «(...) 7. Юзефина Ордова, 67 лет. По предписанию бывшего Военно-Уездного Начальника Подполковника Степанова от 8 февраля 1835 года за № 41 за тайную переписку с своим сыном, выехавшим за границу Наполеоном Ордою. Жительствует в собственном имении Михалин. Вдова, при ней находится замужняя дочь»². Этой дочерью была Юзефа Плотницкая (1800-?), которая была замужем за Херубином Плотницким.

Первым мужем Юзефы Орды был русский князь Владимир Павлович Долгорукий (1794-1836), который очень подло и некрасиво поступил с ней. В письме цесаревичу Константину Павловичу (21.10.1830 г.) Юзефа жаловалась, что князь венчался с ней в католическом костёле, а потом не признавал брак который не был совершён по православному обряду. Даже завёл новую жену, не разведясь с ней, Юзефиной. О судебном процессе читаем в следующем документе:

По прошению Гродненской Губернии Кобринского Повета Помещицы Юзефы Плотницкой. Варшава 25 октября / 6 ноября 1830.

Об оказании ей содействия, во взыскании с князя Владимира Долгорукого следуемых ей 60 тыс. рублей ассигнациями, с причитающимися процентами и понесёнными издержками.

Просительница пишет, что она по расторжении брака с князем Владимиром Долгоруким, требовала от него уплаты следующей ей по заёмному письму 60 т[ысяч] р[ублей] ассигнациями и по поводу уклоняательства его, завела иск Владимирской Губернии в Суздальском Уездном Суде, но Князь Долгорукий представил в означенный Суд фальшивую квитанцию в уплате якобы ей упомянутой суммы. А затем была стеснена сим несправедливым изворотом Князя Долгорукого, всеянейше просит Ваше Императорское Высочество, оказать ей покровительство по сему делу,

¹ НИАБГ. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 98. – Л. 68.

² НИАБГ. – Фонд 1. – Оп. 21. – Д. 772. – Л. 1014.

чтобы она могла получить принадлежащую ей от князя Долгорукого сумму с причитающимися процентами и понесёнными издержками¹.

Таким образом, у Наполеона Орды и его семьи были и личные мотивы ненавидеть Российскую империю, с которой боролся не только художник, но и его старшая сестра Юзефа Плотницкая. В вышеупомянутом списке поднадзорных лиц есть и такая запись: «8. Юзефина Плотницкая, 50 лет. По предписанию Господина Начальника Губернии от 6 марта 1839 года за № 305 и от 26 мая за № 711 за принимаемое участие в злоумышлениях Конарского. Жительствует в собственном имени своей матери Ордовой Вороцевичах. От казны ничего не получает. Замужняя. Семейство при ней находится»². Итак, Юзефина Плотницкая была активной участницей знаменитого заговора Шимона Конарского.

В возглавляемой Конарским тайной патриотической организации «Содружество польского народа», действовавшей в основном на Полесье, был филиал под названием «Женское общество». Его возглавили Эва Фелинская и Юзефина Плотницкая. Историк Валентин Грицкевич пишет: «Отважная женщина [Эва Фелинская. – Авт.] стала секретарем организации [Содружество польского народа. – Авт.] и вместе с жительницей Кобрина Плотницкой возглавила филиал «Содружества», который назывался «Женским обществом»³. Это была первая женская подпольная организация, боровшаяся против самодержавия в Белоруссии и на Украине. На наш взгляд, Юзефина Плотницкая должна была возглавить «Женское общество» на территории современной Беларуси и Литвы. Валентин Грицкевич пишет, что члены общества обратились к идеям христианского и утопического социализма, призывали «уничтожить предрассудки, касающиеся разности классов»⁴. В разработанных ими «Правилах Женского общества» говорилось, что «женщины своим влиянием, которое они имели на мужчин, должны стараться, чтобы с крестьянами как можно более кротко обходились и что их [крестьян. – В.Г.] болезнях и всяких нуждах и внушали, что они равны помещикам и что придет, может быть, время, когда они будут иметь равное им значение»⁵.

Нами найден документ, в котором читаем: «(...) *Сверх того обнаружено, что помещица Кобринского уезда Плотницкая в доме Пинского Помещика Антона Оржешко имела свидание с Конарским и приняла обязанность по врученному ей от него устава распространять демократические правила между членами женского общества. О вытребовании Плотницкой для улик в Вильну сделано распоряжение*»⁶. Отметим, Антон Оржешко (псевдоним Юдак) возглавлял тайное «Пинское общество», являвшееся частью «Содружества польского народа», а её двоюродный брат Людвик Орда – «Кобринское общество», центр которого располагался в имении Вороцевичи.

Юзефа Плотницкая, как и все участники заговора, была арестована в 1839 году, но из документов гродненского архива следует, что под суд она не была отдана, однако там указывалось, если у нее будут обнаружены имения, то они должны быть конфискованы. После восстания 1863-1864 гг. Юзефина Плотницкая жила с мужем в селе Недзелище Житомирского уезда Волынской губернии.

В списках поднадзорных лиц за 1852 год читаем, что Юзефина Ордова живет в имении Вороцевичи с другой замужней дочерью Эмилией Курженецкой. Её муж Юзеф Курженецкий (1799?-1870) владел в Кобринском уезде, под Яновым, имением Замоша, а в Пинском уезде – имением Дубой. Он также активно участвовал в заговоре Конарского: являлся членом «Пинского общества», за что был сослан в Вологодскую губернию. В 1842 году вернулся из ссылки домой. В 1854 году Юзеф Курженецкий был уже разведен с Эмилией. Нам известно трое детей Эмили и Юзефа Курженецких: сын Виктор и дочь Амелия и возможно еще Каролина. Дочерью Виктора была Юзефина Курженецкая (1852-1915) – известная пинская общественная деятельница и соратница Констанции Скирмунт. Дочерью Амелии Курженецкой была выдающаяся польская писательница Мария Родзевич (1863-1944), которую, когда её родители находились в ссылке, сначала воспитывала бабушка Эмилия, а потом «тетя» Каролина Скирмунт. Юзеф Курженецкий развелся с Эмилией и женился на её сестре Анеле Орде (1801?-1891).

Младшая сестра художника Гортензия Ордянка вышла замуж за богатого пинского помещика Александра Скирмунта. Их дочь Елена Скирмунт (1827-1874) стала известным скульптором и художником, а внучка Констанция Скирмунт (1851-1933) — историком и писателем. Есть ещё нераз-

¹ НИАБГ. – Фонд 6. – Оп. 1. – Д. 422. – Л. 2.

² НИАБГ. – Фонд 1. – Оп. 21. – Д. 772. – Л. 1014.

³ Грицкевич, В. От Немана к берегам Тихого океана / В. Грицкевич. – Минск, 1986. – С. 188.

⁴ Грицкевич, В. От Немана к берегам Тихого океана / В. Грицкевич. – Минск, 1986. – С. 189.

⁵ Грицкевич, В. От Немана к берегам Тихого океана / В. Грицкевич. – Минск, 1986. – С. 188.

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Фонд 629. – № 80. – Л. 18.

гаданные вопросы в истории и генеалогии семьи Наполеона Орды. Возможно, в поисках ответов на них поможет и эта недавно найденная копия¹ свидетельства о рождении и крещении Теофилии Скирмунт:

Восемнадцатого октября тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года в Пинском римско-католическом приходском костёле окрестил младенца именами Теофилия-Гортензия-Мария любезный ксёндз ордена Св. Франциска Мельхиор Луневский святою водою и миром.

Родители: дворяне - попечитель школ Александр и Теофилия, из дома Любаньских, Скирмунты, законные супруги.

Дочка родилась 3-го августа того же 1857 года в имени Альбрехтово. Держали при крещении дворянин Наполеон Орда, капитан бывших польских войск, кавалер орденов и высокоблагородная Гортензия, из дома Орда, Скирмунтова, руководительница шляхты в Пинском уезде [наверно, имелась в виду жена уездного предводителя дворянства. – Авт.]

Что нового можно вынести из этого документа? Во-первых, принято считать, что Наполеон Орды имел один орден *Virtuti Militari*, а оказывается, их у него было больше. Во-вторых, художник находился в очень близких отношениях с молодцовско-пореченской ветвью рода Скирмунтов. А его крестница Теофилия-Гортензия – это родная сестра известного белорусского государственного деятеля Романа Скирмунта. В 50-х годах XIX века шляхта не скрывала и гордилась своим участием в восстании 1831 года.

После подавления восстания 1863-1864 гг. царские власти забрали у Наполеона Орды его родное имение Вороцевичи, оставив его фактически без средств к существованию. Тёплое время года художник проводил в поездках по землям бывшей Речи Посполитой и рисовал архитектурные памятники уходящих эпох. В холодное время года жил в Пинске у родной сестры Гортензии Скирмунт. Во дворце Бутримовича Наполеон Орда готовил свои рисунки к изданию в специальных альбомах, продажа которых давала ему средства к существованию. «Альбомы гістарычных відаў нашага краю» Н. Орды былі самым вялікім сярод іншых выданняў па аб'ёму змешчанага іканаграфічнага матэрыялу і апошнім з выданняў такога роду на Літве і Польшчы ў другой палове XIX ст. Альбомы эстампаў былі выдадзены большай часткай (шэсць серый з васьмі) яшчэ пры жыцці мастака². У художника была целая сеть распространителей (коллекторов) его альбомов.

В Львовской национальной научной библиотеке Украины имени В. Стефаника хранится четыре письма художника к польскому филологу и фольклористу Яну Карловичу и одно письмо к его жене Ирене (9.02.1881 г.). Знаменитый учёный был связан родственными связями с сестрой художника Гортензией Ордой. Ян Карлович помогал Наполеону Орде в продаже его альбомов: был коллектором художника. Первое письмо³ датировано 22 мая 1875 года, второе – 5 июня 1875 года, а третье – 1879 годом. Письма эти короткие, деловые и очень сложно читаются по причине неразборчивого почерка их автора. В третье письмо Наполеон Орда вложил печатную рекламу своего альбома рисунков, чтобы облегчить Яну Карловичу его продажу.

*Дальнейшее продолжение
Исторического альбома
Наполеона Орды*

Любезно прошу коллекторов подписки на издание альбома Западной Пруссии и Познанского княжества о написании на билете фамилии коллектора, а также имя и адрес покупателя. Тогда билет обретает свою стоимость и я уменьшаю затруднения коллекторам в пересылке экземпляров. Собранные деньги принимает кредитный банк в Торуне на имя директора пана Антони Доминицкого или можно прямо отослать в Пинск Минской губернии (Россия) на имя автора.

Наполеон Орда

Серия из 30 рисунков стоит 10 рублей (22 марки).

Четвёртое недатированное (1879?) письмо⁴ с трудом удалось прочитать, кроме постскриптума.

¹ ГАБО. – Фонд 2031. – Оп. 2. – Д. 5811. – Л. 23.

² Рынкевіч, У. Малюнкi Н. Орды ў кантэксте развіцця беларускай станкавай графікі XIX ст. / У. Рынкевіч // Матэрыялы Міжнароднай навучнай канферэнцыі, прысвечанай 200-летцю Наполеона Орды. «Наполеон Орда: жыццё, творчасць, мастацтвае наследдзе». – Мінск, 2007. – С. 145.

³ Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. – Фонд Карловича. – Д. 121/п.3. – Л. 1.

⁴ Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. – Фонд Карловича. – Д. 121/п.3. – Л. 6.

Уважаемый пан Ян, милостивый сударь

Высылаю пану последнюю серию в трёх экземпляров, из которых два (...) вручить п. Константину Скимунту. Закончу мои издания и осенью выеду в Галицию и к [няжество] Познанское. Там завершу моё собрание национальных памятников. Деньги [неразборчиво] мне отослать на мой адрес в Пинске.

*Остаюсь обоих Вас най[неразборчиво] слугой.
Н. Орда*

Пинские полицейские думали, что художник – иностранный шпион, занимавшийся черчением планов (по слухам, крепостей), и вели за ним постоянное наблюдение. Больной Наполеон Орда осенью 1882 года навсегда покидает Пинск, родное Полесье. Больше 15 лет прожил знаменитый художник в Пинске, но нарисовал всего семь рисунков с видами города: «Пинск с южной стороны» (1863), «Пинск. Панорама города» (1868), три разных рисунка с одним названием «Каролин под Пинском. Руины замка Вишневецких» (1868), «Лещ под Пинском. Базилианский костёл» (1868), «Пинск. Францисканский костёл» (1871) и четыре рисунка с архитектурными памятниками в Пинском уезде: «Поречье. Суконная фабрика» (1864-1876 гг.), «Жабчицы» (1869), «Дубой» и «Городище. Общий вид монастыря бенедиктинцев».

Творчество Наполеона Орды оказало значительное влияние на развитие изобразительного и музыкального искусства на Пинщине.

Полесская (польскоязычная) культура

Петербургская котерия под полесской культурой понимала польскоязычную культуру Полесья, основанную на исторических и культурных традициях ВКЛ. Ярчайшим представителем такой «полесской» культуры был писатель и историк Юзеф Крашевский (1812-1887) с его циклом полесских повестей: «История Савки» (1843), «Ульяна. Полесская повесть» (1843), «Остап Бондарчук» (1847) и др. Центральная тема цикла – бедственная жизнь крестьянина-полешука.

Главным печатным органом выражения полесских идей котерии стал альманах Адама Пенькевича «Боян». Название альманаха говорит о панславистских взглядах его редактора Адама Пенькевича (1799-1879), малоизвестная личность которого заслуживает более подробного разговора. Адам Пенькевич – минский врач и польский поэт, автор поэтического сборника «Наши песни» (1848), составитель хрестоматии «Избранные произведения польских писателей». Поэт увлекался украинским фольклором. В 1837 году в виленском альманахе «Бирута» появились переводы Пенькевичем пяти украинских песен. Современный украинский фольклорист Роман Кирчив замечает: «Некоторые из украинских текстов этих песен Пенькевич мог взять со сборника Вацлава из Олеска (первая песня) и Максимовича (последняя). Но других песен нет ни в одном из печатных тогдашних изданий. Пенькевич или сам написал их с устного бытования, [очень вероятно, на Полесье. – Авт.] или почерпнул их из какого-то рукописного источника. Ведущее место занимают переводы украинских песен в изданном Пенькевичем альманахе «Боян»»¹.

Первые известные произведения на полесском языке

Восемнадцатый век – это время зарождения национальных идей и гердеровского интереса к славянству. В национально-культурных движениях активное участие принимали религиозные деятели. Неслучайно, что одной из первых попыток на Полесье написать литературное произведение на языке, близком к народному, было стихотворение, созданное униатским священником села Дубой Пинского уезда в 1784 году в честь приезда польского короля Станислава Понятовского. Этот год можно рассматривать как условную дату зарождения полесской литературы. Хотя с уверенностью можно сказать, что в многочисленных пьесах, которые в XVII-XVIII веках ставились на сцене школьного театра пинского иезуитского коллегиума, из уст персонажей-простолюдинов звучала именно народная речь.

Очень вероятно, что тот же самый священник написал и стих, которым немного позднее, в 1796 году, дубойские крестьяне приветствовали российского генерал-губернатора Тимофея Тутолмина. Стоит обратить внимание и на тот факт, что село Дубой тогда было собственностью польского патриота, пинского судьи Игнатия Курженецкого, который вместе с Тадеушем Рейтаном боролся против первого раздела Речи Посполитой.

Известный польско-белорусский историк Александр Ельский указывает на ещё одно произведение, написанное тогда на полесском языке: «У 1798 годзе Францішак Уладзіслаў Чарнеці,

¹ Кирчив, Р. Український фольклор у польській літературі / Р. Кирчив. – Львів, 1971. – С. 72.

вялікі харунжы літоўскі, выдаў уласным коштам у Луцку беларускія казанні на пінскай гаворцы для ўжытку уніяцкіх папоў. Бібліяграфы выпусцілі з-пад увагі гэты важны твор, але пра яго згадвае былы піяр, вучоны Антоній Машынскі ў брашуры, адбітай з «Echa» за 1882 год, пад назвай «Пінск і Піншчына» (с. 5). Мы маем гэты рарытэт у нашых зборах»¹.

Франц Савич – первый полесский писатель?

Первым известным деятелем полесской культуры можно считать революционера Франца Савича (1815?-1845?), написавшего на пинском наречии стихотворение «Там близко Пинска...». Поэт родился в семье униатского священника села Велятичи Пинского уезда. Во время учебы в Виленской медико-хирургической академии Франц неожиданно увлёкся народным фольклором. Так, писатель Плакид Янковский², называя студента-медика «вторым Заном» (надо было бы ещё назвать его «вторым Яном Чечетом»), замечал, что из Савича должен получиться *исследователь фольклора*. Это можно объяснить тем, что ему лекции в академии читал известный славянофил Иван Лобойко (1786-1861). В единственном сохранившемся стихотворении Савича ощущается значительное влияние древнего книжного (старобелорусского) языка. Стихотворение «Там близко Пинска...» – это традиционный для того времени разговор, который вели представители трёх этнических групп, живших в ВКЛ, – литвин, вольнянин и пинчук. Их волнует судьба Отчизны. Интересно, что поэт называет свою Родину то Польшей, то Литвой. С одной стороны, Савич – польский патриот, последователь Адама Мицкевича с его теорией «польского мессианства», а с другой стороны, пинчук – ученик Лобойко, патриот Литвы. Произведение проникнуто протестом против угнетения края москалями (российскими властями). Этот революционный дух первого певца Полесья не мог ни сказаться на его судьбе. За участие в заговоре Шимона Конарского (1808-1839) царские сатрапы сослали Франца рядовым солдатом на Кавказ. Он чудом сбежал оттуда, но его жизнь была *поломана*. Интересно, что умер поэт на Житомирщине, которая являлась тогда одним из оплотов польского славянофильства (петербургской котерии). Думается, что это не случайность. Исследователям литературы необходимо выявить связи поэта с польским славянофильством.

Судьба Франца Савича – это словно судьба украинского поэта Тараса Шевченко (1814-1861), но полесский «Кобзарь» так и не возник. Впрочем, время для этого еще не пришло. Не пришло тогда время даже и для возникновения белорусской национальной идеи. Стихотворение Франца Савича можно поставить в один ряд с белорусским стихотворением «Рабункі мужыкоў» Яна Борщевского (1794-1851), как одно из проявлений польского славянофильства и романтизма. Дело Франца Савича в некотором смысле продолжил его друг и соратник Мармерт Рениер (1815- после 1868). Они вместе учились в Пинском уездном училище, Виленской медико-хирургической академии, были заговорщиками в организации Шимона Конарского «Союз польского народа». Наверно, неслучайно в бумагах Рениера был найден сделанный им перевод на полесский говор украинской баллады «Поп и Кирик».

Епископ Анатолий (Станкевич) – деятель полесской культуры?

В середине XIX века именно народная школа и приходской храм стали главной ареной борьбы польской и русской культур за *душу* простого белоруса и полешука. Литовский историк Дариюс Сталюнас пишет: «Таму не павінна здзіўляць і тое, што ў канцы 1850-х гг. беларускія актывісты рабілі спробы заснаваць народныя школкі зь беларускай мовай навучаньня. Мова выкладаньня ў народных школах стала аб'ектам грамадзкай дыскусіі пасля таго, як на пачатку 1862 г. былі надрукаваныя праекты новых статутаў народных і агульнаадукацыйных вучэльняў»³. Ещё в 1862 году либеральный министр народного просвещения Александр Головин (1821-1886) и попечитель Виленского учебного округа князь Александр Ширинский-Шихматов (?-1884) придерживались мысли о возможности и даже необходимости преподавания в начальных школах округа предметов на простонародных языках. 15 мая 1862 года князь Ширинский-Шихматов приказал инспектору Белостокской гимназии, языковеду и историку Стефану Куклинскому выехать в указанную ему местность для создания новых начальных школ. Он выехал в Пинск, где стал работать директором городских училищ. Выскажем гипотезу, что Куклинский, как знаток диалектов и хороший фило-

¹ Ельскі, А. Беларуская літаратура і бібліяграфія / А. Ельскі // Выбранае. – Мінск, 2004. – С. 335.

² Каханоўскі, Г. Беларуская фалькларыстыка / Г. Каханоўскі, Л. Малаш, К. Цвірка. – Мінск, 1989. – С. 237.

³ Сталюнас, Д. Межы ў памежжы: беларусы і этналінгвістычная палітыка Расейскай імперыі на заходніх ускраінах падчас Вялікіх рэформаў / Д. Сталюнас // Arche. – 2009. – № 9. – С. 183.

лог, был направлен на Пинщину как раз для введения там преподавания в начальных школах на полесском языке.

Современный литературовед Николай Хаустович пишет: «Наколькі сур’ёзна расійскія улады на Беларусі ставіліся да ідэалагічнае апрацоўкі насельніцтва, да контрпрапаганды, сведчыць распрацаваны праект выдання штормесячнага беларускамоўнага часопіса «Друг народа»: «Народная часопісь для «западно-русов» павінна ставіць сабе галоўнай мэтай спрыяць інтэлектуальнаму і этычнаму выхаванню народу «в духе православия, русской народности и преданности престолу» і тым дапамагаць збліжэнню Заходняга краю з супольнай бацькаўшчынай Расіяй для ўзаемнага іх злучэння сувяззю грунтоўных інтарэсаў у адно арганічнае цэлае». Ужо было атрымана фінансаванне (6000 руб. на год), але змена кіраўніцтва ў краі (замест генерал-губернатора У. Назімава і апекуна Віленскае навучальнае акругі А. Шырынскага-Шыхматава былі прызначаны М. Мураўёў і І. Карнілаў) прывяла да заняўдбаньня беларускамоўнага праекта і замену яго расійскамоўным – напачатку «Русским чтением», якое неўзабаве трансфармавалася ў «Вестник Западной России» К. Гаворскага»¹.

Историки Олег Латышонок и Евгений Миронович всё-таки считают: «Беларускую мову ў якасці дапаможнай усё ж увялі ў народныя школы. Для гэтых школаў вялікім накладам выдалі «Разказы на беларусском наречии». Ананімны аўтар гэтых апавяданняў тлумачыць чытачу, што той слухна пакінуў унію і павінен задавальняцца сваім сацыяльным становішчам. Варта адзначыць, што назва «беларус» ахоплівае тут ня толькі праваслаўных, але і пашыраецца на каталікоў. Да таго ж тут згадваецца шматвяковая гісторыя Беларусі, пачынаючы з Полацкага княства»².

«Разказы на беларусском наречии» (Вильна, 1862) интересны тем, что три рассказа написаны на северо-восточном диалекте белорусского языка, а два – на полесском языке. Хаустович отмечает, что неизвестный автор обладает литературным талантом и «дастаткова абазнаны ў гісторыі, як неблагі этнограф і мовазнаўца, ён спрабуе акрэсліць межы беларускага племені, як тонкі псіхолаг, ён слухна расстаўляе акцэнт...»³. Олег Латышонок пишет: «У нарысе не відаць заходнерусізму. Аўтар відавочна ўздаваны на польскай гістарыяграфіі, але гісторыю Беларусі пераасэнсаваў на свой, нацыянальна-беларускі лад. Па-паляшчуцку гаворыць таксама першы ў гісторыі беларускай літаратуры пэрсанаж, які сам сябе сьведома залічае да беларусаў. (...) Падсумоўваючы, можна сьцьвердзіць, што зборнік напісаны беларусам, які стараўся правесці нацыянальную беларускую думку ў падручніку, які мусіў прайсці расейскую цэнзуру»⁴. Фактычна Латышонок лічыць невіданага аўтара першым беларускім нацыянальным гісторыкам. Кто ж гэта – такой разносторонний и талантливый человек? Николай Хаустович выдвинул гипотезу, что *неизвестным автором* является историк Михаил Коялович (1828-1891), а Олег Латышонок лічыў аўтарам забытага гісторыка Ігнатія Кулаковскага (1800-1870). С гэтым трывожна згадзіцца, псколькі Коялович і Кулаковский родом из белорусскоязычных районов Гродненской губернии: Соколышыны і Пружаншыны. Сомнітельна, што яны добра зналі полескі язык. Кромэ таго поляк-католік Кулаковский вядлі мог напісаць такое страстнае антыкатоліцкае і антыпольскае прадзведзене.

Очень вероятно, что автором «Разказов на беларусском наречии» мог быть православный священник. Вначале, на наш взгляд, на роль автора более всего подходил православный священник и польский писатель Плакид Янковский (1810-1872), который родился в деревне Войска, лежащей возле местечка Каменец-Литовский в Брестском уезде. Однако историк Олег Латышонок подметил, что Плакид Янковский не считал жителей Брестско-Пинского Полесья беларусамі. Пскольму яго кандыдатура на аўтарство отпала. І тут вспомнілось арыгінальнае гістарычнае прадзведзене «Воспоминание о древнем православии Западной Руси» (Москва, 1867), которое было напісана прыблізельна в 1857 году. Это прадзведзене с «Разказами на беларусском наречии» сувязывае многае: анонімность аўтара, а такжа іх літаратурны талант, глыбокае знанне імі беларускай історыі, ярый антыкатоліцызм, ненависть к уніі, іезуітам, поляком, но доброжелательное отношение к литовцам и Великому Княжеству Литовскому, особый интерес и любовь к истории Турова и Полоцка их аўтара. Само собой напращывалась мысль, што оба прадзведзене

¹ Хаўстовіч, М. «Отрекатца отъ своего роду и племени...» / М. Хаўстовіч // XIX стагоддзе. – Мінск, 2000. Кн. 2. – С. 195-196.

² Латышонок, А. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонок, Я. Мірановіч. – Вільня-Беласток, 2010. – С. 83.

³ Хаўстовіч, М. «Отрекатца отъ своего роду и племени...» / М. Хаўстовіч // XIX стагоддзе. – Мінск, 2000. – Кн. 2. – С. 197.

⁴ Латышонок, А. Нацыянальнасць – беларус / А. Латышонок. – Беласток, 2009. – С. 422.

написал один и тот же человек. Проблема раскрытия авторства «Воспоминания о древнем православии Западной Руси» оказалась довольно простой.

Церковный историк Виктор Мосейчук в своей книге «История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря» упоминает труд бывшего инспектора Минской Духовной Семинарии архимандрита Анатолия «О составе древней Туровской епархии». Такая книга нам неизвестна, но так называется одна из глав «Воспоминания о древнем православии Западной Руси». Историк-краевед Илларион Зеленский в своём фундаментальном труде «Материалы для географии и статистики России. Минская губерния» (СПб, 1864) постоянно цитирует неизвестный исторический рукописный труд, уважаемого им историка, какого-то архимандрита Анатолия. Оказывается, что эти цитаты взяты из «Воспоминания о древнем православии Западной Руси». Итак, автором «Воспоминания о древнем православии Западной Руси», похоже, был инспектор Минской Духовной Семинарии архимандрит Анатолий (Станкевич), который позже был ректором Полоцкой Духовной Семинарии. Художник-краевед Дмитрий Струков (1827-1898), принимая участие в экспедиции Российского археологического общества, в октябре 1864 года посетил Витебск, где встретился с ректором семинарии о. Анатолием. Путешественник записал в своём отчёте археологическому обществу: «Ознакомился с почтенным О. Ректором Архимандритом Анатолием, который представил в моё распоряжение очень интересную рукопись «воспоминание о православии Западной Руси». Это есть историческое исследование о Турове, Пинске. В благодарность за такой дар я употребил два дня для нарисования рисунка Маркова монастыря, где О. Ректор настоятелем, чем, кажется, он остался очень доволен»¹. Как уже говорилось, три очерка «Разказов на белорусском наречии» написаны на полоцко-витебском диалекте.

Теперь нам необходимо было выяснить: знал ли архимандрит Анатолий полесский говор? Мы узнали, что историк Святослав Воинов в киевских архивах нашёл историческое произведение «Описание Новгородсеверского Спасо-Преображенского первоклассного мужеского монастыря», подписанное *Анатолий Станкевич-Мотольнин*. Итак, епископ родился в местечке Мотоль в 35 верстах от города Пинск. Попробуем восстановить белорусскую страницу жизни епископа Анатолия.

Во многих статьях об епископе Анатолии пишется, что он родился в 1821 году в семье священника Минской епархии. Однако местечко Мотоль тогда находилось в Кобринском уезде Гродненской губернии, хотя и на самой границе с Минской губернией. Думается, епископ специально не уточнял место своего рождения: не хотел акцентировать внимание на том, что его отец Андрей Станкевич был греко-католическим священником. К сожалению, не удалось найти в минских и гродненских архивах сведений об Андрее Станкевиче. Удалось узнать, что в 1803 году греко-католическим священником Мотольской церкви был Иосиф Станкевич (40 лет), вероятно, дед епископа. Тогда церковь в местечке Мотоль была деревянной, а приход насчитывал 2567 прихожан. Обычно униатские приходы передавались от отца к сыну. Очень вероятно, что в 1821 году Андрей Станкевич был священником в Мотольской церкви. Однако его имя не находим в списке² всех греко-католических священников Российской империи (1838 г.). Можно предположить, что к тому времени Андрей Станкевич умер.

В 1843 году Александр Станкевич окончил Литовскую Духовную Семинарию, которая тогда находилась в Жировицком монастыре (Слонимский уезд, Гродненская губерния). Ректором семинарии являлся протоиерей Ипполит (Фердинанд) Гомолицкий. Великолепным был подбор преподавателей: Карл Вронский, Александр Кандидов, Мармерт Гомолицкий, писатель и историк Плакид Янковский, историк-археолог Прокопий Доброхотов (в будущем – епископ Павел) и др. Возможно, что именно Доброхотов вызвал у юноши интерес к истории. Как раз во время учебы в 1839 году в Полоцке состоялся церковный собор, который объявил об объединении греко-католической церкви с русской православной. Таким образом Александр Станкевич стал православным.

2 апреля 1844 года его рукоположили во священника в заштатный город Радошковичи Виленской губернии. Вскоре случилась трагедия: умерла жена, наверно, при родах. Молодой священник оказался с новорождённой дочкой на руках, которую, вероятно, временно отдал на воспитание своей матери. В 1848 году он поступил в Санктпетербургскую духовную академию от Жировицко-

¹ Слюнькова, И. Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи / И. Слюнькова. – Москва, 2010. – С. 405.

² Radwan, M. Carat wobec Kościoła grecko-katolickiego w zaborze rosyjskim 1796-1839 / M. Radwan. – Roma-Lublin, 2001. – S. 350-413.

Литовской епархии, а не от Минской. Александр Станкевич тяжело переживал смерть любимой жены, что его подтолкнуло 5 декабря 1848 года постричься в монахи (наверно, в Александро-Невской лавре) под именем Анатолий. В духовной академии иеромонах получил хорошую философскую и богословскую подготовку: лекции читали известные профессора: Фёдор Сидонский, Евграф Ловягин, Иоаким Кочетов, Василий Карпов и др. Ректором академии был историк церкви, епископ Макарий (Булгаков), который читал курс истории русской церкви. Думается, что такая выдающаяся личность, как будущий митрополит Московский и Коломенский, оказала значительное влияние на иеромонаха Анатолия и как на человека, и как на историка.

В 1853 году он окончил духовную академию со степенью магистра богословия, его назначили инспектором Минской духовной семинарии. Ректором семинарии был историк, архимандрит Николай (Трусковский), который написал и издал книгу «Историко-статистическое описание Минской епархии» (СПб., 1864), не утратившей и сегодня научной ценности. Усердная и успешная работа иеромонаха Анатолия в должности инспектора семинарии была замечена церковным начальством.

№ 134/38

10 Января 1856

Минской Духовной Консistorии

Инспектор Минской Семинарии Иеромонах Анатолий в воздаяние примерного его поведения и усердия по должности, 6 сего Января, в Кафедральном Соборе произведено мною в Игумена.

О том предлагаю Консistorии для сведения и сообщения Семинарскому Правлению.

Михаил Архиепископ Минский¹

№ 64

9 Января 1856 года

Минск

Архиепископ Минский и Бобруйский Михаил (Голубович) – известный деятель греко-католической и православной церкви. Игумен Анатолий пользовался большим доверием архиепископа, который почти каждый год отправлял его в длительные поездки по Минской губернии для ревизии сельских приходов. Во время многомесячных путешествий он изучал местные достопримечательности, искал исторические документы для своих будущих научных трудов. Об этом же писал в «Воспоминаниях о древнем православии Западной Руси». Вполне возможно, что игумен Анатолий собранным материалом делился и с ректором семинарии, чтобы тот мог в дальнейшем использовать его в своём труде «Историко-статистическое описание Минской епархии» (СПб., 1864).

Расскажем о некоторых путешествиях-ревизиях игумена Анатолия. В 1856 году он ревизировал Мозырский уезд. В 1857 году игумен совершил повторную ревизию приходов Мозырского уезда по следующему маршруту: Минск – Койданово – Несвиж – Клецк – Синявка – Лахва – Ленин – Князь-озеро – Житковичи – Давид-Городок – Туров – Тонеж – Милошевичи – Петриков – Скрыгалов – Лельчицы – Ельск – Мозырь – Минск. Игумен проехал почти две тысячи вёрст, объехав практически все приходы довольно большого и болотистого уезда. В 1858 году он осуществил ревизию Минского и Слуцкого уездов, а в 1860 – Пинского уезда по маршруту: Минск – Койданово – Несвиж – Синявка – Хотыничы – Бобрик – Лыще – Дубой – Мохро – Любязь – Любешов – Пинск – Пинковичи – Ставок – Отолчицы – Достоево – Паршевичи – Жабчицы – Бродница – Любешов – Заручье – Червище – Пниовно – Деревок – Быхов – Цыр – Будче – Железница – Кухотск – Боровая – Белое – Речица – Моровин – Серники – Витчевка – Сваричевичи – Хойно – Местковичи – Велятичи – Лопатин – Мисятичи – Лемешевичи – Качановичи – Вуйвичи – Плотница – Стахов – Радчицк – Городная – Жолкин – Остров – Логишин – Озаричи – Телеханы – Глинная – Святая Воля – Бобровичи – Выгонищи – Хотыничы – Малоплотница – Доброславка – Погост – Новый Двор – Дубновичи – Парохонск – Вылазы – Лунин – Лулинец – Язвинки – Кожан-Городок – Лулинец – Лунин – Погост – Хотыничы – Минск. Игумен Анатолий проехал около 1400 вёрст. Только за наём лодок и гребцов при переправах через реки и болота было уплачено 8 рублей 30 копеек. Поездка началась в первых числах июля, а закончилась в конце сентября.

Церковное начальство по достоинству оценило деятельность игумена Анатолия: 5 августа 1860 года он возведён в сан архимандрита (наверно, архиепископом Минским Михаилом) и назначен

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 26872. – Л. 1.

ректором Полоцкой духовной семинарии, которая была основана в 1806 году как греко-католическая. В 1856 году семинария была переведена в Витебск, но ещё долго она называлась Полоцкой. Там учебное заведение находилась в здании бывшего базилианского монастыря. Покровителями семинарии являлись учителя славянства – святые Кирилл и Мефодий. Была большая библиотека (около 10000 книг), в которой хранилось много старинных книг XV-XVIII веков на различных языках: польском, латинском, русском, немецком, французском, английском, итальянском, древнегреческом, древнееврейском и др. «Библиотека осталась семинарии (ещё униатской) в наследство от базилианского монастыря. Более половины книг были пожертвованы неким протоиереем Михаилом Кунинским, который, судя по надписям на книгах, был редким библиофилом и знал много древних и новых языков»¹. Конечно, архимандрит Анатолий использовал книги семинарской библиотеки для своих исторических исследований.

«Ректор Анатолий страдал ужасною болезнью, известною под именем «колтуна» [чисто полещукская болезнь. – Авт.]. При крайнем худосочии страдальца, свила в ужасный ком его роскошные волосы на голове и периодически сводила тощие члены тела в нечто поистине неопишное. От неправильного лечения и житейских потрясений болезнь всё более усиливалась»². Тогда больной архимандрит жил в здании семинарии вместе с незамужней дочерью.

Ректор семинарии находился в подчинении архиепископа Полоцкого и Витебского Василия (Лужинского), который, наряду с Иосифом Семашко и Антонием Зубко, сыграл значительную роль в деле ликвидации греко-католической церкви. Архиепископ Василий оценил способности архимандрита Анатолия. В 1861 году архиепископ сделал ревизию Полоцкой семинарии. Вот что он написал в своём отчёте об этой ревизии: «Без предварительного извещения, прибыв в подведомую мне Семинарию в 11 часов обозначенного выше числа, во время уроков, я отправился прямо в классы и прежде всего Высшего Отделения, где нашёл Ректора Семинарии, потому что был его урок. Отец Ректор занимался третьей репетицией по Догматическому Богословию: я принял участие в этом деле и сам начал испытывать учеников; от Догматического Богословия я перешёл к другим предметам, между прочим, и по предметам Миссионерского Отделения. При этом я заметил, что воспитанники своим делом занимаются исправно весьма и усердно, и в Отце Ректоре я нашёл не только много старания – начитанного, обладающего редким даром слова и глубоко-учёного мужа, но, чтоб особенно важно для семинарских кафедр и именно для кафедры Богословия, отличного профессора-практика, понимающего душу воспитанников и степень их разумения, глубоко-обсудившего всё содержание Богословской науки и умеющего самые высокие догматические истины представлять наглядно, приводить в опытах жизни и, при помощи сближения с очевидными истинами и фактами, сообщать им обязательность. Это доставило мне истинную радость и утешение. (...) Затем я осмотрел ученические спальни, спальную мебель, матрасы, бельё и убедился в заботливости Начальства о чистоте и здоровье воспитанников: спальная зала содержится в отличной чистоте и опрятности, воздух чист и сух, температура умеренная. Наконец я посетил Семинарскую больницу и столовую, благословив трапезу учеников, слушал дневное чтение из Четырёх-Минеи, отведал кушанье и хлеб, которые нашёл для постного дня весьма удовлетворительными и, припадая моё благословение Семинарии, выбыл»³. Просмотрев всю финансовую документацию духовной семинарии, архиепископ не нашёл никаких нарушений.

Владыка оценил глубокий ум, педагогический талант, честность и хозяйственность ректора семинарии, поэтому приблизил его к себе. Архимандрита Анатолия и архиепископа Василия сблизила также общая страсть – коллекционирование. Архиепископ был европейски образованным человеком, коллекционером, членом различных европейских обществ: Копенгагенского Королевского Общества Северных Антиквариетов по Русскому отделению, почётный президент Африканского общества в Париже о выкупе невольников и т.д. Мы мало знаем про коллекцию и библиотеку архимандрита Анатолия. Так, в середине 50-х годов он подарил редкое рукописное Евангелие XVI века, купленное им у частного лица, библиотеке Киевской духовной академии. Известно также, что ценную коллекцию эфиопских рукописей архимандрит Анатолий в конце жизни подарил библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии (сейчас его книжное собрание находится в Российской национальной библиотеке).

¹ Шейкин, Г. Полоцкая епархия. Историко-Статистическое обозрение / Г. Шейкин. – Минск, 1997. – С. 53.

² Довгялло, Д. Витебская духовная семинария. Заметки и воспоминания / Д. Довгялло. – Витебск, 1907. – С. 47.

³ НИАБМ. – Фонд 2531. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 48.

4 апреля 1861 года архимандрит Анатолий был назначен настоятелем Витебского Маркова первоклассного монастыря, который был основан князем Львом Огинским в 1633 году. Обитель находилась на правом берегу реки Двины в двух верстах от города Витебск. Уже в 1861 и 1862 годах был произведён значительный ремонт монастырских церквей и зданий, построена новая баня и ограда. Вскоре архиепископ Василий назначил активного и работоспособного архимандрита Анатолия членом Полоцкой Духовной Консистории, благочинным монастырей Полоцкой епархии, цензором проповедей и т.д.

Наверно, ещё до приезда архимандрита Анатолия в Витебск в Полоцкой духовной семинарии сложился православный исторический кружок, основу которого составляли её преподаватели: Ксенофонт Говорский (1811-1871), иеромонах Сергей (Виктор Василевский, 1826-после 1890), Фортунат Слупский (1832-1876), Пётр Дружиловский (1834-?), Матвей Красовицкий (?-1888), которые печатали многочисленные статьи на исторические темы в газете «Витебские Губернские Ведомости» и в «Памятных книжках Витебской губернии». Матвей Красовицкий был позже первым редактором «Полоцких Епархиальных Ведомостей», его брат, священник Михаил Красовицкий, писал тоже статьи на краеведческие и исторические темы.

К этому кружку можно отнести также известного украинского и белорусского историка, этнографа и фольклориста Александра Сементовского-Курилло (1821-1893), занимавшего тогда в Витебске должности губернского лесничего, секретаря Губернского статистического комитета, редактора «Памятных книжек Витебской губернии» и неофициальной части «Витебских Губернских Ведомостей», директора Центрального архива древних актов Витебской и Могилёвской губерний Александра Созонова (1818-1886), редактора газеты «Витебские Губернские Ведомости» Феодосия Серебренникова (1834-?), выступившего в 1860 году за обучение детей на белорусском языке, а также археолога Михаила Кусцинского (1829-1905). Архимандрит Анатолий (с его глубоким интересом к истории, особенно истории православной церкви) органически влился в этот деятельный кружок. Можно предположить, что наибольшее влияние на него оказали фанатики-исследователи Александр Сементовский и Ксенофонт Говорский.

Создателем витебского кружка, наверно, был библиотекарь и учитель Библейской и Церковной Истории, Церковных древностей, Канонического права, еврейского языка и преподаватель истории русского раскола, кандидат Ксенофонт Антонович Говорский, который был сыном киевского униатского священника. В 1860 году он предоставил в правление семинарии «отзыв о своих трудах», где писал: «Я в настоящее время занимаюсь нижеследующими литературными трудами: 1) напечатал в «Витебских Губернских Ведомостях» а) Археологические изыскания в окрестностях г. Полоцка, б) о витебских общественных увеселениях, в) о введении римского католицизма в Белоруссии, г) отрывки из приготовленного мною к изданию Историко-статистического описания полотского Спасо-Ефросиниевского монастыря, 2) занимаюсь разработкой материалов для истории Белорусской церкви и для сочинения «О влиянии латинизма на судьбу славянских народов – в религиозном, этнографическом и политическом отношениях». Действительно, преподаватель Ксенофонт Говорский отличался большой работоспособностью: неофициальная часть «Витебских Губернских Ведомостей», которую он редактировал в 1858-1860 годы, состояла исключительно из его статей. Мы видим, что он уже тогда активно и свободно пользовался терминами «Белоруссия» и «белорусский». Стоит напомнить, что Ксенофонт Говорский является одним из создателей идеологии «западнорусизма», суть которой заключается в том, что русские, украинцы и белорусы представляют собой единый народ лишь с некоторыми этнографическими и языковыми особенностями.

В провинциальном Витебске Говорскому было трудно развернуть широкую западнорусскую пропагандистскую деятельность, поэтому в 1861 году он переехал в Санкт-Петербург, а оттуда, в следующем году, – в родной Киев, где начал издавать журнал «Вестник Юго-Западной и Западной России», который стал общеимперским рупором «западнорусизма». Он не скрывал, что Синод помогал в издании журнала, точнее его покровители и друзья среди синодальных чиновников. Первый год в Киеве Говорский поддерживал местных украинофилов и дружил с одним из них – археологом и писателем Алексеем Гатцуком (1832-1891). Однако после начала польского восстания редактор журнала обрушился с обличительной критикой на киевских и петербургских хохломанов-сепаратистов. Наверно, он узнал об изменившейся правительственной политике по отношению к украинскому движению и быстро переориентировался. В сентябре 1863 года Ксенофонт Говорский обратился в киевскую жандармерию, где сообщил, что получил из Москвы письмо с

двумя номерами революционной газеты «Свобода»¹. При этом он сказал, что эту провокацию против него устроил недавно уехавший в Москву хохломан Алексей Гатцук. В 1864 году Ксенофонт Говорский переехал в город Вильна, где под покровительством генерал-губернатора Муравьёва-Вешальника стал издавать свой журнал уже под названием «Вестник Западной России». Думается, что одной из причин его бегства из Киева был страх перед местными украинофилами и революционерами.

Всё-таки низкий научный и литературный уровень журналов, издаваемых Ксенофонтом Говорским, не позволяет видеть в нём изошрённого интеллектуала – одного создателей идеологии западнорусизма и белорусской национальной идеи. Западнорусизм хорошо вписывался в уваровскую триаду «самодержавие, православие, народность», а тогдашняя зачаточная белорусская национальная идея – в правительственную политику борьбы с католицизмом и польским влиянием в Северо-Западном крае. Ещё в 1999 году мы высказали мысль², что у истоков белорусской национальной идеи стоит писатель, историк, бывший униат, воспитанник полоцких иезуитов (они внесли свой вклад в создание западнорусизма), белорус Константин Сербинович (1797-1874), который занимал ключевые посты в бюрократическом аппарате министерства народного образования и Святейшего Синода, являлся ярким воплощением уваровской триады. Тайный советник Константин Сербинович был главным экспертом по религиозным и национальным вопросам в Северо-Западном крае как в Синоде, так и в министерстве народного просвещения. «В духовном ведомстве в 1836–1859 гг. не решалось ни одного более или менее важного дела и вопроса без участия Сербиновича в нём»³.

Современники так характеризовали Константина Сербиновича: «Выдатныя веды моваў (лацінская, старажытна-грэчаская, польская, руская, французская і нямецкая), свабодная арыентацыя ў сусветнай літаратуры па гісторыі, філалогіі і філасофіі спрыялі дасягненню поспехаў у Пецярбургу. Дадаліся і асаблівасці характару, уменне трымаць сябе з людзьмі: «знешнія аблічча Сербіновіча і ўвогуле адносіны мелі адзнаку полацкага іезуіцкага выхавання, якое і дапамагала яму трымацца пры ўсіх начальніках, самых супрацьлеглых. Памяркоўнасць і асцярожнасць, спраўнасць і розум – яго дадатныя ўласцівасці... Рэзкіх мяркаванняў, ганьбы ні асобам, а ні рэчам ад яго нельга было пачуць»⁴. Литературный критик Александр Никитенко дополняет портрет чиновника: «(...) воспитанник иезуитов, поборник православия, дающего кресты и большие оклады, фанатик и друг карамзинского периода, гладенький, чистенький, любящий старинный порядок, за исключением кнута, и потому чиновник новой генерации, почти либерал, всякую новую мысль, называющий неправославной, а всякий новый оборот в языке, отступающий от карамзинской стрижки, непонятным, – одним словом, Сербинович»⁵. Наверно, с подачи Константина Сербиновича провинциальному учителю Ксенофону Говорскому была поручена важная миссия: разборка архива униатских митрополитов, хранившегося в синодальном архиве.

Тайный советник имел связи в самых высоких правительственных и придворных кругах: секретарь знаменитого историка Николая Карамзина, душеприказчик влиятельного министра-царедворца Александра Шишкова. Оказывается, что Константин Сербинович занимался полоцкой историей и покровительствовал историческим исследованиям Говорского, который регулярно слал свои тексты в редакцию «Журнала Министерства Народного Просвещения», хотя не все они там печатались. В правительственных и церковных кругах Полоцк виделся как центр православия в Беларуси. Не случайно в 1839 году там провели объединительный церковный собор. Однако на Полотчине были сильны позиции католицизма, был развит культ католических святых: монаха-иезуита Андрея Боболи и греко-католического архиепископа Иоасафата Кунцевича. Мощи убитого казаками иезуита хранились тогда в Полоцке, а мощи убитого витебчанами униатского архиепископа долгое время там находились. И как раз в 1841 году вышло произведение Константина Сербиновича «Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии княжны Полоцкой, с Описанием и изображением креста, принесённого ею в дар Полоцкой Спасской обители».

¹ Центральный государственный исторический архив Украины, в г. Киеве. – Фонд 442. – Оп. 813. – Д. 279.

² Ільїн, О. Де шукати витоки білоруської національної ідеї? / О. Ільїн // Сіверянський Літопис. – 1999. – № 3. – С. 145.

³ Здравомыслов, К. Сербинович Константин Степанович / К. Здравомыслов // Русский биографический словарь. Сабанеев-Смыслов. – Санкт-Петербург, 1905. – С. 349.

⁴ Нікалаеў, М. Беларускі Пецярбург / М. Нікалаеў. – Санкт-Пецярбург, 2009. – С. 67.

⁵ Никитенко, А. Дневник / А. Никитенко. – Москва, 1955. – Т. 1. – С. 268.

«В начале 1840-х годов в Беларуси и в обеих столицах произошло событие, связанное со знаменитой реликвией XII в. – крестом Евфросиньи Полоцкой, которую знаменитый «воссоединитель» униатов (1839 г.) архиепископ полоцкий Василий вывез в Москву и Петербург для сбора средств на ремонт восстановленной епархии. Поездка вызвала огромный интерес и оживила интерес к истории «Западнорусских земель»¹. На кресте была древняя запись с проклятием на голову тех, кто вынесет крест из полоцкого храма. Никто до этого не решался на вынос креста из собора. Вот как архиепископ Василий описывал свой опасный поступок: «Когда я садился уже в экипаж, почтальон подает мне свиток и письмо на моё имя от г. директора хозяйственного управления при святейшем Синоде К.С. Сербиновича, который просил меня проверить самым тщательным образом и исправить рисунок упомянутого креста, препровождённый в свитке, с подлинником. Не имея времени, ни возможности исполнить это требование..., я велел ризничему священнику Богдановичу, прощавшемуся со мною, принести мне в футляре оный и повёз его с собою вместе со сказанным рисунком...»². Эта фраза говорит об огромном влиянии Константина Сербиновича на архиепископа. Наверно, владыка Василий немного слукавил. Думается, что даже просьба такого влиятельнейшего чиновника, как Сербинович, не могла толкнуть архиепископа на святотатство. В письме, на наш взгляд, было тайное разрешение Синода на вывоз креста. Поездка владыки с уникальной реликвией имела огромный резонанс по всей стране, всколыхнула интерес к истории Полоцка и его древностей. В 60-х годах по инициативе архиепископа Василия был возбуждён перед Синодом вопрос о перенесении мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полоцк. В 1870 году киевский митрополит Арсений передал только средний палец правой руки мощей святой. Тогда были сделаны первые шаги к победе в Полоцке культа преподобной Евфросинии Полоцкой над культом святых Андрея Боболи и Иоасафата Кунцевича.

Кажется, что всё это делалось по плану Сербиновича – декатолизация и деполонизация Беларуси: вначале выбирается знаковый регион, создается культ местного православного святого или святых, создается православный культурный кружок, который изучает этнографию и фольклор местного населения, историю региона с акцентом на региональные особенности и историю православной церкви в её трагической борьбе с католицизмом и т.д. Члены витебского кружка внесли свой вклад и в развитие культа святой Евфросинии Полоцкой и ликвидации культа Иоасафата Кунцевича: Ксенофонт Говорский написал «Жизнь преподобной Евфросинии княжны Полоцкой. С историческим описанием основанного ею девичьего, Спасопреображенского монастыря и с приложением св. креста, устроенного ею для монастырской церкви» (1862 г.), «Иоасафат Кунцевич, полоцкий, унияцкий архиепископ» (1858), «Приложение к жизни полотского архиепископа Иоасафата Кунцевича» (1858), а иеромонах Сергей – «Святая преподобная Евфросиния, княжна полотская, с историческим описанием основанного ею полотского девичьего Спасопреображенского монастыря и устроенного для монастырской церкви креста» (1864).

Нечто подобное наблюдаем и на Полесье в 50-60-е гг. XIX века: попытка создания культа чудотворной иконы Купятичской Божьей Матери и возвращения её на Пинщину из Киева, создание в Пинске православного культурно-исторического кружка, активизация исследований по этнографии и по истории православия на Полесье, постановка вопроса о самобытности местного населения. Существенный вклад в эти процессы на Полесье внесли книги: «Воспоминание о древнем православии Западной Руси» и «Разказы на белорусском наречии». Так, в первой книге архимандрит Анатолий описал, как он настойчиво искал в Турове мощи Кирилла Туровского, много в ней писал и про самого святого. Чувствуется огромное стремление автора книги содействовать созданию в Турове мощного культа этого святого. Неслучайно, что архимандрит много внимания в книге уделил также истории мощей католических святых: Андрея Боболи и Иоасафата Кунцевича.

В «Воспоминании о древнем православии Западной Руси» архимандрит Анатолий показал себя как оригинальный и эрудированный историк, который много работал в архивах Минской духовной консистории (собрание документов древних монастырей), церквей и монастырей Минской епархии и т.д., а также в семейных архивах полесских священников. Он был хорошо знаком с польской историографией: с трудами историков Мацея Стрыйковского, Альберта Виюк-Кояловича, Игнатия Стебельского, Михала Балинского, Теодора Нарбута, Владислав Сырокомли, филолога Вацлава Мацеевского и др., а также с древнерусскими летописями и «Словом о полку Игоревом». Совершенно серьёзно архимандрит Анатолий называл литературного героя «Слова» –

¹Алексеев, Л. Археология и краеведение Беларуси / Л. Алексеев. – Минск, 1996. – С. 56.

² Из записок Василия Лужинского – архиепископа Полоцкого. – Казань, 1885. – С. 211, 212.

Бояна – учителем в минской школе. Необходимо всё же обратить внимание на то, что между архимандритом Анатолием и автором книги «Разказы на белорусском наречии» есть только одно противоречие. Епископ считает в «Воспоминании о древнем православии Западной Руси» предками пинчуков таинственное племя Ятвягов (вслед за Теодором Нарбутом), не указывая его этнического происхождения, а автор рассказов – полоцких Кривичей, вслед за польским историком Адамом Нарушевичем (пинчук по происхождению). Но автор «Воспоминания о древнем православии Западной Руси» сам себе противоречит: относит Пинщину до земель Кривичей. Нужно отметить, что между написанием этих двух произведений лежит временной промежуток где-то в пять лет, а за это время архимандрит Анатолий мог изменить свои взгляды, особенно благодаря белорусскому влиянию на него полоцко-витебского исторического кружка.

Однако вернёмся непосредственно к жизни архимандрита Анатолия. Как помним, архиепископ Василий загрузил его работой, которую тот добросовестно выполнял. Архимандрит первым делом, как благочинный монастырей Полоцкой епархии, начал с их ревизии и естественно обнаружил множество недостатков и злоупотреблений, особенно в Полоцком женском Спасо-Евфросиниевском монастыре. Его настоятельницей (1853–1878 гг.) была Евфросиния Сербинович (шестидесятилетняя вдова), имевшая связи и поддержку в высших петербургских кругах. «Родны брат ігуменні, К. Сербінович, быў дырэктарам Гаспадарчага ўпраўлення пры Свяшчэнным Сінодзе і шмат у чым садзейнічаў адраджэнню манастырскага ансамбля»¹. При монастыре было училище девиц духовного звания под покровительством самой императрицы Марии Александровны. Однако архимандрит Анатолий, как честный и принципиальный человек, не шёл ни на какие компромиссы, что, конечно, не нравилось в Петербурге.

После всех скандалов с игуменьей Евфросинией (Сербинович) архиепископ Василий стал снимать архимандрита Анатолия с его многочисленных постов: вначале с благочинного монастырей, потом вывели из состава духовной консистории. Виленский генерал-губернатор, граф Михаил Муравьев, в 1863 году писал архиепископу: «Так, например, на днях состоится распоряжение относительно о. ректора полоцкой семинарии, буду так же искать возможность исполнить и другое желание Ваше относительно секретаря консистории»². Похоже, что генерал-губернатор содействовал снятию архимандрита с какого-то поста, так как пора милостей для того уже прошла. «В июле 1865 г. Витебскую семинарию посетил главный начальник края генерал-губернатор Конст. Петр. фон Кауфман. Он лично всё осматривал, во всё вникал и в результате сообщил преосвященному Василию, который жил тогда в С.-Петербурге, «о недостатках, упущениях и злоупотреблениях, которые лично им усмотрены и частью собраны из разных источников»»³. Вскоре архиепископ Василий назначил «особою комиссию об улучшении содержания воспитанников семинарии»⁴, результатом работы которой было снятие архимандрита Анатолия в ноябре 1865 году с должности ректора семинарии. Его пока оставили настоятелем Маркова монастыря. Один из биографов архимандрита Анатолия так объяснял причины его увольнения: «Это несколько связано с тогдашним положением витебской епархии, в которой по удалению архиеп. Василия Лужинского обнаружены большие злоупотребления; обстоятельное следствие по поручению Св. Синода производил о. архимандрит Анатолий Станкевич, как ректор полоц. семинарии»⁵. Вскоре отец Анатолий вынужден был выехать из Витебска. Интересно, что ректором семинарии после него стал архимандрит Никанор (Бровкович) – известный духовный писатель.

Вот так расправились с честным и принципиальным архимандритом, которого церковный историк, митрополит Мануил (Лемешевский), характеризовал как человека широкой гуманности и сердечной доброты. Только этими преследованиями можно объяснить тот факт, что опальный архимандрит Анатолий издавал свои произведения анонимно. Возможно, что художник Оружейной палаты Дмитрий Струков вывез рукопись «Воспоминание о древнем православии Западной Руси» в Москву и там её издал.

¹ Лабоха, Г. Кароткі нарыс гісторыі Спаса-Евфрасінеўскага жаночага манастыря ў Полацку / Г. Лабоха // Беларускі Гістарычны Часопіс. – 2012. – № 10. – С. 24.

² Из записок Василия Лужинского – архиепископа Полоцкого. – Казань, 1885. – С. 269.

³ Довгялло, Д. Витебская духовная семинария. Заметки и воспоминания / Д. Довгялло. – Витебск, 1907. – С. 53.

⁴ Довгялло, Д. Витебская духовная семинария. Заметки и воспоминания / Д. Довгялло. – Витебск, 1907. – С. 54.

⁵ Родосский, А. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.Петербургской Духовной Академии 1814-1869 гг. / А. Родосский. – Санкт-Петербург, 1907. – С. 13.

13 марта 1867 года архимандрита Анатолия назначили настоятелем Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря, находящегося в Черниговской епархии. С этого назначения начался новый украинский период его жизни.

Итак, первым полесским прозаиком можно считать Александра (Анатолия) Станкевича, а первым полесским поэтом – Франца Савича.

Пинский православный историко-этнографический кружок

Для борьбы с католицизмом и польским влиянием в Пинске стал складываться православный историко-этнографический кружок. Наверно, свою лепту в его создание внёс известный историк церкви, архимандрит Николай (Трусковский, 1820?–1881), который в середине 50-х годов был несколько лет настоятелем местного Богоявленского монастыря. Тогда же учитель Михаил Загоровский собирал документы по истории православной церкви на Полесье. Собирал старинные документы и архимандрит Богоявленского монастыря Геласий (Княжеский, 1798?–1853). В 1845 году минским губернатором Алексеем Семеновым была учреждена Комиссия для собрания древних актов, хранящихся в городских архивах и православных монастырях Минской губернии. В работе комиссии приняли участие архимандрит Геласий; бывший директор Архангельской гимназии, статский советник Жуковский; борисовский маршалок Евстафий Тышкевич и др. Результатом работы этой комиссии было издание в 1848 г. книги «Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам», где было опубликовано 15 грамот (из всех 171), связанных с Пинском. Можно предположить, что пинские грамоты предоставил для издания архимандрит Геласий.

В 1852 году в Пинск из Несвижа был переведен ярый борец с католицизмом протоиерей Василий Грудницкий (1820–1903). И в том же году прихожане Купятичской церкви пишут архиепископу Минскому и Бобруйскому Михаилу прошение о возвращение из Киева местной святыни – знаменитой Купятичской иконы Божей Матери. К прошению прилагались две справки об истории Купятичского монастыря и самой иконы, написанные приходским священником Иосифом Загоровским (?–1858) и благочинным Василием Грудницким. Протоиерей, наверно, после отъезда архимандрита Николая возглавил пинский кружок. Отец Василий в 1874 году в газете «Минские Епархиальные Ведомости» опубликовал интересную и обстоятельную историю Пинщины, а также «Сказание о Купятичской иконе». Кроме того он занимался этнографическими исследованиями: одним из первых описал полесский народный обычай «Женитьба комина». Это описание¹, которое опубликовал известный этнограф Павел Шейн, содержит немало языкового, фольклорного и этнографического материала. Василий Грудницкий много сделал для укрепления православия на Пинщине. Под его руководством домиканский костёл был перестроен в Фёдоровский кафедральный собор. Во что он вложил много личных средств.

Тогдашний приходской священник Феликс Дружиловский (1838? – 1912) опубликовал в газете «Минские Епархиальные Ведомости» статью «Из церковной летописи Купятичской Свято-Николаевской церкви». На ниве полесской культуры работают и другие священники: Иоанн Акоронко (1819–?), издавший «Летопись Пинского уезда и благочиния Лещинской Успенской приходской церкви», создатель полесской грамматики Платон Тихонович (1838–1922), этнограф и фольклорист Дмитрий Булгаковский (1843–1918). К пинскому кружку можно также отнести пинчука Николая Акоронко (1838– 1908) – тогдашнего редактора «Минских Епархиальных Ведомостей», где в основном и печатались члены кружка. Отметим, что свою *грамматику* Платон Тихонович писал для конкурса на создание учебников для школ, который проводился Минской дирекцией народных училищ. А инспектором дирекции тогда был Николай Акоронко.

Важное место в пинском кружке (возможно, его идеолог) занимал Стефан Фёдорович Куклинский (1828?–1891?). Поэтому на его биографии остановимся поподробнее. В 1852 году он окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. Хотя во время его учёбы там уже не работали выдающиеся учёные-слависты Измаил Срезневский и Николай Костомаров (1817–1885), однако ещё преподавали историю украинский поэт Пётр Гулак-Артемовский (1790–1865) и фольклорист Амвросий Метлинский (1814–1870). Известно, что в конце 50-х годов, работая в Киевском университете, Метлинский руководил студенческим кружком, в котором историю изучали через призму фольклора (типичная идея Доленги-Ходаковского). На каникулах студенты записывали народные песни, приметы, предания и т.п. Можно предположить, что такой же кружок действовал и в Харьковском университете. Очевидно, что Куклинский прошёл фольклористиче-

¹ Этнографическое обозрение. – 1898. – № 3. – С. 152–160.

скую школу Амвросия Метлинского, который был типичным славянофилом и одновременно украинофилом, однако, считавший украинский язык говором, пригодным только для написания литературных произведений. Первые научные исследования Куклинского были опубликованы в известном журнале «Современник» в 1853 году. Любопытно, что тогда харьковские романтики не подписывали свои произведения собственными фамилиями. Это у них перенял и Куклинский, который свои произведения или вообще не подписывал, или подписывал криптонимом «С. К.», или сокращением «Куклин».

В конце 50-х годов Стефан Куклинский работал инспектором Белостокской гимназии. Тогда он активно собирал под Заблудовым фольклор, часть собранных им материалов напечатал Пётр Гильтебрандт (1840-1905) в «Сборнике памятников народного творчества в Северо-Западном крае». В 1858 году в «Этнографическом сборнике» Куклинский напечатал три предания и 28 песен в большой и интересной статье «Заметки о западной части Гродненской губернии», где показал себя талантливым историком и диалектологом. 31 октября 1865 года Куклинский был назначен директором Пинской гимназии с целью её полной русификации. В Пинске он продолжил свою научную и литературную деятельность: написал статьи «От Пинска до Новогрудка» и «Исторические известия о православных церквях в г. Пинске». В 1871 году историк раскопал курган Миндовга возле бывшего Лещинского монастыря, с которого начиналось христианство на Полесье. По-видимому, искал следы древнего православия в здешних краях, но нашёл только саманидский дирхем. Думается, что именно фольклорист Стефан Куклинский заинтересовал священника Дмитрия Булгаковского полесским фольклором. В 1875 году Куклинского назначили первым директором Несвижской учительской семинарии.

К пинскому кружку можно отнести и ещё одну загадочную личность. В газете «Киевский телеграф» (1863 г., № 8) была опубликована статья «Письмо из Пинска», написанная корреспондентом газеты, в которой дано описание города. Статья загадочно подписана «Ив. Ст. Пинчук – Мохраница». Ещё в 1861 году в десятом номере первого украинского журнала «Основа» была напечатана статья «Несколько слов о пинчуках» (Письмо к редактору), в которой утверждался вес языкового критерия «при определении национальности», и приводился образец языка пинчуков. Статья была подписана немного иначе – «Ю. Мохраница». Явно, что это псевдоним. Мохраница, на наш взгляд, означает житель села Мохро Пинского уезда (сейчас Ивановский район). Кто из жителей этого села мог быть автором статьи? Им мог быть или священник местной церкви Григорий Фомич Таранович (1801–1870), или его сын Евстафий Таранович (1842?– ?), студент Петербургского университета, в будущем инспектор Минской дирекции народных училищ. Вторая версия более правдоподобна.

Кто же написал «Пинскую шляхту»?

В 2000 году известный филолог Нина Мечковская¹ в статье «Винцент Дунин-Марцинкевич не был автором водевиля «Пинская шляхта»» приводит довольно убедительные аргументы того, что белорусский классик не мог быть автором комедии. С того времени в отечественном литературоведении началась бурная дискуссия по данной проблематике. Вначале оппоненты намекали на то, что в Пинске некому было написать такое талантливое произведение. Однако столица Полесья являлась тогда, как мы выше показали, значительным центром польской и полесской культур. Ища автора «Пинской шляхты», сперва обратили внимание на историка, языковеда и писателя Стефана Куклинского, который интересовался местными говорами и фольклором. Однако вскоре появились сомнения, так как один из ведущих специалистов по говорам Берестейско-Пинского Полесья, языковед-диалектолог и историк Фёдор Климчук по некоторым особенностям языка пьесы точно определил село, говор которого использовал автор. Полученные научные результаты лингвист-диалектолог изложил в своих статьях², основные идеи которых можно сформулировать следующим образом:

1. Язык «Пинской шляхты» – это стройная система, а не какая-нибудь неупорядоченная «смесь» или стилизация.

¹ Мечковская, Н. Винцент Дунин-Марцинкевич не был автором водевиля Пинская шляхта / Н. Мечковская // Wiener Slawistischer Almanach. – 2000. – № 46. – С. 225-238.

² Клімчук, Ф. Пра мову п'єсы «Пінская Шляхта» / Ф. Клімчук // Гістарычная Брама : Гісторыя і культура Палесся. – 2010. – № 1. – С. 143-153; Пра мову «Пінскай шляхты» // Волинь–Житомирщина. Історико-філологічний збірник з рэгіянальных праблем. 22 (1 том). – Житомир, 2010. – С. 72–82.

2. В языке «Пинской шляхты» наиболее значительны два компонента: а) местный берестейско-пинский говор; б) старая восточнославянская (старобелорусская и староукраинская) письменная традиция, частично сохранившаяся со времен Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой.

3. Автор «Пинской шляхты», с одной стороны, владел местным берестейско-пинским говором, с другой стороны, был замечательным знатоком старой восточнославянской традиции.

4. Языку «Пинской шляхты» характерна такая черта, как наличие гласного «умляута» в определенной позиции. Он обозначен буквой [ю], иногда сочетанием [iо]: вюн (27 раз), вюнже (3 раза), вюна (2 раза), вюнаж (1 раз), вюны (1 раз), тюлька (12 раз), тюльки (4 раза), зубіоў (1 раз), всего 51 раз. Гласный «умляут» встречается в говорах нескольких районов Брестской области: Пинском, Кобринском, Каменецком, Брестском, Ивановском, Малоритском. Но поскольку основа местного диалектного компонента языка «Пинской шляхты» – это говоры Пинского района, то мы указываем на ареал распространения «умляута» в Пинском районе. Этот ареал локализуется к востоку, юго-востоку и частично к северо-востоку от Пинск. Это сельсоветы: Боричевичский, Каллауровичский, Лемешевичский, Лопатинский, Плещицкий. Все они расположены южнее Припяти. А северным форпостом этого ареала являются сёла Купятичи и Сушицк Городищенского сельсовета. В 1974 г. в Купятичах насчитывалось 352 двора, 1281 житель, Сушицке – 182 двора, 484 жителя.

5. «Пинскую шляхту» породили не глухие места. Жители глухих мест «любят» стесняться своего говора, они с лёгкостью переходят на говор более престижный. В нашем же случае автор «Пинской шляхты» не стесняется говора, на котором он пишет указанное произведение. Он им гордится. Он считает этот говор достойным для того, чтобы на нем написать высокохудожественное произведение. «Пинская шляхта» очевидно создавалась в таком населенном пункте, которому характерны богатые культурные традиции. Если взглянуть на населенные пункты указанного выше ареала распространения «умляута» в говорах Пинского района, то таким пунктом с весьма богатыми культурными традициями окажутся Купятичи. О них публиковалось немало.

6. Автором «Пинской шляхты» мог быть местный пинчук, а мог быть выходец из другого региона. Во втором случае он долго жил на Пинщине и усвоил местный говор. Второй вариант более вероятен. Если обратить внимание на язык «Пинской шляхты», то обнаруживается некоторая непоследовательность. Так, «умляут» обычно употребляется в закрытых слогах и под ударением. А в «Пинской шляхте» обнаружено 4 случая, когда «умляут» (графически «ю») употреблен в открытом слоге и не под ударением. Это дает основание предположить, что автор «Пинской шляхты» пинским говором овладел еще недостаточно.

Сразу возникает ряд вопросов. Кто мог быть на Пинщине хранителем старой восточнославянской письменной традиции? Конечно, местные православные или униатские священники. Кого именно после открытия Федора Климчука брать в авторы пьесы? Василия Грудницкого и Феликса Дружиловского, которые столько писали о Купятичах, или Платона Тихоновича, родившего в близких Вылазах – полностью шляхетском селе? Всё-таки начали склоняться к Платону Тихоновичу, как личности более известной. Однако чересчур светский характер «Пинской шляхты» заставил к Платону Тихоновичу взять в соавторы и Стефана Куклинского, о чём было написано в статье «Дырэктар гімназіі Куклінскі і святар Ціхановіч» в «Краязнаўчай газеце» (2008, № 22). В этой статье было высказано пожелание, что новую информацию о членах пинского кружка надо искать в Минске – в Национальном историческом архиве. Во время своего отпуска один из авторов решил, что это надо сделать в первую очередь самому и поехал на четыре дня в столицу.

В архиве пришлось выписывать подряд все дела, в которых упоминались фамилии членов пинского кружка. На третий день в руки попались два дела, содержание которых, на наш взгляд, решает вопрос об авторстве «Пинской шляхты». Во-первых, обнаружилось, что известный фольклорист и писатель Дмитрий Булгаковский был священником Купятичской церкви. В то время на Полесье православная церковь поощряла священников читать проповеди на местных говорах. А, во-вторых, тогда Булгаковский был непосредственным участником двух церковных судебных тяжб, в которых можно обнаружить много общего с сюжетом «Пинской шляхты». К тому же в будущем, отрекшись от священнического сана, Дмитрий Булгаковский станет довольно известным и плодовитым светским русским писателем и публицистом (в каталоге Российской национальной библиотеки 252 позиции его произведений).

Перед тем как привести найденные в архиве документы, немного расскажем о жизни отца Дмитрия. Напомним, что он родился в городе Елец Орловской губернии. В 1869 году Булгаковский окончил Минскую духовную семинарию, и осенью того же года был рукоположен в сан священ-

ника Морочской церкви Мозырского уезда. В 1870 году переведён в Пинск, где он служил священником Федоровского собора под непосредственным руководством настоятеля Василия Грудницкого, который, конечно, заинтересовал его историей и культурой Полесья. Одновременно молодой священник преподавал церковнославянский и русский языки в Пинском духовном училище. Дмитрий Булгаковский почти сразу после приезда на Пинщину стал собирать фольклор и этнографический материал. О помощи в опубликовании этого материала он пишет выдающемуся украинскому писателю и фольклористу Якову Головацкому (1814-1889), который тогда возглавлял Виленскую археографическую комиссию.

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь, Яков Федорович!

В Марте месяце прошлого 1874 г. я лично передал председателю Виленского Географического отдела этнографический сборник, составленный мною большею частью непосредственно из уст простого народа Пинского уезда. В последнее время я узнал, что мой сборник передан Географическим отделом Вашему Превосходительству для рассмотрения.

Осмеливаюсь всепокорнейше просить Ваше Превосходительство, по вниманию к моему труду, на который употреблено мною более трёх лет, ходатайствовать перед Обществом об издании моего сборника, если он заслуживает того в глазах Вашего Превосходительства.

Имею честь быть Вашего Превосходительства слугою Священник Д. Булгаковский.

Адрес:

Пинского уезда

с. Купятичи¹

Таким образом, знаменитый фольклорный сборник «Пинчуки» был готов к печати ещё в 1874 году, а издан только в 1890. Как фольклорист Яков Головацкий должен был положительно оценить труд Булгаковского. Почему «Пинчуки» не были опубликованы ещё в 1874 году? Возможно, затерялись в бумагах Северо-западного отдела Русского географического общества? Исследователям предстоит ещё ответить на эти вопросы.

15 февраля 1874 года Дмитрий Булгаковский поменялся должностями с настоятелем Купятичской церкви Феликсом Дружиловским. После этого между священниками началась длительная и совсем красивая тяжба, что видно из следующего документа:

*В Минскую Духовную Консисторию
Купятичской Николаевской церкви
священника Дмитрия Булгаковского
прошение*

Между мною и моим предместником священником Феликсом Дружиловским возникли некоторые недоумения и несогласия в расчетах по земельной части. Вследствие сего мы, избрав по обоюдному согласию двух соседних священников Лонгина Шумаковича и Игнатия Дешиковского, просила их разобрать наше дело. Но когда явившиеся священники приступили к разбирательству, о. Дружиловский заявил, чтобы приглашенные при разбирательстве дела основались на правилах Присутствия православного духовенства от 9 февраля Высочайше утвержденного 24 марта 1873 г. На это требование его возразили, что «схожестъ быть в правилах, недавно вышедших в свет, нет указания на все случаи, какие могут встречаться в практике; а если обязует нас держаться правил, то вы сами, как люди грамотные, можете, прочитав правила, разрешить свои недоумения». После того о. Дружиловский сам избравший о. Шумаковича и о. Дешиковского и поживившись на их добросовестность, не стеснился к удивлению их и моему сказать прямо им в глаза: «так вы можете отнять от меня все посева и присудить о. Булгаковскому» и сам тотчас уехал в г. Пинск.

Почти три месяца я ожидал, что может быть мой предместник по собственному благоразумию и опытности или по совету других сделает со мною то или другое соглашение относительно возникшего спора. Но проходит время и ожидание напрасно. Пробовал даже делать ему уступку в расчетах и это не помогло прекращению спора. Между тем время мало помалу приближается к жатве, а спор остался не разрешенным.

¹Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. – Фонд Я. Головацкого. – Д. 36. – Л. 1.

Вот эта-то крайность заставила меня сверх всякого моего желания утруждать Минскую Духовную Консисторию своею просьбою разрешить недоумение, возникшее между мною и моим предместником и почтить меня своими справедливыми решениям.

1. Мой предместник засеял на церковной Купятичской земле озимым хлебом участок, состоящий из 12 десятин [далее отец Димитрий пишет подробно о своих хозяйственных претензиях, что совершенно неинтересно будет для читателя. – Авт.]

*1874 Июнь 16 дн.
№9*

*Купятичской Николаевской церкви,
Священник Дмитрий Булгаковский¹*

17 июля 1874 года между священниками было заключено мировое соглашение, как в «Пинской шляхте» между Тюхай-Липским и Протосовицким. Содействовал заключению этой мировой и помощник благочинного Иоанн Акоронко, хотя главную роль сыграл специально посланный пниовский священник Иоанн Михалеви́ч (1829-1901). Возможно, Акоронко был прообразом пристава Кручкова, к которому шляхта обращалась «Найяснэйшая корона». Думается и под другими персонажами комедии скрываются конкретные личности: Тугай-Липский – Булгаковский, Тихон Протосовицкий – собирательный образ священников, членов пинского кружка (Платон Тихонович, Феликс Дружиловский, Василий Грудницкий...) или один Тихонович Платон, Кулина – их соратник Стефан Куклинский, печатавшийся под псевдонимом «Куклин». В 1870 году Платон Тихонович был назначен священником Пинского кафедрального собора, но к должности почему-то не приступил и остался в Лунине. А на его место в Пинск назначили Дмитрия Булгаковского. Неизвестно, что за этим стояло. Возможно, между ними была какая-то ссора или интрига?

Более неприятные последствия для Дмитрия Булгаковского имела следующая тяжба: 20 января 1875 года он на окружном съезде духовенства обвинил своего бывшего начальника, смотрителя Пинского духовного училища и одновременно заведующего свечным заводом Виктора Тарановича (1839-?) в том, что тот утаил часть сданного им на завод воска. Заведующий оправдывался перед епископом Александром (Добрынином):

*Его Преосвященству Преосвященейшему
Александру
Епископу Минскому и Бобруйскому
и разных орденов кавалеру
Смотрителя Пинского духовного Училища
Виктора Тарановича*

Прошение

Священник Купятичской Церкви Пинского Уезда Димитрий Булгаковский в отзыве от 20-го Января за № 11 заявил съезду окружному 20/23 Января сего года, что по предписанию благочинного он представил в Комитет свечного завода 25 ф.[унтов] воску и 15 рублей денег от 29 Октября 1874 года за № 21-м, но не получил уведомления, которое могло служить документом расхода Церковных денег и воску. В разносной мне книге 29 Октября написано так: 15 рублей и 23 фунта получил Таранович.

Цифра денег выставлена с поправкой, наводящею сомнение или подозрение, а количество воску уменьшено на 2 фунта против действительности.

Не нужно, кажется, особенных догадок или предложений, чтоб понять надлежащим образом изложенное отношение Комитета к делу. Заправляющий делами свечного завода и Комитета, смотритель Училища Виктор Таранович вероятно из личных каких либо соображений нашел нужным неясно выставить в разносной книге количество полученных денег, уменьшить количество воску представить без надлежащего уведомления. Нач. Смотритель упустил из виду тот основной административный закон, что в день службы не может иметь места личное произвольное соображение. Такое его отношение к делу едва ли терпимо со стороны законности и едва ли Окружной Училищный Съезд может допустить.

В оправдание возведенных на меня обвинений осмеливаюсь пояснить, что деньги, полученные от Купятичской церкви, записаны мною на 29-го Октября под № 113-м книги прихода сумм завода церковных свеч, а в книге долговой записано под № 69 15 руб. и 23 фу. воску. Кроме расписки в разносной книге Священника Булгаковского я видел квитанцию Купятичской Церкви в получении 15 рублей и 23-х ф. воску, для хранения в церкви. Насколько мог, я расписал ясно в разносной книге,

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 34456. – Л. 12.

хотя я и не обязан был этого делать, после того как я выдал расписку Купятичской церкви. Вместо 25 ф. в расписке и разносной книге написано 23 ф. по принятому в заводах обычаю сбрасывать 2 ф. наугад с 20 фунтов; скидки сделаны Мастером, в присутствии подателя денег и воску крестьянина с. Купятичи Кондратия Михайлова Иголки, который и сообщил мне об этой скидке. Где давал квитанцию мою Священник Булгаковский, мне неизвестно; но я имею доказательства, что расписка от меня получена Крестьянином Иголкой и передана Священнику Булгаковскому. Я нарочно посылал лавочника Шенца в Купятичи узнать от Крестьянина Иголки, где он давал расписку, от меня полученную, и крестьянин Кондратий Михайлов Иголка, при пономаре Купятичской церкви Иполите Рубановиче, при церковном старосте Луке Павловиче Самсонове и при сельском старосте (он и попечитель церковный) Леонтии Дмитриевиче Ренецком и при лавочнике свечного склада, священническом сыне Петре Шенце показал, что расписку в получении денег и воску он действительно получил от смотрителя; расписка прочитана при мне Иголкой как грамотным, что расписка того же (29 Октября 1874 года) передана им Иголкой Священнице Булгаковской, которая несомненно передала её Булгаковскому. К этому прибавлю, что Помощнику Благочинного священнику Акоронко я лично сообщил в Ноябре месяце о получении денег от Купятичской церкви. Таким образом Священник Булгаковский намеренно оклеветал меня пред съездом, уличая меня в подлоге и краже. Мало того он опозорил меня в газете «Современность» и, как мне передано в газете «Новости», где подписался «Д.Б-ковский». К этому надо прибавить и то, что Священник Булгаковский за неделю до съезда распускал слухи по городу, на что я имею свидетелей, что он назначен по учинению следователем, для рассмотрения сих злоупотреблений.

Священник Булгаковский заслуживает придания суду гражданскому за оклеветование меня перед съездом, и как автор оскорбляющих меня корреспонденций дает право жаловаться на него Прокурору СП.бургского окружного суда.

Имея однако в виду, то обстоятельство, что Священник Булгаковский может быть не оставлен без наказания, вполне им заслуженного за оклеветание меня, Духовною Властью, и надеюсь, что Ваше Преосвященство не допустите, чтобы духовенство безнаказано так не[с]праведливо оклеветало меня без всякого права и основания, осмеливаюсь низжайше просить Милостивейшего Архипастыря не оставить несправедливое отношение Священника Купятичской церкви Дмитрия Булгаковского без расследования и должностного наказания.

15 Июня дня 1875 года

Смотритель Пинского духовного училища Виктор Таранович¹

Нам неизвестно, дошло ли дело до уголовного преследования отца Дмитрия, но духовные власти расследовали это дело, в котором участвовал и лещинский священник Иоанн Акоронко:

В Минскую Духовную Консисторию
Помощника Благочинного
1-го округа Пинского уезда
Священника Иоанна Акоронко

Рапорт

В исполнение Журнального постановления Минской Духовной Консистории от 18 Июля сего года, за № 5454, мною данного при сем, честь имею, препроводить Консистории вытребованное мною от Священника Булгаковского на имя Его Преосвященства объяснение, с предоставлением полного прочтения смотрителя Тарановича.

№267
1875 года Июля 25 дня

Помощник Благочинного
Священник Иоанн Акоронко²

Однако в папке дела № 34764 нет объяснения Булгаковского, хотя оно указано ещё и в полном списке документов дела. Случайно ли оно потерялось или было изъято, трудно сейчас сказать. Но правды отец Дмитрий так и не добился: его перевели вначале на другой конец епархии в уездный город Борисов, а вскоре вообще удалили из неё: назначили законоучителем Свислочской

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 34456. – Л. 3-5.

² НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 34456. – Л. 2.

учительской семинарии в Гродненской губернии. Как и Тугай-Липский, Булгаковский сказал нелицеприятную правду и был «избит» церковными властями. Выскажем гипотезу, что Виктор Таранович, который угрожал ему судом, а возможно и каторгой, зашифровали в образе старого щляхтича Куторги, несшего главную угрозу счастью главных действующих лиц пьесы. А возможно, писатель намекал, что Таранович заслуживает каторги. Конечно, если имя одного персонажа пьесы созвучно имени реального лица судебной истории, то это можно считать случайностью. Однако, если имена почти всех персонажей комедии созвучны именам реальных шляхтичей, то это – явно не случайность.

*В Минскую Духовную Консисторию
Благочинного 1-го Округа Борисовского уезда
Протоиерея Романа Пастерницкого*

Рапорт

В следствие указа Минской Духовной Консистории от 29 Декабря 1875 года за № 10217 Священник вверенного мне Собора Дмитрий Булгаковский при рапорте от 24 сего Апреля за № 1 представил на удовлетворение Священника Пниовской Церкви Иоанна Михалевиича за проезд его в село Купятичи пять рублей и сорок пять копеек, которые при сем имею честь представить в Духовную Консисторию.

№ 346

Апреля 24 дня 1876 года

*Благочинный Протоиерей
Роман Пастерницкий¹*

Последний документ напоминает то, что пинская шляхта в пьесе также оплатила проезд пристава Кручкова в их село. Мелочность, жадность, спесивость, страх и раболепие перед начальством пинской шляхты (Михалевиичей, Дружиловских, Тарановичей, Акоронок), конечно, возмущала Дмитрия Булгаковского. А большинство православных священников Пинщины происходили из старых местных униатских священнических родов и считали себя шляхтичами. Долго, наверно, отец Дмитрий обижался на пинчуков. Даже свои собранные о них этнографические и фольклорные материалы не печатал 16 лет: знаменитый сборник «Пинчуки» вышел только в 1890 году. Если сравнить его с «Пинской шляхтой», то можно увидеть некоторые параллели. В песнях пинчуков одними из главных любовных героев также являются Марыся и Грыцько, их может разлучить только *могила*. Единственное средство от несчастной любви для них – утопиться. Дмитрий Булгаковский в «Пинчуках» поместил 56 любовных песен и на трех страницах дал характеристику им, показал себя настоящим специалистом в области любовных отношений молодых пинчуков. В комедии использовано много песен, поговорок, пословиц... И вот историк церкви Гордей Щеглов пишет: «Любопытно, что в своей педагогической практике он обращался непосредственно к памятникам народной педагогики – пословицам, песням, загадкам, обрядам, что было известным новшеством в педагогике. Не оставлял Булгаковский и литературных трудов»². Понимая неординарность личности Дмитрия Булгаковского, историк Щеглов недавно написал монографию³, посвященную купятическому священнику. В ней автор приводит новые факты о том, что отец Дмитрий участвовал ещё, по крайней мере, в трёх судебных процессах:

1) со священником Михаилом Юхневичем и крестьянином Степаном Гавруком села Морочь Мозырского уезда⁴;

2) со старостой Поречской церкви Пинского уезда⁵;

3) с борисовским судебным следователем Черепановым.

Два первых дела связаны с исключительно хозяйственными спорами, а вот третье дело для нас особенно интересно. Гордей Щеглов пишет, что следователь Черепанов, «недавно назначенный на должность, неоднократно обращался по роду своих обязанностей к отцу Дмитрию для приведения свидетелей перед допросом к присяге, требуемой законом. Это было обычной практикой, но Черепанов досадил отцу Дмитрию тем, что делал свои приглашения не очень корректно»⁶. Однажды уставший и приболевший Булгаковский отказался прийти по вызову следователя, который после

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 34456. –Л. 25.

² Щеглов, Г. Изгибы судьбы / Г. Щеглов // Ступени. – 2005. – № 3. – С. 17.

³ Щеглов, Г. Печальник о благе народном / Г. Щеглов. – Минск, 2009.

⁴ Щеглов, Г. Печальник о благе народном / Г. Щеглов. – Минск, 2009. – С. 28.

⁵ Щеглов, Г. Печальник о благе народном / Г. Щеглов. – Минск, 2009. – С. 29.

⁶ Щеглов, Г. Печальник о благе народном / Г. Щеглов. – Минск, 2009. – С. 40.

этого устроил страшный скандал, грозя отдать священника под суд. С помощью местного благочинного Романа Пастерницкого удалось этот скандал уладить. Борисовский следователь (пристав) вполне мог быть прототипом *Кручкова*. Ещё Нина Мечковская отметила, что автор пьесы хорошо разбирался в тогдашнем судопроизводстве, и пыталась искать его среди юристов. Из борисовского дела следует, что Дмитрий Булгаковский, действительно, часто участвовал в судебных заседаниях и, как умный человек, конечно, разбирался в различных судебных вопросах.

Отметим, что много серьёзных фактов противоречат авторству Дунина-Марцинкевича. Например, текст от автора (ремарки, замечания ...) даже написаны на русском языке. Да и в тексте пьесы есть русизмы, а не полонизмы, что было бы более естественно для автора русского, а не поляка. Получается, что шляхтич-католик Дунин-Марцинкевич написал антишляхетское произведение на чужой ему кириллице, на незнакомом пинском говоре (что требует колоссальных трудов, так как говор пока был совершенно не разработан ни в языковом, ни в литературном плане) с использованием ещё русского языка (а не польского?). Белорусский драматург почему-то пишет про православно-пинскую шляхту, а не про близкую воложинскую католическую шляхту. Непонятно зачем придерживается старобелорусской (чисто православной) письменной традиции (откуда он её может знать?) и т. д.

Чтобы как-то пояснить все эти противоречия, современные литературоведы показывают настоящие чудеса фантазии и изворотливости. Например, они приводят такой аргумент: известный белорусско-польский литератор-краевед Александр Ельский написал в биографии белорусского писателя, что Дунин-Марцинкевич собирал на Пинщине народные «обрядовые песни и поговорки». Не нужно быть профессиональным литературоведом, чтобы понять после прочтения «Пинской шляхты», что её автор действительно всё это делал. Однако мы точно знаем, что именно Дмитрий Булгаковский собирал фольклор на Пинщине, а при этом нет никаких документальных свидетельств даже о пребывании там Дунина-Марцинкевича. Пишут также, что какие-то шляхтичи Марцинкевичи жили в селе Вулька Лавская Пинского уезда. И как раз к ним, возможным родственникам, мог приезжать писатель. Всё же пинские Марцинкевичи имели совсем другой герб – «Лелива», да и говор в Вульке Лавской другой. Иные литературоведы пытаются объяснить причину использования писателем пинского говора тем, что он хотел таким образом избежать цензурных препятствий. Пусть уважаемые оппоненты попробуют написать солидное литературное произведение на диалекте своего родного села, не говоря уже про диалект другой деревни. Наверняка они столкнутся с такими трудностями, что всякие цензурные препятствия покажутся им такой мелочью. Тут кроме колоссального труда нужны и гениальные способности.

Вообще косвенных доводов того, что Дмитрий Булгаковский является автором «Пинской шляхты», можно приводить множество. Например, приведём ещё один: Дунин-Марцинкевич 25 лет очень старался напечатать свой перевод поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» на белорусский язык, в том числе и за границей¹. Из-за нехватки денег за границей перевод так и не был опубликован. Публикация небольшой по объёму «Пинской шляхты» требовала на порядок меньше денег, но про аналогичные попытки опубликовать её мы почему-то не слышали. Дунин-Марцинкевич с попытками публикации своего перевода мицкевической поэзии показал себя как очень амбициозный автор, и поэтому непонятно, почему его амбиции и настойчивость не работали для продвижения «его» самого оригинального и талантливого произведения? Думается, если архив Дмитрия Булгаковского будет хорошо исследован, то найдутся и прямые доказательства его авторства «Пинской шляхты».

В современном литературоведении господствует упрощенный взгляд на проблему возникновения белорусской литературы. Пошёл деревенский мальчик пасти коров и написал талантливое стихотворение на почти литературном белорусском языке, которого тогда ещё и не существовало. А отставной офицер, как настоящий полковник, играючи, бесстрашно и ещё более талантливо сочинил целую поэму в глухой деревне на Смоленщине, на тех землях, где уже не было никакой борьбы между русской и польской культурами, то есть этот случай выпадает из общего контекста развития белорусской литературы, что требует серьёзного осмысления. Другой писатель поехал в гости к своим знакомым на Пинщину и написал, ни с того ни с сего, пьесу на совершенно чужом ему говоре. Возникновение новой литературы – это длительный и непростой процесс, в котором ничего случайно не делается, зависящий от многих факторов: от определённого уровня развития мировой культуры, от развития соседних культур, от соответствующего уровня экономического,

¹ Янушкевіч, Я.Я. Беларускі Дудар: Праблема славянскіх традыцый і ўплываў у творчасці В. Дуніна-Марцінкевіча / Я.Я. Янушкевіч. – Мінск, 1991. – С. 122.

социального и культурного развития общества, даже от международной политической обстановки и т. д.

Будем честными, – у апологетов авторства Дунина-Марцинкевича есть ещё несколько серьёзных аргументов:

1. Рукопись «Пинской шляхты», найденная в вильнюсском историческом архиве, имеет следы правки текста рукой самого Дунина-Марцинкевича. Можно найти много убедительных доводов, объясняющих эту ситуацию. Когда мы в архиве переписываем документы, то обязательно переписываю всё, в том числе, и пометки, и все правки в самих документах. Разумно было то же сделать и Дунину-Марцинкевичу.

2. В 1887 году Камила, дочка Дунина-Марцинкевича, в письме выдающемуся филологу и этнографу Яну Карловичу называет отца автором «Пинской шляхты». Во-первых, Камила часто видела рукопись пьесы в руках отца и могла сделать ошибочный вывод о том, что он и есть автор. Во-вторых, в юриспруденции дочка не может быть свидетелем в деле своего родного отца, как лицо лично заинтересованное и необъективное. Поэтому к её свидетельствам надо относиться очень осторожно.

3. Сейчас белорусские литературоведы считают датой написания «Пинской шляхты» 1866 год. Откуда появилась именно эта дата? Её почему-то назвал в 1892 году Александр Ельский¹ – первый биограф Дунина-Марцинкевича, не предоставив, однако, никаких документальных подтверждений этому (которых мы не имеем и сейчас). По нашей версии, «Пинская шляхта» написана не ранее 1875 года, но, думается, и не позднее 1879 года. Конечно, литературоведы могут возразить, вспомнив письмо² Винцента Дунина-Марцинкевича языковеду и этнографу Яну Карловичу, в котором белорусский классик писал о том, что некий шляхтич везет в Вильну для чтения две рукописи: «Пинской шляхты» и «Провинциальных очерков» (возможно, тоже произведение Булгаковского), но при этом писатель не говорит о знаменитой пьесе как о собственном произведении. К сожалению, это письмо не датировано. Однако на нем «рукой» Карловича как будто написано, что он ответил на оба письма 11 января 1869 года. Но здесь какая-то ошибка или описка. Один из авторов специально поехал во Львов, где в национальной библиотеке хранятся два письма Винцента Дунина-Марцинкевича Яну Карловичу. Во-первых, эти письма на разной бумаге, во-вторых, почерк Дунина-Марцинкевича в них значительно отличается, что говорит о значительном временном промежутке между датами написания писем (не менее 10 лет). Но если даже Карлович написал на одном из писем (ещё надо доказать, что это его почерк) 1869 год, то, вполне возможно, в конце жизни, перебирая свой архив, он мог попутать даты написания писем и вместо 1879 год написать 1869.

Так, из содержания письма Дунина-Марцинкевича следует, что написано оно приблизительно в 1879 году. Попробуем доказать это. Белорусский писатель обращается к Карловичу как крупному научному авторитету в области народной литературы (т.е. этнографии, фольклористики, языковедения и т. п.), книги которого готов поставить на книжную полку рядом с трудами знаменитого писателя и историка Юзефа Крашевского. К 1869 году у Яна Карловича вышла всего одна книга – его докторская диссертация «Дон Карлос – испанский королевич» (1867). По одной книге, и то по испанской истории, можно ли считать Карловича крупным специалистом по народной культуре? Какие же книги издал учёный до конца 70-х годов? «Советы для собирателей народной культуры» (1871), «Киевский поход Болеслава Великого» (1872), «О вечном жиде» (1873), «О литовском языке» (1875), «Прекрасная Мелюзина и королева Ванда» (1876), на английском языке «Projekt of new way of writing musical notes» (1876), «Лекция к проекту большого польского словаря» (1876), «Народный календарь» (1878), «Лекция для собирателей пословиц, песен, прибауток от родовых и местных названий» (1879)... В конце 70-х годов уже можно об Яне Карловиче говорить как о действительно крупном этнографе, фольклористе, языковеде и музыковеде.

Кстати, Ян Карлович был в родстве с пинскими помещиками Скирмунтами. Этим, наверно, вызван его дополнительный интерес к «Пинской шляхте». Думается, ценитель народного творчества Ян Карлович не знал имени автора пьесы и относил её к любимой ему народной литературе, а если бы знал, то обязательно об этом упомянул в своих исследованиях. Выдающийся русский этнограф Александр Пыпин, который очень интересовался творчеством Дунина-Марцинкевича, в своём солидном труде «История русской этнографии. Белоруссия и Сибирь» (1892) подробно перечисляет

¹ Ельські, А. Беларуская літаратура і бібліяграфія / А. Ельські // Выбранае. – Мінск, 2004. – С. 344.

² Янушкевіч, Я. Беларускі Дудар / Я. Янушкевіч. – Мінск, 1991. – С. 121-122.

произведения белорусского писателя, но «Пинской шляхты» не называет. Хотя Александр Пыпин был очень скупулёзным исследователем.

Приведем еще один аргумент в пользу того, что «Пинская шляхта» написана после 1875 года. Современный литературовед Язеп Янушкевич пишет: «Тыпалагічна камедыя Дуніна-Марцінкевіча блізкая да напісанай п'есы М. Крапіўніцкага «Пашыліся ў дурні» (1875). П'еса заканчваецца шчаслівымі шлюбамі абодвух парабкаў Антона і Васіля з дочкамі іх гаспадароў, што таксама здзейснілася дзякуючы дапамозе і ўплыву з боку «прадставніка ўлады» пісара Скакунца»¹. Вполне возможно, что пьеса Кропивницкого оказала влияние на автора «Пинской шляхты», что объясняет тогда схожесть сюжетов. Булгаковский мог увидеть пьесу «Пашыліся ў дурні» во время гастролей труппы Кропивницкого в Минске.

Удивительно, но пьеса «Пинская шляхта» впервые напечатана в Минске в переводе на белорусский язык в тот 1918 год, когда умер Дмитрий Булгаковский. И он уже не мог предъявить свои права на авторство. В том первом издании появилась начальная фраза: «Рэч адбываецца ў ваколіцы О... паміж балотаў, у глушы Пінскага павета», которой не было в оригинале. Можно предположить, что после всех неприятностей и переездов Булгаковский боялся, что может раскрыться его авторство пьесы, где так остро критиковалась судебная система Российской империи. Он, на наш взгляд, специально вводит в пьесу некоторые атрибуты села Ольпень Мозырского уезда, пуская возможное судебное следствие по ложному пути. Может быть, ольпенские атрибуты появились в пьесе случайно, но именно на них сделали акцент переводчики пьесы на белорусский язык Янка Купала и Язеп Лёсик. Кроме того отметим, что отец Димитрий не мог напечатать «Пинскую шляхту» и по другой причине: для этого необходимо было бы иметь разрешение местного архиерея.

Приведём ещё такой интересный факт. Нами в архиве найдено дело² про то, как в 1863 году православный священник Лопатинской церкви Николай Мороз призывал местных православных шляхтичей присоединиться к повстанцам. А те, трусливые и продажные шляхтичи, сдали священника полиции. Об этом случае мог слышать и Дмитрий Булгаковский. Отметим, что в селе Лопатин разговаривают на том же самом говоре, на котором написана «Пинская шляхта».

После восстания 1863 года царские власти отказались от попыток белорусизации и взяли курс на тотальную русификацию белорусского населения. А полесская культура оказалась в глубоком кризисе также, как и белорусская.

Изучение Полесья русскими исследователями и научными учреждениями

Ещё в 60-е годы XIX века белорусское Полесье было неизвестно русскому читателю. К сожалению, русские исследователи его до этого времени не посещали и не изучали. К первым таким исследователям можно отнести сотрудника журнала «Вестник Западной России» Ивана Эремича, который писал: «Для многих из нас знакомее страна африканских дикарей, посещенных миссионером Лингвистомом, нежели белорусское Полесье западной России. Это почти Америка в Европе, ожидающая своего Колумба»³. В своём довольно интересном труде «Очерки Белорусского Полесья» он описал характер полешука, быт, суеверия и религию, традиции и праздники местного населения, а также природу родного ему Полесья, хотя Иван Эремич идеализирует полешука, что снижает научную ценность его книги. Его работа (даже по названию) созвучна серии статей «Очерки Полесья» в журнале «Русский мир» (1875) преподавателя Могилёвской духовной семинарии Михаила Волотовского.

Ещё в начале 60-х годов, по заданию военного ведомства, изучением Минской губернии, в частности Пинского уезда, занялся подполковник Генерального штаба Илларион Зеленский. В труде «Материалы для географии и статистики России. Минская губерния» (СПб, 1864) он много внимания уделяет и Пинщине. Книга содержит большое количество статистического материала, касающегося экономики Пинского уезда, но много в ней исторического и этнографического материала.

Большую роль в изучении Полесья сыграло Русское географическое общество (РГО), деятельность которого, в первую очередь, тогда была направлена на решение политической задачи – до-

¹ Янушкевіч, Я. Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч. В кн.: Гісторыя беларускай літаратуры XI-XIX стагоддзяў / Я. Янушкевіч. – Мінск, 2007. – Т. 2. – С. 228.

² ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 2743.

³ Эремич, И. Очерки Белорусского Полесья / И. Эремич // Вестник Западной России. – 1867. – Т. III. – Кн. VIII. – С. 107.

казательства права Российской империи на Правобережную Украину и Беларусь. С этой целью издаются «Этнографический атлас областей, полностью или частично заселённых поляками» (1863) Родрига фон Эркerta (1821-1900) и «Этнографическая карта Европейской России» (1878) Александра Риттиха (1831– не ранее 1914). Ещё в 1862—1864 годах был подготовлен Риттихом «Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям».

Русское географическое общество организует экспедиции в Северо-Западный и Юго-Западный края. Исследовал Полесье (в ходе большой экспедиции по всей Украине) великий украинский этнограф Платон Чубинский (1839-1884) в 1869-1870 гг. Его экспедиция была очень успешной, её результаты были опубликованы в семи томах «Трудов этнографически-статистической экспедиции в Западно-русский край» (СПб, 1872-79), за которые Чубинский получил Уваровскую премию, золотую медаль РГО и золотую медаль 2-го класса Международного конгресса в Париже (1875). Полесские материалы раскиданы по всем томам (наибольшее в четвёртом), кроме седьмого. Павел Чубинский опубликовал достаточно основательное описание свадьбы в селе Плотница Пинского уезда, записал на Пинщине много песен, сказок и т.д.

Следующую крупную экспедицию по Пинщине в 1890-1891 гг. по поручению Общества естествознания, антропологи и этнографии осуществил выдающийся белорусский историк и этнограф Митрофан Довнар-Запольский (1867-1934). Летом 1890 года, ещё будучи студентом исторического факультета Киевского университета, он проехал по маршруту Пинск-Поречье-Телеханы-Выгоновское озеро. Собранный богатый фольклорно-этнографический материал Довнар-Запольский опубликовал в книгах: «Мотивы свадебных песен пинчуков» (Гродно, 1893) и «Песни пинчуков» (Киев, 1895), в статье «Женская доля в песнях пинчуков»¹. Исследователь отметил, что полешуки народ недоверчивый: только женщины пожилого возраста соглашались пропеть песню или рассказать сказку. Фольклорный сборник «Песни пинчуков» подготовлен на высоком научном уровне. В него вошло 600 текстов календарно-обрядовой и внеобрядовой лирики, что составляло треть собранного материала. Каждая песня прокомментирована, указаны белорусские, украинские, русские, польские, чешские и другие её варианты. Особенно много материала Митрофан Довнар-Запольский собрал в селе Доброславка.

Белорусский филолог Евфимий Карский (1861-1931) в 1903 году на средства Академии наук объездил почти всё Полесье для определения линии белорусско-украинского разграничения. Ещё летом 1891 года он некоторое время прожил в селе Городная² Пинского уезда, где служил дьяконом в 1890-1893 гг. его отец Фёдор Новицкий. Несомненно, что тогда и, возможно, летом 1892 года Евфимий Карский изучал самобытный древний говор и фольклор этого интересного уголка Полесья.

Последним крупным дореволюционным исследователем Пинщины можно назвать минского учителя Исаака Сербова (1871-1943), который по поручению Северо-Западного отдела РГО в 1912 году и Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук в 1913 году совершил экспедиции по нашему краю. Здесь он собрал большое количество фольклорных произведений (особенно песен обрядового и бытового характера) и песенных мелодий, сделал сотни фотоснимков из быта полесских крестьян. В уникальной фотоколлекции Сербова, хранящейся в библиотеке Вильнюсского университета, отображены типы одежды пинчуков, их жилья, хозяйственных построек, изделий ремесла и т. д. На фотоснимках запечатлён процесс изготовления гончарными посудой и кирпича в селе Городная. «Народ этот в высшей степени трудолюбивый, деловитый. Все они с давних времён занимаются гончарным промыслом. Городно не только обслуживает своими изделиями всё Полесье, но снабжает ими даже Киев и Варшаву»³.

К сожалению, такое уникальное место, как Пинщина, которую многие исследователи считали колыбелью славянских народов, было слабо исследовано в дореволюционный период.

«Мартиролог» пинских монастырей

Как уже отмечалось раньше, в XVIII веке главными очагами культуры на Пинщине были католические монастыри, которые все были закрыты царскими властями в следующем веке. Это был мощный удар по местной культуре, особенно польской. Великий русский писатель Николай Лесков посетил в 1862 году Пинск и побывал в бывших католических монастырях. Он подчеркнул, что во всех храмах были раньше замечательные стенные росписи, от которых почти ничего не

¹ Этнографическое обозрение. – 1891. – № 2.

² Карский, А. Академик Карский / А. Карский // Нёман. – 2011. – № 12. – С. 265.

³ Сербов, И. Поездки по Полесью 1911 и 1912 года / И. Сербов. – Вильна, 1914. – С. 46.

осталось. Но там же были ценные живописные полотна, великолепное скульптурное убранство, уникальные органы, прекрасные библиотеки и т. д. От этого не осталось ничего. Исключение составил францисканский костёл, который превратили в приходской храм, что его уберегло от полного разграбления.

Формальными причинами закрытия монастырей были польские восстания 1831 и 1863 гг., которые якобы поддерживали католические монахи. А на самом деле настоящей причиной была проводимая царскими властями политика борьбы с польским влиянием и русификацией местного населения. Николай Лесков писал, что в 1862 году на улицах Пинска господствовал польский язык, на котором говорили пинские православные.

Первым был ликвидирован в 1832 году бернардинский монастырь. Николай Лесков писал: «После этого монастырь долго оставался пустым и служил складом для хлебных запасов [был отдан в аренду подпоручику Игнатию Неронскому. – Авт.], когда деревянный монастырь, отобранный от сестёр Базилианок, пришел в ветхость, живущие в нём православные монахини переведены в бывший бернардинский монастырь, который с тех пор стал называться Пинским Варваринским девичьим монастырём. В ограде этого монастыря помещается довольно красивая церковь в западном стиле, большой каменный корпус, в котором отделана только небольшая часть и большой деревянный флигель»¹. Православные монашки перебрались в помещения бернардинского монастыря в 1858 году, а в 1874 обитель была переведена в воссозданный Минский Спасо-Преображенский монастырь. Монастырскую церковь обратили в приходской храм и приписали её к Лещинской церкви. В монастырских зданиях с 1875 году разместилась городская больница.

В 1832 году закрыли небольшой и бедный монастырь босых кармелитов. Пустующий деревянный костёл через несколько лет пришёл в ветхость, и его просто разобрали. Каменное здание с кельями (кляштор) за бесценок продали местным евреям, которые переделали его в паровую мельницу – крупнейшую в Минской губернии.

Любешовский пиарский монастырь был довольно богатым: ему принадлежали сёла Пниовно (502 души муж. пола) и Железница (405). Последним настоятелем монастыря был известный учёный Антони Мошинский, но и это не помогло, монастырь закрыли в 1834 году, а вместе с ним знаменитый пиарский коллегиум (училище). Тогда же в Любешове упразднили и капуцинский монастырь.

В 1836 году (по другим сведениям в 1856) закрылся монастырь редкого ордена коммунистов. Формально по уважительной причине: смерти последнего ксёндза-монаха Исидора Контоновича. Но перед этим, конечно, царские власти запрещали брать в монастырь новых монахов, чтобы монастырь умер естественной смертью. Долгое время монастырский костёл Св. Карла Баромея, типично полесской архитектурной школы, был заброшен. Однако уже в 1860 году провели сбор добровольных пожертвований на его ремонт. Вскоре костёл был открыт. Хорошо, что ремонт успели сделать до восстания 1863 году.

В 1839 году на Полоцком соборе была ликвидирована Греко-католическая церковь, а вместе с ней и все мужские базилианские монастыри и женские монастыри сестёр базилианок.

Пинский Лещинский монастырь был одним из известнейших и богатейших базилианских монастырей в Российской империи. Обители принадлежало шесть сёл и почти 500 душ крепостных крестьян. Историк Виктор Мосейчук пишет: «Во время воссоединения униатов с Православной Церковью в Лещинском монастыре были два иеромонаха: Девойна и Фальковский. Они не обязались ранее принять Православие и после объявления Указа о воссоединении за богослужением не поминали Святейший Синод. В сентябре 1839 года они были перемещены в Бытенский монастырь. Лещинская обитель фактически прекратила своё существование»². Итак, монастырь со славной историей, с которого начиналась христианизация Полесья, был закрыт. На базе деревянной монастырской Успенской церкви был создан Лещинский православный приход.

Деревянный женский монастырь сестёр базилианок находился в центре города – на «Базилианской горке». В 1839 году его перевели в православие. Николай Лесков писал, что в 1853 году монахини перешли в бывший бернардинский монастырь. Но из архивных документов³ видно, что в 1844 году деревянный монастырский дом, два флигеля и земля принадлежали Минскому Спасо-Преображенскому монастырю. Отсюда следует, что монахини вначале или были переведены в

¹ Лесков, Н. Из одного дорожного дневника / Н. Лесков // Кругозор. – Пинск, 2000. – № 1. – С. 32.

² Мосейчук, В. История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря. / В. Мосейчук. – Сергиев Посад, 2002. – С. 89.

³ ГАБО. – Фонд 2031. – Оп.2. – Д. 4381.

минский монастырь, или пинскую обитель присоединили к минской. В 1899 году игуменья Минского Спасо-Преображенского монастыря Корнелия продала оставшееся имущество и землю бывшего униатского монастыря за 6725 рублей яновскому мещанину Арону Бушевскому.

В 1850 году был упразднён женский монастырь маривиаток, находившийся на западной окраине города рядом с монастырём босых кармелитов. Монашек перевели в Вильну. Монастырские постройки были деревянные на каменных подвалах (довольно прочные). В монастыре разместили полковой лазарет. Однако позднее монастырь был разобран.

В 1850 году закрыли доминиканский монастырь. Его костёл в 1857 году передали в православное ведомство для перестройки его в соборную церковь. Николай Лесков писал: «Костёл доминиканцев, также упразднённый теперь, отделяется для православной церкви. С него сбивают колоннаду и проламывают плафон для постройки колокольни. И здесь, говорят, была хорошая стенопись, но теперь и следов её незаметно, потому что после упразднения доминиканского костёла около семи лет назад, он был сдан еврею Аренборгу под склад шерсти. В кельях доминиканов живут теперь два православных священника, и помещается городская аптека»¹.

Интересен следующий документ:

*Его Высокопревосходительству Господину Виленскому
Военному Гродненскому, Ковенскому и Минскому
Генерал-Губернатору Командующему Войсками
Виленского Военного Округа и Главнокомандующему в
Витебской и Могилёвской Губерниях Генералу от
Инфантерии и Кавалеру Михаилу Николаевичу Муравьёву
Православных жителей города Пинска.*

Прошение.

Не имея долгое время своего Соборного храма, мы получили от православного ведомства Доминиканский костёл для перестройки онаго в Православную святыню, по Высочайше утверждённому плану. Собрав на сей

Предмет до 7000 руб. и получив в пособие от Св. Синода 3000 руб. мы устроили на сию сумму два новых купола и новую крышу, на штукатурку же всего здания, на иконостасы и прочую утварь требуется ещё не менее 5000 руб. каковой суммы по малочисленности и крайней бедности мы собрать не в состоянии. Одна внешняя перестройка громадного сего здания в великолепную православную святыню увенченную двумя новыми симметричными куполами не может оставаться без наружной штукатурки стен, иконостасов и прочего внутреннего украшения, ибо это будет не только прискорбно для истинного православного чувства, но и несообразно в настоящем положении нашим по отношению к римлянам, недоброжелательно вззирающие на преуспения православия, искони здесь ими попираемого.

Зная сколько край наш обязан Благочестивому щедролюбию Вашего Высокопревосходительства способствующем благолепию наших церквей и утверждению православия, мы уповаем, что не будет откинут голос и нашей нужды, с покорностью взывающей к Вашей христианской благотворительности. Прикажете учинить распоряжение об ассигновании на окончательное нашего Соборного Храма контрибуционных денег. Благовременная помощь Вашего Высокопревосходительства в этом Богоугодном деле не только записана будет на Небесах в книге живота, но и порадует нас не сказано, тем что мы лишившись здесь в разное время через преобладание Польско-Римского Властительства пяти православных церквей, сподобились зреть нупие благолепный Собор к преуспению православия и назиданию в судьбах Промысла, пекущегося через избранных своих о благолепии св. православных церквей.

В должности Городского Головы Сахаревич, Коллежский Регистратор Антон Шпаковский, Церковный Староста Михаил Притулецкий, Комиссар Городских Имуществ Макаревич, купец Григорий Линько, Лука Кубракович, Кондратий Васильев Козловский, Филипп Семенов Козловский, Захар Фёдоров Петрович, Фёдор Лашко, Фёдор Лосицкий, Яким Притулецкий, Гласный Пинской Городской Думы П. Лашко, Михаил Щербачевич, Иван Васильев Сахаревич, Михаил Петрович, Иосиф Щербачевич, Иван Новакович, Яким Талимонович Притулецкий.

Мая 13 дня 1864 года.

Город Пинск Минской Губернии²

¹ Лесков, Н. Из одного дорожного дневника / Н. Лесков // Кругозор. – Пинск, 2000. – № 1. – С.37.

² ГАБО. – Фонд 2031. – Оп. 2. – Д. 4335. – Л. 6.

В 1852 году упразднили самый древний пинский католический монастырь – францисканский, который был богат: владел именьями Вышевичи (234 души) и Рудка (298), а также при самом монастыре было 27 душ крепостных. Николай Лесков писал: «После девичьего монастыря я видел старый монастырь францисканов. Теперь монастырский храм обращен в приходскую церковь, а в кельях католическим духовенством помещены разные бедные люди, которые не в силах нанять для себя помещения в городе. Из братьев францисканов здесь живут только два старичка, которые по дряхлости и болезни не могли отсюда выехать. Кляштор подчинён канонику Мошинскому, благодаря просвещённому вниманию которого, я видел очень древние, но прекрасно сохранившиеся документы с королевскими печатями»¹.

Последним из католических монастырей закрыли Городищенский бенедиктинский монастырь в 1866 году. Ранее он был очень богатый, владел именьями: Сошно (255 душ), Любополь (292), Купятичи (285), Бяла (256) и Дземковичи (176). После восстания 1831 года эти именья забрали в казну. Непонятно, почему так долго не закрывали сам монастырь? Возможно, у бенедиктинцев были заступники из самого Рима.

О дальнейшей судьбе монастыря рассказывает следующий документ:

Свыше двухсот лет существовал этот монастырь, а в 1865 году российское правительство удалило из него всех 40 монахов и монастырь закрыло, запрещая поступление в него католического духовенства.

В 1869 году монастырь в Городище, как конфискованный, с костёлом и всем монастырским недвижимым имуществом продали в частную собственность, обязывая покупателя разобрать костёл или перестроить его для хозяйственных нужд и налагая на всё монастырское имущество ограничения, указанные в инструкции от 23 июля 1865 года. Покупатель продал большую часть имущества, разобрал на кирпич большую часть монастырских стен, в костёле снёс только башню.

После смерти первого покупателя, его дочка в 1903 году костёл в Городище и всё оставшееся монастырское имущество продала Викентию Теодоровичу.

Через несколько лет Городищенскому костёлу грозило полное уничтожение, когда российские власти настаивали, чтобы разрушить костёл до фундамента. Наибольшее давление в этом направлении было в 1899 году, с этого времени начались усилия о спасении костёла и возвращение его местному католическому населению.

Под руководством господж Констанции Скимунт и светлой памяти Юзефы Куженецкой, католическое население села Городище было поддержано морально и материально всем местным католическим обществом.

В центральных учреждениях дело вёл юристконсультант Католической Консistorии в Петербурге, адвокат Болеслав Ольшановский, выступая от имени самых усердных и наиболее преданных этому делу крестьян села Городище: Ивана Савохи, Станислава Колба, светлой памяти Адама Гука и Василия Казарина. Из-за предписаний российских законов, все старания о получении права приобретения и воскрешения костёла в Городище, несколько лет оставались без результата, единственно оттягивали на неопределённое время разрушение костёла.

Наконец в 1913 году, благодаря помощи тогдашнего члена Государственного Совета Российского государства, а теперешнего министра иностранных дел Речи Посполитой, пана Константина Скимунта, российские власти разрешили крестьянам: Адаму Гуку, Василию Казарину, Ивану Савохе и Станиславу Колбу, приобрести от Викентия Теодоровича костёл и всё, что из монастырского имущества принадлежало Теодоровичу.

Тогда то, по акту, заключённого 4 июля 1913 года и утверждённого старшим нотариусом окружного суда в Минске 3 февраля 1914 года, на имя названных Гука, Казарина, Савохи и Колба, как подставных лиц, но людей заслуживающих полного доверия, приобретён был у Викентия Теодоровича костёл в Городище, и в пользу этого костёла перешли, оставшиеся постройки бенедиктинского монастыря, а также сады, земля и озёра общей площадью 99 десятин 1900 квадратных сажень. Уплачено Теодоровичу 30000 рублей, которые пожертвовали: 10000 рублей светлой памяти Наполеон Двораковский, а 20000 рублей передала светлой памяти Юзефе Куженецкой через графиню Веронику Зиберг-Плятер особа, которая решила остаться неизвестной. Оставшиеся деньги заплатили пани Констанция Скимунт и светлой памяти Юзефа Куженецкая, которые они взяли из общественных пожертвований и собственных средств»².

¹ Лесков, Н. Из одного дорожного дневника / Н. Лесков // Кругозор. – Пинск, 2000. – № 1. – С.34.

² ГАБО. – Фонд 2031. – Оп. 2. – Д. 507. – Л. 1.

К сожалению, в Пинске до наших дней сохранились только здания костёлов францисканского, бернардинского и коммунистического монастырей.

Пинское духовное училище

4 ноября 1849 года в Пинске было открыто духовное училище, которое давало начальное образование сыновьям местных священнослужителей, подготавливало их к поступлению в духовные семинарии для дальнейшего служения православной церкви. Пинское училище создавалось на основе двух духовных училищ Минской епархии. Историк Сергей Восович пишет: «Аднак Ляданскае вучылішча і частка вучняў Слуцкага вучылішча былі пераведзены ў г. Пінск, дзе размясціліся ў адным з карпусоў Пінскага Багаяўленскага манастыра. Перавод казённакоштных вучняў Слуцкага вучылішча (вучняў, якія цалкам утрымліваліся за казённых сродкі) у г. Пінск быў абумоўлены недавальняючымі жыллёвымі ўмовамі ў гэтым вучылішчы»¹. Большой вклад в становление училища внес настоятель Пинского Богоявленского монастыря и ректор Минской духовной семинарии Геласий, который пожертвовал немало своих денег молодому учебному заведению. Содержалось училище на средства, изыскиваемые духовенством Минской епархии. Обучение в нём было платным, но часть учеников из неимущих семей училась за счёт государства и епархии. Так, в 1874 году из 98 учеников, живших в училищном общежитии, на казённом содержании было 19, на полуказённом (государство оплачивало половину стоимости обучения) – 11, на епархиальном – 10.

Учебное заведение находилось в ведении епархиального архиерея. Непосредственно училищем управлял его смотритель. Преподавателями училища были в основном выпускники Минской духовной семинарии. Учебная программа приближалась к программе четырёх классов гимназии и была согласована с учебной программой духовной семинарии. Изучались следующие предметы: русский, церковно-славянский, латинский и греческий языки, Закон Божий, священная история, церковное пение, катехизис, церковный устав, арифметика и география. «У пачатку 50-ых гг. XIX ст. была ажыццёўлена рэформа духоўных вучылішчаў. Былі ліквідаваны прыходскія вучылішчы, а ў павятовых па прыкладзе праваслаўных духоўных семінарыяў створаны 3 аддзяленні: ніжэйшае, сярэдняе і вышэйшае – з двухгадовым тэрмінам навучання кожнае. (...) Пераўтвораны быў і вучэбны курс: уведзены два новыя прадметы (тлумачэння евангелля і руская гісторыя), зменена колькасць вучэбных гадзін, ажыццёўлена перастаноўка прадметаў. Той, хто паступаў у вучылішча, ужо абавязаны быў ведаць табліцу множання і некаторыя малітвы, умець чытаць па-руску і па-царкоўнаславянску, пісаць па-руску»². В 1854 году при училище был организован псаломщицкий класс. А с 1858 года существовал ещё и подготовительный класс, в котором дети священнослужителей имели возможность готовиться к поступлению в духовное училище. В этом классе за казённый счёт обучалось 20 детей-сирот священников.

Нужно отметить, что история Пинского духовного училища изучена слабо, появился лишь цикл газетных статей Николая Еленевского³, но там почти не рассмотрены 50-е годы XIX века. Из выпускников Пинского духовного училища, окончивших его в 50-е годы, можно отметить редактора газеты «Минские Епархиальные Ведомости» Николая Акоронко и других членов нижеуказанного пинского историко-этнографического кружка: Платона Тихоновича, Феликса Дружиловского. А также вспомним псаломщика Фёдора Юзефовича (?-1863), убитого повстанцами и т. д.

Как уже отмечалось, училище находилось на территории Богоявленского монастыря в здании бывшего иезуитского коллегиума, на первом этаже которого располагалась столовая. На втором этаже – учебные классы, а на третьем – домовая церковь и спальные комнаты учеников. Домовая Казанская церковь была освящена в 1856 году. Училищу в 1857 году передали ещё два каменных дома, помещавшихся в монастырской ограде, один из которых был занят уездным казначейством, а в другом помещался цейхгауз инвалидной команды. При училище была больница на 10 кроватей (1897 г.).

Уездные духовные училища управлялись смотрителем, который должен был иметь звание доктора богословия или магистра словесных наук, архимандрита, игумена или протоиерея соборной

¹ Васовіч, С. Духоўныя праваслаўныя вучылішчы на Беларусі (канец XVIII– 60-ыя XIX ст. / С. Васовіч // Адукацыя і выхаванне. – 2002. – № 2. – С. 10.

² Васовіч, С. Духоўныя праваслаўныя вучылішчы на Беларусі (канец XVIII– 60-ыя XIX ст. / С. Васовіч // Адукацыя і выхаванне. – 2002. – № 2. – С. 11.

³ Еленевский, Н. Пинское окружное духовное училище / Н. Еленевский // Полесская правда. – 2008. – № 69-96.

городской церкви. В первые годы существования училища его, думается, возглавляли настоятели Пинского Богоявленского монастыря. Так, с 1854 по 1866 год смотрителем училища был архимандрит Самуил. В 50-70-е годы Пинское духовное училище столкнулось с серьёзными проблемами, как и все духовные училища края. Историк Сергей Восович пишет: «У духоўных вучылішчах не было ніводнага прадмета, пра які можна было б сказаць, што ён добра выкладаецца. Прычынамі таму былі і недахоп вучэбных дапаможнікаў, і адсутнасць як пэўных праграм выкладання, так і хоць якой-небудзь педагагічнай адукацыі і прадметнай спецыялізацыі ў настаўнікаў (да сярэдзіны 60-ых гг. XIX ст.). Іх невалоданне метадыкай, няўменне тлумачыць матэрыял прыводзіла да таго, што ў вучылішчах панавала зубрэне, механічнае, неасэнсаванае завучванне. Адмоўна ўплывала на якасць навучання і тое, што настаўнікі часта вымушаны былі выкладаць адразу некалькі розных прадметаў (прычым пералік іх мог мяняцца), а таксама сумяшчаць настаўніцкія абавязкі са свяшчэннаслужыцельскімі, што асабліва шырока практыкавалася ў Пратасаўскую эпоху (40–50-ыя гг. XIX ст.). Усё гэта, а таксама надзвычай нізкае жалаванне было прычынай уцёкаў многіх настаўнікаў з духоўна-вучэбных устаноў, што прыводзіла да частай змены ў вучылішчах выкладчыкаў тых ці іншых прадметаў»¹.

Например, из семи учителей Пинского духовного училища в 1866 году трое были совместителями. Практически все учителя были местными уроженцами, закончившими Минскую духовную семинарию. Конечно, они не имели соответствующей педагогической и методической подготовки. Да и текучесть кадров была высокой: учителя работали в среднем 3-5 лет. Хотя среди них встречались и исключения: учитель священной и русской истории Михаил Москалевич проработал около 30 лет. О нём тепло писал в своих воспоминаниях известный белорусский деятель Александр Власов. Долго работал учителем и Григорий Поплавский (1816-1870). Встречались среди учителей яркие личности. Например, учитель русского и церковнославянского языков Дмитрий Булгаковский (1843-1918) – известный фольклорист и писатель. Ранее писалось, что в 60-70-е годы в Пинске действовал историко-этнографический кружок, многие из участников которого работали и в Пинском духовном училище: Василий Грудницкий, Феликс Дружиловский, Иоанн Акоронко и др., что, конечно, положительно сказывалось на общей атмосфере в учебном заведении.

В 1868 году архимандрит Самуил был уволен за недостойное поведение, и смотрителем училища стал светский человек, выпускник Московской духовной академии Виктор Таранович (1839-?). При нём в 1874 году было осуществлено преобразование училища в учебно-административном отношении согласно уставу 1867 года. Историк церкви Гордей Щеглов пишет: «После преобразования училища его содержание должно было практически целиком лечь на духовенство училищного округа. В связи с этим, ища возможность ужать бюджет училища, его Правление подготовило проект, согласно которому сокращались расходы на библиотеку, одежду, и питание учеников, упразднялись должность надзирателя (ввиду малочисленности учащихся), а также урезалось жалованье учителю приготовительного класса. (...) Одновременно с административным переустройством последовало преобразование и училищного штата, но произошло оно несколько странным образом. Смотритель училища решил взять всю экономическую часть в собственные руки, назначив при этом на должность казначея свою жену, а на должность эконома – свою мать. (...) Весной 1874 года в Пинске закрылась свечная фабрика «Боте и К^о», а вместе с ней и училищная свечная лавка, что негативно отразилось на бюджете училища. По этому случаю В.Ф. Таранович убедил окружное духовенство, а затем и епархиальное начальство, в необходимости открыть свечную фабрику при Пинском духовном училище»². Смотритель училища стал к тому же и директором свечного завода. Учитель училища Дмитрий Булгаковский обвинил Виктора Тарановича в кумовстве и в финансовых махинациях на свечном заводе, но дело успешно замяли, и Таранович занимал должность смотрителя почти 20 лет. При Тарановиче положение с учительскими кадрами в Пинском духовном училище мало чем изменилось: та же текучка ничем не примечательных преподавателей. Вдобавок к тому, в 1869 году закрыли псаломщический класс. Однако в конце 70-х годов в училище работал Андрей Данилович Юрашкевич (1854-после 1921) – плодовитый церковный публицист и историк, депутат III Государственной Думы (фракция правых сил).

Пинское духовное училище содержалось за счёт денег, выделяемых Святейшим Синодом, свечного сбора, от продажи листов разрешительной молитвы и венчиков, частных пожертвований.

¹ Восовіч, С. Духоўныя праваслаўныя вучылішчы на Беларусі (канец XVIII– 60-ыя XIX ст. / С. Восовіч // Адукацыя і выхаванне. – 2002. – № 2. – С. 12.

² Щеглов, Г. Печальник о благе народном / Г. Щеглов. – Минск, 2009. – С. 33.

Училищу постоянно не хватало финансовых средств, как вспоминал Александр Власов, воспитанники ходили голодными. Хотя деньги находились на содержание небольшой больницы на 12 коек.

В 1874 году училище посетил член-ревизор Учебного комитета при Святейшем Синоде М. Григорьевский. В своём отчёте он дал подробную характеристику учебному процессу и преподавателям: «В Пинском духовном училище учащихся во время ревизии было 121; по классам: в высшем отделении 22, в среднем 34, в низшем 53; в приготовительном классе 12. Пространный катихизис в высшем отделении и священную историю в низшем и среднем преподавал смотритель училища кандидат В.[иктор] Т.[аранович], на службе с 1864 г., в должности смотрителя с 1868 г. Наставник вообще усерден и с живостью ведёт классное дело, но в среднем отделении проходил историю с излишней подробностью, давши ученикам в руководство историю Богословского. (...)

Помощником смотрителя студент М.[ихаил] М.[оскалевич] преподаёт греческий язык в среднем и высшем отделениях; на службе с 1839 г., – в 1851 г. назначен инспектором училища, а с 1868 г. переименован в помощника смотрителя. Наставник знающий и опытный в преподавании своего предмета. (...) Сравнительно с прочими предметами, ученики Пинского училища больше всего успели по греческому языку. Латинский язык преподаёт студент П.[етр]С.[улковский]; на службе с октября 1871 года. Он слишком долго занимался с одним учеником; но после сделанного разъяснения стал вести дело преподавания живее. (...) Сам наставник ещё недостаточно знаком с предметом (...). Впрочем г. С. усердный наставник и после моих разъяснений обещался позаботиться о расширении своих познаний. Этот же наставник обучает пению с усердием, умением и с достаточным успехом. Из учеников среднего и высшего отделения составлен хор, поющий довольно стройно. (...)

Русский и славянский язык, за недостатком особого по сему предмету наставника [ушедшим наставником был Дмитрий Булгаковский. – Авт.] был распределен между четырьмя наличными преподавателями: в высшем отделении преподавал смотритель училища; в среднем отделении славянский язык преподавал М., а русский язык г. К., а в низшем отделении уроки по русскому и славянскому чтению были заняты наставником приготовительного класса. Успехи воспитанников в русском и славянском языках вообще недостаточны. Ученики высшего отделения мало ошибаются в механизме чтения, но недостаточны приучены к толковому чтению; стихотворений вовсе не учили; в среднем отделении многие читают с ошибками, а в низшем вообще читали слабо. (...)

Арифметику во всех трёх отделениях и географию в высшем преподаёт воспитанник семинарии 2 разряда А.[ндрей] Р.[убанович], на службе с октября 1872 года. Уроки по географии велись довольно вяло; наставник только повторял содержащееся в учебнике, не отделяя в нём главного и особенно характерного в изучаемой местности от частных второстепенного значения, вследствие чего и познания учеников были неотчётливы; особенно часто ошибались ученики в определении величины страны и числа жителей. Арифметика преподаётся несколько лучше. В низшем отделении наставник держится правильного метода, приучая воспитанников к умственному счислению на основании десятков, но пройдено мало; ученики научились писать только сотни тысяч, а задачи для умственного счисления были слишком однообразны. В среднем отделении учащиеся имели отчётливое понятие о дробях и решали задачи сознательно, а ученики высшего отделения хорошо знали о пропорциях.

Приготовительный класс открыт при Пинском училище в 1858 году Святейшим Синодом вследствие ходатайства Минского преосвященного, с целью приготовления в низшее отделение детей, не имеющих средств подготовиться дома. Во время ревизии в этом классе состояло 12 учеников, половина из них едва умели читать и были развиты слабо. Учителем этого класса состоял воспитанник 2 разряда семинарии П.Д.; на службе с октября 1873 года, малоопытный и недостаточно знакомый с приёмами начального обучения. (...) Этот же наставник обучает чистописанию учеников низшего отделения; ученики механически копируют по прописи.

Письменные упражнения учеников велись не надлежащим образом; они давались в недостаточном количестве, почти не исправлялись наставниками и небрежно были переписываемы учениками, особенно упражнения по русскому языку. Наставники не заявляли требований относительно тщательной переписки упражнений, хотя значительно большая часть их была написана так дурно, что с трудом можно было читать их. Сравнительно лучше велись упражнения по латинскому языку.

Училищная библиотека крайне бедна. Книги фундаментальной библиотеки в количестве 326 состоят большей частью из учебников, вышедших из употребления и частью новых; несколько лучше отдел книг по русскому языку, в нём находятся важнейшие из современных пособий по

языку и словестности. Книг для детского чтения почти нет; ученики, за исключением учебников, ничего не читают, вследствие чего они вообще мало развиты (...).

Поведение учеников может быть названо вообще довольно удовлетворительным. В взаимных отношениях между воспитанниками заметен недостаток мягкости; и нередко ссора, драка, и брань, особенно в прежние времена, при надзоре чрез старших. Драки доходили иногда до буйства. (...) Бывали также случаи воровства; замеченные в этом пороке в июле 1871 г. два ученика среднего отделения были уволены из училища»¹.

Качество учебного процесса стало меняться к лучшему в середине 80-х годов, когда смотрителем училища был Пётр Беляев. К этому времени качественно улучшился преподавательский состав: большинство учителей были выпускниками различных духовных академий, прежде всего Киевской. Значительная часть этих учителей были родом из России. Думается, что это была продуманная политика, направленная на искоренение пережитков униатства в местном православии. Так, смотритель училища Пётр Федорович Беляев был родом из Смоленской губернии и окончил Киевскую духовную академию в 1880 году. Преподаватель латинского языка Иван Васильевич Погребов (1859-1896) родился в Тверской губернии, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1884 году он приехал по распределению в Пинск. Город вначале произвёл на него тяжёлое впечатление своим польско-еврейским населением. Однако в начале 90-х годов в Пинском духовном училище сложился интересный преподавательский коллектив. Учитель греческого языка Александр Миловидов (1864–после 1933) окончил Московский университет. Работая в Пинске, он увлёкся его историей и стал одним из первых историков города. В будущем Миловидов стал известным историком-архивистом, библиографом и славистом. Учитель греческого языка, выпускник Киевской духовной академии Михаил Антонович Чепик (1855 – после 1921) был довольно известным церковным писателем, автором многочисленных книг. Учитель географии и арифметики Василий Васильевич Перепечин (1866-1910) – церковный историк, один из первых исследователей знаменитой иконы Купятичской Богоматери. В начале 90-х годов была введена должность почётного блюстителя училища. Удивительно, но эту должность занимали местные богатые помещики-поляки: вначале граф Лев Пусловский, а затем депутат Государственной Думы, князь Героним Друцкий-Любецкий (1861-1919).

В 1902 году Пётр Беляев был переведён на место смотрителя Вологодского духовного училища, а его должность занял Михаил Владимирович Феофилов, окончивший в 1892 году Киевскую духовную академию. Несколько лет он работал преподавателем церковной истории Таврийской духовной семинарии, тогда написал книгу «Исторический очерк христианства в Крыму». В 1903 году было создано Братство Казанской иконы Божией Матери для вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского духовного училища. Членами Братства являлись местные русские чиновники, священнослужители Пинского уезда, учителя женской гимназии и реального училища. Деньги Братства расходовались на оплату обучения бедных воспитанников, на приобретение одежды и обуви для них, для приобретения книг для училищной библиотеки, для устройства литературно-вокальных вечеров и т. д.

В 1908 году смотрителем училища стал священник Николай Нилович Васильков (1861-1937), который до этого руководил Уфимским духовным училищем. После революции он, будучи архиепископом Новосибирским Сергием, был расстрелян сталинскими палачами. Помощником смотрителя являлся Александр Минович Черноуцан (1882-1937), его также в эпоху великого террора замучили энкаведисты. Среди преподавателей училища последних лет его существования было много будущих священномучеников, такова судьба православных священников в Советской России: учитель русского языка, священник Пётр Алексеевич Маккавеев (1878-1937?), учитель арифметики, географии и природоведения Авксентий Яковлевич Васильев (1880-1937).

В феврале 1913 отца Николая Василькова перевели в Арзамасское духовное училище, а на его место назначили Михаила Ивановича Орлина, воспитанника Киевской духовной академии. Его помощником был преподаватель русского языка Максим Антонович Тучкевич, который написал для средних учебных заведений «Практический учебник русского этимологического правописания» (Пинск, 1911). Перед самой войной резко изменился преподавательский состав училища. Ушли старые педагоги, более двадцати лет отдавшие училищу, Александр Фёдорович Черняковский, Сергей Александрович Соколов и Иван Алексеевич Покровский. Появились новые, интересные учителя. Русский язык преподавал Николай Фёдорович Околович, окончивший Московскую духовную академию, где защитил диссертацию «Жития святых в Степённой книге». Его работа не

¹ Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Минской епархии (1874 год). – С. 59-62.

потеряла научного значения и недавно, в 2007 году, переиздана в Санкт-Петербурге. Можно упомянуть и учителя греческого и латинских языков Василия Васильевича Александровского (?-1940?) – дядю великой белорусской певицы Ларисы Александровской, который сыграл огромную роль в её жизни.

В 1915 году Пинское духовное училище было эвакуировано в город Самару, там где-то и заканчивается его почти семидесятилетняя история.

Укажем наиболее известных учеников Пинского духовного училища:

Юрашкевич Андрей Данилович (1854-после 1921) – церковный публицист и историк, депутат III Государственной Думы;

Глыбовский Фёдор Григорьевич (1855?-?) – армейский священник, автор книги «Пережитое и перечувственное в Пинском духовном училище Минской губернии (1865-1868)»;

Таранович Николай Васильевич (1860-1937?) – православный священник, священномученик;

Вечорко Фёдор Петрович (1863-1937) – обновленческий архиепископ Екатеринбургский Афанасий, священномученик;

Юрашкевич Константин Фёдорович (1868-1937?) – православный священник, священномученик;

Пигулевский Михаил Ильич (1870-?) – православный священник, священномученик;

Власов Александр Никитович (1874-1941) – белорусский общественно-политический и культурный деятель, публицист, издатель и редактор газеты «Наша Ніва»;

Шеметилло Николай Иванович (1877-1933) – епископ Слуцкий, священномученик;

Сорошкевич Владимир Петрович (1879-1960) – митрофорный протоиерей, основатель Пинской русской реальной гимназии в межвоенной Польше;

Родаковский Сергей (1882- после 1933) – православный священник, священномученик;

Рубанович Порфирий Адамович (1883-1943) – протоиерей, священномученик;

Гейхрех Николай Иванович (1884-после 1947) – православный священник, священномученик;

Перхорович Иван Якимович (1884-1938) – православный священник, священномученик;

Струковский Николай Фёдорович (1890-1981) – митрофорный протоиерей, узник сталинских лагерей;

Проневич Леонтий Николаевич (1893-?) – православный священник, священномученик;

Соколовский Михаил Михайлович (1893-1938) – православный священник, священномученик;

Вечёрко Василий Трофимович (1893-1970) – протоиерей Русской православной зарубежной церкви;

Дзичковский Александр (1907-1982) – митрофорный протоиерей;

Котляревский Феоктист Ананьевич (?-1943) – журналист, редактор русских газет в Польше «Время» и «Русское Слово»;

Котляревский Евгений Ананьевич (?-1943) – журналист, редактор русских газет в Польше «Время» и «Русское Слово».

Пинская гимназия

С приходом к власти императора-реформатора Александра II началась новая эпоха в истории культуры Пинска. 1 августа 1858 года на месте упразднённого дворянского пятиклассного училища была открыта мужская семиклассная гимназия – первая на Пинско-Брестском Полесье. Директор гимназии возглавлял тогда и Пинскую дирекцию училищ, то есть осуществлял надзор над всеми учебными заведениями уезда. Обучение своих детей в гимназии могли позволить себе богатые родители: плата за обучение составляла 10 рублей в месяц, хотя в 1860 году 35 гимназистов были освобождены от платы за учёбу.

Вначале в гимназии преподавали бывшие учителя дворянского училища. Директором ещё два года оставался прежний – Константин Игнатьевич Ган. Почётным смотрителем был Пётр Иванович Хруцкий, инспектором – Павел Алексеевич Овчинников (одновременно преподаватель русской словесности), законоучителем православной религии – протоиерей Василий Грудницкий, а католической – Фелициан Родович. Ксёндз был ярким польским патриотом, о чём вскоре узнало школьное начальство, которое потребовало, чтобы минский бискуп Войткевич заменил его, что и сделали в 1860 году. Во время последующего восстания ксёндз Фелициан Родович принял присягу у повстанцев, за что получил восемь лет каторжных работ.

Вначале своего царствования Александр II проявлял некоторый либерализм по отношению к полякам: в гимназиях нашего края в 1857 году разрешили ввести такой предмет, как польский язык (остальные дисциплины преподавались на русском языке). В пинской гимназии польский

язык преподавал Людвиг Осипович Андрыхевич. Среди учителей пинской гимназии было много поляков (по Виленскому учебному округу 55% преподавателей являлись поляками), например, учитель математики Константин Ержикович, учитель истории Карл Вельц и др. А гимназистов поляков-католиков насчитывалось в пять раз больше, чем православных. Поэтому гимназия превратилась в один из главных очагов польского патриотизма в городе. Видя это, руководство учебным округом в 1860 году прислало нового директора, русского по происхождению, Ивана Яковлевича Шульгина (1815-1871), который перед тем работал инспектором Каменец-Подольской гимназии, где зарекомендовал себя последовательным русификатором. Он был также автором нескольких книг по педагогике и учебных пособий. Однако Шульгину несколько не повезло на новом месте службы.

В 1861 году в Российской империи резко изменилась политическая обстановка: было уничтожено крепостное право, что вызвало определённые надежды в польском обществе. Император был готов пойти на значительные уступки полякам. Но, на наш взгляд, в результате союза (вольного или невольного) крайних петербургских консерваторов и радикальных польских деятелей попытка реформ в Царстве Польском была сорвана. Там началось массовое мирное движение за национальное и социальное освобождение, которое кроваво подавлялось в Варшаве.

Эхо этих событий (моральная революция) докатилось и до Пинска: во время богослужений в костеле собравшаяся публика пела польские патриотические песни, а перед костёлом поставили два деревянных креста с польскими гербами. В этих манифестациях принимали активное участие и гимназисты: 4-го октября 1861 года ученики 6-го класса Антон Шоманский и Антон Рыдзевский пели патриотические песни, за что были исключены из гимназии. Остальные ученики 6-го и 7-го классов, желая отстоять исключённых товарищей, самовольно оставили урок в присутствии окружного инспектора Виленского учебного округа, за что 31 ученика исключили из гимназии. 27 октября 1861 года в Пинске случился пожар, прибывшие на место происшествия исправник и городничий увидели собравшуюся толпу учеников гимназии с палками в руках.

Попечитель Виленского учебного округа, князь Александр Ширинский-Шихматов доносил минскому губернатору, графу Эдуарду Келлеру:

*Министерство
Народного Просвещения
Попечитель Виленского
учебного округа
канцелярия
ноября 1861 г.*

*Секретно
10 ноября 1861 г.
Господину Начальнику
Минской губернии*

От 27 октября за №437 Ваше Сиятельство уведомили меня по эстафете о происшедших в последнее время беспорядках в Пинской гимназии.

О тех же беспорядках получено было мною по эстафете и от Пинского директора училища донесение, с присокуплением ещё и того обстоятельства, что ученики 6 и 7 классов, к довершению дерзости и своеволия ими оказанного, отказались посещать классы, по случаю исключения из гимназии двоих из них.

Рассмотрев подробно означенное донесение, я предложил статскому советнику Шульгину, привести в исполнение нижеследующее:

1. Инспектору гимназии коллежскому советнику Овчинникову не оправдавшему оказанного ему назначением в эту должность доверия, сделать от моего имени выговор, лишить его звания инспектора и озаботиться немедленным отправлением его в Белостокскую гимназию на место старшего учителя Русского языка.

2. Учителя географии Селенса, оказавшимся уже виновным по расследованию в Паневежеских происшествиях и уволенному властью данною Генерал Губернатору, уволить от службы без прошения.

3. Всем членам Педагогического Совета гимназии за исключением учителя Солнцева и тех которых директор Шульгин знает действующими добросовестно – передать от меня строжайший выговор за неисполнение ими своих обязанностей, согласно требованием чести совести и присяги, и объявить им, что если кто-либо из них, оставаясь на службе, дозволит двусмысленные поступки или уклонение от исполнения обязанностей, тот немедленно будет, судя по степени вины, или переведён в уездное училище, или исключен из службы.

4. Учеников VI и VII классов, за произведённые ими беспорядки, имеющий характер своеволия и буйства, и за отказ ходить в классы, исключить из гимназии, за дурное поведение, что и обозначить в свидетельствах.

5. Если решения Педагогического Совета гимназии, (который в предписаниях моих директорам гимназий найдёт полную инструкцию, как следует ему действовать) окажутся впредь не соответствующими моим распоряжениям, назначать директору своей властью исключение учеников, не стесняясь числом их, и протоколы Совета с отдельными мнениями членов, представлять мне.

Сообщая о сём Вашему Сиятельству, имею честь покорнейше просить Вас Милостивый Государь не отказать предложить Пинской полиции о немедленной высылке из Пинска как учителя Селенса, так и исключённых учеников, с воспрещением сим последним носить ученическую одежду. Тех же учеников родители коих живут в Пинске, покорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать отдать на поручительство родителей, с тем однако условием, чтобы исключённые дети их не носили ученической одежды и не имели никакого сношения с учениками, а в случае неисполнения ими сих условий, и они должны подвергнуться высылке из города в места по указанию родителей, к тому же присоединяю ещё покорнейшую просьбу немедленной высылки, проживающего ныне в Пинске, Саноцкого, как главного подстрекателя учеников, с воспрещением ему приезда в этот город.

Попечитель князь Ширинский-Шихматов¹

Из этого письма следует, что некоторые учителя, в частности Селенс, попытались воспрепятствовать исключению учеников. Верный служака, директор гимназии Шульгин и его подручный, учитель русского языка Гавриил Степанович Солнцев жестоко стали подавлять любые попытки возмущения учеников. Показателен случай с учеником Ксаверием Остроменцким, о котором писал пинский уездный предводитель дворянства, князь Эдвин Друцкий-Любецкий минскому губернскому предводителю дворянства Александру Лаппе (князь, наверно, надеялся, что известный минский либерал поможет).

Министерство
Внутренних Дел
Пинского уезда
Предводителя Дворянства
2 декабря 1861 г
№ 672
г. Пинск

Его Превосходительству
Господину Минскому губернскому
предводителю дворянства

Ксаверий Остроменцкий ученик N класса Пинской гимназии, вследствие жестокого [неразборчиво] не менее наказания директора гимназии Шульгиным сильно избитым так, что взявший его на попечение помещики Родзевичи считали необходимым, до приезда в Пинск родного его брата помещика Гродненской губернии Михаила Валерьянова Остроменцкого, у которого ученик Остроменцкий состоит в опеке, просить уездного врача о состоянии здоровья Ксаверия Остроменцкого закончит медицинский акт [неразборчиво].

Помещик Михаил Остроменцкий прибыл в г. Пинск и удостоверившись [неразборчиво] вышел ко мне с прошением, в котором пояснил, что брат его Ксаверий Остроменцкий во время урока что-то говорил к товарищу своему Жилинскому, в это время вошёл в класс г. Директор, спросил учителя Богдановича, кто здесь шумит и Богданович указал ученика Жилинского, верно по ошибке или не понял вопроса, ибо как все доказывают, в классе всё было спокойно. Когда же г. Директор прогнал Жилинского из класса, то Остроменцкий, пошедший к г. Директору, и объяснив о происшедшем, просил, чтобы он в таком случае считал его виновником, а не Жилинского. Вследствие сего Жилинский исключён из гимназии, а Остроменцкий посажен в Карцер и там жестоко наказан до сорока ударов розгами, без постановления Педагогического Совета и при помощи пяти человек по бывшей части лиц посторонних.

Помещик Остроменцкий находя невозможным оставить брата своего дальше обучаться в гимназии, начальник которой не соблюдает законов и не обращает должного внимания на детей [неразборчиво].

Предводитель Дворянства князь Друцкий-Любецкий¹

¹ НИАБМ.– Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1434. – Л. 102-103.

Когда помещик Станислав Орда привёз своего сына на учёбу в гимназию, то Шульгин потребовал, чтобы тот подписал бумагу о том, что не против телесных наказаний своего сына. Помещик отказался подписывать такую бумагу.

Кроме того, Шульгин развернул настоящую войну с ксёндзом-законоучителем Болеславом Сомковичем (1835?-1880). «В декабре 1861 года директор гимназии Шульгин в письме к минскому бискупу просил отозвать кс. Сомковича и назначить более благонадёжного учителя католической религии. Из начатой директором интриги следовало, что кс. Сомкович не предпринял ожидаемых начальником гимназии действий против участия гимназистов в патриотических манифестациях в Пинске, прежде всего, это касалось пения запрещённых гимнов. Шульгину удалось втянуть в эту интригу школьного секретаря, который просто унижал ксёндза, выпихивая его за двери канцелярии. Об этом факте каплан сообщил бискупу. Во время выяснения дела директор старался, чтобы, как можно быстрее, отозвали кс. Сомковича, на стороне которого стояло местное духовенство, отказываясь сотрудничать с директором. Положительно каплана характеризовал и бискуп, однако в результате сложившейся ситуации на место учителя религии направил кс. Ящолта, который прибыл в середине июня и приступил к своим обязанностям в 1862/1863 учебном году»².

Польское население Пинска и его окрестностей было возмущено такими жестокими действиями Шульгина и его подручных. По ночам стали бить стёкла в домах Шульгина и Солнцева. Для расследования этого происшествия в Пинске была открыта особая Следственная комиссия, которая стала допрашивать подозреваемых: Владислава Яниславского (бывшего ученика Пинской гимназии, жившего в деревне Поречье при тамошней суконной фабрике), Петра, сына Юлиана Матушевича (18 лет, ученик 7-го класса), Петра, сына Ивана Корвин-Круковского (18 лет, ученик 7-го класса), Антона Шоломицкого из Ровенского уезда, Витольда Ярошевича (бывшего ученика) из Кобринского уезда, Сигизмунда Мошинского из Слонимского уезда, помещика Цезария Олешу и др. После всех этих событий Шульгину и Солнцеву стало даже опасно находиться в Пинске. Поэтому начальство срочно назначало Ивана Шульгина директором Мозырской гимназии.

Вот как описывал все эти события один из главных русификаторов нашего края, историк Помпей Батюшков (1811-1892) в «Записке о враждебных отношениях в Виленском учебном округе к русским деятелям» (1868 г.): «(...) В главе удалённых находится помощник попечителя г. Ш. [Шульгин. – Авт.]. Он прослужил по учебному ведомству 28 лет, из коих 12-ть в Виленском у. Округе. За эти последние годы, в качестве директора училища [гимназии. – Авт.] в Пинске и Мозыре, г. Ш. выстрадал подготовление, начало и развитие, а в г. Ковне весь процесс подавления польского мятежа. В глуши названных городов Минской губернии, отдалённых от центральной администрации болотами и лесами обширного Полесья, положение г. Ш. и семьи его, в 1862 году, было тем более опасно и бедственно, чем решительнее он противостоял польским демонстрациям и чем вернее был своему долгу и стоял за честь русского имени. Ограниченный в своих распоряжениях узаконенным участием Педагогического Совета гимназии, состоявшего почти исключительно из учителей польского происхождения и лиц с полякующихся русских, которые открыто проповедовали мятеж и вербовку гимназистов в шайки, г. Ш. мог только делать личные, без участия Совета, представления начальству, но и эти представления уничтожались часто почтовыми чиновниками-поляками или доходили по назначению, в виде свёрнутых листов чистой бумаги. Это факты. Просьбы г. Ш. к полиции и к гражданской власти об оказании помощи, при нападении мятежников на его дом, оставлены были без внимания: это тоже факт. Между тем, агитаторы мятежа преследовали несчастного директора непрерывно каждое утро, на дверях его квартиры были приклеиваны пасквили и угрозы, каждый вечер ему, семейному человеку приходилось укрываться в какой-нибудь угол своей квартиры от каменей,, которыми разбивали в ней рамы и стёкла. Каждую почти почту писались на него безыменные доносы в Петербург и Вильну. Даже ежедневные посещения классов г. Ш. равнялись ежедневному акту решительности покинуть семью на произвол судеб и идти на вольную смерть. В трёх вёрстах от Пинска целых пять дней стояла открытая могила, приготовленная ему известными в городе мятежниками, ожидавших выхода его из церкви после всенощной, чтобы увезти его за город и там сним покончить и, г. Ш. спася только потому, что был вовремя предупреждён архимандритом местного монастыря, узнавшего, что подле стен монастырских, находятся крытые повозки и замаскированные при них люди. Несколько раз и после того были покушения на жизнь г. Ш-на. При переезде из Пинска в Мозырь он спасся тем, что поехал не на лошадях, а на пароходе. Гиком, свистом, ругательствами и камнями проводили поля-

¹ НИАБМ. – Фонд 320. – Оп. 1. – Д. 384. – Л.1.

² Wołczuk, J. Konterfekty kresowiaków z ołtarzem i katedrą szkolną w tle / J. Wołczuk. – Wrocław, 2011. – S. 123.

ки этот пароход. Во время переезда в Ковну, решено было умертвить г. Ш. в лесу, через который приходилось ехать. Предупреждённый об этом он избежал смерти тем, что тайком выехал двумя днями раньше, чем ожидали. Но мятежники пустились за ним в погоню, узнав о его отъезде и не нагнав его, сожгли станцию Ляды; избили русского станционного смотрителя и увели всех почтовых лошадей... Тяжело не только выносить, но даже пересказывать как русский начальник целой учебной функции, честный исполнитель своего долга, свято стоявший на страже священных своих обязанностей, неустрашимо подвергавшийся ежедневной опасности жизнь свою и своего семейства, но поставленный в совершенную незащищенность, принуждён был избегать смерть хитростью, прятался от изменников и убийц. Наконец, г. Ш. перевёлся в Ковну; здесь было несколько лучше, но и в Ковне было так небезопасно, что распоряжением военных властей у дверей каждого класса тамошней гимназии, стояли по два часовых... Продолжительность незаслуженных и непрерывных нравственных страданий свела в раннюю могилу некоторых из членов семейства г. Ш. и совершенно разрушило здоровье его жены... Кроме усилий доблестно отстаивать, среди неодолимых препятствий честь русского имени и спасти по крайней мере русское юношество ему вверенное от революционной польской заразы, наглядными памятниками служения г. Ш. русскому делу, остались в Мозыре городской соборный храм (начатый перестройкою по его инициативе и ходатайству в Св. Синод), а в Ковно гимназическая церковь им же устроенная и украшенная. Оба храма перестроены из костёлов, упразднённых после мятежа 1831 года, и предназначенных на слом. Сверх того, во всех городах, где служил г. Ш. составлены им стройные певческие хоры из учеников гимназий и православная церковность глубоко заложена в основы воспитания детей. Исключительные условия прошлой, тяжёлой и честной службы г. Ш., его бесспорные заслуги на скромном поприще директора гимназии и польза, которую можно было ожидать (и которую он в действительности принёс) при определении его на высшую должность, служили мотивами к представлению ему в 1868 году место помощника Попечителя. Состоя в этой должности г. Ш., в отсутствие Попечителя из Вильны, девять раз управлял учебным округом. Так как никаких жалоб, никаких неудовольствий за его управление ни с какой стороны, никем не было заявлено, то неожиданное удаление из округа этого достойного человека не могло ни породить чувство глубокого сожаления у здешнего, день ото дня редющего, русского общества, тем более, что удаление это, как слышно, мотивировано: «скоплением в центральной администрации учебного округа каких-то «неуловимых идей», компрометирующих будто-бы как г. Ш., так и многих его товарищей по службе»¹.

Шульгин преподавал в Пинской гимназии латинский и греческий языки, ходил на уроки с револьвером в кармане. Когда Шульгин был директором Ковенской гимназии, то у него и там не утихал русификаторский зуд. Он выслал другому известному русификатору Ивану Корнилову 22 древнерусских документа (наверно, эпохи Великого Княжества Литовского), доказывающих существование русских поселений и употребление русского языка на Жмуди. Отметим также, что в 1868 году Шульгину Всемилоостивейшее пожаловано имение «Швенты» под Вильней.

Летом 1862 года после бегства Шульгина исполняющим обязанности директора Пинской гимназии был назначен Карл Филиппович Вронский (1803-1885) – довольно известный педагог, один из первых преподавателей Литовской Духовной Семинарии, близкий к кругу тех деятелей униатской церкви, которые её затем уничтожили. Вронский получил тяжелое наследство: 31 гимназист был исключён, после жестокого обращения Шульгина с учениками большинство родителей-поляков забрали своих детей из гимназии. Думается, что положение было настолько критическим, что ещё Шульгин просил начальство о разрешении исключённым ученикам вернуться в гимназию, а также воздействовать на родителей, чтобы те вернули своих детей в гимназию. Вскоре попечитель округа разрешил большинству исключённых учеников вернуться в гимназию. Вронский направил в канцелярию попечителя округа соответствующие списки отсутствующих учеников:

Министерство

Народного Просвещения

Виленский

Учебный Округ

Пинская

Дирекция Училищ

Сентября 19 дня 1862 года

№ 472

19 сентября 1862 года

Его Высокородию

Господину Управляющему

Виленским Учебным Округом

¹ Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки. – Фонд 52. – №53. – Л. 3-5.

г. Пинск

Во исполнения предписания Вашего Высочородия от 5 сентября сего месяца за № 75, представляя, при сём, в дополнение к рапорту от 3-го числа сего месяца список учеников, взятых родителями из Пинской Гимназии по случаю сделанным учениками шалостей, и список учеников удалённых из заведения.

Пинский директор Училищ Вронский

А) Список учеников взятых из Гимназии родителями в Ноябре и Декабре месяцах 1861 года.

I класса

1. Анджейкович Станислав – не явился.
2. Чеховский Станислав – принят в августе м-це сего года
3. Остроменцкий Феликс – принят в августе м-це сего года
4. Пружанский Иван – принят в августе м-це сего года

II класса

1. Корженецкий Эдуард
2. Олевинский Карл
3. Терлецкий Иван
4. Фальковский Станислав
5. Фальковский Адольф
6. Хруцкий Андрей
7. Чарноцкий Адам

Все приняты б. Директором на основании разрешения Г. Попечителя от 21 января 1862 года за №327

III класса

1. Горнич Осип – не явился
2. Корженецкий Вацлав – не явился
3. Конопацкий Владислав – не явился
4. Красковский Фёдор – не явился
5. Леневиц Леопольд – принят б. Директором на основании разрешения Г. Попечителя от 31 января 1862 года за №185

6. Олевинский Калесантий – «—«—
7. Орда Лев – «—«—
8. Пацукевич Генрик – «—«—
9. Пружмецкий (?) Генрик – «—«—
10. Мороз Эдуард – «—«—
11. Чеховский Юрий – не явился

IV класса

1. Жиромский Станислав – не явился
2. Де Лерзак Казимир – не явился
3. Сердаковский Георгий – принят б. Директором в феврале м-це
4. Подлеский Викентий – принят б. Директором в феврале м-це
5. Двораковский Наполеон – не явился
6. Родзевский Семен – принят б. Директором в феврале м-це 1862 г.

V класса

1. Орда Эдуард – не явился
2. Полонский Брунон – принят в августе м-це 1862 г. б. Диретором
3. Шпиганович Осип – не явился
4. Остроменцкий Ксаверий – не явился

Б) Список учеников, которые по неодобрительному поведению исключены из Гимназии Менее виновны II-й категории

VI класса

1. Малишевский Станислав – принят по разрешению Г. Попечителя от 1 июня сего года за №1870

2. Ремберович Генрик – «—«—
3. Янковский Карл – не явился
4. Боричевский Осип – принят по разрешению Г. Попечителя от 13 декабря 1861 года за №185
5. Мошинский Сигизмунд – «—«—

6. Кордашевский Ипполит – «–«–
7. Лешкевич Норберт – не явился
8. Красковский Георгий – не явился
9. Козляковский Казимир – не явился

VII класса

1. Блашкевич Иван – принят по ходатайству б. Директора
2. Сулковский Антон – принят по ходатайству б. Директора
3. Мороз Александр – тоже
4. Пружанский Осип – тоже
5. Крамаренко Константин – не явился
6. Эйсмонт Казимир – не явился

В) Более виновные 1-ой категории

V класса

1. Жилинский Бронислав

VI класса

1. Шпаковский Виталий
2. Шоманский Антон
3. Збарашевский Осип
4. Ярошевич Мечислав
5. Глинский Зенон
6. Яниславский Владислав
7. Селицкий Александр – не явился
8. Родзевский Антон – не явился
9. Корсак Витольд – не явился
10. Корсак Эдуард – не явился
11. Наркусский Болеслав – не явился
12. Мошинский Сигизмунд

VII класса

1. Круковский Пётр
2. Матушевич Пётр
3. Сикорский Владислав – не явился
4. Супинский Наполеон
5. Ярошевич Витольд

Пинский Директор Училищ Вронский¹

Проблема наполняемости классов в Пинской гимназии оставалась нерешённой. Поэтому попечитель округа обращается к Виленскому генерал-губернатору Владимиру Назимову, чтобы тот разрешил оставшимся исключённым ученикам вернуться в гимназию.

Управление

Виленского Военного

Губернатора и

Генерал Губернатора

Гродненского и Ковенского

Отделение особое

в г. Вильне

30 сентября 1862 года

№ 698

Господину Попечителю

Виленского Учебного Округа

Вследствие переписки Министерства Народного Просвещения, изъяснённой в отзыве ко мне Управляющего Виленским Учебным Округом от 20 сентября за №80-м, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что с моей стороны не встречается препятствие на дозволение продолжать курс наук тринадцати ученикам, исключённым из Пинской гимназии в прошлом году, за участие в противоправительственных манифестациях и беспорядках, но во всяком случае только не в той гимназии, разумеется, если Ваше Сиятельство и с Вашей стороны находите возмож-

¹ НИАБМ. – Фонд 567. – Оп. 3. – Д. 1115. – Л. 7-9.

ным оказать такое снисхождение во внимание чистосердечного раскаяния сих учеников и на условиях, которыми Гимназия предполагает обязать их относительно поведения.

К сему поставляю долгом присовокупить, что предполагаемые к установлению на будущее время условия, по мнению моему, следовало бы предложить не ученикам, которые в прошедших беспорядках участвовали по свойственному детям легкомыслию, но родителям их, и дворянству, под влиянием коих они действовали.

Генерал-Адъютант Назимов¹

Вскоре Карла Вронского назначили директором гимназии, но ему тоже не везло: только он с трудом решил проблему, связанную с беспорядками в гимназии, как в январе 1863 года началось польское восстание. Опасаясь новых волнений среди гимназистов, виленский генерал-губернатор предписал «командировать» из войск в каждую гимназию одного штаб-офицера и 10 унтер-офицеров, чтобы они присутствовали в учебных зданиях с 8 часов утра до 3 часов дня. В феврале 1863 года из Подляшья в Полесье вторгся большой повстанческий отряд Романа Рогинского. С боями отряд смог почти до Турова. К повстанцам присоединились учитель гимназии Остроменцкий и ученик 5-го класса Владислав Круликовский. Позднее выявилось участие в восстании ещё 8 учеников. Наверно, к повстанцам могло бы присоединиться намного больше гимназистов, но Пинский уезд был наводнён русскими войсками, которые перекрывали пути подхода к отрядам Ромуальда Траугутта, Казимира Нарбута, Яна Ваньковича, Феликса Влодка и др., действовавших на Полесье. Многие гимназисты после летних каникул не вернулись на учёбу в сентябре 1863 года, хотя их отпускали домой под поручительство родственников или опекунов. Очевидно, что многие из них сражались в повстанческих отрядах. Например, братья Владислав и Никодим Левицкие 22 июня 1863 года присоединились к отряду Казимира Нарбута. Дирекция от гимназистов, думается, ещё требовала подтверждение местной полиции о том, что они никуда не отлучались из мест проживания. Директор Карл Вронский составил для начальства список таких учеников:

Список учеников Пинской гимназии, которые были отпущены на летнее вакационное время и не возвратились после этого в заведение в 1863 г.

VI класс

Броневич Антон – 19 лет, Пинского уезда в м. Кожангородке, после вакации явился, но за не предоставление полных документов не принят.

V класс

Каллаур Оттон – 20 лет, Пинского уезда имение отца Осовцы, поручался отец.

Дановский Антон – 18 лет, Кобринского уезда имение Винче, поручался отец.

Левицкий Владислав – 17 лет, Пинского уезда в имении Сенчицы, поручался дядя его Левицкий.

Домбровский Генрик – 19 лет, Пружанского уезда в имении Лясковичи, поручался отец.

IV класс

Подлеский Викентий – 17 лет, Пинского уезда имение Данилово, поручался отец.

Каллаур Степан – 20 лет, Пинского уезда в имении Осовцы, поручался отец.

Барановский Онуфрий – 16 лет, Пинского уезда в м. Столин, поручался отец.

Качальский Ульян – 17 лет, Кобринского уезда в имении Стругель, поручался отец.

Качальский Константин – 16 лет, Кобринского уезда в имении Стругель, поручался отец.

Костро Ульян – 16 лет, Кобринского уезда в имении Дывино, поручался отец.

Селицкий Аполинарый – 15 лет, Пинского уезда в имении Обайцы, поручался брат его Селицкий.

Коротун Константин – 18 лет, Кобринского в имении Петрово, явились после вакаций, но за не предоставление поручительства не приняты.

Горбатовский Алоизий – 17 лет, Мозырского уезда в Давид-Городке, явились после вакаций, но за не предоставление поручительства не приняты.

Водчиц Адольф – 17 лет, Пинского уезда в имении Велесница, явились после вакаций, но за не предоставление поручительства не приняты.

III класс

Панцевич Чеслав – 15 лет, Кобринского уезда в имении Янов, поручался отец.

Жардецкий Лев – 14 лет, Кобринского уезда в имении Малиничево, поручалась мать.

Доманский Мечислав – 14 лет, Пинского уезда имение Ярмаки, поручался отец.

II класс

Левицкий Никодим – 16 лет, Пинского уезда в имении Сенчицы, поручался отец.

¹ НИАБМ. – Фонд 567. – Оп. 3. – Д. 1115. – Л. 13.

Венцель Антон – 13 лет, в г. Пинске у отца. На основании циркулярного предписания Г. Начальника края ученики, не имеющие основных 14 лет, уволены от дачи на себя поручительства.
Лазаревич Юльян – 14 лет, Пинского уезда в имени Заполье.
Бельский Эдуард – Пинского уезда в имени Заполье.
Бельский Витольд – 11 лет, Пинского уезда в имени Заполье.
Глинский Степан – 12 лет, опекун в г. Пинке
Гецолд Иван – 13 лет, Пинского уезда в имени Рухче
Гриневицкий Болеслав – 13 лет, Пинского уезда в имени Оброво.
Зубковский Бронислав – 17 лет, мать в г. Пинске, поручилась мать.
Матушевич Павел – 13 лет, Кобринского уезда в имени Ручки.
Пуришко Леонард – 14 лет, Кобринского уезда в Балькунах.
Пружанский Иван – 13 лет, Кобринского уезда в Бялькове.
I класс
Езерский Антон – 12 лет, Пинского уезда в Подгатье.
Венцель Осип – 11 лет, в г. Пинск.
Скирмунт Викентий – 13 лет, Пинского уезда в имени Поречье.
Верещака Карл – 11 лет, Кобринского уезда в Планте.
Закржевский Осип – 13 лет, Кобринского уезда в Брилев.
Лукашевич Николай – 11 лет, Пинского уезда в Плотнице.
Матушевич Виктор – 12 лет, Кобринского в имени Ручки.
Полубинский Виктор – 12 лет, в г. Пинске.
Яцолт Иван – 12 лет, дядя в г. Пинске.
Шимкевич Генрик – 11 лет, Пинского уезда в Осовцах.
Михаловский Альфонс – 13 лет, в г. Пинске.
Войнилович Болеслав – 11 лет, Пинского уезда в имени Пржсехлавы (?).

Директор Вронский
 Письмоводитель Ходько¹

После подавления восстания для Пинской гимназии, как и для всех учебных западных губерний, наступили непростые времена. Белорусский историк Е. Евдокимова пишет: «В событиях восстания активное участие приняли 8,4% воспитанников гимназий Беларуси. Широкая поддержка инсургентов учащими и учащимся школ края показала безуспешность используемых ранее правительством средств по искоренению «польских начал в учебном деле». Недавние высокие оценки правительства деятельности гимназий Беларуси сменились отрицанием их какой-либо положительной роли. (...) После подавления восстания в западных губерниях правительство разработало систему мероприятий, направленных на деполонизацию местных школ. Возглавили проведение нового этапа русификации училищ края генерал-губернатор М.М. Муравьев и попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов. (...) Большую роль в русификации края Муравьев отводил учебным заведениям и, прежде всего, гимназиям. Попечитель Корнилов, подобно Муравьеву, основную задачу своей деятельности видел в «возрождении русского дела» в Северо-Западном крае и был убежден в том, что именно школа должна возглавить «нравственную борьбу с полонизмом»². Идеи Муравьева и Корнилова поддержал и новый министр просвещения, граф Дмитрий Толстой, который писал, что «разумное направление народного образования может служить здесь самым успешным средством к прочному обрусению этих [северо-западных. – Авт.] губерний»³. «Таким образом, гимназии в числе других учебных заведений Беларуси вновь были втянуты в реорганизацию, отвечающую политическим и отнюдь не образовательным целям»⁴.

4 апреля 1864 года генерал-губернатор, граф Михаил Муравьев, запретил преподавание польского языка во всех учебных заведениях Виленского учебного округа. Главным экзаменом, определяющим степень подготовки гимназистов к поступлению в университет, стал экзамен по рус-

¹ НИАБМ. – Фонд 1521. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 19.

² Евдокимова, Е. Гимназическое образование в Беларуси : исторический опыт и тенденции развития (XIX – нач. XX в.) / Е. Евдокимова. – Минск, 1998. – С. 30.

³ Извлечение из всеподданнейшего отчёта Министра Народного Просвещения за 1867 год // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1869. – № 3. – С. 60.

⁴ Евдокимова, Е. Гимназическое образование в Беларуси : исторический опыт и тенденции развития (XIX – нач. XX в.) / Е. Евдокимова. – Минск, 1998. – С. 30.

скому языку. Кроме того, было введено чтение молитвы перед уроками учениками римско-католического исповедания на русском языке; преподавание Закона Божьего для тех же лиц стало проводиться также на русском языке.

Для замещения учительских должностей в гимназиях лицами русскими и православными учреждены были в Московском, Казанском и Харьковском университетах 60 стипендий на историко-филологических и физико-математических факультетах. Сверх того, с 1864 года ассигновано было 50000 рублей на добавочное жалование в размере половинных окладов учителям русского происхождения и уроженцам Прибалтийского края. Для привлечения новых, верноподанных учителей им платили также двойные прогонные, освобождали от оплаты квартиры, топлива и освещения.

Так, шесть пинских учителей польского происхождения были заменены на православных специалистов, которые окончили лучшие российские университеты. Виктор Силыч Синегуб (Киевский университет) преподавал русский язык и словесность, Василий Михайлович Хижняков (Киевский университет) – историю, Константин Аверкиевич Пигулевский (Казанский университет) – физику, химию и естественную историю, Дмитрий Егорович Шухов (Московское Строгановское училище технического рисования) – рисование и черчение. Отметим, что учитель рисования Шухов, по заданию попечителя Корнилова, ездил по Полесью для сбора рукописей и книг, подтверждающих исторически русский характер края, а также для зарисовки православных святынь.

Квалифицированных учителей всё-таки не хватало. Математику преподавал отставной штабс-капитан инженерных войск Сергей Максимович Самусь, наверно, получивший хорошую математическую подготовку в Институте корпуса инженеров путей сообщения. Резко в гимназии уменьшилось учеников-поляков, число православных учащихся сравнялось с числом католиков. Этому способствовало выделение крупных сумм денег графом Муравьёвым для обучения беднейших учеников православного исповедания. Вводились жёсткие меры контроля за учащимися:

1) Введены были обязательные поручительства благонадёжных лиц за учеников гимназии. За нарушение с поручителя брался штраф от 100 до 200 рублей серебром.

2) Введён был строгий надзор за ученическими квартирами. Содержание ученических квартир позволено только благонадёжным лицам православного исповедания. Все квартиры распределялись между учителями для более частого их посещения и непрерывного надзора.

3) Учителей обязали следить за тем, чтобы воспитанники в гимназии и вне её разговаривали между собой только по-русски.

Для более прочного закрепления русских начал у учащихся на втором этаже здания гимназии была устроена домовая церковь. Как исследует из статьи «Исторические сведения о Пинской гимназии с 1858 по 1872 годы» (газета «Виленский вестник» № 207 за 1872 год), написанной, вероятно, тогдашним директором Стефаном Куклинским, гимназическая церковь была освящена 1 октября 1864 года протоиереем Василием Грудницким. Богослужения в церкви совершались в воскресные и праздничные дни. В 1865 году её посетил епископ Минский и Туровский Михаил (Голубович). Из архивных документов видно, что гимназическая церковь существовала уже в 1859 году.

27 Июня 1859 года

В Минскую Духовную Консисторию
Пинского Собора Благодичного и
Протоиерея Грудницкого

Рапорт

На указ Минской Духовной Консистории от 14 сего Июня за № 5521, честь имею пояснить, Минскою Консисторией 1857 года Марта 30 дня за № 2267 разрешено мне взять иконостас Дятловицкой домовой Монастырской Церкви. На месте оказалось, что иконостас этот сломан совершенно упавшим на него от ветхости зданием, вынута только, при больших трудах, одиннадцать икон на дереве, на коих едва остались следы живописи от долговременного течения дождя. Посланные, чтобы не возвращаться с пустыми подводами, привезли мне сии доски. На открытие и возобновление облитой дождями живописи употреблено около 30 руб. Пинскою Гимназиею, при вставке оных в ново устроенный иконостас. Гимназия готова возвратить сии иконы, но не иначе, как с возвращением затраченной на обновление их суммы, потому что, до возобновления, они не имели никакой цены, о чём могут посвидетельствовать многие лица. Впрочем, настоятельной в иконах этих надобности никакой ни кому не имеется, так как Дятловицкая Церковь имеет весьма приличный трёх престольный иконостас. (...)

А потому честь имею просить Минскую Духовную Консисторию оставить в Гимназической Церкви помянутые иконы впредь до замены оных новыми приличными, так как служащие в Гимназии стараются ныне иконы сии, именно по нечистоте и неблагообразию живописи, заменить новыми. (...)

Благочинный, Протоиерей Василий Грудницкий¹

Художником, который реставрировал иконы Дятловичского монастыря, был учитель рисования Константин Лаврентьевич Казакевич.

История с этими иконами продолжилась через 10 лет.

27 Августа 1869 г.

*В Минскую Духовную Консисторию
Настоятеля Пинского Богоявленского
Монастыря Архимандрита Мемнона*

Рапорт

Во исполнение указа Минской Духовной Консистории от 31 Июля сего 1869 года за №1327, сим честь имею донести оной, что находящиеся в Гимназической в Пинске Церкви иконы: выданные из Дятловичской домово́й бывшей Монастырской церкви, мною были осматриваемы – совместно с Протоиереем Грудницким, Директором Пинской Гимназии [Куклинским. – Авт.] и двумя из учителей ея (из коих один мастер и учитель рисования и мастер в живописи и иконописи) – и найдено всех таковых икон числом одиннадцать. Длина всех одинакова именно 1 аршин и 9 вершков, а ширина одной, находящейся над Царскими вратами, на коей изображен Спаситель на Троне сред предстоящих Богоматери и Предтечи – 1 аршин и 3 вершка, ширина же двух других, из коих одна изображает Покров Пресвятые Богородицы, другая Николая Чудотворца; ровно один аршин; а ширина остальных восьми икон, на коих изображены Апостолы – на каждой по одному, несколько разнится, но не превышает десяти и не нисходит ниже восьми вершков. Письмо на всех сих иконах и ныне весьма незавидное и грубоватое. Самые доски особенно с обратнoй стороны представляются очень ветхими и поточённые червяками. Бывшие при осмотре их вышеозначенные лица единогласно показали, что приняты они были в виде ещё более неисправном – с неопределёнными начертаниями, от времени полинявшими и будто даже ничего стояли тогда. Мастер, пишущий иконостас для возобновляемой тёплой церкви при Пинском Богоявленском Монастыре также сказал, что будто бы оне ничего не стоят. Столяры же, делающие иконостас, собственно на вопрос: что стояли доски, на коих написаны означенные иконы, сказывали, что таковые доски новые ныне стоят от 15 до 30 копеек серебром каждая. Подрядчик на иконы в нашу церковь сказывал, что если бы писать подобные иконы такового же размера и в приличном виде вновь на новых досках, то можно бы взять за каждую из них три или четыре рубля серебром. По моему мнению, за сии иконы в настоящем их виде можно дать по два рубля серебром, если оные кому потребовались.

Что касается до запроса от чего разрешения означенные иконы помещены в Гимназической церкви, когда по ходатайству Протоиерея Грудницкого в 1857 году оные разрешено ему взять заимообразно в Пинскую кладбищенскую Николаевскую Церковь, то сие сделано по собственному усмотрению Протоиерея Грудницкого, как видно из собственноручного им описанного объяснения, которое при сем прилагается.

*№ 139
Августа 25 дня
1869 г.*

*Настоятель Пинского Богоявленского Монастыря
Архимандрит Мемнон²*

Учителем рисования, который был и иконописцем, и живописцем, был Дмитрий Егорович Шухов (?-1888). Вскоре появился и второй учитель рисования Егор Николаевич Позняков – также выпускник Строгановского училища, который тоже был иконописцем. Он подарил гимназической церкви икону своей работы: *Нерукотворный Образ Спасителя*.

В 1864 году инспектором гимназии был назначен ярый обруситель Порфирий Яковлевич Чайковский (?-1916). Вот как характеризовал его деятельность учитель Василий Михайлович Хижняков (1842-1917): «К обрусительной миссии, настойчиво предписываемой округом, учителя также

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 27328. – Л. 5.

² НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 27328. – Л. 11.

относились равнодушно, не умея выйти из заученного шаблона и отбывая эту миссию грубо и бес- тактно. Один только инспектор Чайковский очень усердствовал в этом отношении. Он был женат на польке и всеми силами старался показать начальству, что он не попускает полякам. Он особенно преследовал учеников поляков, грубо придирался к ним и за всякие пустяки сажал их в карцер. Также грубо и резко до неприличия относился он к родителям полякам, приходившим иногда в гимназию за справками о сыновьях». Хижняков (перед революцией стал председателем Черниговской губернской земской управы) в своих воспоминаниях дал характеристику и директору гимназии Вронскому: «Директором был почтенный, чрезвычайно симпатичный старик Вронский. (...) Вронский был из униатов. Семья его, состоявшая из прекрасной старушки жены и двух взрослых дочерей, постоянно говорила по-польски, а по-русски объяснялась с трудом. Так как в то время, как известно, очередным вопросом внутренней политики в западных губерниях было «обрусение» края, и массы нахлынувших русских чиновников – обрусителей – громко поднимался патриотический голос во вкусе нынешних националистов, – то такая семья была для служебного положения Вронского большим минусом»¹. Вскоре, в 1865 году Карл Вронский был отправлен на пенсию, то ли по старости, то за его униатское прошлое. Хижняков дал нелицеприятную характеристику и учительскому коллективу гимназии: «Почти все учителя были заурядные чиновники, отбывавшие казённую повинность. Между ними было несколько пожилых, давно уже служивших в Пинске, а известно, что учитель, попавший в захолустную гимназию, где нет других учебных заведений, и где почти не бывает частных уроков, если только он чувствует в себе силы и способности, стремится уйти из такого захолустья в другой город, где можно иметь заработок, кроме скудного учительского жалованья. Остаются только посредственности, не имеющие никаких шансов добиться лучшего положения»². Действительно, учителя в пинской гимназии надолго не задерживались.

Новым директором гимназии с 31 июля 1865 года стал Стефан Фёдорович Куклинский, активно занимавшийся историческими и языковедческими исследованиями Полесья и Подляшья. Василий Хижняков его охарактеризовал как сухого чиновника.

В 1864 году был утверждён новый «Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения», в котором вводился всесословный принцип, однако высокая плата за учение фактически закрывала доступ к среднему образованию представителей широких слоёв населения. Мужские 7-классные гимназии, по новому уставу, делились на классические и реальные. Историк Сузанна Самбук пишет: «Обвинив все местные гимназии в том, что они воспитывали своих учеников в ненависти ко всему русскому и царизму, а их выпускники, поступая в высшие учебные заведения, вносили в них «революционные и социальные идеи, которые отразились и в русском молодом обществе грустными фактами», местная администрация предложила закрыть часть из них. Их оставили только в губернских городах, так как там начальство имело возможность бдительно за ними наблюдать; кроме того, именно в этих городах проживало наибольшее число русских чиновников. В уездных городах можно было оставить гимназии в виде исключения при условии, если окрестное население по преимуществу состоит из православных. Так были закрыты Свислочская прогимназия и Новогрудская гимназия (последняя вскоре была вновь открыта). Кроме того, власти бдительно следили за тем, чтобы ограничивался приём в средние учебные заведения детей польских дворян, хотя в уставе для средней школы от 19 ноября 1864 г. среднее образование объявлялось открытым без всяких ограничений для всего населения России. Как писал в 1865 г. помощник виленского генерал-губернатора Потапова, «главное – уменьшить в гимназиях наплыв учеников из шляхты». В результате с 1862 г. по 1 января 1866 г. число учеников православного исповедания в гимназиях увеличилось на 33%, а католического вероисповедания уменьшилось на 56%»³. Вокруг Пинска жили больше православные, многие из которых не были раньше униатами. Даже окрестная шляхта была в основном православной, ликвидировать полностью Пинскую гимназию резона не было. Всё же гимназия находилась в списке неблагонадёжных.

31 июня 1865 года Пинскую гимназию преобразовали в реальную, что понизило её статус. Выпускники классических гимназий могли поступать в университет без экзаменов, а выпускники реальных – по конкурсу и только в технические и торговые высшие учебные заведения. Это сразу поняли ученики и их родители: число учащихся после преобразования заметно снизилось (за три

¹ Хижняков, В. Воспоминания земского деятеля / В. Хижняков. – Петроград, 1916. – С. 65.

² Хижняков, В. Воспоминания земского деятеля / В. Хижняков. – Петроград, 1916. – С. 65.

³ Самбук, С. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / С. Самбук. – Минск, 1980. – С. 36-37.

года – на 56%). Причём из всех гимназий, расположенных на территории современной Беларуси, в реальную преобразовали только пинскую гимназию. Похоже, что полесскую католическую шляхту, принявшую активное участие в восстании, наказали таким образом. Вследствие чего в учебном плане ведущее место было отведено предметам естественно-математического цикла и вместо древних (греческий и латынь) изучались живые иностранные (немецкий и французский) языки. Перечень предметов, изучаемых в Пинской реальной гимназии, дополнился химией. Пришлось срочно улучшать оснащение учебного процесса. У московского физика-механика Швабе приобрели физический кабинет с 120 приборами и инструментами. В 1867 году был приобретён зоологический кабинет из 61 экземпляра животных из папье-маше и 45 чучел птиц. Для минералогического кабинета прислана из Вильны коллекция из 348 минералов. В 1864 году гимназическая библиотека имела 764 книги (525 названий), в чём значительно уступала библиотекам соседних гимназий: Новогрудской (2500 книг) и Мозырской (1350 книг).

Среди выпускников пинской гимназии отметим известного математика, ректора Горного института Ивана Петровича Долбню (1853-1912), окончившего её около 1870 года. Его основные научные исследования по теории эллиптических функций и теории абелевых интегралов, частично по алгебре. Учителями математики Ивана Долбни были Сергей Максимович Самусь и Константин Константинович Добржанский. Похоже, что ученики пинской гимназии получали неплохую математическую подготовку. Внимание уделялось и гуманитарной подготовке. В 1866 году новым учителем русского языка и словесности стал выпускник Нежинского лицея Фёдор Лукич Харченко (1833-1891), который проработал в Пинске 25 лет.

Пинское реальное училище

В 1871 году был утверждён новый устав гимназий, который предусматривал открытие только классических гимназий. Период учения в них увеличивался с 7 до 8 лет. Реальные гимназии были переведены в реальные училища, где термин учения укорачивался с 7 до 6 лет. В училище принимались дети всех сословий с 10 лет, которые, в свою очередь, окончили начальные народные и церковноприходские училища. Преподавались следующие предметы: Закон Божий, математика, русский язык, новые иностранные (французский и немецкий) языки, география, естественная история, физика. Значительно сократилось число часов по естественной истории (в 4 раза). Учебные программы училищ ориентировались на интересы торговли и промышленности. Преподавались прикладные предметы (механико-строительные, химико-технологические, коммерческие). Право поступить в высшие технические учебные заведения имели только те, кто окончил седьмой (дополнительный) класс. В 1872 году Пинская реальная гимназия была преобразована в реальное училище. Перестройку учебного процесса в заведении возглавлял Стефан Куклинский. Очевидно, он неплохо справился с поставленной задачей, так как в 1875 году пошел на повышение: стал директором только что созданной Несвижской учительской семинарии.

Отметим, что реальное училище располагалось в двухэтажном каменном здании, построенном в 1854 году для дворянского уездного училища. На втором этаже было семь классных комнат и домовая церковь, а на первом – 11 комнат, в которых помещались канцелярия, библиотека, физический и естественно-исторический кабинеты, химическая лаборатория, учительская, класс Закона Божьего и квартира директора.

В 1875 году директором реального училища был назначен предводитель дворянства Пинского уезда, барон Николай Германович Витте, который окончил физико-математический факультет Харьковского университета. Он продолжил русификаторскую политику своих предшественников. «Польский дух» из стен училища как будто и выбили, доступ польской шляхты в него ограничили. Однако скоро часть учеников училища заразилась народнической идеологией. Отметим, что 64,4% всех участников народнического движения в Беларуси в 70-х годах были учащимися местных средних учебных заведений или их выпускниками. Именно в годы директорства барона Витте в училище создаются различные тайные образовательные и революционные (народнические) кружки. Так, виленский генерал-губернатор Пётр Альбединский 29 апреля 1875 года писал в специальной записке: «В Минской и Слуцкой гимназии и в Пинском реальном училище существуют образовательные кружки, преимущественно из местных, т.е. польских уроженцев. Направление этих кружков частью атеистическое, социально-революционное, хотя и не с таким радикальным направлением, какое существует в последователях Цюрихской школы. Книги для кружков высылаются студентами из Санкт-Петербурга и Варшавы, на имя Марии Слипень, проживающей в Минске. Более в ходу следующие книги: Бокль, Дарвин, Миль, Прудон, Лассаль, Маркс...». Далее

в записке говорилось, что наряду с социально-революционным направлением в указанных кружках распространяются «идеи о возможности автономии Польши».

Но тогда власти не смогли выявить кружок в Пинском реальном училище. Думается, что зачинателем народнического кружка в училище был его выпускник 1874 года Осип Николаев (1853-?), в последствии видный профессиональный революционер-народник, который вместе с Георгием Плехановым, Александром Михайловым, Марком Натансоном и другими народниками был членом-учредителем революционной организации «Земля и Воля». Будучи студентом Петербургского технологического института, Осип Николаев вполне мог наладить связи с младшими товарищами по учёбе в пинской гимназии. Технологический институт тогда был крупным центром народнического движения, где учились цареубийца Игнатий Гриневицкий и его друг – пинчанин Антон Борейша, а также создатель польской партии «Пролетариат» Людвик Варыньский и др. Сохраняя тесные контакты с родиной, студенты, выходяцы из Полесья, уверовавшие в народнические идеи, становились их проводниками на Полесье.

Существенную роль в распространении народнических идей в Пинском уезде сыграл и тот факт, что в 1872 году на суконной фабрике Александра Скирмунта в селе Поречье работали известные революционеры, братья Казимир и Людвик Кобыляньские, кстати, близкие друзья Людвика Варыньского. Интересно, что их родной брат Эразм Кобылянский в 1874 году поступил в вышеупомянутый Технологический институт. Отметим также, что преподаватель училища Виктор Синегуб в начале 60-х годов был членом киевского тайного общества «Украинская громада», которое возглавлял знаменитый поэт и этнограф Павел Чубинский. Родным братом пинского учителя был известный народник Сергей Синегуб (1851-1907), который вполне мог навещать в Пинске брата и заодно вести пропагандистскую и организаторскую работу. Кроме того, известен факт, что уроженец Пинска, студент Медико-хирургической академии Константин Борисевич (1853-после 1909) в 1873 году вместе с Сергеем Синегубом и Василием Стаховским вёл пропаганду среди рабочих за Нарвской заставой. А вскоре, в марте 1876 года, у ученика Пинского реального училища Казимира Борисевича была отобрана запрещённая книга «Мирской учёт». Возможно, что Казимир – родной брат петербургского студента. Тут, конечно, нужно вести дальнейшую исследовательскую работу, чтобы эти разрозненные факты соединить в единую картину.

Отдельные случаи народнической пропаганды в 1876-1881 гг. были обнаружены властями в Пинском реальном училище. Так, в марте 1881 года некоторые жители Пинска получили письма из Санкт-Петербурга, в которых сообщалось об исполнении приговора революционного суда над императором Александром II. Среди них директор училища, барон Николай Витте, законоучитель Василий Грудницкий, отставной чиновник Иван Лозицкий и другие. Подозрение полиции пало на бывших учеников реального училища: Генрика Корвин-Круковского (студента горного института в Санкт-Петербурге) и Михаила(?) Дешковского, местонахождение которого не было известно. Летом и осенью 1881 года прокламации революционной организации «Народной Воли» получили по почте врач Юлиан Маковский и несколько еврейских купцов. Наверно, за этими отдельными фактами скрывался тайный кружок, деятельность которого не была тогда раскрыта полицией и не попала на страницы мемуаров, поэтому осталась неизвестной исследователям. Хотя 16 января 1882 года пинский полицмейстер доносил: «(...) пришёл к тому заключению, что в г. Пинске есть какие-нибудь агенты тайного общества. Разыскивая причины, я узнал, что в Пинске еврейский купеческий сын Мовша Мейеров Соловейчик принадлежит к обществу социалистов, в котором и состоит агентом и кроме его две дочери [Эстера и Дражна. – Авт.] Пинского купца еврея Айзенштата. Последние – выехали в Москву без согласия родителей с целью поступить в общество социалистов, а еврей Соловейчик живёт в Пинске и ведёт переписку, которую я надеюсь в непродолжительное время перехватить»¹. 12 марта 1882 года инспектор училища Порфирий Чайковский сообщил полицмейстеру, что Мовша Соловейчик ведёт революционную пропаганду среди учеников реального училища.

В самом деле, группа или организация «Народной Воли» действовала тогда в Пинске. Об этом пишет белорусский историк Владимир Солошенко: «Как сообщалось в донесениях департамента полиции, в городе Харькове при задержании двух народовольцев были изъяты штемпели, печати, бланки, изготовленные в Витебске, Гродно, Пинске и других городах Белоруссии»². Кроме того, народоволец Михаил Ашенбреннер в своих воспоминаниях упоминает два пункта в Белоруссии: Минск и Пинск, где находились кружки Военной организации. Очевидно, что членом пинского

¹ НИАБМ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3697. – Л. 33 об.

² Солошенко, В. От народничества к марксизму / В. Солошенко. – Минск, 1971. – С. 34.

кружка был один из последних народовольцев, офицер Виктор Кранихфельд (1863-1922), который был родом из обедневшей дворянской семьи. Его отец Павел Кранихфельд служил мировым судьёй в Пинском уезде. Можно предположить, что именно по указанию Военной организации «Народной Воли» Виктор Кранихфельд выбрал армейскую стезю. Вот, что рассказал о себе Виктор Кранихфельд на допросе.

Протокол №

1886 г. января 4 дня, в Минском Тюремном замке. Г. Начальник Жандармского управления Минского, Борисовского и Игуменского уездов Штабс-Ротмистр Гилевич на основании закона 19 мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора Минского Округного Суда Сафина расспрашивал нижепоименного, который показал

Зовут меня Виктор Павлов Кранихфельд

От рода имею 22 года, вероисповедания православного

Происхождение и народность из дворян Минской губернии

Звание – подпоручик 120-го Пехотного Серпуховского полка

Месторождение и место проживания в селе Мариуполь, Карсунского уезда, Симбирской губернии, постоянное местожительство моё в Минске

Занятие – офицер

Средства к жизни [неразборчиво] на службе жалованье по чину подпоручика

Семейное положение – холост, имею в живых мать, которая с сентября 1885 г. живёт при мне, имею брата, проживающего в Москве, и трёх сестёр, София при брате, Мария, по мужу Корниенко, в Киеве и Лидия – в Каневе [неразборчиво]

Экономическое положение родителей. Моя мать, содержит себя на получаемую при Государственном казначействе пенсию.

Место воспитания и на чей счёт воспитывался – воспитание получил в Пинском реальном училище, куда, на сколько помню, поступил в 1872 году и вышел в 1880 году. В Рижское Юнкерское училище поступил в 1882 году и окончил курс в 1884 году.

Причины не окончания курса, в случае выхода из заведения, с указанием самого заведения. Из Пинского Реального Училища. Курса не окончил за неимением средств.

Был ли за границей, где и когда именно – не бывал.

Привлекался ранее к дознанию, каким и чем они окончены. К дознанию не привлекался¹.

Чуть позже братьям Кранихфельд дало характеристику для жандармерии и училищное начальство: «Братья Кранихфельд воспитывались в Пинском Реальном училище, но оба не окончили курса этого училища. Виктор выбыл из училища, по прошению [неразборчиво] из V класса в 1880 году, а Владимир [неразборчиво] из VI класса в 1883 году. Во время пребывания в училище Виктор Кранихфельд был весьма часто замечаем в опаздывании на урок, в драках с товарищами и нарушении дисциплины на уроках [неразборчиво]. Владимир Кранихфельд во время пребывания в училище; замечаем был весьма в [неразборчиво] в нарушении дисциплины, пропусках уроков без уважительных причин и уклонении от наложенных взысканий». Виктор Кранихфельд был осуждён и провёл 20 лет в ссылке в Восточной Сибири.

Мало изучен вопрос о связи пинских народников с минскими революционерами, среди которых было много пинчан: Моисей Веллер, сыновья священнослужителей – Николай Севрук, Данкевич, Михалевиц, Вержболовский и др.

Годы директорства барона Витте отмечены не только активной деятельностью в реальном училище народнических кружков. Это время – великих реформ императора Александра II, в которое поощрялось создание различных общественных организаций, прежде всего, благотворительных. В 1876 году было создано *Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского реального училища*. Его целью являлось оказание помощи бедным ученикам для оплаты за учёбу (на что шло основная часть средств), приобретения необходимых учебников, форменной одежды, лечения в случае болезни и т. п. На помощь учащимся тратилось ежегодно в среднем 800 рублей. Члены общества делились на почётных, действительных и соревнователей (сотрудников). Почётными членами являлись лица, сделавшие значительные пожертвования в пользу общества или оказавшие иные существенные услуги. Почётными членами были такие богатые и уважаемые в Пинске люди: князь Эдвин Геронимович Друцкий-Любецкий, граф Лев Вандалинович Пусловский, Александр Александрович Скимунт, Михаил Петрович Свежинский, барон Николай Германович Витте, Людвик Антонович Крашевский, Иван Васильевич Лозицкий... Действительными

¹ Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 446. – Оп. 3. – Д. 46. – Л. 79.

членами Общества были помещики, чиновники, учителя училища, священнослужители, врачи, богатые еврейские купцы и промышленники, общее число которых составляло около 50 человек. Они платили вступительный взнос и ежегодный взнос (5 рублей). Соревнователями были вносящие менее пяти рублей в год. Доход Общество получало также от частных пожертвований, от продажи билетов на благотворительные музыкальные и литературные вечера, как проценты от своих денег, которые хранились в сберегательной кассе Государственного банка. Пожертвования осуществлялись не только деньгами. Например, богатый помещик и промышленник Александр Александрович Скирмунт часто жертвовал большие отрезки тонкого сукна, произведённого на его фабрике, для пошива формы бедным ученикам. Председателем Общества вспомоществования нуждающимся ученикам был обычно уездный предводитель дворянства или городской голова, но им фактически руководили учителя училища.

Тогда роль Пинска как центра торговли значительно возросла. По инициативе местного еврейского купечества в училище было открыто коммерческое отделение, которое, к сожалению, в 1880 году было закрыто. В 1878 году в первый класс училища поступил один из самых знаменитых его питомцев – русский и советский архитектор Иван Владиславович Жолтовский (1867-1959), отец которого владел небольшим имением Бродче под Пинском. На здании бывшего реального училища висит сейчас мемориальная доска, на которой указано, что здесь с 1878 по 1886 год учился Иван Жолтовский. Об средненьких успехах в учёбе будущего мастера говорит следующий документ:

Бланк № 53

Свидетельство

Предъявитель сего бывший ученик второго класса Пинского Реального Училища Иван Владиславов Жолтовский, из дворян, Р. Католического исповедания, имеющий 12 лет от роду, поступил в 1878 году в I класс училища из домашнего приготовления во всё это время поведения был [хорошего] и в преподаваемых по уставу предметах оказал следующие успехи за год.

В Законе Божием удовлетворительные (3 $\frac{3}{4}$)

В Русском языке удовлетворительные (3)

В Арифметике удовлетворительные (3)

В Геометрии _____

В Тригонометрии _____

В Физике _____

В Естественной истории _____

В Химии _____

В Механике _____

В Начертательной геометрии _____

В Истории _____

В Географии удовлетворительные (3)

В Немецком языке _____

В Французском языке _____

В Чистописании отличные (5)

В Рисовании отличные (5)

1879 года Июля 4-го дня, он Жолтовский согласно прошению выбыл из первого класса, переведён в 1879 году во II класс, а потому на основании § 30 Устава Реального Училища Высочайше утверждённого в день 15 Мая 1872 года, он Жолтовский пользуется правами, представленным лицам, окончившим курс учения Реального Училища и на основании § 30 того же Устава, при поступлении в гражданскую службу, если имеет не то право по происхождению, подвергается испытанию для производства в первый классный чин; по отбыванию же воинской повинности, принадлежит на основании Высочайше утверждённого 29 Мая 1876 года положения, к четвёртому разряду, по жребию.

В удостоверение чего и выдано ему, Жолтовскому сие свидетельство из Пинского Реального Училища за надлежащею подписью и приложением казённой печати.

г. Пинск Июля 4-го дня 1879 года¹

¹ НИАБМ. – Фонд 885. – Оп. 1. – Д.2. – Л. 65.

Отметим, что рисованию будущего академика учили художники Дмитрий Егорович Шухов и Егор Николаевич Позняков, которые имели художественное образование. Постигал Иван Жолтовский в училище и основы строительного искусства, что, возможно, сказалось и на выборе профессии.

1-го августа 1882 года директором реального училища стал Фёдор Павлович Белькович (1840?-1886), который окончил физико-математический факультет Московского университета. Он запомнился пинчанам многим: бесплатно преподавал математику в женском пансионе, руководил ремонтом здания училища после пожара, создавал новые лаборатории. Во время его директорства в училище активно действовал тайный кружок первой польской марксистской партии «Пролетариат». Основными экономическими требованиями этой партии были: 1) национализация основных средств производства, в том числе земли; 2) ликвидация частной собственности, наёмного труда. К политическим требованиям относились: 1) ликвидация самодержавия; 2) установление народо-властия; 3) равенство религий; 4) свобода слова, союзов, собраний.

Историк Николай Черепица¹ пишет, что в Пинске среди учеников реального училища существовал самообразовательный кружок, членами которого были: Владимир Борисевич, Казимир Варпеховский (1866-1890), Тит Горегляд (1864-?), Константин Долбня, Болеслав Енджеевский (1867-1914), Владимир Кранихфельд (1865-1918), Александр Робинсон, Абрам Рывлин, Люциян Рыздзевский, Михаил Яновский, Фёдор Яворский и др. Думается, что это был не только самообразовательный кружок, но и народовольческий, о котором часто сообщала полиция. Руководила кружком молодая портниха Софья Сандберг (1862-?), имевшая богатый революционный опыт, связанная с московскими народовольцами. Члены кружка изучали и обговаривали революционную литературу, показали себя неординарными личностями. Так, Владимир Кранихфельд стал в будущем известным русским литературоведом, который исследовал творчество Тараса Шевченко, а Болеслав Енджеевский – видным деятелем ППС, соратником Юзефа Пилсудского. Кружковцы вели большую просветительскую работу среди местной еврейской молодёжи, показав при этом свою высокую культуру и умение глубоко мыслить. Их воспитанники писали сочинения на актуальные темы. Например, при обыске полиция нашла несколько сочинений дочери богатого купца Рашель Найдич, темы которых задал её учитель Тит Горегляд. В этих сочинениях ярко звучит антисамодержавная тема. В них говорилось о нищете и бесправии крестьян. Сочинение «Тормозы прогресса» с поправками Горегляда разоблачало самодержавие. Из поправок Горегляда видно, что он был очень начитанным человеком, знакомым с новейшей литературой по теории социализма, с самостоятельным мышлением. Он делал попытки отвергнуть некоторые утопические взгляды народничества и перейти на позиции марксизма. А вот, как отрицательно характеризовал Тита Горегляда директор училища:

МНП

Виленский

Учебный Округ

Пинское

Реальное училище

Ноября 29 дня 1883 г.

№ 739

г. Пинск Минская губерния

Секретно

*Г. Начальнику жандармского
управления Пинского и
Новогрудского уездов*

Вследствие секретного отношения Вашего Высокоблагородия от 25 сего ноября за №413, имею честь уведомить Вас, что бывший ученик VI класса вверенного мне училища Горегляд во время пребывания своего в училище поведения был недоброжелательного. Он всегда отличался неуважительным отношением к старшим и резкостью при объяснениях с преподавателями; часто пропускал уроки без уважительной причины и уклонялся от посещения богослужения.

Он, видимо, возмущался тем, что я требовал от учеников старших классов такого же неуклонного соблюдения формы и установленных правил, как от учеников младших классов, не допуская при этом учеников критиковать эти правила.

Посещая ученическую квартиру, на которой жил Горегляд, я не раз заставлял его за чтением сочинений, не имеющих прямого отношения к проходимому курсу, или газет. Будучи невежественным резонером, отличался грубостью и резкостью в обращении, и показывая довольно сла-

¹ Czerepica, M. Związki rewolucjonistów Białorusi i Polski w latach 70-80 XIX wieku / M. Czerepica. – Warszawa, 1985. – S. 112.

бые успехи в науках, Горегляд, тем же часе, слыл между своими товарищами за человека развитого и передового. По поведению за последнее время своего пребывания в училище Горегляд имел отметки (3). За дерзкое объяснение с инспектором он должен был подвергнут взысканию, во избежание которого выбыл из училища по прошению. Вообще наблюдения мои над Гореглядом привели меня к тому заключению, что натура его испорченная и убеждения его носят весьма сомнительный характер.

Директор Ф. Белькович¹

Вот так школьные власти плохо оценивали такую развитую и интересную личность, как Тит Горегляд. Он выделялся на фоне серой массы.

Самые опытные кружковцы вели революционную пропаганду среди пинских ремесленников. Так, Варпеховский и Енджеевский вели её в слесарных мастерских Бочковского. На этой почве произошло сближение пинского кружка с варшавскими революционерами: летом 1883 года ЦК партии «Пролетариат» установил тесные контакты с пинчанами. После арестов 1883 года, ослабивших центральную организацию партии, некоторые члены пинского кружка (Софья Сандберг, Болеслав Енджеевский, Казимир Варпеховский) были привлечены к работе в центральных органах партии в Варшаве. Летом 1884 года все активные члены пинского кружка были арестованы и осуждены.

В 1886 году умер директор училища Фёдор Павлович Белькович. На его место назначили Всеволода Васильевича Морозова, который окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и работал ранее в учебных заведениях Вильны. Этот опытный педагог написал учебник по астрономии (космографии) для средних учебных заведений. Он был человеком довольно передовых взглядов: в 1889 году, выступая на VIII съезде естествоиспытателей и врачей, высказался за введение метрической системы. В 1885 году в первый класс поступил другой знаменитый выпускник училища Хаим Вейцман (1874-1953) – в будущем крупный учёный-химик и первый президент государства Израиль. Отметим, что в 1871 году евреи составляли 77,7% всех жителей города Пинска. В середине 80-х годов в училище, на удивление, было много учеников еврейской национальности (34%). Это говорит о том, что в Пинске было много богатых еврейских семейств, так как плата за обучение была высокой. Стоит отметить, что указ о процентной норме при поступлении в средние и высшие учебные заведения евреев ещё не действовал. Учёба в реальном училище была не проста: в старших классах почти половина учащихся оставалась на второй год, а училище тогда заканчивали 13-17 учеников. Много внимания уделялось поведению учеников. Современный историк Инна Герасимова пишет: «От них [учащихся. – Авт.] требовалось строгое исполнение требований, содержащихся в «Ученических правилах», в которых указывалось исключительно о том, что запрещено и очень мало о том, что разрешено. Например, нельзя было ученикам ходить по улицам летом после семи вечера, а зимой – после шести. Особенно следила администрация за тем, чтобы в училище не проникла крамола – всюду директору чудились революционные сборища и влияние врагов режима. Именно поэтому реалистам не разрешалось пользоваться книгами других библиотек, кроме училищной, и классные наставники внимательно следили за тем, какие книги читают их подопечные. Чтение запрещённых книг преследовалось немилосердно, хотя часто педагоги не имели понятия об их содержании. Каждый класс состоял под непосредственным наблюдением своего классного наставника. В их число [классных наставников. – Авт.] входили директор, инспектор и пять преподавателей. Они внимательно следили за поведением учащихся как в учебном заведении, так и вне его, еженедельно сообщали родителям или родственникам об успехах и поведении учеников, представляли Педагогическому Совету подробные отчёты о состоянии поведения учеников за каждую четверть года. (...) В училище в 1887/88 учебном году работали две библиотеки – общая, где было 5881 том и ученическая – с 908 томами, физический и естественно-исторический кабинеты, класс рисунка»². Интересно, что Хаим Вейцман учился в одном классе с известным польским и полесским политическим деятелем Ежи Осмоловским (1872-1952).

После убийства императора Александра II начались правительственные гонения евреев, в которых видели пособников убийц. В 1887 году министр просвещения Иван Делянов издал Циркуляр

¹ ЛГИА. — Фонд 446. — Оп. 3. — Д. 3. — Л. 69-70.

² Герасимова, И. Из истории Пинского реального училища времён Хаима Вейцмана. 1885-1892 гг. / И. Герасимова // Евреи Беларуси: история и культура. — Минск, 2000. — Т. 5. — С. 201.

о введении процентной нормы для поступления евреев в российские средние и высшие учебные заведения. Через несколько лет после введения процентной нормы (10%) число учеников-евреев в училище резко уменьшилось: 1-3 в каждом классе. Проблемой также являлась двойственность положения реальных училищ. Они не давали право поступать в университеты, и не обеспечивали достаточной подготовки для практической деятельности. Реальные училища пользовались популярностью, но считались школой второго сорта. В 1888 году они были преобразованы в общеобразовательные учебные заведения, которые давали право поступать в университет на физико-математический и медицинский факультеты.

Пинскому реальному училищу было и чем гордиться. Особой гордостью являлась химическая лаборатория, в которой могли одновременно работать 12 учеников. Об учителях и уроках химии писал Хаим Вейцман в своих воспоминаниях: «Между учениками и учителями не было никакого контакта, да и ученики держались каждый сам по себе. Учителя были скорее чиновниками, чем педагогами; человеческие отношения и эмоции замещались у них формализмом и соображениями карьеры. Исключение составлял лишь учитель по фамилии Корнеев – ему, пожалуй, я обязан своими научными успехами. Он преподавал химию и искренне любил свой предмет. Именно благодаря ему я заинтересовался химией. В последнем, седьмом классе (мне было тогда восемнадцать лет), допускалась некоторая специализация. Каждый день у меня был, по меньшей мере, часовой урок химии, и два-три раза в неделю целое утро я проводил в лаборатории. Но нам так и не удавалось сколько-нибудь серьёзно продвинуться – общий низкий уровень сводил на нет старания Корнеева. Моя подготовка по математике и физике была, конечно, убогой. Я часто думал, как сложилась бы моя жизнь, если бы на моём пути случайно не оказался этот одарённый и добрый человек»¹. Этим замечательным педагогом был Дмитрий Архипович Корнеев, окончивший отделение естественных наук физико-математического факультета Новороссийского университета в Одессе и защитивший там кандидатскую работу по химии, а с 1877 года работавший учителем физики, химии и естественной истории Пинского реального училища. Он применял на уроках передовые методы обучения, стремился знакомить учеников с практическим применением знаний по химии в производстве. С этой целью Дмитрий Корнеев организовывал специальные экскурсии на промышленные предприятия города, с последующими письменными отчётами учащихся об увиденном. Так, ученики посетили винокурный завод помещика Скирмунта, пивоваренный – Иловицкого, стеариновый – Рабиновича, паровую маслобойку и фанерную фабрику Лурье и др. С конца 80-х годов Дмитрий Корнеев читал новый предмет «Химические технологии». В 1890 году его назначили инспектором Ковенской дирекции народных училищ.

Другим замечательным педагогом был преподаватель русского языка и словесности Сергей Петрович Зубакин (1850?-1918). Он окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и с 1884 года работал в Пинском реальном училище. Приобрёл популярность и любовь учащихся за глубокое знание русской литературы. У него была прекрасная библиотека, которой имели право пользоваться успевающие ученики. Зубакин был знаменитым библиофилом. Его библиотека со временем содержала около 16 тысяч книг, и считалась крупнейшим частным книжным собранием в Беларуси. Пинский промышленник Яков Элиасберг тепло вспоминал своего учителя: «На его уроках мы вели себя очень тихо. Он сразу замечал каждое нарушение дисциплины и делал такие язвительные замечания, что у провинившихся пропадала охота повторять свои выходки. Начиная с 5-го класса, Зубакин относился к нам как будто мы уже были студентами, и уроки его носили характер лекций. Он приходил в класс, часто находясь под влиянием лишней рюмки и, перебирая один брелок за другим, приступал к теме, которую он на этот урок избирал. Говорил он ясно, без заминки и весьма образно. Цитировал абсолютно точно, и каждая его цитата служила прекрасной иллюстрацией творчества данного писателя. Он пояснял нам смысл и значение произведений и входил в детали, объясняя разные литературные направления. Мы особенно ценили его доверие, когда он, в осторожной форме, упоминал о писателях, которые в официально рекомендованных пособиях и программах не фигурировали. Так, благодаря ему, мы узнали о существовании великих русских публицистов, о Белинском, Добролюбове и Писарева»². Часто Зубакин выступал на торжественных актах с речами, посвященными великим русским писателям и критикам. Так, в 1890 году его речь называлась «О воспитательном значении поэзии в связи с произведениями поэта М.Ю. Лермонтова, в 1897 году – «Краткий очерк жизни и

¹ Герасимова, И. Из истории Пинского реального училища времён Хаима Вейцмана. 1885-1892 гг. / И. Герасимова // Евреи Беларуси: история и культура. – Минск, 2000. – Т. 5. – С. 204.

² Элиасберг, Я. Успаміны і сустрэчы / Я. Эліасберг // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 190-191.

деятельности В.Г. Белинского и воспитательное значение его деятельности», в 1898 году – «Жизнь и деятельность А.С. Пушкина и значение его как национального поэта». В 1903 году Сергей Зубакин переехал в Минск, где основал частную мужскую гимназию.

Директор училища Морозов получил чин действительного статского советника и пошёл на повышение в Вильну на должность инспектора учебного округа, а на его место 13 февраля 1889 года был назначен Николай Петрович Циклинский (1845-?), окончивший физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и работавший преподавателем математики в Полоцкой учительской семинарии. В семинарии он зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Циклинского характеризовали как учителя, который «хорошо владеет своим предметом». Его уроки «до того понятные, логичные и наглядные, что не могут ни быть усвоены воспитанниками». Письменные задачи составлялись им на примере окружающей жизни. Циклинский создал в семинарии метеорологическую лабораторию. В 1888 году его назначили инспектором Пинского реального училища, а вскоре и директором. Годы директорства наложили свой негативный отпечаток на Николая Петровича Циклинского. Яков Элиасберг в своих воспоминаниях писал о нём: «Классным наставником второго класса был сам директор Николай Петрович Циклинский. Он был небольшого роста, неуклюжий и гнусавый. Преподавал арифметику и ботанику. Обязанности его, как директора, были чисто административными, и это отвечало его педантичному характеру. Циклинский требовал строго выполнять приказы, которые помещались в специальной книге под названием «Ученические Правила», где говорилось исключительно про то, что запрещено, и мало – что разрешено. А запрещалось много чего, например: ношение усов, бороды, длинных волос и тростей, курение табака, злоупотребление спиртными напитками, посещение представлений без специального разрешения инспектора, пользование библиотеками, за исключением классной и фундаментальной нашего учебного заведения, прогулки на улицах после семи часов вечера летом и шести – зимою»¹. Инспектором училища был тогда преподаватель математики Владимир Фёдорович Юденич.

В конце XIX века пинские купцы начали хлопоты об открытии при училище курсов рисования и черчения для ремесленников. С этой целью был создан Совет в составе директора училища Николая Петровича Циклинского, учителя рисования и черчения Фёдора Васильевича Грудницкого (сын протоиерея) и городского головы Адама Наполеоновича Кагля. Эти курсы были открыты в 1897 году, со сроком обучения в два года. Они пользовались популярностью среди ремесленников и ремесленных учеников. 90% обучаемых были евреями. Плата за обучение составляла всего два рубля за год, хотя на курс обучения отводился 71 урок. Основные расходы за проведение курсов несла Городская дума, которая выделяла ежегодно 300 рублей. Стоит, однако, отметить, что больше половины начинавших обучение не доводили его до конца.

В 1899 году Николая Циклинского перевели на ту же должность в Могилёвское реальное училище, а новым директором Пинского реального училища был назначен Владимир Васильевич Каменский, бывший до этого директором Новозыбковского реального училища в Черниговской губернии. Инспектором являлся бывший преподаватель математики Гродненской мужской гимназии Иван Иванович Будзиллович (1848-1911).

Конец XIX и начало XX вв. – золотая пора Пинского реального училища. Крепкий преподавательский коллектив и толковые директора позволяли учащимся давать хорошие знания. Учителя работали с полной отдачей. Педагогический совет заседал каждую неделю, хотя мог и раз в месяц. В его обязанности входило: приём учеников в училище, перевод их из класса в класс, обсуждение успехов в учёбе и поведения учеников, допущения их к экзаменам, определение наград ученикам, распределение учебных предметов по дням и часам, рассмотрение и одобрение учебных программ, составленных учителями, выбор учебных пособий, выбор книг для библиотеки и оборудования для учебных кабинетов, составление правил для учащихся, назначение взысканий с учащихся, составление инструкций для учителей и т.д. Именно тогда в Пинском реальном училище училось большинство его выдающихся выпускников.

Да и материальная база была неплохой. Кроме упомянутых кабинетов и лаборатории был и рисовальный класс. В 1900 году фундаментальная библиотека насчитывала свыше 8000 книг. Была неплохая подборка нотных изданий для пения и музыки. Кроме того, в каждом классе была свои ученические библиотеки, которые состояли из книг, одобренных Министерством Народного Просвещения. Ученическими библиотеками заведовали классные наставники. Выписывалось 18 жур-

¹ Эліасберг, Я. Успаміны і сустрэчы / Я. Эліасберг // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 190.

налов и газет: «Журнал Министерства Народного Образования», «Правительственный Вестник», «Церковный Вестник с Христианским Чтением», «Педагогический Сборник», «Новое Время», «Виленский Вестник», «Русский Вестник», «Исторический Вестник», «Родник», «Вестник опытной физики и элементарной математики», «Физическое Обозрение», «Нива», «Естествознание», «Землеведение», «Вестник воспитания», «Филологические Записки», «Детский отдых», «Церковные Ведомости». Естественно-исторический кабинет имел до 1500 предметов. Физический кабинет имел до 2300 приборов. В училище был хороший ученический хор и оркестр, для которого был закуплен комплект духовых и струнных музыкальных инструментов.

Хорошо была поставлена воспитательная работа. С конца 80-х годов XIX века стали активно проводить литературные и литературно-музыкальные вечера (иногда благотворительные), куда приглашалось городское общество. Исполнялись драматические и музыкальные пьесы, песни и литературные произведения патриотического содержания. Тематика их вначале ограничивалась только датами, связанными с жизнью и деятельностью царей и их семейств. Позже стали проводить вечера в честь русских полководцев и писателей. Например, 7 мая 1901 года состоялся торжественный вечер, посвященный столетию со дня смерти полководца Александра Суворова: в домовой церкви была совершена панихида, учитель истории Пётр Алексеевич Костров произнёс речь, посвящённую личности и деятельности фельдмаршала, некоторые ученики произнесли стихотворения, посвященные памяти Александра Суворова. Всё это сопровождалось пением ученического хора и игрой оркестра. Ежегодными праздниками в училище были годовые акты. Актёрский зал для этого украшался. На актах присутствовали учителя, ученики, их родители, почётные гости. Акт обычно начинался пением молитвы «Днесь благодать Святого Духа насъ собра», после этого секретарь Педагогического совета читал составленный им отчёт за прошедший учебный год. По окончании чтения отчёта учащимся раздавались награды в виде книг (преимущественно сочинений Пушкина) и похвальных листов. Чтение отчёта чередовалось с исполнением ученического оркестра, а в конце акта хор учеников исполнял государственный гимн.

Интересный выпуск был в 1899 году. Тогда училище окончили: выдающийся учёный-изобретатель Ицко Шейнберг (1880-1963), который под именем Исаак Шонберг прославился как один из создателей телевидения; пинский промышленник Яков Элиасберг (1881-1966); сын директора училища, известный инженер-путеец Сергей Циклинский (1881-?); известный деятель белорусского движения Эдмунд Зуземиль (1881- после 1944). Последний – интереснейшая личность. Эдмунд Зуземиль учился в лучших европейских университетах: Мюнхенском, Эдинбургском и Берлинском. С 1908 года работал учителем немецкого языка в Пинском реальном училище, примкнул к белорусскому национальному движению: писал статьи в газету «Наша Нива» под псевдонимом Agrus. В годы Первой мировой войны Эдмунд Зуземиль, как офицер немецкой разведки, курировал белорусское движение. Существенно он помог провозглашению Белорусской Народной Республики, дружил со многими белорусскими деятелями: Иваном Луцкевичем, Вацлавом Ластовским, Болеславом Почобкой и др.

4 мая 1901 года училище посетил минский губернатор, князь Трубецкой. Он осмотрел церковь, кабинеты, классы, посетил экзамен по тригонометрии. Губернатор поблагодарил учеников за энергичное и героическое участие в тушении пожара, который произошёл 30 апреля, когда выгорела значительная часть города. Огонь очень близко подошёл и к зданию училища, но усилиями учащихся здание удалось отстоять.

В начале XX века в Пинске ощущалось дыхание грядущей революции. В самом училище произошёл следующий инцидент. Перед занятиями учащиеся всегда молились: православные – в домовой церкви, а католики – в одном из залов. Один из учеников-католиков читал текст молитвы на латинском языке с листочка, а остальные повторяли за ним. Читать молитвы на польском языке строжайше запрещалось. Однажды (в 1902 году) листок с латинским текстом был разорван и выброшен в окно, а молитву ученики прочитали на польском языке. Ученики-католики требовали, чтобы урок Закона Божьего проводился на польском языке. После этого инцидента 22 ученика VI класса из училища были исключены. Тогда же в училище стали появляться революционные кружки эсеров, социал-демократов, бундовцев и других революционных партий.

Расстрел царскими войсками безоружных петербургских рабочих 9 января 1905 года вызвал всеобщее негодование и положил начало первой русской революции, которая докатилась и до Пинска. Забастовали рабочие типографии Вильковича, спичечной фабрики Гальперна, фанерной фабрики братьев Лурье, кожевенных заводов Чертка и Котка, ремесленники города. Революционный дух проник и в реальное училище. Ученики старших классов стали собираться на частных квартирах на сходки. Составили прошение Попечителю Виленского учебного округа с требовани-

ями демократизации школьной жизни и улучшения учебных программ и приняли решение объявить забастовку.

*Его Высокопревосходительству
Господину Попечителю Виленского
учебного округа*

Прошение

Находя существующий школьный режим вообще, и условия ученической жизни в Пинском реальном училище в частности, не соответствующем, нашим потребностям и крайне стеснительным, мы ученики Пинского реального училища, решили прекратить учебные занятия впредь до полного удовлетворения следующих пунктов, необходимых по нашему глубокому убеждению для правильного и всестороннего развития:

I Уничтожение вмешательства инспекции в домашнюю жизнь учеников, т. е. надзора, обысков, конфискаций, шпионства.

II Уничтожение поднадзорных ученических квартир; свободный выбор местожительства в зависимости от указаний родителей (можно жить у родственников и знакомых).

III Право собраний в здании училища с целью обсуждения на них вопросов касающихся ученического быта, без контроля училищной власти.

IV Право ходатайства учеников чрез выборных представителей перед директором или педагогическим советом об удовлетворении нужд всего училища или отдельных классов.

V Право организации кружков с целью самообразования, без контроля училищной власти.

VI Свободное посещение богослужений, т. е. не посещение богослужений не должно отражаться ни на поведении, ни на успехах учеников.

VII Право учеников отстаивать своё мнение на уроках, относительно вопросов, имеющих связь с преподаванием.

VIII Организация бесед (исторических, литературных, богословских, по естествознанию и физике), свободный выбор учениками тем.

IX Допущение учеников в физический кабинет для самостоятельного производства опытов.

X Библиотека должна быть разделена на отделы по предметам; каждый преподаватель заведует своим отделом, выдает и рекомендует книги. В составлении списков для обогащения библиотеки должны принимать участие ученики.

XI Изменения в программе по истории литературы: в VI классе первые ½ года посвящаются общему и краткому изучению древнего периода литературы до Карамзина. 2-е полугодие изучению Карамзина (кратко), Жуковского (кратко), Крылова, Грибоедова, Пушкина и Лермонтова; в VII классе разбираются произведения Гоголя, Тургенева, Островского, Гончарова, Л. Толстого и Достоевского.

XII Допущение учеников 6-го и 7-го классов к экзаменам без всяких ограничений, и по желанию ко вторичным экзаменам в августе. Допущение учеников младших классов к экзаменам в августе без всяких ограничений, т. е. с каким угодно числом двоек.

XIII Изменение штата: директор, преподаватель русского языка, преподаватель рисования, помощник классного наставника Дьяконов; желательно особый штатный преподаватель французского языка.

XIV Необходимые гигиенические реформы: устройство курительного зала для 3-х старших классов и тёплых ватер-клазетов.

XV 1904-5 учебный год считается законченным при удовлетворении всех пунктов.

XVI Участникам забастовки не должны пострадать.

Ученики Пинского реального училища¹

21-го февраля 1905 г.

Тревожные слухи дошли и до директора училища Каменского, который на заседании Педагогического совета 21 февраля заявил: «На прошлой неделе я получил анонимное письмо о том, что рабочие г. Пинска собираются 21-го сего февраля устроить бунт в городе и, между прочем, врываться в училище с требованием прекратить занятия, и что в случае сопротивления со стороны

¹ ЛГИА – Фонд 567. – Оп. 26. – Д. 754. – Л. 28-29.

преподавателей, будут стрелять. Затем, 21-го февраля, в 6 час. вечера ко мне являлся лично Г. Помощник Начальника Минского Губернского Жандармского Управления и со слов своего агента, сообщил, что ученики Пинского реального училища, главным образом, р.-католики и евреи, 22-го сего февраля собираются устроить в училище забастовку и произвести беспорядки. В тоже время и Г. исп. об. Инспектора училища Е.В. Васильев с 18-го по 21 сего февраля стал получать частным образом чрез родителей учащих сведения, что ученики готовятся устроить в здании училища беспорядки и предъявить при этом свои какие-то требования. Агитация в этом направлении ведётся главным образом среди учеников VI-го и VII-го классов, которые со своей стороны стараются вовлечь в движение и учеников V-го, IV-го и III-го классов. Агитируют среди учеников прибывшие в Пинск студенты и ученики разных коммерческих училищ. 21-го сего февраля, днём, тёмным путём получены сведения, что ученики предполагают устроить общий погром в училище и даже поджечь гимнастический зал»¹.

И вот наступило 22 февраля 1905 года. После общей предурочной молитвы ученики-католики остались в помещении IV класса. Директор пошёл в этот класс, ученики стали шуметь и кричать: «Вон, вон». Их лидеры Крюковский, Корецкий и Пацовский попросили Каменского передать попечителю их прошение. Тот отказался и потребовал, чтобы собравшиеся разошлись по своим классам. Ученики не послушались, тогда директор пригласил полицейский наряд в здание училища. После этого ученики разошлись по своим домам.

Участники забастовки, будучи напуганы угрозами училищного начальства, решили искать поддержку у великого русского писателя, морального авторитета Льва Толстого. Они написали ему письмо с просьбой о помощи.

*Пинские реалисты
1905 25/II*

*Ваше Сиятельство,
Многоуважаемый Лев Николаевич!*

Простите, что беспокоим Вас. Но положение, в которое мы попали безотрадно, прямо безвыходно. Мы – люди молодые, склонны к заблуждениям и крайностям. Нас бы ободрило и придало уверенности Ваше авторитетное слово. Войдите в наше положение, подайте нам совет, помогите, потому что за нас никто не хочет вступиться.

Постараюсь по мере возможности сжато изложить причины, побуждающие нас обратиться к Вам за помощью. 21-го февраля 1905 года мы, ученики старших классов Пинского (Минск. Губ.) реального училища обратились к попечителю нашего округа с прошением о желательных изменениях в училищном режиме и преподавании. Копию с этого прошения (которую мы прилагаем в этом письме) мы подали нашему директору, собравшись почти все в одном классе. При этом, зная из газет и от лиц компетентных, что прошения при бюрократическом режиме и канцелярщине, царящими в России, разбираются очень долго, а часто даже и непрочитанные кладутся под сукно, – мы решили прекратить занятия впредь до полного удовлетворения нашей просьбы. Сознавая вместе с тем, что некоторые из наших просьб не могут быть осуществлены в непродолжительный срок, мы прекращением занятий на время хотели добиться, чтобы на наше прошение обратили внимание наши ближайшие начальники и, главным образом родители. Если бы нам пообещали съезд всех родителей для обсуждения этого прошения, причем допустили бы на съезд и нескольких учеников для того, чтобы родители могли сообразоваться не только с показаниями училищной администрации (которая хочет выставит нас в неблагоприятном для нас свете), но и с показаниями самих учеников, – то после этого обещания мы могли бы продолжать свои занятия. Но, как оказывается, съезд родителей может быть устроен только самим попечителем и то только тогда, когда сами родители выразят желание обсудить это прошение. Между тем, многие родители вооружены против этого движения самой училищной администрацией, которая на заседании некоторых родителей учеников старших классов, проживающих в городе, постарались представить наше движение, наш протест против училищного гнёта, казённости и формализма, как бунт кучки учеников старших классов, не желающих учиться, а желающих бунтовать и смущать этим других. Уверяем Вас всеми святыми, что нам очень хочется учиться, что общественные освободительные движения последнего времени ещё более развили в нас жажду знаний и правильного умственного и нравственного развития. Поэтому подобный взгляд родителей на наше общее движение, которому все мы сочувствуем всеми силами души, нас положительно обескураживает. Родители нам не сочувствуют, училищная инспекция творит

¹ ЛГИА – Фонд 567. – Оп. 26. – Д. 754. – Л. 6, 7.

над нами всякого рода насилия (тацит за шиворот в класс, запугивает нас, называя политическими преступниками, грозит удалить из училища в 24 часа, распускает слухи о будто бы творимых нами беспорядках и насилиях над учениками младших классов, привлекает к запутанным и стеснительным допросам по одиночке...), называя нас бунтовщиками и желая выведать фамилии зачинщиков. Внезапно многим из нас пришла в голову мысль воспользоваться теперешним общим проявлением недовольства существующим порядком, чтобы добиться некоторых улучшений в нашем режиме, который подавляет самостоятельность, затемняет наши нравственные понятия о справедливости, правде и добре, вызывает в нас апатию, недоверие к людям и озлобление против всего окружающего. Высказав друг другу наши мысли, надежды и предположения, мы увидели, что нашим желаниям сочувствует большинство мыслящих товарищей. Тогда мы начали устраивать сходки, на которых обсудили особенно бросающиеся в глаза недостатки современного строя средних учебных заведений (особенно нашего реального училища) и выработали прошение. Отступить от своих мнений мы теперь не можем, а потому при теперешнем взгляде родителей и инспекции на наше движение, многим ученикам старших классов придётся оставить училище, что для них очень неприятно и губит всю будущность. Начав образование, мы бы не хотели остановиться на полудороге.

Правду сказать, некоторые из родителей даже склонны сочувствовать нашему движению, но опасались открыто высказаться на заседании, не рассчитывая на поддержку других и боясь за участь своих сыновей. Многие ждут только намёка, чтобы открыто высказаться за нас, – но здесь нужно авторитетное слово за наше движение.

Дорогой писатель и мыслитель! Вникните в наше положение, обратите внимание на то, что мы действуем совершенно одни среди всеобщего не сочувствия и нерасположения, что наши заветные мечты могут погибнуть, а между тем мы искренно жаждем обновления, страстно желаем изменения строя и реальных училищ и отступить, сознавая наше полное бессилие, нам тяжело, невыносимо тяжело!

Если наша просьба встретит сочувствие в Вас, Лев Николаевич, то не откажите ответить нам или поместите Ваш отзыв в газете «Русь», которую мы (уч. VII кл.) выписываем в складчину.

Ответ, если прилетите, будет ждать ученик VII кл. Пинского реального училища Владимир Петров (его адрес: Пинск, Минск. Губ., Петербургская ул., д. 2-жи Теодорович). Конечно, мы сознаём, что с нашей стороны прямо дерзость беспокоить Вас подобной просьбой и ещё рассчитывать на ответ. Но простите, Лев Николаевич, незрелой молодёжи.

Ждущие с нетерпением ответа ученики VII-го кл.
Пинского реального училища.

25-го февраля 1905 года¹.

К сожалению, неизвестно получили ли ответное письмо от великого писателя ученики реального училища. Однако на последовавшем Педагогическом совете разбиралось поведение каждого ученика старших классов, которые обязались приступить к занятиям после весенних каникул – 7 марта. Ничего неизвестно также о массовых исключениях учеников старших классов. Возможно, до училищного начальства дошли слухи о письме старшеклассников Льву Толстому, поэтому оно и не зверствовало.

7(20) ноября 1910 года на станции Астапово умер великий русский писатель Лев Толстой. 11 ноября благодарные ученики реального училища отправили телеграммой свои соболезнования его вдове:

В Ясную Поляну графини Толстой

Ученики Пинского реального училища сливают своё горе с горем России и мира по случаю кончины Великого Гражданина России.

Уполномоченный Мевюс²

И после февральских событий обстановка в училище не успокоилась окончательно. Уже в апреле группа учеников подала директору прошение с требованием об удалении из училища своего одноклассника Бориса Комарского за шпионаж, который, по их мнению, следил за учащимися и доносил начальству. Однако и это требование учащихся не было удовлетворено.

¹Документ из экспозиции музея «Истории образования» Пинского центра детского и юношеского туризма.

²Документ из экспозиции музея «Истории образования» Пинского центра детского и юношеского туризма.

Неспокойно было и в окрестных сёлах. Эсеры, в отличие от социал-демократов и бундовцев, делали ставку не на рабочих, а на крестьян. Многие ученики училища активно участвовали в революционных событиях.

*Помощник Начальника
Минского Губернского
Жандармского Управления
Августа 19 дня 1905 г.*

Секретно

Сообщаю, что ученик 7-го класса Пинского реального училища Пётр Степанович Борейша 7-го сего августа привлечён мною к дознанию в качестве обвиняемого по 1 и 2 п.п. 129 ст. Уголовного Уложения с принятием меры пресечения способов уклоняться от дознания и Суда залога в сумме 2000 рублей. Основанием для привлечения к дознанию Пера Борейши послужило следующее.

1) 29-го июля сего года Борейша вместе с бывшим учеником реального училища Владимиром Петровым приехали в село Локницу, где последний перед собранными ими крестьянами держал антиправительственную речь и уговаривал к разгрому имений и

2) Передача Борейшою дня за три перед 29 июлем крестьянину прокламаций и брошюр издания Социал Революционеров

Ротмистр¹

Петра Борейшу 29 августа 1905 года исключили из реального училища, но через три месяца восстановили.

Революционные события в Пинске достигли своего апогея в декабре 1905 года. Молодёжи было роздано 600 револьверов. Власть в городе оказалась в руках революционеров. Помощник начальника Минского губернского управления ротмистр Нартов в телеграмме, посланной 15 декабря из Пинска, сообщал департаменту полиции: «Пинск в руках вооружённых революционеров». Думается, что ученики реального училища не могли остаться в стороне от таких манящих их событий. Да и в самом училище, даже после затишья, происходили революционные выступления, хотя этот вопрос мало исследован.

*Попечитель Виленского
учебного округа
Март 2 дня 1907 г.*

Министру Народного Просвещения

20 истёкшего февраля, в день запрета Государственной Думы, ученики старших классов Пинского реального училища не пошли на уроки и, несмотря на увещевания исправляющего должность директора, оказали решительное непослушание. Выйдя из стен училищного здания, они несколько раз врвались в Пинскую женскую гимназию и принудили учениц старших классов уйти из гимназии после второго урока, несмотря на то, что ученицы, под влиянием Управляющего гимназии Русецкого вызвали нежелание прерывать учебные занятия. Для расследования этого дела мною командирован в названные учебные заведения Окружной Инспектор Н.Г. Коссаковский,

Докладывая об изложенном, имею честь выразить (...)

Попечитель барон Б. Вольф²

Активных участников тех событий Педагогический совет хотел исключить из училища, но за них заступился родительский комитет, готовый взять их на поруки. Их оставили в училище, но понизили оценку по поведению. Но уже 1 апреля 1907 года во дворе пинского францисканского костёла полицейскими был найден чемодан, в котором находились печать с надписью «партия социал-революционеров Пинская ученическая организация», несколько прокламаций от имени этой партии с революционным обращением к учащимся, членские билеты партии эсеров и несколько книг нелегального содержания. Те же полицейские произвели обыск у ученика 7-го класса реального училища Александра Круковского, живщего в костельном доме. В результате обыска были найдены 44 запрещённые книги – революционного содержания. Причем в этом деле фигурировали многие из взятых на поруки учеников. Думается, что из-за всех этих революционных событий директор Владимир Васильевич Каменский был освобождён от занимаемой должности.

Почти год должность директора была вакантной, пока не назначили в январе 1907 года инспектора Минского реального училища, преподавателя математики и физики Николая Николаевича

¹ ЛГИА. – Фонд 567. – Оп. 26. – Д. 767. – Л. 1.

² ЛГИА. – Фонд 733. – Оп. 166. – Д. 813. – Л. 343.

Органова (1860-1927), окончившего физико-математический факультет Московского университета. Ему тоже пришлось несладко. Полицейские к этому времени почти раскрыли дело о найденном в костельном дворе чемодане. Оказалось, что в городе действовала «Пинская организация учеников-революционеров», состоявшая из учащихся и бывших учеников реального училища: Александр Круковский (руководитель), Владимир Вербанович (1888-1970), Павел Добровольский (1890-?), братья Дмитрий и Пётр Георгиевские, Константин Корейво (1889-?), Владимир Восинский, Яков Гольдберг (1886-?), Флор Сакович, Антон Липко (1890-1941?), Александр Сак (1890-1937?) и др. Организация находилась под влиянием эсеров, издавала даже свой журнал «Воля», который печатался на гектографе (вышло три номера).

Апреля 9 дня 1908 г.

№ 59

По делу о причастности
учащихся Пинских
учебных заведений
в организации партии
социалистов-революционеров

Секретно

Господину Министру
Народного Просвещения

В дополнение к донесениям моим от 18 и 20 января сего года, за №№ 5 и 8, по делу об обнаружении в г. Пинске организации партии социал-революционеров и о причастности к этой организации некоторых учеников Пинского реального училища, имею честь почтительнейше донести Вашему Высокопревосходительству, что кроме учеников названного училища, упомянутых в донесениях за №№ 5 и 8 и в особо представляемом, вместе с сим, рапорте Окружного Инспектора Н.Г. Коссаковского, чинами местного Жандармского Управления были произведены обыски, в ночь на 8 марта и в квартирах следующих учащихся, по подозрению в принадлежности их к преступной организации: Пинского реального училища VII класса Саковича Флора, Закса Авраама, Савинского Владимира, VI класса – Закса Самуила, Гейхроха Николая, V класса Сельверстова Константина и Фохта Александра; учениц Пинской женской гимназии: VII класса – Рудитейн Розы, VI класса – Ливищ Мариама и Файнберг Ольги, и ученика VI класса частного учебного заведения В.П. Чайковского в г. Пинске Вербановича Владимира. Из поименованных учащихся после обысков, были арестованы ученики реального училища Флор Сакович, Авраам и Самуил Заксы, ученицы женской гимназии Мариама [Ливищ] и Роза Рудитейн и ученик частного учебного заведения Чайковского Владимир Вербанович, – но из них Авраам и Самуил Заксы были тотчас же отпущены, так как оказалось, по сообщению местного жандармского ротмистра Шульца, что оба они были задержаны «по недоразумению», – а Сакович, Ливищ, Рудитейн и Вербанович подвергнуты личному задержанию в порядке 21-й ст. Положения о Государственной Охране и заключены под стражу: у всех их при обыске найдены издания нелегальной литературы и компрометирующая переписка, причем Флор Сакович, как сказавшийся наиболее скомпрометированным, привлечён в качестве обвиняемого по 102 ст. Угол. улож. и заключен в Пинскую тюрьму.

У остальных подвергнувшихся обыску учеников реального училища Савинского, Гейхроха, Сельверстова, Фохта и девицы гимназии Файнберг произведёнными обысками ничего предосудительного не обнаружено, самый обыск этих учащихся, по сообщению жандармского ротмистра Шульца, был произведён только потому, что с ними был знаком ученик реального училища Сакович, не без основания заподозренный в принадлежности к тайной организации.

Постановлением Педагогического Совета Пинского реального училища 12 марта за №14 Флор Сакович признан нежелательным не только в названном училище, но и в другом учебном заведении г. Пинска и уволен из училища по пункту 18 §11 Правил о взыскании с баллом по поведению «3». Равным образом, признано нежелательным и оставление в числе учеников частного учебного заведения Чайковского ученика Вербановича, поступившего в это заведение из VI класса Пинского реального училища и не отличавшегося хорошими успехами и поведением, и потому Вербанович, по донесению мне заведывающего названным учебным заведением, исключён из списка учеников. Ученицы же Пинской женской гимназии Ливищ и Рудитейн, на основании существующих циркулярных распоряжений о порядке исключения учащихся, привлечённых к дознанию о преступной пропаганде, постановлением Педагогического Совета гимназии от 11 марта за №8 уволены из гимназии временно, вплоть до выяснения степени их виновности.

Приведённые постановления начальств учебных заведений мною утверждены.

Попечитель¹

¹ ЛГИА. – Фонд 733. – Оп. 166. – Д. 811. – Л. 73.

Ученическая эсеровская организация возникла в Пинском реальном училище после подавления забастовки рабочих пинских железнодорожных мастерских во время революционных событий 1905 года. Её деятельность заключалась в основном в распространении эсеровской политической литературы. В апреле 1909 года эсеровская организация Пинского реального училища была разгромлена полицией, а суд приговорил к ссылке в Красноярский край её руководителей, а Владимира Вербановича – к пожизненной.

Постепенно жизнь в городе и училище входила в привычное русло. Ученики реальных училищ получили право поступать в университеты при условии сдачи дополнительного экзамена по латинскому языку. Продолжало работу Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского реального училища. В среднем за год помощь получало около 70 учащихся, детей незажиточных родителей. Некоторые ученики получали стипендии, что имело давнюю традицию. Ещё в 1864 году пинское купечество обязалось вносить ежегодно 150 рублей на стипендию имени графа М. Муравьёва. По решению педагогического совета гимназии первым стипендиатом стал сын бедняка-крестьянина Юлиан Павловский. Благодаря стипендии, он окончил гимназию с серебряной медалью и поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения. В училище были следующие стипендиальные капиталы:

1) Капитал Конвикт Полховского – 12281 руб. В 1873 году ротмистр Иван Полховский выделил капитал, чтобы с процентов от него содержать и воспитывать в Пинском реальном училище бедных дворян из рода Полховских (на трёх воспитанников по 140 рублей в год).

2) Капитал фондуша Янушко – 9861 руб.

3) Капитал на стипендии имени Наполеона Орды – 3911 руб. для обучения бедных детей из рода шляхетского Орд (1887 год). В 1882 году художник Наполеон Орда завещал 2000 рублей на стипендии для малообеспеченных учеников реального училища. Наверно, эти деньги стали основой капитала на стипендии имени Наполеона Орды.

4) Капитал, пожертвованный Пинской Городской Думой в память Священного Коронования Их Императорских Величеств Николая II и Александры Фёдоровны – 1019 руб.

5) Капитал, пожертвованный служащими и учащими в Пинском реальном училище на стипендию в память Священного Коронования Их Императорских Величеств Николая II и Александры Фёдоровны – 1024 руб.

6) Капитал, пожертвованный уездным предводителем дворянства Яковом Ильяшенко в 1903 году.

Отметим, что в 1914 году стоимость обучения одного ученика составляла 160 рублей 60 копеек в год, хотя плата всего – 55 рублей (свыше 100 рублей платило государство).

В 1867 году было открыто Северо-Западное отделение императорского Русского географического общества. Потом оно прекратило свою работу, но в 1910 году возобновилось. Главной целью основателей отделения было: изучение «родной земли и людей её обитающих», то есть собирание и распространение географических, статистических и этнографических сведений о Беларуси и Литве. Издавался журнал «Записки Северо-Западного отделения императорского Русского географического общества». В отделении имелось четыре отдела:

1. археологии, возглавляемый известным историком и архивистом Флавиан Николаевич Добрянский (1848-1919);;

2. истории, возглавляемый известным писателем, историком, генералом Александром Владимировичем Жиркевичем (1875-1927);

3. географии, возглавляемый журналистом Александром Софроновичем Вруцевичем;

4. археологии, возглавляемый известным белорусским этнографом и археологом Евдокимом Романовичем Романовым (1855-1922).

Интересно, что почти все учителя Пинского реального училища были членами-сотрудниками Северо-Западного отделения Русского географического общества: сам директор Николай Николаевич Органов, законоучитель Владимир Шимановский, учителя математики и физики – Рейнгольд Георгиевич Юргенсон и Александр Осипович Наревич, учитель природоведения Платон Филиппович Кулаков, учитель французского языка Иосиф Юльянович Гржималовский, учитель гимнастики, поручик Вальтер Альфредович фон Панцерн. Ни одно учебное заведение Виленского учебного округа не могло похвастаться таким широким представительством. Думается, что это результат активности и энтузиазма в работе директора училища.

В начале XX века как новые формы воспитательной работы стали применяться в училище экскурсии и походы. Учитель истории Пётр Костров каждый год возил группу учеников на экскурсии по примечательным городам Российской империи, которые продолжались две-три недели. Такие

экскурсии вносили в однообразную жизнь учеников много свежих впечатлений. Экскурсанты были очень довольны такими экскурсиями.

Большинство преподавателей училища были увлечены краеведением. Любовь к родной земле они старались привить и своим воспитанникам. Недаром тогда Пинское реальное училище занимало одно из первых мест в Виленском учебном округе по числу экскурсий учащихся. Так, в 1910 году они совершили восемь экскурсий:

1. Санкт-Петербург и Финский залив. Реалисты вместе с учениками Первой Виленской и Бобруйской гимназий три дня осматривали достопримечательности столицы, а потом, переодевшись в матросские костюмы, совершили морскую прогулку на парусной шхуне «Утро», дойдя до Кронштадта и проплыв вдоль берегов Финского залива. На шхуне их посетил великий князь Александр Михайлович. Руководитель – преподаватель Первой Виленской гимназии Наумов.

2. Имение Поречье Пинского уезда. Ученики знакомились с производством на суконной фабрике и винокуренном заводе. Руководитель – преподаватель математики Рейнгольд Юргенсон.

3. Рига, взморье и Лифляндская Швейцария. Ученики знакомились с памятниками архитектуры и красотами местной природы. Руководитель – инспектор училища Иван Конрад.

4. Имение Телеханы Пинского уезда. Ученики знакомились с производством на стекольном заводе, а также с работой системой шлюзов на Огинском канале.

5. Село Купятичи Пинского уезда. Для поклонения полесской святыни, чудотворной иконе Божией Матери. Руководитель – законоучитель, священник Владимир Шимановский.

6. Москва. Для ознакомления с историческими памятниками города. Руководитель – директор училища Николай Органов.

7. Имение Теревень Пинского уезда. Ученики совершили военно-гимнастическую прогулку на пароходе с музыкой. Руководители – инспектор Конрад и учитель гимнастики фон Панцерн.

8. Имение Гай Пинского района. Почти все ученики училища (292 из 304) совершили военную прогулку под руководством Вальтера фон Панцерна. Колонну учащихся возглавили 23 велосипедиста, ученический оркестр, три старших класса с ружьями. В лесу занимались военной подготовкой, спортивными играми, собиранием гербариев и грибов. После вкусной трапезы ученики строем вернулись вечером в Пинск.

В 1914 году под руководством преподавателя естествоведения Платона Кулакова были совершены в окрестностях города естественно-исторические экскурсии (всего – 21).

Учителя реального училища интересовались передовыми методиками преподавания. Так, в конце зимы 1908 года в Вильне состоялся съезд преподавателей математики, физики, естествознания и географии средних учебных заведений. В работе секции математики приняли активное участие директор Николай Органов, учителя математики Александр Наревич и Владимир Юденич.

Отметим остальных учителей реального училища: законоучитель римско-католического вероисповедания Казимир Букраба (1885-1946), в будущем пинский епископ; учитель русского языка, словесности и истории Андрей Иванович Цыбрук (1889-после 1940), в будущем директор Пинской русской гимназии в межвоенной Польше; учитель математики, космографии и черчения Александр Фёдорович Маслиевич; учитель истории и законоведения Николай Николаевич Короленко; учитель рисования, чистописания и черчения Леонид Александрович Якобсон (?-1915); учитель пения Михаил Иванович Бабинец и учитель музыки Абрам Мовшевич Гарбуз. При Пинском реальном училище сдавали экзамены на звание народного учителя. Для сдачи экзаменов кандидаты на звание должны были иметь свидетельство о политической благонадёжности.

Подчеркнём, что учиться в реальном училище было тяжело, многие ученики отчислялись за неуспеваемость. В 1914 году успеваемость по предметам была следующая: закон Божий – 100%, русский язык – 88,29%, немецкий язык – 91,29%, французский язык – 80,8%, арифметика – 86,91%, алгебра – 80,08%, геометрия – 79,6%, тригонометрия – 83,58%, космография – 96,3%, физика – 91%, естествоведение – 94,7%, история – 95,45%, законоведение – 100%, черчение – 96,05%, география – 93,91%, рисование – 97,66%, чистописание – 96%, специальный курс математики – 92,59%.

Летом 1914 года началась Первая мировая война. Всё российское общество тогда охватил патриотический подъём. Пинск не остался в стороне. 30 июля по улицам города прошла патриотическая манифестация, в которой участвовали около 5000 человек: мещане, купцы, учащиеся реального училища, чиновники, представители православного духовенства и т.д. В Пинске организовывались трудовые дружины учащихся для оказания помощи в полевых работах семьям лиц, призванных на войну. Однако жизнь и учёба продолжались.

В 1914 году реальное училище помещалось в двух собственных двухэтажных каменных зданиях и одном одноэтажном деревянном доме, но площадей не хватало. Проверяющие отмечали тесноту классов, церкви и других помещений, а также отсутствие шинельной (гардероба), рекреационного (спортивного) зала и т.д. С началом мировой войны, по причине занятия его зданий Киевским госпиталем Красного Креста, училище функционировало временно в частных помещениях, отведённых по распоряжению генерал-губернатора, одним из которых был дворец Бутримовича. За эти частные помещения училище ничего не платило, равно как и не получало денег за собственные его здания, занятые госпиталем. Большая часть училищного имущества хранилось в наёмном каменном амбаре с платой по 125 рублей в месяц.

Летом 1915 года в Пинском реальном училище состоялся акт выпуска учеников 1914-1915 учебного года. Седьмой дополнительный класс окончили следующие ученики: Астроменко Евгений, Воробьёв Александр, Гаусс Павел, Гамбицкий Салих, Даукша Болеслав, Дубицкий Николай, Заяц Всеволод, Конслер Владимир, Макаревич Семён, Марцелов Георгий, Можейко Иосиф, Орлин Владимир, Плавский Иосиф, Потапов Георгий, Стасенюк Василий, Стряпковский Николай, Твардовский Степан, Твардовский Казимир, Шоломицкий Михаил, Ясиневиц Сергей и др. Реалисты активно участвовали в «кружечных» сборах средств для оказания помощи военным госпиталям. Среди православных учеников большой популярностью пользовались занятия по военной подготовке и физкультуре, так как многие из них стремились на фронт.

15 сентября 1915 года немецкие войска заняли Пинск. Реальное училище вместе с преподавателями и учениками успели эвакуировать. По предписанию, они должны были выехать в город Ржев Тверской губернии, но до него, наверно, не добрались. Хотя историк Владимир Ляховский¹ считает, что учебное заведение всё-таки работало в Ржеве, а потом переехало в Мозырь.

Почти всю войну Пинское реальное училище работало в соседнем уездном городе – Мозыре. Занятия проходили во вторую смену в здании местной гимназии. В 1918 году в училище насчитывалось 206 учащихся. В начале того же года уездная земская управа выступила с инициативой о возвращении реального училища в Пинский уезд. Поскольку здание училища было занято немецкой комендатурой, то управа предложила реальному училищу переехать вначале в город Лунинец. 13 июля 1918 года в Мозыре состоялось собрание родителей учащихся вместе с Педагогическим советом. Председательствовал на нём директор училища Николай Николаевич Органов. Присутствовали: инспектор Иван Осипович Конрад, законоучитель Владимир Шимановский, учитель французского языка Георгий Александрович Фабр, учитель математики и физики Рейнгольд Георгиевич Юргенсон, учитель приготовительного класса Фёдор Леонтьевич Долгопол, учитель русского языка, словесности и истории Андрей Иванович Цыбрук, учителя Гуревич, Гончаренко-Гончар и Дьяконов. Собрание выступило против переезда в Лунинец. Несколько раньше директор училища, в связи с критическим финансовым положением, ходатайствовал перед Пинской уездной земской управой о выделении 4200 рублей на содержание учительского персонала, чтобы сохранить реальное училище. Управа эти деньги выделила, но училище всё равно не переехало в Пинск. Позднее Пинское реальное училище было преобразовано в 3-ю Мозырскую советскую школу 2-й степени.

Вернёмся ещё раз к ряду известных учеников Пинского реального училища:

Гапанович Константин Данилович (1855-?) – генерал-майор российской армии;

Корвин-Круковский Генрих Иосифович (1860-1937) – российский горный инженер, польский учёный-металловед, один из основателей Варшавского политехнического института, ректор Горной академии в Кракове;

Кранихфельд Владимир Павлович (1865-1918) – русский литературный критик и писатель;

Каменецкий Иосиф Самойлович (1870-?) – российский и советский педагог, географ, автор географической хрестоматии «Земля и люди», выдержавшей много изданий;

Осмоловский Георгий (Ежи) (1872-1952) – польский государственный и политический деятель, полесский общественный деятель, генеральный комиссар гражданского правления Восточных земель Польши (1919-1920);

Аркин Ефим Аронович (1873-1948) – российский и советский учёный-педагог, психолог и врач, основоположник российской детской психологии, академик Академии педагогических наук РСФСР, автор 70 учебников и монографий;

¹ Ляхоўскі, У. Пінск падчас Першай сусветнай вайны / У. Ляхоўскі // Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці / А.М. Літвін [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 361.

Власов Александр Никитович (1874-1941) – белорусский общественно-политический и культурный деятель, публицист, издатель газеты «Наша Ніва»;

Вейцман Хаим Евзорович (1874-1953) – учёный-химик, первый президент государства Израиль;

Вейцман Моисей (Мойше) Евзорович (1878-после 1953) – израильский учёный-химик, профессор Иерусалимского университета;

Дашкевич Григорий Викторович (1878-1941) – советский учёный-связист, профессор, автор научных трудов по телеграфной связи;

Элиасберг Яков Мовшевич (1881-1966) – пинский промышленник, автор книги «Воспоминания и встречи».

Зуземиль Эдмунд (1881- после 1944) – преподаватель Пинского реального училища, немецкий разведчик, немецкий куратор белорусского движения во время Первой мировой войны;

Циклинский Николай Николаевич (1884-1938) – российский и советский учёный-связист, один из научных руководителей создания средств радиосвязи для Красной армии, сын директора реального училища;

Селицкий Адам (1884-1939) – один из первых российских военных лётчиков, подполковник польской армии;

Крок-Пашковский Генрик (1887-1969) – генерал бригады польской армии;

Шевчук Иван Иванович (1887-1965) – белорусский учёный-селекционер, разработал технологию выращивания винограда в Беларуси;

Модзалевский Илья Андреевич (1888-1970) – советский поэт, литератор и журналист;

Георгиевский Дмитрий Сергеевич (1889-1941) – педагог, краевед Пинщины, один из создателей Полесского музея, директор Пинской русской гимназии;

Лурье Исаак Григорьевич (1890- после 1941) – журналист, историк, дипломат, белорусский политический деятель;

Сак Александр Николаевич (1890-1937?) – белорусский поэт, римско-католический священник;

Обуховский Юзеф Игнатьевич (1891-1950-е гг.) – польский педагог и географ, краевед Пинщины;

Зарецкий Айзик Израевич (1891-1956) – советский педагог, филолог, автор первой научной грамматики идиш как литературного языка, учебника по русскому языку для еврейских школ;

Гродзский Станислав Эдвард (1892-1946) – генерал бригады польской армии;

Мошковский Шавсай Давидович (1895-1982) – советский эпидемиолог и паразитолог, член-корреспондент Академии медицинских наук;

Трайнин Павел Алексеевич (1895-1956) – советский военачальник, контр-адмирал, командир Ладожской военной флотилии;

Брегман Элезер (1898-?) – химик, политик-сионист, основатель первой бактериологической лаборатории в Пинске;

Ободовский Николай Адамович (1900-1951) – учитель физики и математики, один из организаторов школьного образования на Пинщине при установлении советской власти;

Новик Михаил Львович (?-1913) – руководитель пинских большевиков во время первой русской революции;

Марголин Юлий (1900-1971) – израильский публицист, философ и писатель;

Конечно, этот список неполный. Историки и местные краеведы могут его дополнить.

Частная мужская гимназия Чайковского

В городе не хватало мужской гимназии, поэтому городская дума, начиная с 1905 года, неоднократно ходатайствовала перед властями об открытии в Пинске правительственной гимназии, но безрезультатно. Проблему с созданием мужской гимназии взялся решать местный общественный деятель, гласный городской думы Владимир Порфирьевич Чайковский. 6 сентября 1907 года он открыл частную шестиклассную мужскую гимназию с приготовительным классом. Отметим, что после революции 1905-1907 гг. частные гимназии были приравнены в правах с государственными. В гимназии училось около 190 учащихся, большинство которых были евреями. Плата за учение составляла 110 рублей в год. Заведующим учебно-воспитательной части был учитель математики Владимир Юденич, историю и географию преподавали Андрей Нечипоренко и Наталья Корчинская, математику – Николай Никольский, арифметику – Ольга Страшевич, русский язык, словесность и философскую пропедевтику – Александр Гришков, французский язык – Эдмунд Зуземиль, латинский язык – Александр Франтов, немецкий – Арлин Шепский. Зарплаты учителей в частной

гимназии были выше, чем в реальном училище. Так, заведующий учебно-воспитательной части получал 3000 рублей в год. В годы Первой русской революции некоторые учащиеся гимназии были членами местной ученической эсеровской организации. Возможно, это послужило поводом закрытия гимназии в 1909 году, а может причиной были финансовые проблемы.

Женское образование

С конца XVIII до середины XIX века женское образование на территории Беларуси осуществлялось главным образом в католических женских монастырях (визиток, бенедиктинок, сакраменток, базилианок, кармелиток), а также в частных польских пансионах. Такой пансион был создан в Пинске в монастыре сестёр базилианок. «Акрамя манаскіх келляў у афіцыне быў арганізаваны ў канцы XVIII ст. пансіён, дзе маглі жыць пад апекай кляштара жанчыны, якія ўносілі за гэта пэўную плату. Існавала пры кляштары і школа для дзяўчат, частка з якіх навучалася бясплатна, за кошт ахвяраванняў»¹. Однако главную роль тогда в деле женского образования играл католический орден маривиаток. Мы уже писали, что в начале XIX века в пинском монастыре маривиаток был женский пансион для девиц шляхетского происхождения. В 1842 году появилось правительственное постановление о закрытии женских пансионов при католических монастырях в Минской губернии.

Исследователь Вера Масленникова² в своей книге даёт список частных женских пансионов, которые существовали в 20-50 гг. XIX века на территории Беларуси. Среди них находим и два пинских пансиона – Богдановичей и Мацеевского. Польский историк Лешек Заштовт³ пишет о существовании в 30-е годы двух частных женских пансионов: Вероники и Юзефа Богдановичей (8 учениц в 1837 году), а также Нимфы и Кароля Поленских (10 учениц в 1837 году). К сожалению, более подробной информации об этих пинских пансионах у нас нет. Статистик Илларион Зеленский писал, что в 1848-1849 годах в Пинске существовала частная девичья школа (6 учителей и 15 учениц). Думается, что это был один из вышеупомянутых женских пансионов.

И всё же, историю современного женского образования в Пинске начнём с 19 мая 1859 года, когда сёстры, дочери протоиерея Анна Ивановна Марковская (1835-?) и Олимпиада Ивановна Марковская (1840-?), открыли частную одноклассную девичью школу. Это время начала царствования императора Александра II, время начала великих реформ, в том числе и в сфере просвещения. Общественное мнение тогда подняло вопрос о праве женщин на образование. Содержательницы школы, девицы Марковские имели только домашнее образование, но сами вели уроки. Вскоре школа стала двухклассной. Здесь преподавались: закон Божий, русский, французский и немецкий языки, арифметика, география, чистописание и рукоделие. Пансиона при школе не было, обучались только жительницы Пинска – с платой за обучение 40 рублей в год. В 1878 году занятия (в уже в женском одноклассном училище) вела только Анна Марковская, возможно, что вторая сестра умерла. В 1889 году училище прекратило своё существование.

После восстания 1863 года царские власти обратили особое внимание на женское образование в нашем крае. Женские учебные заведения, по мысли попечителя Виленского учебного округа, должны были здесь «дать приличное воспитание дочерям городских чиновников и образование в русском смысле и вкусе дочерям окрестных землевладельцев». Получив образование в «русском духе», выпускницы местных учебных заведений должны нести эти начала в свои семьи, воспитывая детей верноподданными российского самодержца и влияя в том же духе на мужей – местных чиновников. Царские власти покровительствовали частному женскому образованию, выделяли значительные средства на содержание частных училищ и пансионов. Историк Марина Ступакевич пишет: «Частные женские училища давали образование дочерям городских жителей, то есть служащих в крае русских чиновников, духовенства и городских торговцев-евреев. Местные поляки-землевладельцы воспитывали дочерей дома, или отдавали их в учебные заведения Привисленского и Остзейского края, или посылали в заграничные женские школы. Этим объясняется незначительное количество девочек-католичек (всего 18,6% общего числа), обучавшихся в этих школах, тогда как число посещавших эти школы учениц местного еврейского населения составляло 32,2% всего числа учащихся. (...) Лица же, открывающие частные учебные заведения, должны были

¹ Скеп'ян, А. Царква і канфесійнае жыццё / А. Скеп'ян // Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці / А.М. Літвін [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 247.

² Масленікава, В. Музыкальная адукацыя ў Беларусі / В. Масленікава. – Мінск, 1980. – С. 14.

³ Zasztowt, L. Kresy 1832-1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawniej Rzeczypospolitej. / L. Zasztowt. – Warszawa, 1997. – S. 186.

представить губернатору характеристику своих нравственных качеств и политический благонадежности (которую выдавал заведующий училищем, где данное лицо ранее работало), а также сведения такого характера о членах своих семей. Начальство учебного округа строго следило за отбором содержателей и учителей частных женских школ и пансионов. Чтобы получить разрешение на открытие частного учебного заведения, необходимо было предоставить его план, в котором указывалась цель данного учебного заведения, его принадлежность к тому или иному ведомству, количество классов и отделений, число лет обучения, источники финансирования, возраст и максимальное число учениц, примерное расписание уроков и т.д.»¹.

Одноклассной частной школы для Пинска было явно не достаточно. В 1869 году было основано женское трёхклассное училище, которое содержалось за плату на обучение и государственную дотацию в размере 700 рублей в год. Содержательницей училища была дочь майора Эмилия Давыдовна Чернова, которая окончила Санкт-Петербургскую Мариинскую гимназию со званием домашней учительницы. Она была классной наставницей и преподавательницей. Собственного здания у женского училища не было.

В 1872 году появился в Пинске трёхклассный женский пансион Елизаветы Львовны Миллер. Думается, что госпожа Миллер – новая содержательница вышеупомянутого училища. С 1885 по 1889 год (возможно, и позже) частное трёхклассное женское училище содержала Софья Дмитриевна Трусковская, окончившая Высшее Мариинское женское училище в 1880 г. В училище преподавали по программе первых трёх классов Мариинской женской гимназии. В 1894 году содержательницей училища стала преподавательница французского языка, бывшая содержательница Минского смешанного училища Ольга Епифановна Сёмова, а с наступлением нового века училище становится четырёхклассным. 11 сентября 1906 года пятиклассное училище с подготовительным классом было преобразовано в женскую прогимназию под руководством Сёмовой. В 1914 году в прогимназии обучалось 108 учениц, а окончило 13. Летом 1915 года прогимназия была эвакуирована в город Переяслав Полтавской губернии (сейчас – Переяслав-Хмельницкий Киевской области).

В 1865 году по указанию виленского генерал-губернатора М. Муравьёва при народных училищах стали открывать отдельные смены для обучения девочек. В том же году и в Пинском приходском училище была открыта женская смена, где надзирательницей была Авдотья Носкова, а преподавателем Надежда Григорьевна Поплавская, окончившая Минское училище девиц духовного ведомства. Она проработала в этой должности свыше 30 лет.

В 1870 году при Варваринском монастыре открыли училище для девиц духовного звания (преимущественно дочерей псаломщика), где они, под руководством опытных монахинь и послушниц, обучались хорошо читать и писать на церковно-славянском и русском языках, первым четырем действиям арифметики и домашнему рукоделию. В 1876 году, по причине перевода женского монастыря из Пинска в Минск, это училище закрыли.

В XX веке система образования в Пинске бурно развивалась: открывались всё новые и новые низшие и средние учебные заведения. Среди них женское приходское училище, где старшей учительницей была Зинаида Викторовна Артёмова, а младшей – Анна Александровна Данкевич. В 1910 году было уже три женских двухклассных приходских училища. Во втором училище старшей учительницей была ветеран «педагогической нивы» Надежда Григорьевна Поплавская, которая продолжала работать в той же должности и в 1915 году. В августе и сентябре 1910 года в городе Вильна действовала Первая выставка ученических работ по графическому искусству, ремёслам, ручному труду и рукоделию учебных заведений Виленского учебного округа. Пинские женские (первое и второе) двухклассные приходские училища представили умело выполненные программы по вязанию, вышивке, шитью белья и платья, а также законченные предметы первой необходимости и изящные работы.

Первая в Пинске женская негосударственная гимназия открылась ещё в 1860 году. Наверно, это была инициатива тогдашнего директора мужской гимназии Ивана Шульгина. Краевед Илларион Зеленский писал: «Четырёхклассная женская гимназия в г. Пинске, открытая в 1860 году, в виде опыта, на правах частного учебного заведения, для доставления образования дочерям бедных чиновников и других лиц, не имеющих состояния и проживающих в г. Пинске. Заведение это, по существу своему, в высшей степени полезное и благотворительное, никаких определённых средств к содержанию не имеет, так как обучение в нём производится бесплатно. Мысль о его

¹ Ступакевич, М. Женское образование в Беларуси (вторая половина XIX века – 1917 год) / М. Ступакевич. – Гродно, 2006. – С.23.

учреждении принадлежит чинам пинской мужской гимназии, которые, без всякого вознаграждения, обучают приходящих в заведение девочек закону Божию, русскому, польскому, французскому и немецкому языкам, арифметике, естественным наукам, географии, истории, чистописанию, рисованию и гимнастике. При заведении находится несколько классных дам, из которых некоторые, не принадлежащие к семействам учителей мужской гимназии, получают жалованье, на счёт пожертвований городских жителей. В конце 1860 года в пинской женской гимназии обучалось 39, а в конце 1861 года – 22 ученицы. Желательно, чтобы для поддержания этого учебного заведения придуманы были какие-нибудь местные средства и чтобы доброе дело, начатое учителями пинской мужской гимназии, нашло отголосок и сочувствие в среде местного зажиточного населения, а в других городах – подражателей»¹. Занятия проводилось в послеобеденное время в гимназическом здании. Конечно, такое альтруистское начинание не могло продолжаться долго, тем более, что революционные настроения тогда зрели среди учеников мужской гимназии – надвигалось восстание 1863 года. Думается, что её преподавателям уже было не до смелых педагогических экспериментов.

Вопрос развития среднего женского образования был поднят с новой силой в начале XX века. То количество женских гимназий, которое существовало в Виленском учебном округе, не могло удовлетворить растущую потребность в образовании женщин. Гимназии были переполнены, поэтому власти стали открывать новые. Ещё в 1898 году Пинская городская дума возбудила ходатайство об открытии в городе женской гимназии. 26 августа 1906 года в Пинске была открыта женская правительственная гимназия.

*Министерство
Народного Просвещения
Попечитель Виленского
Виленского Учебного
Округа
Канцелярия
Стол I
Сентябрь 14 дня 1906 г.
№ 12966
г. Вильня*

*Г. Инспектору народных училищ
Минской губернии,
Надворному Советнику
Русецкому*

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Г. Министра Народного Просвещения, в 26-й день минувшего августа, Всемилостивейшее соизволил на учреждение в г. Пинске, Минской губернии, женской гимназии по положению 26 мая 1869 года.

Сообщая об изложенном, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, временно вступить в управление открываемой женской гимназией, приняв на себя труды по организации этого учебного заведения, для чего Вы имеете ныне войти в нужное сношение с Пинским Городским Управлением.

Попечитель барон Б. Вольф²

Так, инспектор народных училищ Минской губернии Григорий Антонович Русецкий (1875-1945?) временно возглавлял гимназию целых 7 лет. Городская дума обязалась выделять ежегодно 3600 рублей на содержание женской гимназии, а также создала Попечительский совет, в которых вошли гласные думы: Владимир Порфирьевич Чайковский, священник Николай Перепечин, Адам Михайлович Довгелевич, Бронислав Фаустинович Борисевич и местный домовладелец Израиль Абрамович Канторович. Вначале гимназия арендовала частный дом купца Самуила Янкелевича Лурье на улице Брестской, состоявший из пяти комнат и кухни. В 1909 году гимназия купила три здания на той же улице, которые всё-таки были мало приспособлены для занятий. В планах было строительство специального здания.

В первый год существования гимназии было открыто 7 нормальных классов и пятый параллельный, ввиду чрезвычайного наплыва учениц. Пансиона не было, поэтому иногородние ученицы (где-то шестая часть всех гимназисток) жили на съёмных квартирах или у родственников. В гимназию принимались лица всех сословий и вероисповеданий. Особенностью женских гимназий

¹ Материалы для географии и статистики России. Минская губерния. Составил подполковник Генерального штаба И. Зеленский. – Спб, 1864. – Ч. 2. – С. 427-428.

² НИАБМ. – Фонд 729. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1.

в Виленском учебном округе было то, что большинство учениц были еврейками. Пинск не был исключением. В 1911 году из 330 гимназисток иудейского вероисповедания было 174, православного – 120, римско-католического – 34, протестантского – 2. Желающих учиться в гимназии было столько, что параллельные классы существовали при всех классах. К 1914 году число учениц значительно возросло: до 529. Гимназия имела тогда физический кабинет с 346 приборами, естественнонаучный – с 324 пособиями и т. д. Однако не было рекреационного зала.

Историк Марина Ступакевич пишет: «Учебные планы для женских гимназий отличались от учебных планов правительственных гимназий облегчённостью учебного курса. Некоторая упрощённость гимназического образования для девочек соответствовала, распространённому в XIX в., взгляду на женщину прежде всего как на хранительницу семейного благополучия, первую наставницу детей и достигалась за счёт включения в учебные программы, в основном по предметам естественно-математического цикла, большого объёма практических сведений, а также за счёт некоторого сокращения образовательного материала по отдельным предметам. Учебный курс женских гимназий был разделён на семь классов и включал в себя Закон Божий, русский язык и словесность, историю, географию, природоведение, арифметику, геометрию, физику и космографию, чистописание, рукоделие. Эти предметы считались обязательными. За отдельную плату желающие обучались иностранным языкам (немецкому, французскому), рисованию, пению, танцам, музыке. В начале XX в. в женских гимназиях было введено преподавание латинского языка [5 рублей в год], домоводства, гимнастики и гигиены»¹. С 1908 года Идалия Залеская-Корсак преподавала в пинской гимназии польский язык. На уроках рукоделия ученицы занимались «шитьём, вышиванием, кройкой, вычерчиванием фасонов, изготовлением изящных вещей, а также предметов, необходимых в домашнем обиходе»².

С 1910 года в гимназии существовал дополнительный педагогический (восьмой) класс, в котором изучалась педагогика и методики обучения в начальных классах. Марина Ступакевич пишет: «Программа по педагогике представляла собой собрание разрозненных сведений из дидактики, теории воспитания, физиологии, психологии, школьной гигиены. Состояла она из следующих разделов: физическое воспитание, духовное воспитание, дидактика. В разделе истории педагогики ученицы знакомились с биографиями и основными произведениями Сократа, Платона, Аристотеля, Лютера, Гербарта и др. Этот ряд включал 24 фамилии (наследие русских педагогов не изучалось). Хотя на педагогику отводилось три часа в неделю, обилие учебного материала ставит под сомнение глубину и прочность его усвоения. (...) После прохождения курса дополнительного класса ученицы получали звание домашней наставницы. Для получения звания учительницы народного училища необходимо было пройти практику в начальной школе. Вначале гимназистки присутствовали на уроках, знакомясь со школьными порядками и приёмами преподавания, в дальнейшем сами давали уроки под руководством классного учителя и учителя-инспектора городских училищ. Каждый проведённый ученицами урок детально разбирался в их присутствии, указывались его недостатки и достоинства, давались рекомендации»³.

Штатным врачом в гимназии был Иван Яковлевич Головчан, хотя рекомендовалось министерством, чтобы врачом в женских гимназиях была женщина. Отметим, что женщин-врачей в России тогда было мало. Врач был обязан посещать гимназию три раза в неделю, осматривать учениц и докладывать начальнику о состоянии их здоровья. Он также следил за правильным распределением времени занятий и отдыха, правильной рассадкой детей, по зрению и другим критериям. Иван Головчан преподавал гимназисткам гигиену. Не в каждой российской гимназии был тогда зубной врач. Однако в Пинской женской гимназии работала стоматологом Двейра Исааковна Любжинская.

Источниками содержания гимназии были: пособия из государственной казны (843 рубля в год), плата за учение (около 40000 рублей), пожертвования частных лиц, местные пособия. Плата за учение была самой высокой в Виленском учебном округе – 100 рублей за год, а в восьмом классе даже 110, так как пинская гимназия существовала в основном на средства сбора платы за обучение. Например, в Минской женской гимназии плата составляла всего 65 рублей. Плата за полгода

¹ Ступакевич, М. Женское образование в Беларуси (вторая половина XIX века – 1917 год) / М. Ступакевич. – Гродно, 2006. – С. 98, 99.

² Ступакевич, М. Женское образование в Беларуси (вторая половина XIX века – 1917 год) / М. Ступакевич. – Гродно, 2006. – С. 100.

³ Ступакевич, М. Женское образование в Беларуси (вторая половина XIX века – 1917 год) / М. Ступакевич. – Гродно, 2006. – С. 105, 106.

вносилась вперёд, а в случае её задержки следовало исключение из гимназии, но это происходило редко, так как против исключения было общественное мнение. Для помощи гимназисткам из бедных семей было создано общество вспомоществования нуждающимся ученицам при Пинской женской гимназии. В его Уставе говорилось: «Цель общества – попечение о недостающих ученицах. Оно может выражаться взносом платы за учение, бесплатной выдачей книг и учебников, снабжением одеждой, пищей и приютом неимущих; снабжением бедных больных учениц медицинскими пособиями под наблюдением врача на дому, а также помещением таких больных на счёт общества в больницы и содействие к погребению, назначением в исключительных случаях денежных пособий»¹. Иногда обществом вспомоществования устраивались платные благотворительные литературно-музыкальные вечера, сбор с которых шёл в помощь беднейшим гимназисткам. Один из таких вечеров прошёл 25 января 1912 года.

Первым начальником гимназии, как мы уже отмечали, был известный пинский педагог, преподаватель географии Григорий Антонович Русецкий. В каждой классе была своя классная надзирательница, которыми руководила главная надзирательница Екатерина Иосифовна Буткевич, окончившая в 1874 году Петербургский Павловский женский институт и проработавшая почти 30 лет в Виленском Мариинском женском училище. Большинство учителей были женщины, но математику, географию, латинский язык и педагогику преподавали мужчины. Среди учителей можно отметить: преподавателей математики Елизавету Игнатьевну Русецкую и Георгия Федоровича Беляковского, его жену, преподавательницу французского языка Анастасию Степановну Беляковскую, закончившую курсы языка в Париже, законоучителей: священника Владимира Шимановского и ксёндза Казимира Букрабу. Преподаватели были очень принципиальными и требовательными. В 1914 году успеваемость составляла только 84,4%.

16 января 1912 года начальником гимназии назначили Михаила Ивановича Каменицкого, окончившего в 1880 году Казанский университет и преподававшего русский язык и педагогику. Вскоре 1 сентября 1913 года и. д. начальника стал бывший преподаватель Одесской духовной семинарии, инспектор народных училищ Борисовского уезда Дмитрий Васильевич Ивановский, который преподавал русский язык и педагогику в VII и VIII классах. Главной надзирательницей стала учительница истории Конкордия Александровна Кульнева, окончившая Петербургские высшие женские курсы.

Большое внимание уделялось воспитательному процессу. Марина Ступакевич пишет: «Воспитательным делом в женских гимназиях занимались в основном главные и классные надзирательницы. Надзирательницы избирались из вдов, преимущественно получивших образование в институтах или гимназиях и имеющих звание домашней учительницы. За неимением таковых на данную должность назначались девицы, как исключение – замужние женщины. Главная надзирательница являлась ближайшей помощницей начальника гимназии. Деятельность главной надзирательницы «относилась преимущественно к охранению здоровья учениц, наблюдению за соблюдением ими правил благоприличия и нравственности». Оставаясь в здании гимназии во время занятий, она наблюдала за их правильностью и порядком, посещала уроки преподавателей и преподавательниц и следила за успехами и поведением как всего класса, так и отдельных учениц, нуждающихся в особом надзоре. Главная надзирательница должна была знакомиться с домашним бытом учащихся, с их материальным положением и тем, в каких воспитательных условиях они находятся. В целях общения с семьями учащихся, главной надзирательницей должны были назначаться для их приёма определённые дни и часы в неделю. Ученицы, живущие не у родителей, [а у] опекунов или близких родственников, составляли предмет особой заботы главной надзирательницы. Главная надзирательница наблюдала также за целостностью и сохранностью принадлежащего заведению имущества.

(...) В конкретные обязанности классных надзирательниц входило: надзор за поведением учениц в стенах учебного заведения и вне их; наблюдение за учебными занятиями и аккуратным посещением уроков; уведомление родителей и личные беседы с родителями по поводу поведения и успеваемости их дочерей; посещение частных квартир и домов воспитанниц для осмотра условий их жизни; дежурство в школьной столовой, буфете, гардеробе, рекреационных залах; замещение уроков отсутствующих преподавателей. Внеклассный надзор включал в себя посещение театров, концертов, лекций, кинематографа (допуск в кинематограф позднее 9 часов для учениц запрещался), обход главных улиц в вечерние часы, после которых гимназисткам было запрещено гулять, с

¹ Ступакевич, М. Женское образование в Беларуси (вторая половина XIX века – 1917 год) / М. Ступакевич. – Гродно, 2006. – С. 69.

целью выявления нарушения ученицами правил гимназии»¹. Одной из форм воспитательной работы были походы по окрестностям Пинска и экскурсии. Популярен был поход на берег реки Пины – на место, где когда-то находился древний православный Лещинский монастырь. Гимназистки совершали экскурсии в село Купятичи для поклонения чудотворной иконе, а также в живописную местность Заозерье-Городище к заброшенному бенедиктинскому монастырю.

Начало Первой мировой войны круто изменило жизнь гимназисток. Три здания гимназии были отданы под армейский лазарет. Занятия проводилось в две смены в арендуемом здании. Сами гимназистки помогали ухаживать за ранеными воинами в госпиталях, шили в своих швейных мастерских бельё и другие вещи для раненных. В конце января 1915 года в театре Гольцмана состоялся благотворительный вечер в пользу раненных и больных воинов, на котором была сыграна пьеса «Красный Цветочек». В пользу Пинского военного госпиталя собрали 579 рублей 23 копейки. Ученицы также собрали деньги и подарили икону военной церкви при госпитале. В августе 1915 года, когда немецкие войска приближались к Пинску, гимназия была эвакуирована. Похоже, вначале в Ярославль, а с ноября она обосновалась окончательно в городе Елец Орловской губернии. Преподавательский состав почти полностью сохранился. Занятия проходили в здании Елецкой женской гимназии во вторую смену. О лишениях, которые испытывали учителя гимназии, можно узнать из следующего прошения:

№ 246 – 19/III 1916 г.

Его Высокородию

Господину Начальнику Пинской Женской Гимназии

При спешной эвакуации города Пинска погибло почти всё моё имущество. К тому же пожаром, происшедшем в местечке Копаткевичи Мозырского уезда, где я проводила каникулы, была уничтожена, кроме всего прочего, одежда моя [и] детей. Теперь приходится обзаводиться одеждой заново, например, у меня нет даже форменного платья для посещения гимназии, нет ни весеннего, ни летнего пальто. Между тем, всё жалованье, которое получаем я и муж, уходит на поддержание нашего существования, так как квартиры, дрова и вообще все предметы первой необходимости страшно возросли в цене. Таким образом, является невозможным выделить хоть какие-нибудь крохи из жалованья на обзаведение одеждой, тем более, что мне приходится помогать сестре-курснице. Дело дошло до того, что в одну из трудных минут я продала свои часы.

Почти двенадцать лет я работаю на педагогическом поприще, из коих восьмой год состою преподавательницей в Пинской женской гимназии, и за всё время я не обращалась с просьбой о пособии. Теперь же, в виду крайне стеснённого положения, вызванного как обстоятельствами военного времени, так и пожаром, честь имею покорнейше просить Ваше Высокородие ходатайствовать пред Его Превосходительством Господином Попечителем Виленского Учебного Округа о назначении мне пособия.

*Преподавательница Пинской женской гимназии
Анастасия Беляковская²*

19 марта 1916 года

Учебные заведения, эвакуированные в Россию, там бедствовали: не хватало финансовых средств и учеников. Из казны Пинская женская гимназия денег не получила. Их надо было постоянно выпрашивать: у местных властей, Татьянинского комитета, попечителя Виленского учебного округа (находился в Могилеве), у Пинской городской думы (находилась в Столине) и др. Часто учительский персонал не мог организовать нормальный учебный процесс, не получал заработной платы. Гимназистки не только учились, но и занимались кружечным сбором в пользу раненных воинов. В декабре 1917 года Пинская женская гимназия работала уже по постановлениям Совета народных комиссаров. Однако 2 января 1918 года педагогический совет Пинской женской гимназии принял смелое решение – о признании недействительным постановления народного комиссара просвещения Анатолия Луначарского об ускоренном выпуске учащихся средней школы в 1917/18 гг. Гражданская война и разруха добились учебное заведение окончательно: в сентябре 1918 года Пинская женская гимназия прекратила своё существование.

Отметим, что до революции в Пинске были ещё и две частные женские еврейские гимназии, но о них разговор в следующей главе.

¹ Ступакевич, М. Женское образование в Беларуси (вторая половина XIX века – 1917 год) / М. Ступакевич. – Гродно, 2006. – С. 116, 117.

² НИАБМ. – Фонд 729. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 51.

Еврейское образование и культура

Мы уже не раз отмечали, что в XIX веке Пинск был в основном еврейским городом. Евреи составляли около 80 процентов всего населения города. Это – чуть ли не самый высокий процент еврейского населения среди белорусских городов. Евреи жили обособленно, сохраняя свои вековые религиозные и культурные традиции. Первые сведения об пинских еврейских школах относятся ко второй половине XVII века: местный кагал содержал тогда две школы, причём здание одной из них было каменным¹.

Еврейское образование в XIX веке в Пинске включало:

- а) традиционное религиозное начальное образование (хедеры и Талмуд-Тора);
- б) светское начальное и среднее образование (частные и государственные училища, школы, гимназии);
- в) профессиональное образование (ремесленное училище).

Кроме того, многие еврейские дети учились в общих школах, училищах и гимназии. Наиболее распространённым еврейским учебным заведением был хедер, в котором учитель (меламед) обучал за небольшую плату мальчиков с 4-5 лет древнееврейскому языку (ивриту), Пятикнижию Моисея, книгам пророков и молитвам. Меламед учил 10-12 мальчиков обычно у себя дома, и обучение продолжалось четыре года. Если в 1821 году в городе числилось 16 меламедов (134 ученика), то в конце XIX века их насчитывалось уже 140 (2072 ученика) во всём Пинском уезде. Ученики находились в тесном помещении, часто в антисанитарных условиях. Поэтому богатые родители приглашали меламеда к себе домой. Начиная с 1890 года, меламеды должны были сдавать специальный квалификационный экзамен. Хедеры позволяли сохранять и передавать еврейскую традицию, обеспечивая стопроцентную грамотность мужского населения. В них использовали ещё средневековые методы обучения. В противовес традиционным хедерам в конце XIX века появились реформированные хедеры (чему способствовали сионисты). Например, в 1895 году сионист И. Бергер основал в Пинске один из первых в Российской империи реформированных хедеров. Именно в нём была введена методика обучения «иврита на иврите», изучение основ грамматики, истории еврейского народа, географии и арифметики. Первым преподавателем в реформированном хедере был известный педагог и сионист Израэль Адлер (1870-1948).

Для обучения сирот и детей бедных родителей в 1881 году была создана Пинско-Каролинская Талмуд-Тора, где они получали не только религиозное, но и общее начальное образование (изучали русский язык, арифметику и рисование), а также – временный приют. Тогда там обучалось 375 мальчиков. Талмуд-Тора была общественным учебным заведением, в котором сироты и бедняки учились бесплатно пять лет. Их даже там кормили, а многим дарили одежду, обувь, школьные принадлежности и т. п. Содержалась Талмуд-Тора за счёт пинского кагала. В 1885 году при Талмуд-Торе появился ремесленный класс. Ученики класса кроме учёбы работали в специальных мастерских, где выполняли заказы известных городских предпринимателей (Лурье, Соловейчик, Утеховский, Нобель и др.). В 1900 году ученики выполнили заказы (ремонтные работы пароходов «Варшава», «Вильна», «Анна», «Москва», «Кременчуг») на сумму 4745 руб. 86 коп.² Перед Первой мировой войной Талмуд-Торой заведовал Михаил Семезовский.

Царские власти хотели интегрировать евреев в российское общество: их ассимилировать и русифицировать, а по возможности и христианизировать. Историк Инна Герасимова пишет: «Одним из первых указов русского правительства, имеющим отношение к еврейскому образованию, являлось «Положение о евреях» 1804 г., гарантирующее евреям доступ во все учебные заведения страны. Оно встретило поддержку просветителей, но основная еврейская масса смотрела на русскую школ с ужасом и подозрением, видя в ней средство, ведущее к вероотступничеству. Вскоре началась миссионерская деятельность церкви и местных властей, направленная на перевод евреев, в том числе и детей в христианство. Кто шёл на это, получал ряд существенных привилегий (освобождался от рекрутской повинности, на 20 лет от податей и т.п.). Принятые в последующие годы различные правительственные положения, дающие социальные и экономические льготы тем, кто имел образование, не увеличил приток евреев в общие школы (...)»³. С этой целью, по инициативе министра просвещения Сергея Уварова, 13 ноября 1844 года было издано «Постановление об еврейских школах», в результате которого создавались казённые еврейские училища, в которых

¹ НИАБМ. - Фонд 1733. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 91.

² Отчёт ремесленного класса Пинско-Каролинской талмуд-торы за 1900 год. – Пинск, 1904. – С. 4.

³ Герасимова, И. Еврейское образование в Белоруссии XIX – XX вв. и отношение к нему российского самодержавия : автореферат дис. ... канд. истор. наук./ И. Герасимова. – Минск, 1996. – С. 10-11.

обучение еврейских детей велось на русском языке и было обязательным. Тогда же царские власти начали наступление на традиционный еврейский образ жизни (введение налога на традиционную одежду – 1844 г., налог на ермолку – 1848 г. и т.д.). Усилился контроль за деятельностью меламедов, которые для преподавания должны были успешно сдать соответствующий экзамен и получить специальное разрешение.

В 1853 году в Пинске было открыто еврейское казённое училище 1-го разряда с двухгодичным курсом (соответствовало приходским училищам). В нём преподавали Библию, молитвы, арифметику, чистописание, русский, еврейский и немецкий языки. Обучение в училищах было бесплатным, но содержать его должны были сами евреи из сумм свечного сбора, поступлений с откупа двух еврейских типографий и пошлин с еврейской литературы, ввозимой из-за границы. Вначале смотрителями училищ назначали только христиан. Похоже, что первым смотрителем пинского еврейского училища и преподавателем общих предметов был поляк Адам Городинский. Среди первых учителей еврейских предметов выделим Лейбу Гутгермана, Симона Сорзона, Лейбу Пермута. В 1864 году смотрителем стал преподаватель русского языка Лейба Гурвич, окончивший Виленское раввинское училище. Он в этой должности проработал почти 20 лет (позже заведовал Талмуд-Торой), оставив заметный след в истории еврейского образования в Пинске. Занимался он и публицистикой: в 1862 году в виленской газете «Гаркамель» опубликовал статью «Рассказ учителя казённого еврейского училища в Пинске об ученике, которому отец запретил учиться».

Царское правительство всеми силами поддерживало казённые училища: учителей еврейских предметов освободило от податей. Каждое училище должно было иметь почётного блюстителя из влиятельных членов еврейской общины. Первым почётным блюстителем пинского училища был 1-й гильдии купец Хаим Новинский. Однако казённые еврейские училища не оправдали, возлагавшихся на них надежд. Евреи неохотно отдавали туда своих детей и всячески уклонялись от этого, так как видели в этих училищах средство русификации и изменения традиционного уклада жизни. Основной школой для еврейских детей оставался хедер. Поэтому 6 марта 1873 года было издано новое «Постановление о правительственных еврейских начальных училищах», одноклассных и двухклассных, по которому все казённые еврейские училища должны быть преобразованы в начальные училища.

В 1879 году Пинское казённое еврейское училище было преобразовано в начальное еврейское училище, которым включительно до 1915 года заведовал Александр Дронзик. Училище имело подготовительный класс. В 1910 году в пинском училище работал Лейба Мышковский – думается, первый исследователь истории еврейского образования в Беларуси¹.

Первая в Пинске частная мужская еврейская школа была создана в 1876 году Абрамом Розенбергом, выпускником Виленского раввинского училища. Похоже, что это – довольно известный еврейский писатель, историк и педагог Авраам Розенберг (1838-?). Скоро свою частную школу открыл и Мовша Липман, но эти учебные заведения просуществовали недолго, так как содержание частных школ требовало больших средств. Платы за обучение часто не хватало для содержания школ. В 1883 году существовало частное двухклассное училище, временным содержателем которого был Лейба Рубаха. Возможно, что это – бывшее училище Розенберга. С введением «процентной нормы» в 1887 году появилась необходимость в большом количестве частных школ. Так, в 1903 году в Пинске было уже четыре частных мужских учебных заведения: двухклассное училище (содержатель Абрам-Мендель Клейнман, открыто в 1900 г.), двухклассное вечернее народное училище (содержатель Александр Дронзик, открыто в 1899 г.), одноклассное училище (содержатель Янкель Сидлик, открыто в 1898 г.), одноклассное училище (содержатель Вельвель Бошес, открыто в 1899 г.). К 1906 году училище Бошеса исчезает, а училище Клейнмана становится трёхклассным. К 1910 году осталось только одно частное еврейское мужское учебное заведение – четырёхклассное училище Янкеля Сидлика. В нём в 1914 году было 63 ученика, а плата за обучение составляла 50 рублей в год. Летом 1915 года оно было эвакуировано в город Глухов Черниговской губернии.

Важное значение для еврейского сообщества имело развитие профессионального образования. Историк Инна Герасимова пишет: «В связи с крайне тяжёлым материальным положением еврейского населения «черты оседлости» особое значение имело развитие профессионального образования. Обычно еврейские дети из бедных семей рано начинали трудовую деятельность и обучение ремеслу проходило у мастеров, которые не владели высокопрофессиональными навыками, т. к.

¹ Мышкоўскі, Л. Асьвета жыдоў на Беларусі да Лютаўскай рэвалюцыі / Л. Мышкоўскі // Беларусь: нарысы, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху. – Менск, 1924. – С. 119-123.

религиозные традиции (не работать в субботу, строго соблюдать законы питания – кашрут) не позволяли учиться мастерству у хороших мастеров-неевреев. К тому же, не всякая семья могла заплатить мастеру за обучение, и родители учили своих детей тому ремеслу, которым владели сами. К концу XIX века, в связи с ухудшением условий жизни еврейского населения, кризисом еврейского ремесленного производства, связанным с усиливающейся конкуренцией, возникла необходимость развивать профессиональное образование»¹.

В 1888 году в Пинске на средства известной предпринимательской семьи Лурье открыли ремесленное училище, в котором мальчики обучались слесарно-механическим и столярным специальностям (готовили рабочих для их заводов и паровой кампании), кроме того, они изучали общеобразовательные предметы. Поскольку в училище учились дети из бедных семей, то оно существовало в основном на пожертвования семейства Лурье и других богатых представителей местной еврейской общины, а также – благотворительных организаций. Средства собирал Попечительский комитет, председателем которого в 1912 году был Д. Берман. В 1914 году в Пинском еврейском ремесленном училище обучалось всего 50 учеников. Заведующим был Я.Х. Эрлик. Плата за обучение составляла 2 рубля в год. Около 7000 рублей училище заработало за счёт выполнения в своих мастерских частных заказов. 3000 рублей дал Еврейский колонизационный банк, а 1000 рублей пожертвовали частые лица. Училище имело кузню и мастерские со станками. Можно предположить, что тогда оно готовило кузнецов, токарей, а также рабочих для лесопилок, фанерной и спичечной фабрик. Наверно, в училище преподавал С.М. Зарецкий – автор 11 учебников, изданных в Пинске, в основном, по обработке дерева. Он был награждён похвальным листом на Виленской сельскохозяйственной выставке 1902 года и бронзовой медалью на Стародубской выставке 1903 года. Зарецкий обратился в декабре 1903 года к генеральному комиссару Русского отдела в Сент-Луисе (США) с просьбой помочь ему участвовать в этой выставке. Принял в 1913 году также участие во всероссийской выставке в Киеве. Отметим, что в пинских еврейских училищах (наверно, в частных) были ремесленные классы

Основная масса еврейских семей не имела денежных средств для обучения своих детей. В 1863 году в Санкт-Петербурге возникло «Общество распространения просвещения среди евреев», отделение которого было открыто и в Пинске. Общество оказывало поддержку еврейским школам при условии, что преподавание в них будет на русском языке. С 1914 года в Пинске работало «Общество вспомоществования еврейским учителям и меламедам».

Перейдём к истории еврейского женского образования. Еще в 1853 году была открыта частная еврейская девичья школа, содержанием которой был Маркус Перель. Он же преподавал все предметы. В 1855 году в школе обучалось 17 девочек. В конце 70-х годов школа прекратила своё существование. Но в 1879 году, возможно, на базе девичьей школы появилось частное женское еврейское училище, которое содержал Марк Абрамович (?-1917), возглавивший в 1881 году Талмуд-Тору. Можно с уверенностью сказать, что в Пинске и в начале XX века существовали частные еврейские женские школы. Так, в 1912 году работало еврейское двухклассное училище, которым заведовала Злата Каган.

В конце XIX века возникла потребность в воспитании девочек в традиционном религиозно-национальном духе. Состоятельные родители, обеспокоенные тем, что в государственных школах девочки не получают знаний религиозно-национальной направленности, вынуждены были приглашать на дом частных учителей-меламедов. Тогда для необеспеченных детей стали создавать женские хедеры. В Пинске также открыли женские хедеры по типу Талмуд-Торы, где кроме еврейских предметов изучались и общеобразовательные.

В 1897 году в Пинске начало действовать Женское еврейское благотворительное общество. «С 1899 г. обществом содержалась мастерская для девочек иудейского исповедания в возрасте от 11 до 16 лет. Они бесплатно обучались грамоте и швейному мастерству. В мастерской обучались в 1907 г. – 60, а к 1911 г. – 106 учениц, которые обеспечивались одеждой и учебными пособиями»². Со временем эта мастерская превратилась в женское еврейское ремесленное училище, в котором готовили портних. При материальной поддержке благотворительного общества были открыты вечерние курсы русской письменности.

¹ Герасимова, И. Еврейское образование в Белоруссии XIX – XX вв. и отношение к нему российского самодержавия : автореферат дис. ... канд. истор. наук./ И. Герасимова. – Минск, 1996. – С. 16, 17.

² Помалейко, О. Женские организации в Беларуси на рубеже веков (конец XIX – начало XX вв.). / О. Помалейко. – Минск, 2012. – С. 32.

В 1885 году Луиза (Елизавета) Валлер (1841?-1912) открыла частное двухклассное женское еврейское училище с приготовительным классом. Историк-краевед Эдуард Злобин пишет: «В программе училища были следующие предметы: русский язык, чистописание, арифметика, рукоделие, география, история, немецкий и французский языки. В одном из своих прошений по поводу дополнительного введения предмета «еврейской веры и естественной истории», Л. Валлер заметила, что «дети по-русски при поступлении не говорят». В разное время здесь преподавали Айбиндер И., Айзенштейн С., пинский казённый раввин Бейлин И., Белькович О., Валлер Л., Гурвич М., Крынская А., Лобзовская Л., Чахенс А., Шрейберг М., Эшман Д. и др.»¹. В 1900 году бывшая учительница валлеровского училища Лея (Елизавета) Лобзовская (Шапиро) открыла новое частное двухклассное женское еврейское училище, а училище Валлер стало тогда четырёхклассным. Валлер и Лобзовская оказались деятельными педагогами-соперницами, которые превратили свои училища в частные семиклассные женские еврейские гимназии (Валлер в 1906 году, а Лобзовская-Шапиро в 1908 г.). Похоже, что гимназия Валлер прекратила своё существование вскоре после смерти в 1912 году её хозяйки. В гимназии Лобзовской-Шапиро в 1914 году учились 344 гимназистки. Летом 1915 года учебное заведение была эвакуировано в губернский город Елизаветград (сейчас – Кировоград в Украине). В конце 1918 года эта гимназия уже не существовала.

Во второй половине XVIII веке в среде европейских евреев под влиянием идей Просвещения началось идейное и культурно-просветительское движение Хаскала, которое выступало против культурно-религиозной обособленности еврейства, видело в усвоении светского европейского образования залог улучшения положения еврейского народа. В XIX веке движение Хаскала проникло и в Российскую империю. Ярким представителем этого движения, их называли маскилим, был выдающийся еврейский поэт Лев Гордон (1830-1892). В 50-е годы он жил в Пинске, где работал воспитателем детей семьи Лурье. Один из его воспитанников был Аарон Лурье (1841-1910). В 1861 году он опубликовал исторический труд «Биографические очерки некоторых знаменитых еврейских писателей древности. О Соломоне ибн-Гавироле и Исааке Бен Игуде Гиуте (Испания, XI-XII вв.)». Возможно, что эти писатели – его предки, так как Лурье – известный раввинский и талмудический род. Аарон Лурье играл огромную роль в экономической и культурной жизни Пинска. Имеет смысл привести некролог об его смерти, опубликованный в газете «Пинский Листок» (1910, № 4), написанный, наверно, его племянником, сотрудником газеты Исааком Лурье.

Скончавшийся на днях согражданин Аарон Моисеевич Лурье принадлежал к поборникам просвещения прошлого столетия, к так называемым «Маскилим».

В начале 60-х годов, в эпоху великих реформ, он принимал деятельное участие в качестве сотрудника в русской еврейской и еврейской печати. Много статей в «Гакармеле» и первом «Рассвете» публицистического и научно-популярного содержания обязаны ему своим появлением. Покойный Аарон Моисеевич родился в 1841 году в богатой еврейской семье и получил традиционное еврейское воспитание. Благодаря счастливой случайности он занимался некоторое время под руководством впоследствии прославившегося знаменитого еврейского поэта Л.О. Гордона. Мимолётное влияние еврейского Некрасова на своего юного питомца не прошло для него бесследно: Аарон Моисеевич всю свою жизнь носил в душе и сердце горячую любовь и преданность языку своих предков.

Когда Аарон Моисеевич, как мы уже сказали, стал выступать в периодической печати, он вступил в переписку с тогда уже довольно известным, как поэт, Гордоном (см. «Письма Гордона») и поддерживал с ним самые близкие отношения и, впоследствии, часто наезжал в Санкт-Петербург, где с начала 70-х годов жил поэт.

Со смертью Аарона Моисеевича в могилу сошёл один из выдающихся общественных деятелей. Ему наш город обязан многими очень полезными учреждениями: вступившее в 30-й год своей плодотворной деятельности наше Общество взаимного кредита ему обязано как своим возникновением так, и правильной и солидной постановкой дела, упрочившей существование этого учреждения.

Не мало трудов было положено покойным на учреждение мужского ремесленного училища, еврейского благотворительного общества и многих учреждений. Во все созданные им учреждения покойный вносил дух труда, энергии и порядка и всегда являлся реформатором, врагом всякой рутины и пошлости.

¹ Злобин, Э. Из истории учреждений образования Пинщины в досоветский период / Э. Злобин // Учитель вечен на земле Полесской. – Минск, 2005. – С. 20.

Имя покойного Аарона Моисеевича было чрезвычайно популярно в низших слоях населения: нужна ли была кому-нибудь помощь – советом и делом все шли к «О ре Лурье», и всегда встречали радушный приём и отзывчивое отношение к своим нуждам. Не стало «О ре Лурье» и не к кому нести своё горе, можно было слышать в толпе, собравшейся провожать покойного к месту вечного успокоения. Мир праху его!

В Пинске жил и работал известный еврейский романист и драматург Нохем-Меер Шомер (Шайкевич, 1846-1905), который писал на идише. О других проявлениях еврейской культурной жизни мы расскажем в других разделах книги.

Пинск был одним из крупнейших центров Российской империи не только еврейской культуры, но и – еврейской политической деятельности. Город стал одним из центров сионистского движения «Ховевей Цион». Руководителем этого движения в Пинске был раввин Давид Фридман (1814-после 1912). Под руководством «Ховевей Цион» в городе были созданы образцовые хедеры. С конца XIX века действовал сионистский комитет, который в начале следующего века насчитывал около 4000 членов. Главными его деятелями были: уже знакомый нам Хаим Вейцман и Григорий Лурье (1861-1921). Город неоднократно посещали известные сионисты Михаил Усышкин и Владимир Жаботинский. В Пинске действовала сильная организация еврейской социал-демократической партии Бунд. Эта партия, в отличие от сионистов, выступала за развитие еврейской литературы и образования на разговорном языке идиш. Такая бурная политическая и общественная жизнь, несомненно, активизировала и развитие еврейской культуры как на древнееврейском языке иврит, так и на идише.

Народные сельские школы

До отмены крепостного права в 1861 году образованием детей крестьян занимались лишь некоторые сердобольные помещики и священники. В школах, которые на свои средства организовывали помещики, обучение шло на польском языке. Николай Лесков в 1862 году писал, что уже умершая русская помещица, старушка Козлянинова «терпиливо учившая по вечерам девочек и мальчиков села Оброво в то время, когда ещё в Петербурге не увлекались мыслью профессора Павлова о заведении школ для народа»¹. А в школах грамотности (поселянских) при православных церквях – на русском языке.

Местные польские помещики с приходом к власти императора-реформатора Александра II хотели реванш за уничтожение польской школы на территории современной Беларуси. Без разрешения властей стали создаваться польские школы в помещичьих имениях и при костёлах. Минский губернский предводитель дворянства Александр Лаппо писал в 1862 году в своей записке министру народного просвещения Александру Головину: «Что касается языка, то можно твёрдо сказать, что язык, к которому дитя привыкло с малолетства, на котором произносит первые молитвы, независимо от вероисповедания, который исключительно используется дома, и в обществе, именно: этот язык должен быть языком для преподавания в училищах. Таким языком в наших губерниях является польский. Он был оставлен нам нашими предыдущими правителями, и хоть и был выведен из учебных заведений в 1834 г., но до этого времени остаётся живым в жизни нашей общественной». Однако польское восстание 1863 года прекратило все дискуссии об языке преподавания в народных школах. Царскими властями был взят курс на полную русификацию образования.

В Пинском уезде ещё в 40-е годы стали появляться школы грамотности при православных церквях. Например, в селе Железница – в 1847 году, которое со временем было превращено в народное училище. Историк Екатерина Морозько пишет: «В Пинском благочинии в сентябре 1861 г. было 22 школы при церквях: две при Купятичской Николаевской, по одной при Лунинской Крестовоздвиженской, Мохренской Успенской, Пинковичской Покровской, Дубновичской Параскевской, Столинской Покровской, Погостской Покровской, Ставокской Вознесенской, Бостыньской Параскевской и др.»². После отмены крепостного права почти все эти церковные школы были преобразованы в начальные народные училища, которые содержались за счёт казны и находились в ведении Министерства народного просвещения. Так, в 1862 году было открыто Купятичское народное училище, в 1863 – Пинковичское, Любешовское, Белянское, Пниовское, Кнубовское, Радчицкое, Столинское, Хотыничское, Кожан-Городецкое, в 1865 – Ставокское и Бродницкое, в

¹ Лесков, Н. Из одного дорожного дневника / Н. Лесков // Кругозор (Пинск), 2000. – № 1. – С.47.

² Морозько, Е. Церковные школы на Пинщине (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е. Морозько // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2009. – №1. – С. 33.

1866 – Святовольское и Телеханское, в 1868 – Поречское, Лемешевичское и Любязское, в 1869 – Логишинское, Оховское, Хоинское и Морочанское, в 1870 – Мохренское и Кухоцко-Вольское, в 1871 – Жабчицкое и Угриничское.

Главным предметом в народных училищах был Закон Божий. Дети, в основном, выучивали молитвы, но не все могли их объяснить. Молитвы читались целым классом перед началом и после окончания занятий. Кроме того изучались священная история и краткий катехизис. «На первом плане воспитания стоит внушение христианских обязанностей со строгим наблюдением за неуклонным хождением в церковь в воскресные и праздничные дни. Уяснение и наглядное созерцание практического хода богослужения, при пении самих детей в церкви, приносит истинно радостные плоды. Дети почти совсем отвыкли от сложения латинского креста и небесно, подобно отцам своим, смотрят на порядок богослужебных действий; смысл и значение церковных молитв также становятся им понятным, насколько это доступно детскому разумению»¹.

На занятиях по церковно-славянскому и русскому языку учащихся разделяли на три группы. Первая группа свободно и правильно читала и могла прочитанное рассказать (грамотные); вторая группа читала нетвёрдо и кое-что понимала (малограмотные); третью составляли начинающие учиться грамоте (неграмотные), их ещё называли азбучники. Первая группа – самая малочисленная: в среднем составляла пятую часть всех учащихся. Учителю было нелегко работать с тремя группами одновременно, работая с одной группой, он должен не оставлять без внимания и другие. Обычно чтение учениками осваивалось намного легче, чем письмо. «Чтение в училищах становится с каждым годом правильнее и отчетливее; ошибки против ударений встречаются реже. Народный белорусский говор, в стенах школы, заметно очищается от наносных польских слов и оборотов. Речь мальчика, обучающегося в училище, правильностью выражения далеко превосходит грубый, испещрённый полонизмами язык детей, не имеющих счастья пользоваться школьными уроками»².

На занятиях по арифметике ученики изучали только натуральные числа. Если арифметические действия на счётах они усваивали сравнительно неплохо, то со счётом в уме возникали проблемы. Очень тяжело давалось им решение арифметических задач: большинство учеников решить задачу без помощи учителя не могло. Изучались и линейные меры. Для наглядности обучения, училища снабжались складными саженьями и аршинами в натуральную величину, с разделением первых на феты, а последних на вершки. На уроках арифметики учащиеся также разбивались на три группы. В группе неграмотных обучали счёту до 100, с малограмотными изучали 4 арифметических действия, обучали счёту до миллиона. В группе грамотных отработывали навыки четырёх арифметических действий устно, письменно и на счётах. При обучении арифметике учителя применяли методику Груббе, суть которой заключалась в первоначальном обучении счёту с помощью конкретных предметов. При подборе арифметических задач ориентировались на то, чтобы их содержание имело связь с бытом учащихся.

Урокам пения уделялось огромное значение. Церковное пение являлось великим средством «для утверждения молодого поколения в православии и для объединения его духом и чувством с русским народом»³. В каждом училище организовывался ученический хор, который часто пел и в церквях. Кроме церковной службы, ученики пели народные песни и патриотические русские песни. В обязательный репертуар хоров входили «Царю Небесный», «Верую», «Отче наш» и «Боже Царя храни». Как дети, так и родители относились к пению с особенной любовью. Было замечено, что в тех приходах, где хорошо поют, больше народа ходит в церковь. Училищные власти ускоренно готовили учителей пения, которых снабжали руководствами для обучения пению и камертонами. Такая политика была успешной: летом поля и луга начали оглашаться народными русскими песнями, выученными частью в школах, частью от квартирующих солдат. Внимание Дирекции народных училищ было обращено также на изгнание «остающихся в некоторых местах диких униатских напевов»⁴.

Учебный процесс в сельских школах часто вступал в противоречие с крестьянским бытом. Мальчики и девочки работали в домашних хозяйствах, чаще всего пасли скот, поэтому учебный год обычно начинался, когда выпадал первый снег, а заканчивался в праздник святой Пасхи. Часто ученики не ходили в школу, ссылаясь на отсутствие тёплой одежды и обуви.

¹ Отчёт по управлению Минскою дирекциею народных училищ за 1865 год. – Вильна, 1866. – С. 8.

² Отчёт по управлению Минскою дирекциею народных училищ за 1867 год. – Минск, 1868. – С. 12.

³ Отчёт по управлению Минскою дирекциею народных училищ за 1866 год. – Вильна, 1867. – С. 12.

⁴ Отчёт по управлению Минскою дирекциею народных училищ за 1865 год. – Вильна, 1866. – С. 8.

Педагогический коллектив народного училища состоял из священника-законоучителя и одного (редко двух, когда был ещё помощник учителя) учителей. Как лучшего учителя в Пинском уезде отметили священника Пинковичской церкви Лонгина Шумаковича. Сразу после польского восстания учителями назначались только православные. Большинство учителей тогда составляли священники и дьячки, а остальную часть – выпускники великорусских духовных семинарий. Позже от услуг выпускников великорусских семинарий пришлось отказаться, так как они не знали полесского говора, а дети в первоначальный период обучения не понимали русского. Часто законоучитель исполнял обязанности и учителя. Так, в 1867 году в Пинском уезде 9 священников исполняли одновременно и обязанности учителей в 19 народных училищах, а в 1874 – только два. Среди учителей в 1867 году была только одна женщина – Мария Тризно в Любешовском народном училище.

Интересно проанализировать состав учительских кадров 1874 года. Только 23% имели специальное педагогическое образование. Женщин среди народных учителей было 23,1%, из которых 2/3 окончили Минское женское духовное училище, а остальные – Паричское. 30% наставников-мужчин окончили Молодеченскую учительскую семинарию, 25% – Минскую духовную семинарию, 10% – Пинское духовное училище, 10% имели звание учителя начальных народных училищ (для его получения надо было сдать специальные экзамены, обычно в гимназиях), 10% учителей были одновременно приходскими священниками, а остальные заканчивали разные учебные заведения: Киевское военное училище, Слуцкую гимназию, Новгородскую духовную семинарию.

Деятельность училищ на Полесье регламентировалась «Временными правилами для народных школ Виленской, Ковенской, Минской и Витебской губерний», в которых читаем, что школы открываются «для усиления среди народа религиозных и моральных понятий и распространения первоначальных полезных знаний». По временным правилам в народные училища допускались мальчики и девочки всех сословий и вероисповеданий. В некоторых училищах учились одни мальчики. Девочек училось немного – самое большее, 20% от всех учеников. В одноклассных (трёхгодичных) училищах дети учили русское письмо и чтение, четыре арифметических операции, большое внимание уделялось Закону Божьему и церковному пению. В двухклассных (5-6-годичных) училищах, кроме того, изучали историю. Уделялось внимание и профессиональному образованию. С 1867 года при народных училищах стали открываться ремесленные отделения. Так, сельские мальчики в 1878 году осваивали следующие ремесла: сапожное (Пинковичское, Кожан-Городецкое, Дубойское, Любешовское, Морочанское, Хоинское, Плотницкое, Радчицкое, Столинское, Теребежовское училища), кузнечное (Кожан-Городецкое, Любешовское, Кухоцко-Вольское, Хоинское, Лемешевичское, Плотницкое, Столинское, Радчицкое), портняжное (Радчицкое, Плотницкое, Любешовское), столярное (Угриничское, Кухоцко-Вольское, Морочанское, Лемешевичское). Отметим также, что государство оплачивало только 30% расходов на содержание училищ. За всё остальное платила сельская община: за строительство и ремонт школьных зданий, школьную мебель, дрова и освещение, учебники, содержание прислуги (уборщицы, сторожа), квартиры учителям.

Тяжела была тогда работа народного учителя. Исследователь Михаил Кириллов писал: «Паводле гэтай інструкцыі [«Инструкция народным учителям Виленского учебного округа» (1863 г.). – Авт.], клас разбіваўся на тры аддзяленні «па ступені ведаў вучняў»; вучні кожнага аддзялення сядзелі асобна, прычым дзяўчынкі асобна ад хлопчыкаў. Заняткі штодзённа працягваліся па 6 гадзін (4 урокі) з перапынкам на абед пасля другога ўрока. Увесь вучэбны матэрыял трэба было вывучаць у класе, бо задаваць дзецям урокі на дом не дазвалялася. Ад настаўніка патрабавалася пры тлумачэнні новага матэрыялу выкарыстоўваць нагляднасць, абуджаць і падтрымліваць увагу вучняў, праводзіць з імі субяседаванні і ўважліва правяраць усе пісьмовыя работы. Каб настаўнік мог працаваць адначасова з трыма аддзяленнямі, рэкамендавалася два аддзяленні займаць самастойнай работай, якая заключалася ў паўтарэнні пройдзенага матэрыялу або ў пісьмовым ізлажэнні»¹. Сельский учитель получал зарплату не от казначейства, а непосредственно от сельских общин, поэтому учителя могли и голодать, не получая зарплаты по несколько месяцев, поскольку бедные крестьяне не могли выделить деньги на содержание учителя.

В конце царствования императора Александра II значительно уменьшилось число церковных школ, так как упор делался на светское образование. После убийства царя произошёл резкий поворот во внутренней политике империи в сторону консерватизма и отказа от либеральных реформ.

¹ Кірылаў, М. Асвета і педагогічная думка ў Беларусы ў другой палавіне XIX стагоддзя / М. Кірылаў // Нарысы гісторыі народнай асветы і педагогічнай думкі ў Беларусі. – Мінск, 1968. – С. 185-186.

Такой же поворот произошёл и в сфере народного образования. Его идеологом был всеильный Константин Победоносцев, который писал: «В понятии русского народа... Церковь и школа неотделимы друг от друга, школа воспитывает, прежде всего, для Церкви и от неё получает свою жизненную просвещающую силу»¹. Обер-прокурор Святейшего Синода создал новую организацию церковной школьной системы, суть которой была сформулирована в «Правилах о церковно-приходских школах», утверждённых императором Александром III в июне 1884 года. После этого началось возрождение церковно-приходских школ под покровительством императора. Церковно-приходские школы были переданы в подчинение Святейшего Синода. Ядром их учебной программы являлся Закон Божий. Почти все остальные предметы: церковное пение, церковнославянский язык, русский язык, чистописание – рассматривались как служебные в отношении главного предмета. Кроме церковно-приходских школ, в ведение православного духовенства были переданы элементарные крестьянские школы грамоты. Учителями школ должны быть люди, получившие образование в учебных заведениях Ведомства православного исповедания.

К 1893 году около четверти церковно-приходских школ имели библиотеки и певческие хоры. Отметим, что на Полесье церковно-приходские школы помогали решать ещё две задачи: во-первых, задача русификации полешуков; во-вторых, – прозелитизма среди католиков, протестантов и евреев. Многие ксёндзы запрещали своим прихожанам отдавать детей в церковно-приходские школы. Как церковно-приходские школы, так и народные училища воспитывали полешуков в духе великодержавного русского патриотизма. Поскольку предмет «русская история» не изучался в одноклассных церковно-приходских школах, то его фрагменты были вкраплены в другой предмет – «русский язык». «Ён уключаў у сябе вывучэнне вершаў рускіх паэтаў, расказы і апавяданні рускіх пісьменнікаў, знаёміў з адметнымі гістарычнымі асобамі і падзеямі айчынай (зразумела, рускай) гісторыі. У гэты раздзел уваходзілі артыкулы «О просветителях славян святых Кирилле и Мефодии», «О первых русских князьях Рюрик, Олеге, [Игоре,] Ольге и Святославе», «О Владимире Мономахе», «Об Александре Невском», «О Даниле Галицком», «О Дмитрие Донском», «О покорении Казани и Сибири» і іншыя ў тым жа плане. Аб гісторыі беларускага народа, падзеях, што адбываліся на беларускай зямлі, ніякіх звестак, акрамя таго, што змяшчалася ў артыкулах «О Брестской церковной унии», «О воссоединении униатов при Николае I», «О благодеяниях народу и государству Государя императора Александра II», бадай што і не было»². В двухклассных церковно-приходских школах преподавались начальные сведения по церковной и отечественной истории.

Число церковно-приходских школ в конце XIX века быстро росло, а число народных училищ увеличивалось очень медленно. Так, в 1896 году народных училищ в Пинском уезде было только 33 (открылось 8 новых: Дубойское, Погост-Загородское, Лунинское, Любановское, Теребежовское, Луинецкое, Плотницкое и Доброславское), а к 1903 году открылось только одно новое – Люсинское, в котором работал Константин Мицкевич (Якуб Колас). Но в 1905 году уже было 42 народных училища, среди которых было одно двухклассное в Любешове и одноклассное женское в Пниове. В самом большом училище – в Столине обучалось 140 мальчиков, а в селе Судче – всего 30 мальчиков и одна девочка. Как качественно изменился преподавательский состав училищ за 30 лет? Число женщин-учительниц в процентном отношении уменьшилось до 15,7%. Имевшие звание учительницы начального народного училища, составляли 50%, окончившие Паричское женское духовное училище – 25%, а женские гимназии – 25%. Среди учителей уже нет ни одного священника. 65,1 % учителей имели специальное педагогическое образование: 27 окончили Несвижскую учительскую семинарию и 1 – Бельскую. Похоже, что за Несвижской семинарией был закреплён Пинский уезд, поэтому появление здесь учителя Константина Мицкевича (Якуба Коласа) неслучайно. Учителя, имевшие звание учителя начального народного училища, составляли 30%, окончившие Минскую духовную семинарию – 4,9%. Таким образом, преподавательский состав училищ за 30 лет значительно улучшился.

Учительский состав церковно-приходских школ значительно уступал преподавательским кадрам народных училищ, что было связано с высокой текучестью кадров (средний педагогический стаж учителей в уезде составлял 5 лет) и невысоким образовательным цензом учителей. А причиной этого была более низкая учительская зарплата в сравнении с народными училищами. Поэтому по качеству получаемых знаний ученики церковно-приходских школ существенно уступали учащимся народных училищ. В связи с этим 1 апреля 1902 года издано новое «Положение о церков-

¹ http://museum.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=12615&ob_no=12774.

² Коласаў, Л. Асвета / Л. Коласаў, І. Панасюк, Э. Савіцкі // Памяць. Лунінецкі раён. – Мінск, 1995. – С. 67.

но-приходских школах», по которому курс обучения в одноклассных школах был увеличен до трёх лет, а в двухклассных – до пяти лет. В программу двухклассных училищ дополнительно вводились география с начальными сведениями о природе, черчение и, по возможности, рисование.

В 1905 году, после ухода в отставку консерватора-реакционера Константина Победоносцева, начался обратный процесс – уменьшение числа церковно-приходских школ, хотя в 1911 году действовало в Пинском уезде ещё 55 одноклассных церковно-приходских школ, а в селе Витчевка с 1902 года работала второклассная церковно-приходская школа с дополнительным одногодичным учительским курсом, на который поступали юноши, окончившие второклассные школы, и по окончании его получали звание учителя церковно-приходских школ. В Витчевской школе изучались следующие предметы: Закон Божий, всеобщая и русская церковная история, церковное пение, русский и церковнославянские языки, русская история, география в связи со сведениями о явлениях природы, арифметика, геометрическое черчение и рисование, дидактика, начальные практические сведения по гигиене, чистописание. С разрешения епархиального училищного совета дозволялось обучать иконописи, музыке, ремёслам, сельскому хозяйству. На учительском курсе обращали внимание как на предметы, которые входили в программу экзамена на звание учителя церковно-приходских школ, так и на практические занятия учеников. Для прохождения педагогической практики воспитанников школы при ней существовала одноклассная церковно-приходская школа, где училось около 60 детей. Думается, что именно эта второклассная школа стала основной кузницей учительских кадров для церковно-приходских школ Пинского и соседних с ним уездов.

А теперь более подробно поговорим об учительских кадрах церковно-приходских школ. В них число учительниц (48,2%) почти совпадало с количеством учителей-мужчин (51,8%). Большинство учительниц заканчивали женские духовные училища – 59,3%, единицы – женские гимназии – 3,7%. Остальные учительницы имели звание народный учитель. У мужчин – другая картина: единицы окончили Минскую духовную семинарию, а подавляющее большинство (93,1%) имели звание учителя церковно-приходских школ. Наверно, большинство из них окончили Витчевскую школу или педагогические курсы при ней, а потом сдавали экзамен на звание учителя церковно-приходской школы.

За каждой школой и училищем старались закрепить попечителя (богатого помещика, крестьянина или купца), который материально помогал подопечной школе. Образцово-показательную церковно-приходскую школу создали в селе Свирицевичи, а потому, что её попечителями были: предводители дворянства Московского уезда Пётр Базилевский (1855-1920) и Илья Папа-Афанаспуло (1863-1927?) – Пинского уезда. В школе изучали садоводство. Возле неё под наблюдением садовника из имения Базилевского развели питомник на 400 деревьев. На средства Папа-Афанаспуло было построено общежитие, жильцов которого он снабжал бесплатно свежим мясом.

Тогда же наблюдался и резкий рост числа народных училищ. Огромную роль сыграло и то, что, начиная с 1912 года, содержание народных училищ легло в основном на плечи недавно созданных земств. Земские деятели, понимая огромное значение образования для крестьян, выделяли большие средства на открытие всё новых и новых училищ. В 1910 году в уезде было уже 91 народное училище, среди которых пять двухклассных: Любешовское, Мало-Плотницкое, Погост-Загородское, Столинское и Телеханское. А к 1915 году число всех училищ чуть ли не удвоилось: их стало 161. Открылось ещё одно двухклассное училище в Кожан-Городке. 1 сентября 1912 года в местечке Телеханы открылось Высшее смешанное начальное трёхклассное училище. В нём в 1914 году училились 39 девочек и 71 мальчик. Плата за обучение составляла 10 рублей в год, а за изучение иностранных языков дополнительно надо было платить 8 рублей. Богатый помещик Войцех Пусловский предоставил бесплатно для училища свой телеханский дом.

Уделялось внимание и профессиональному образованию. В 1910 году в селе Плотница открылась начальная сельскохозяйственная школа. Если в 1878 году в 13 народных училищах Пинского уезда обучали ремёслам, то в 1911 ремесленные отделения остались только в трёх училищах: Столинском, Кухоцковольском и Хотыничском. Тогда пинское земство решило создать сапожно-портяжное отделение при Велутском училище, столярно-кузнечное – при Дубойском, бондарно-токарное – при Жолкинском и отделение корзиноплетения – при Лопатинском.

Для обучения неграмотных крестьян были созданы воскресные школы при Мало-Плотницком, Кожан-Городецком, Столинском, Телеханском, Погост-Загородском и Любешовском народных училищах. Также были открыты повторительные курсы для крестьян, давно закончивших школы, при Деревковском, Вульковском, Железницком, Жабчицком, Колоднянском, Лемешевичском, Лопатинском, Оховском, Пинковичском и Судченском народных училищах.

Огромную роль в таком быстром росте сельских училищ сыграла деятельность Пинской уездной земской управы, возглавляемой депутатом Государственной Думы Александром Фотинским и его заместителем Иваном Гейхрехом. Избранное земство в Пинском уезде начало свою деятельность в 1911 году. «Адразу ж пасля свайго ўзнікнення органы земскага самакіравання ўключыліся ў справу народнай адукацыі. Земствы стваралі школьныя камісіі, якія адкрывалі пачатковыя школы, арганізавалі настаўніцкія курсы, таварыствы ўзаемадапамогі педагогаў, распрацоўвалі школьную статыстыку ў сувязі з праблемай усеагульнай народнай адукацыі. Вялікую ўвагу яны надавалі стварэнню і фінансаванню сеткі прафесійных навучальных устаноў»¹. Накануне празднования 300-летия Дома Романовых школьный инспектор Григорий Русецкий обратился в Пинскую уездную земскую управу с просьбой о выделении денег на организацию соответствующих мероприятий. Земская управа выделила 526 рублей на выпуск юбилейных брошюр, портретов императоров и членов царской фамилии, бланков аттестатов и похвальных грамот с юбилейной символикой, а также «бумажных картин для волшебных фонарей». Монархия и империя в 1913 году на фоне экономического подъёма казались незыблемыми.

В начале 1914 года пинское земство выделило значительные денежные суммы на содержание церковно-приходских школ уезда, фактически взяло их под свою опеку, намереваясь в скором будущем превратить их в земские училища. Планы у земской управы были грандиозные. На народное образование в 1914 году пинское земство израсходывало 53,7% своего бюджета. Быстрый рост сельских школ вызвал также серьёзные проблемы: не хватало денег на строительство новых школ. Поэтому большинство школ ютились в непригодных, полутёмных деревенских хатах, где было тесно и душно. Об этих и других проблемах сельской школы говорится в следующем учительском письме² инспектору Григорию Русецкому:

*М. Н. П.
Виленский
Учебный Округ
Минская Дирекция
Народных Училищ
Табульское
народное училище
Минской губернии
Октября 30 дн. 1912 г.
№ 33*

*Его Высокоородию Господину
Инспектору народных училищ
Минской губернии 6 участка*

Рапорт

Честь имею представить Вашему Высокоблагородию планы классной комнаты и квартиры учителя. Участка земли при училище не имеется. Классная мебель удовлетворяет гигиеническим требованиям; не удовлетворяет гигиеническим требованиям классная комната, которая мала, низка и мало света дают маленькие окна. Желающих учиться много. Мест нет. Как удовлетворить просьбы жаждущих учиться? Среди крестьян поднимается ропот. Вера, что будет построено специальное училищное здание, колеблется. Некоторые совсем разочаровались. На сельском сходе много пришлось доказывать, увещевать по поводу ничтожной ассигновки (50 рублей в год) от крестьян. Хотя с трудом, но дело кое-как наладилось в этом году – крестьяне согласились внести 50 рублей.

Если есть какая-нибудь возможность, благоволите поставить постройку училищного здания в Табулках в первую очередь. Крестьяне любят школу, но благодаря наёмному зданию у них к школе является ненависть: «Платишь, плати, а места в школе не мае».

В окрестностях Табулок нет просвещённых людей, кроме Помещика им.[ения] Поречье Романа Александровича Г. Скимунта. По моему мнению, Г. Скимунту предложить эту почётную должность попечителя училища.

Учитель П. Шевко-Лейко

Так как не хватало денег на открытие новых школ, то пришлось пинскому земству отказаться от таких важных расходов: содействие развитию обучения ремесел, пособие церковно-приходским школам, подготовка учительского персонала, устройство библиотек, воскресных школ, повтори-

¹ Новік, Н. 3 гісторыі прафесійнай адукацыі на Беларусі/ Н. Новік // Беларускі гістарычны часопіс. – 1998. – №2. – С.85.

² НИАБМ. – Фонд 639. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 89.

тельных курсов и т.д.¹ Стоит отметить, что правительство оказывало земствам широкую поддержку выдачей безвозвратных пособий и ссуд для строительства школ.

В начале 1914 года состоялось в Пинске совещание под председательством депутата Государственной Думы, камергера Ильи Папа-Афанаспуло. На нём приняли решение: за 10 лет в уезде открыть 13 сельскохозяйственных и ремесленных школ, 4 учебных мастерских, 67 ремесленных отделений и 15 рукодельных классов при народных училищах, планировалось в 1924 году начальное образование сделать всеобщим. С сентября 1915 года должны были начать работу две низшие сельскохозяйственные школы в селе Малая Плотница (землю подарил помещик Вацлав Завадский) и в Полкотичах (землю подарил депутат Государственной Думы Александр Фотинский). Денежные средства на открытие школ выделили Пинское уездное земство и столичный департамент земледелия. Планировалось также открыть школу гончарного производства в известном центре полесского гончарства, местечке Городная. В 1914 году было принято решение об открытии в Лунинце учительской семинарии. Для её размещения планировалось отдать большое новое здание 14-тикомплектной начальной школы. И все эти амбициозные планы земцев помешала реализовать Первая мировая война.

Городские мужские школы и училища

Пинские учебные заведения начала XIX века предназначались для детей дворян, священнослужителей, чиновников и богатых купцов. В первой трети века остро стал вопрос об образовании детей православных мещан. Как уже отмечалось, 1-го сентября 1835 года было открыто приходское православное училище, учителем которого, наверно, был кто-то из пинских священников, вероятно, приходской. В начале 60-х годов среди учителей было много монахов Пинского Богоявленского монастыря, который располагался в здании бывшего иезуитского коллегіума. Можно предположить, что училище размещалось тогда в здании коллегіи. Позднее приходское училище находилось рядом с православным собором. В 1864 году его учителем был Александр Николаевич Ильинский. Преподавание в одноклассном училище контролировал тогда приходской священник. Содержалось оно на государственные и городские средства. В 1865 году в училище появилась женская смена с собственной учительницей, учившей четыре девочки. 34 мальчика (30 православных и 4 католика) учил тогда двадцатидесятилетний Алексей Воскресенский – выпускник Ярославской духовной семинарии.

В начале 80-х годов число девочек значительно превосходило число мальчиков (87 девочек и 39 мальчиков). В 1889 году их число почти уравнилось (95 девочек и 86 мальчиков). Городское население с течением времени росло – соответственно расширялось и приходское училище. В конце века в нём работали уже четыре преподавателя во главе со старшим учителем Антоном Григорьевичем Филипповичем. В начале XX века в городе появились одноклассная церковно-приходская школа при Пинском соборе и две двухклассные церковно-приходских школы при станции Пинск Полесских железных дорог во главе со священником Алексеем Данкевичем. В двух железнодорожных церковно-приходских школах учились дети рабочих Главных мастерских Полесских железных дорог, а также – служащих станции Пинск и крупных разъездов. В них в 1904 году было уже шестилетнее обучение. Изучались следующие дисциплины: Закон Божий, церковно-славянская грамота, церковное пение, русский язык, география, российская и всеобщая история, арифметика, геометрия, физика, естествознание, рисование и черчение.

Также отметим, что при 1-й церковно-приходской школе были дополнительные трёхгодичные вечерние классы для мастеровых и учеников Главных мастерских Полесских железных дорог, в которых кроме общеобразовательных предметов изучали механику, технологию металлов и железнодорожное дело. Специальные предметы преподавали инженеры мастерских. В этих классах готовили младший технический персонал для мастерских, паровозных кочегаров, машинистов и т.п. Думается, что вечерние классы были открыты по инициативе такой неординарной личности, как крупный инженер и практик железнодорожного дела Сергей Иванович Михин (1860 – ?). Историк Андрей Киштымов пишет про него: «17 чэрвеня 1893 г. начальнікам Галоўных майстэрняў Палескіх чыгунак у Пінску быў назначаны малады энергічны інжынер С.І.Міхін. Ён хутка заваяваў аўтарытэт сярод рабочых і па-новаму арганізаваў справу. У канцы 1893 г. па ініцыятыве міністра шляхоў зносін С.Ю. Вітэ інжынера-тэхнолага С.І.Міхіна камандзіруюць у Амерыку «для ознакамлиня с железнодорожной практикой в Северо-Американских Штатах». У ЗША С.І.Міхін вывучаў навінкі чыгуначнай справы і на практыцы паглядзеў амерыканскі вопыт эксплуатацыі

¹ Журнал I-го очередного Минского губернского Земского Собрания. – Минск, 1912. – С. 114.

чыгунак. Вярнуўшыся ў Беларусь, С.І.Міхін многае зрабіў па ўкараненні дасягненняў у чыгуначнай справе ў практыку работы Пінскіх чыгуначных майстэрняў. У 1895 г. ён выдаў у Пінску падрабязнае апісанне і інструкцыю па карыстанні тормазам Весцінгаўза – навішым амерыканскім вынаходніцтвам таго часу. На Усерасійскай прамысловай і мастацкай выстаўцы 1896 г. у Ніжнім Ноўгарадзе С.І.Міхін удастоены сярэбранага медаля «За остроумные приборы для передачи работы сжатого воздуха и за удачные улучшения в частях подвижного состава», а цар узнагародзіў яго ордэнам Св. Ганны 3-й ступені¹. Есть сведения, что в 90-е годы XIX века на станции Лунинец была открыта телеграфная школа для подготовки телеграфистов и техников. Краевед Лев Колосов сообщил нам, что в городе перед войной или во время войны существовали курсы телеграфистов, на которых учился его родственник. Вопрос о лунинецкой телеграфной школе требует ещё дополнительного исследования.

В начале XX века в Пинске остро стоял вопрос о нехватке начальных учебных заведений. Инспектор народных училищ Григорий Русецкий писал в городскую управу про эту проблему: «... Существующие в городе Пинске приходские училища не в состоянии удовлетворить потребностей жителей города и дать своим детям первоначальное обучение. Ежегодно более 200 детей школьного возраста напрасно стучатся в двери этих училищ, которые закрываются перед ними благодаря недостатку помещения. Так, в начале нынешнего 1905-1906 учебного года в мужских приходских училищах было отказано в приёме 69 мальчикам и в обоих женских приходских училищах – 139 девочкам. Но и после отказа такому значительному количеству детей... как мужские, так и женские приходские училища оказываются страшно переполненными. Например, в обоих пинских приходских училищах в первом классе помещается не менее 90 учениц; при таком количестве учащихся в одной классной комнате учебное дело едва ли может идти правильно, потому что педагогическая практика неопровержимо говорит, что успешно можно заниматься только тогда, когда в классе не более 40 учеников...»². К сожалению, городская управа не смогла быстро решить этот вопрос, так как значительно увеличить расходы на народное образование из местного бюджета не было возможности.

Всё же в 1906 году в городе было уже два мужских приходских училища. Эти училища возглавляли Василий Емельянович Бурый и Фёдор Онуфриевич Менч. В училищах учились и католики, так как в них работали законоучители римско-католического исповедания. Перед войной в Пинске уже было три мужских приходских училища.

Роль повышенной начальной школы для среднезажиточных слоёв городского населения – мелкой буржуазии, ремесленников и низших чиновников – играли городские училища. Хотя положение о них было разработано ещё в 1872 году, в Пинске только в 1905 году было основано четырёхклассное городское училище, которое возглавил учитель-инспектор Марк Николаевич Францевич, окончивший Виленский учительский институт. Курс первых двух классов продолжался в каждом классе по 2 года, а курсы третьего и четвёртого классов были одногодичными. В первый класс принимались дети с 7 лет (всех званий, состояний и вероисповеданий). Учеников в училище было около 180. Плата за учёбу была небольшой – 12 рублей в год. С 1908 года училище возглавил опытный педагог Василий Иванович Кудрявцев, окончивший Ярославскую духовную семинарию. Он преподавал арифметику и географию. Изучались следующие предметы: Закон Божий, чтение и письмо (в первом классе), русский язык и церковнославянское чтение, арифметика, практическая геометрия, черчение и рисование, отечественная история и география, естествоведение. Внеклассными предметами были пение и гимнастика. Отметим ещё раз, что хоровое пение (молитв, русских народных песен, гимнов, церковных песнопений) было важным элементом официального воспитания в дореволюционных учебных заведениях. Каждый учитель городского училища должен был уметь: петь с листа и играть на скрипке несложные мелодии, руководить классным хором.

С начала XX века в городских училищах стала действовать предметная система преподавания. Историк Светлана Снопковская пишет: «Вялікім недахопам гарадскога вучылішча было тое, што яно не давала магчымасці пераходу яго вучняў у сярэднюю вучэбную ўстанову. Даючы адукацыю, якая прынцыпова адрознівалася ад агульнаадукацыйнай праграмы сярэдняй школы, гарадскія вучылішчы сталы ізаляванымі, тупіковымі вучэбнымі ўстановамі ў сістэме школьнай адукацыі. Толькі невялікая колькасць выпускнікоў гарадскіх вучылішчаў (у асноўным дзеці заможных баць-

¹ Кіштымаў, А. Пінск у складзе Расійскай імперыі / А. Кіштымаў // Памяць. Пінск. – Мінск, 1998. – С. 113, 114.

² 90 лет спустя: те же проблемы // Пінскі веснік. – 1993. 25 августа.

коў) пасля падрыхтоўкі за аплату па дадатковых прадметах мелі магчымасць паступіць ці ў настаўніцкія інстытуты, ці ў гімназіі. Для астатніх адзінай рэальнай перспектывай была практычная дзейнасць»¹. Отметим, что с 1912 года в Пинском городском училище работал Викентий Антонович Филиппович – друг писателя Якуба Коласа.

«Положение о высших начальных училищах», вышедшее 25 июня 1912 года, утвердило новый порядок получения начального образования; для получения полного начального образования учреждались четырёхклассные высшие начальные училища, которые заменили упраздняемые городские училища. 1 сентября 1912 года в Пинске было открыто высшее начальное училище, которое возглавил опытный педагог Гавриил Иванович Хрещик, окончивший Санкт-Петербургский учительский институт. Оно разместилось в доме, пожертвованном городом. Плата была 15 рублей в год. В 1913 году это училище стало называться – Пинское 2-е высшее начальное училище, а городское училище было преобразовано в Пинское 1-е высшее начальное училище. В отличие от учебного плана городских училищ учебный план высших начальных училищ включал алгебру и физику. История и география выделялись в самостоятельные предметы. Пение и гимнастика из предметов внеклассных занятий переводились в классные. Была сделана попытка сблизить программы высших начальных училищ с программами средних школ.

3 мая 1915 года при Пинском первом высшем начальном училище была организована трудовая дружина учащихся старших классов для оказания помощи в полевых работах семьям лиц, призванных в армию. Расходы на содержание трудовой дружины взяли на себя губернский отдел Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны и пинское уездное земство. Летом 1915 года одно высшее училище было эвакуировано в город Игумен, другое – в местечко Зембин Минской губернии. В конечном итоге, 1-е высшее начальное училище оказалось в городе Ефремов Тульской губернии. С января 1918 года там преподаватели не получали заработной платы. В 1919 году училище преобразовали в Ефремовскую единую советскую трудовую школу 2-й степени.

Пинск был не только торговым городом, но и крупным промышленным центром, особенностью которого являлось наличие самых больших промышленных предприятий Минской губернии. Как не удивительно, но в Пинске рабочих было больше, чем в Минске, хотя в губернском городе самих промышленных предприятий было почти в три раза больше. Для подготовки кадров рабочих, мастеров и техников для нужд быстро развивающейся промышленности Пинска уже не хватало еврейского ремесленного училища и ремесленных отделений при других учебных заведениях. Вот почему городская дума ходатайствовала об открытии низшего технического училища с ремесленным отделением, начиная с 1912 года. К сожалению, мы нашли очень мало сведений о профессиональном образовании в Пинском уезде.

Необходимо продолжить исследования по истории дореволюционного образования Пинщины.

Учительские дороги Якуба Коласа на Пинщине

Как известно, великий белорусский писатель Якуб Колас (Константин Мицкевич) учился в Несвижской учительской семинарии. Русский язык и литературу преподавал там известный историк, этнограф и публицист Федот Кудринский (1867-1933), который проводил на Несвижщине этнографические исследования. В 1904 году он издал книгу «Белорусы». Этнограф заметил поэтический талант юноши и посоветовал ему писать стихи на родном белорусском языке. Позднее Якуб Колас про это вспоминал: «Кудрынскага ўвесь час цягнула да творчасці народа, цікавіла гісторыя нашага краю. Мае фальклорныя запісы Кудрынскі хваліў шчыра. Вось я і падлажыў у адзін са сшыткаў пару ўласных вершаў. Ён доўга марудзіў, не гаварыў нічога, потым з вока на вока спытаў, ці напісана яшчэ што-небудзь. Перачытаўшы, сказаў не вельмі катэгарычна, нешта накшталт: «З гэтым вы можаце выйсці на сапраўдную дарогу»². Под руководством Кудринского старшеклассники по субботам читали литературные рефераты и обсуждали прочитанные книги. Думается, что, благодаря Кудринскому, в Несвиже обозначился круг семинаристов, интересовавшихся народной белорусской культурой.

Неслучайно, что Константин Мицкевич, когда в 1902 году начал работать учителем в Люсинском народном училище – на самом северо-восточном краю Пинского уезда, сразу стал собирать местные предания и изучать обычаи и быт полешуков. Результатом этой работы является его интересный этнографический труд «О крестьянских постройках (деревни Люсина, Минской губернии, Пинского уезда, Хотыничской волости)», где много места уделяется народным преданиям,

¹ Снапкоўская, С. Ля вытокаў нацыянальнай педагогікі / С. Снапкоўская. – Мінск, 1995. – С. 14.

² Лужанін, М. Колас раскавае пра сябе / М. Лужанін. – Мінск, 1964. – С. 129.

изучению характера полешука и рода его занятий, а также географическому описанию местности. Любил молодой учитель послушать, как поют люсинские девчата. «Якуб Колас увайшоў у гісторыю айчынай культуры як выдатны педагог. Станаўленне яго як педагога адбывалася якраз на Палессі. Менавіта тут выпрацоўваліся педагагічныя ідэі і правяраліся на практыцы. (...) Якуб Колас надаваў вялікае значэнне адукацыі, асвеце. З імі ён звязваў грамадскі прагрэс. Таму ў Люсіна працаваў не пакладаючы рук, не шкадуючы маладых сіл. Роллю асветы ён зводзіў не проста да ведаў, а спалучаў з выхаваннем, імкнуўся развіваць у вучняў крытычны падыход да жыцця, выхоўваў патрэбу аналізаваць рэчаіснасць і рабіць свае высновы»¹. Именно в Люсино, как вспоминал писатель, он познакомился с революционной литературой, которую ему давал знакомый столяр из Столбцов.

Осенью 1904 года Якуб Колас поменялся местами работы с учительницей Пинковичского народного училища Юлией Андреевной Адо. Село Пинковичи является пригородом города Пинска (тогда находилось в 5 верстах). Молодому учителю можно было каждый день посещать Пинск, приобщаясь к городской культуре. Да и само село было более богатое и культурное, чем Люсино. В Пинковичах перед самым приездом Якуба Коласа было построено новое здание школы. «Ёсць усе падставы лічыць, што Якуб Колас у Пінкавічах пісаў. У «Зборы твораў у 12 тамах» змешчаны ўсяго адзін беларускамоўны верш, датаваны 1904 г. У ім выказаны эстэтычныя ідэалы паэта. Ён заявіў пра сябе як прадаўжальнік традыцый Ф. Багушэвіча, як паэт-рэаліст, цесна звязаны з народам, з яго жыццём і праблемамі:

Я б смяяўся, жартаваў бы,
Каб вас чуць развесяліць,
Ды на жыцце як паглядзіш,
Сэрца болем зашчыміць.

(Збор твораў. Т. 1. 1961. С. 19)

Разам з тым вядомы цэлы сшытак вершаў паэта на рускай мове. Пад некаторымі з іх стаіць паметка – Пінкавічы. Вершы не ўраджаюць творчым адкрыццём. Вельмі выразны ўплыў рускіх паэтаў Кальцова, Някрасова, Нікіціна. Тэматыка гэтых вершаў – карціны роднай прыроды, клопаты маладосці. Для ўсіх вершаў характэрны мінорны настрой»².

Из приведенного стиха видно, что поэт близко к сердцу принимал страдания и нищету простого народа. У местных крестьян был давний спор с помещиком Сигизмундом Скирмунтом (двоюродный брат известного белорусского деятеля Романа Скирмунта) за право рыбной ловли в близлежащем озере. Якуб Колас помог крестьянам написать петицию Сигизмунду Скирмунту, что вызвало негодование уездных властей, потребовавших у Минской дирекции народных училищ немедленного удаления учителя из уезда. Инспектор дирекции Григорий Русецкий написал своему начальству записку, в которой пытался уменьшить вину проштрафившегося учителя, доказывал, что тот как раз не допустил разгрома помещицкой усадьбы в Альбрехтове, и советовал не переводить последнего в другой уезд.

Подчеркнём, что Григорий Русецкий оставил значительный след в жизни писателя, поэтому на биографии инспектора остановимся чуть поподробнее. К сожалению, сведений о нём мы имеем мало. Родился он в 1875 году в Минской губернии, вероятно, в местечке Семежево или селе Мокраны³ Слуцкого уезде в семье священника. Наверняка, учился в Слуцком духовном училище, а затем – в Минской духовной семинарии. В 1900 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и стал работать учителем русского и церковнославянского языков Молодеченской учительской семинарии. 1 июля 1905 года назначен инспектором 6-го (пинского) участка Минской дирекции народных училищ. Работы у него было много: с 1906 года исполнял ещё обязанности директора Пинской женской гимназии. В 1910 году в его подчинении было 119 училищ Пинского уезда: приходских мужских и женских – 6, министерских – 6, земских – 36, начальных – 55, железнодорожных – 9, начальное двухклассное еврейское – 1, частная женская прогимназия – 1, частных инородческих – 5. Григорий Русецкий внёс заметный вклад в культурную жизнь Пинщины. По его инициативе в 1905 году была открыта центральная учительская библиотека, а в 1910 году первый музей в Пинске – музей наглядных пособий.

¹ Ляшук, В. Літаратурная Берасцейшчына / В. Ляшук, Г. Снітко. – Мінск, 2008. – С. 152.

² Ляшук, В. Літаратурная Берасцейшчына / В. Ляшук, Г. Снітко. – Мінск, 2008. – С. 159.

³ В Семежево родился в 1881 году его брат, учитель и художник Фёдор Русецкий, а в Мокранах – в 1871 другой брат, протоиерей Алексей Русецкий.

В августе 1913 года Григорий Антонович Русецкий был назначен заведующим учебно-воспитательной части Невельской частной семиклассной женской гимназии Надежды Мулярчик в Витебской губернии (сейчас Псковская область России). 1 июля 1913 года в Невеле была открыта учительская семинария. Через год директором небольшой семинарии (состояла тогда из двух первых классов) назначили Русецкого, оставляя за ним и прежнюю должность. В 1918 году в семинарии работал великий русский философ и литературовед Михаил Бахтин (1895-1975). Тогда в городе под его руководством сложился философский кружок или невельская философская школа. В состав кружка входили философ Матвей Каган (1889-1937), философ-мистик и поэт Борис Зубакин (1894-1938), философ и музыковед Лев Пумпянский (1891-1940), лингвист и философ Валентин Волошинов (1895-1936), бактериолог Александр Колюбакин (1877-?) и знаменитая пианистка и правозащитница Мария Юдина (1899-1970). Она в 1917 году открыла в Невеле Первую детскую площадку (детсад), где лекции читал и Григорий Антонович Русецкий. Мария Юдина в своих воспоминаниях охарактеризовала директора Г. Русецкого: «великолепный, многознающий, опытный педагог». В 1919 году Михаил Бахтин и его друзья создали Невельскую научную ассоциацию. Члены ассоциации читали для невельчан лекции по философии, литературе и искусству. Известный масон Борис Зубакин организовал в Невеле масонскую ложу. Можно предложить, что либерал Григорий Русецкий был членом как философского кружка, так и масонской ложи. Позже он переехал в Петроград, где умер в 1945 году.

Якуб Колас в начале 1906 года был переведён в Верхменское народное училище Игуменского уезда. Летом того же года он организует нелегальный съезд учителей в своём родном селе Николаевщина, требованием которого было обучение в начальной школе на родном белорусском языке. Участники съезда заявили, что присоединяются к Всероссийскому учительскому союзу. Отметим, что этот союз находился под влиянием оппозиционных партий, в первую очередь, социал-революционеров (эсеров). Напомним, что тогда в Пинске существовала крупная эсеровская организация, костяк которой составляли рабочие и техники Главных мастерских Полесских железных дорог. Кроме того действовала ученическая эсеровская организация, издававшая нелегально журнал «Воля». Об этой организации писала даже белорусская газета «Наша Нива». Сделаем смелое предположение, что в Пинском уезде могла существовать и учительская эсеровская организация, членом которой, возможно, был Якуб Колас. По понятным причинам он это в советское время мог тщательно скрывать. В 1906 году за революционную деятельность своих должностей лишились 6 учителей, работавших в Пинском уезде (28% от всех учителей Минской губернии, уволенных тогда с работы). Кратко их охарактеризуем.

Комаровский Антон, из крестьян села Николаевщина Минского уезда, окончил Несвижскую учительскую семинарию в 1904 году, учитель Любешовского двухклассного министерского училища Пинского уезда. Празднование его дня рождения было поводом проведения в селе Николаевщина учительского съезда. Инспектор Григорий Русецкий всячески его выгораживал, дал ему великолепную характеристику, отмечая его любовь к книге, пению и музыке, добросовестность к работе и создание отличного церковного хора. В мае 1907 года руководил стачкой сельскохозяйственных рабочих Николаевщины против радзивилловской администрации, в связи с чем разыскивался полицией.

Янковский Никифор, родился в крестьянской семье Койдановской волости Минского уезда в 1877 году. Окончил Несвижскую учительскую семинарию в 1896 году, с 15 февраля 1898 г. по 28 октября 1904 г. был учителем Телеханского народного училища Пинского уезда. Во время русско-японской войны служил в Манжурии, с 1 января 1906 г. –учитель Столпецкого мужского народного училища Минского уезда. После учительского съезда, скрываясь от полиции, выехал в Америку, где женился. После февральской революции вернулся в Россию. Умер в 1952 году в городе Люблино Московской области.

Шевко-Лейко Павел, родился в 1883 году. Окончил Новоградские педагогические курсы в 1904 году, помощник учителя Телеханского народного училища Пинского уезда. Во время летних каникул в 1906 году вёл революционную агитацию среди местного населения, был арестован полицией. В 1910 году работал учителем народного училища в селе Табулки Пинского уезда. Расстрелян в 1938 году как «враг народа».

Кужелевич Георгий, окончил Новоградские педагогические курсы в 1905 году, учитель Боровиковского народного училища Пинского уезда. Во время летних каникул в 1906 году вёл революционную агитацию среди местного населения, был арестован полицией.

Богуш Константин, окончил Новогрудские педагогические курсы в 1904 году, помощник учителя Погост-Загородского народного училища Пинского уезда, во время летних каникул в 1906 году вёл революционную агитацию среди местного населения, был арестован полицией.

Вышеприведённая информация добавляет новые аргументы в пользу того, что в уезде существовала учительская эсеровская организация, и учитель Константин Мицкевич мог быть её членом или симпатизировал ей. Думается, что он не только писал петицию для пинковичских крестьян, но и вёл революционную пропаганду среди них.

В 1906 году начала выходить знаменитая белорусская газета «Наша Ніва». На ее страницах писатель стал публиковать свои стихи, рассказы и многочисленные статьи, посвященные проблемам народной школы. Хотя Якуб Колас прошел в Несвижской учительской семинарии хорошую русификаторскую школу, однако в своих статьях выступал в защиту родного языка и отстаивал право белорусского народа учиться в школе на родном языке. К такой позиции его, несомненно, подтолкнул большой педагогический опыт работы в полесских школах. Для создания национальной школы мало дискуссий, необходимо писать учебники. И Якуб Колас написал хрестоматию для учеников начальных школ «Другое чытанне для дзяцей беларусаў», в пятом разделе которой поместил стихи и прозу о жизни крестьян-полешуков.

В 1908 году газета «Наша Ніва» стала печатать заметки, присланные из Пинского уезда и подписанные псевдонимом «Иван Воробей». Из содержания заметок видно, что автор живет в селе, расположенном недалеко от Пинска. Автор довольно подробно пишет о селе Ставок Пинского уезда, и можно предположить, что это – учитель Ставокского народного училища Георгий Петрович Лазаревич (1883 – после 1938), родившийся в местечке Кожан-Городок Пинского уезда. Интересная деталь, что он окончил Несвижскую учительскую семинарию всего на год позже Якуба Коласа и поэтому, наверняка, хорошо с ним был знаком. С 1 сентября 1903 года стал учительствовать в Ставокском народном училище, где и проработал до Первой мировой войны. В межвоенное время Георгий Лазаревич служил священником в селе Неньковичи Пинского уезда.

Отметим, что «Иван Воробей» писал в газете «Наша Ніва» ещё и о событиях, происходящих в местечке Романово Слуцкого уезда, можно предположить, что там жили родственники жены или его друзья. Эта «воробьиная» история требует ещё дальнейшего исследования.

На Пинщину Якуб Колас возвратился только в 1911 году после отбытия тюремного заключения по делу проведения нелегального учительского съезда. Он не мог устроиться на работу в государственную школу, так как после пребывания в тюрьме стал неблагонадёжным лицом. Писателя в тяжелой материальной ситуации выручил его друг Викентий Филиппович. Якуб Колас вспоминал: «Філіповіч, мой таварыш па класу, мала таго – сядзелі на адной лаўцы, паклікаў да сябе ў Лунінец. Добрая душа! Передаў мне сваіх вучняў, дзяцей чыгуначнікаў. Я пачаў рэпеціраваць іх. Плата слабаватая: два рублі на месяц з галавы. Добра, калі галава кемлівая, а ў другую і табліцу множання калом не ўб'еш. Нават у Люсіне плацілі на рубель больш. У Філіповічавым пакоі зрабіў я школку. Займалася ў мяне 20 чалавек»¹. В Лунинце Якуб Колас много работал: продолжил работу над поэмой «Новая зямля», начал поэму «Сымон-музыка», написал много стихов и рассказов. Это была настоящая его «болдинская осень», а точнее – «лунинецкая». С чем был связан такой творческий подъём? Во-первых, после тюремного заключения Якуб Колас был опьянён свободой и соскучался по литературному творчеству. Во-вторых, у него было довольно много свободного времени. Думается, что появление Якуба Коласа в Лунинце не было случайным: поэт стремился быть как можно ближе к своей любимой – Марии Дмитриевне Каменской. Родственники поэта в своих воспоминаниях отмечали, что он был знаком и влюблён в свою будущую жену ещё перед тюремным заключением. В 1911 году она работала учительницей железнодорожной церковно-приходской школы в Пинске.

Викентий Антонович Филиппович (1883-1942) заслуживает на небольшой рассказ о нём. Родился он в 1883 году в местечке Туров в семье народного учителя. Очевидно, что Викентий учился в Туровском народном училище, где преподавал его отец Антон Григорьевич Филиппович, который позднее в 1895 году стал работать в пинском приходском училище. После окончания Несвижской учительской семинарии в 1902 году Викентий работал учителем Лунинского народного училища Пинского уезда. Интересно, что законоучителем там был священник Платон Тихонович – создатель первой грамматики белорусского языка. Законоучителем Люсинского училища во время работы там Якуба Коласа являлся Иосиф Тихонович, вероятно, родственник (племянник?) лунинского настоятеля. Вскоре Викентий Филиппович женился на Любови Николаевне Прорвич

¹ Лужанін, М. Колас расказавае пра сябе / М. Лужанін. – Мінск, 1964. – С. 178.

(1888-1974) – дочке лунинецкого священника Николая Прорвича (ок.1860-1920?) и православной писательницы Софии Прорвич (1860-ок.1937). После женитьбы Викентий Филиппович переехал в Лунинец, где устроился на работу в народное училище. В 1912 году он вместе с Якубом Коласом оказались в Пинске, но работали они в разных учебных заведениях: Филиппович – в городском четырёхклассном училище, Мицкевич – в приходском. С 1 октября 1913 года Викентий Филиппович являлся учителем Телеханского Высшего смешанного начального училища. Летом 1915 года училище эвакуировалось, по одним документам, в село Бондари Тамбовской губернии. Туда же, вероятно, он выехал вместе с семьей. Известно, что в декабре 1916 года Викентий Филиппович вместе с другими учителями училища обращался в Мозырское казначейство с просьбой о выплате задержанной за год зарплаты. Возможно, что училище всё-таки оказалось в Мозыре, или позже из Мозыря переехало в Тамбовскую губернию.

В 20-е годы Якуб Колас встретил Филипповича в Минске. В конце двадцатых и начале тридцатых годов Викентий Антонович Филиппович работал в Ленинграде ассистентом отдела земледелия знаменитого Государственного института опытной агрономии, который возглавлял великий генетик Николай Вавилов. В 1929 году вышла книга Филипповича «К постановке основных вопросов земледелия на Европейском севере РСФСР». В 1934 году Институт генетики АН СССР, возглавляемый Николаем Вавиловым, переехал в Москву. Похоже, что учёный был репрессирован в конце 30-х годов. Известно то, что его жена Любовь Николаевна где-то в эти годы вышла второй раз замуж – за Николая Савинского. «Филиппович Викентий Антонович, 1883 г. р. Место проживания: [Ленинград] пр. 25 Октября, д. 11, кв. 6. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: неизвестно»¹. Похоже, что друг Якуба Коласа умер от голода в блокадном Ленинграде.

В 1912 году над Якубом Коласом нависла угроза призыва в армию, чтобы избежать призыва необходимо было устроиться на работу в государственную школу. С огромным трудом ему удалось достать свидетельство о политической «благонадёжности». Можно предположить, что в этом непростом деле поэту помогли члены редакции газеты «Наша Ніва». С устройством на работу Якубу Коласу снова посдействовал давний знакомый и покровитель, инспектор городских училищ Григорий Антонович Русецкий. С его помощью Якуб Колас формально устроился в Купятичское народное училище, но с 1 сентября 1912 года стал работать в Пинском третьем приходском двухклассном мужском училище (находилось на ул. Брестской возле спичечной фабрики) младшим учителем. Старшим учителем в училище был Михаил Фенюк, законоучителем – дьяк Александр Роздяловский, врачом Иван Головчан. Михаил Георгиевич Фенюк был опытным педагогом. В 1885 году окончил Несвижскую учительскую семинарию и работал учителем в Белянском народном училище Пинского уезда. В 1898 году перевёлся в Жабчицкое народное училище того же уезда. В конце XIX века был слушателем Марьино-Горской сельскохозяйственной школы. Хорошего педагога заметили и пригласили на работу в Пинск. В 1915 году Михаил Фенюк был письмоводителем в Пинской женской гимназии, с которой эвакуировался в город Елец Орловской губернии.

Никто из исследователей жизни и творчества писателя не упоминают того факта, что позже Якуб Колас работал уже во втором приходском училище (находилось возле железнодорожного вокзала), где старшим учителем был Адам Ободовский. Об этом есть запись в «Памятной книге Минской губернии на 1914 год». Судьба Адама Ивановича Ободовского (1860–1921?) похожа на судьбу Михаила Фенюка. Адам Ободовский родился 1 июля (ст. ст.) 1860 году в селе Семенович Игуменского уезда Минской губернии. Его родители Иван Иосифович и Фелиция Ивановна Ободовские были православными крестьянами. В 1879 году Адам окончил Несвижскую учительскую семинарию и стал работать учителем в Лучицком народном училище Мозырского уезда, в 1882 году он перевёлся в училище в местечке Лахва, а в 1887 году – в Житковичское народное училище того же уезда. В 1891 году Адам Ободовский перебрался в Пинский уезд, где стал работать в Хойнском народном училище.

Окончил он также курсы садоводства и огородничества в Марьино-Горской сельскохозяйственной школе. Проработав в Хойно 17 лет, устроился в 1908 году на работу младшим учителем в Пинское первое мужское двухклассное приходское училище. Якуб Колас тепло отзывался о своём старшем товарище Адаме Ободовском в письме к его сыну Николаю в 1940 г. Думается, что поэт многому научился у опытного педагога.

¹Блокада, 1941–1944, Ленинград : Книга Памяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.visz.nlr.ru/search/lists/blkd/244_336.html.

3 июня 1913 года Константин Михайлович и Мария Дмитриевна поженились. «Вяселля не гулялі, толькі выпілі пляшку данскога віна. Было затое шлюбнае падарожжа»¹. Жил писатель с молодой женой в доме железнодорожного фельдшера Арсения Балеви́ча на улице Водопроводной. Этот дом находился на западной окраине города около имения Гай, принадлежавшее помещику Генрику Зуземиллю, сын которого Эдмунд был преподавателем немецкого языка в Пинском реальном училище и известным немецким шпионом, сыгравшим немалую роль в белорусском национальном движении. Помещичий дом находился всего на расстоянии 200-300 метров от квартиры Якуба Коласа. Не вызывает сомнений, что они были знакомы. Как раз в это же время Эдмунд Зуземиль стал печататься в газете «Наша Ніва» под псевдонимом «Agus». Можно предположить, что именно Якуб Колас познакомил братьев Антона и Ивана Луцкевичей с Зуземилем, который во время Первой мировой войны стал куратором белорусского движения от лица немецкого командования. Еще до войны Зуземиль хорошо говорил на литературном белорусском языке. В Пинске, где говорят на особом диалекте, уроки белорусского языка он мог получить только у Якуба Коласа. Думается, что поэт был знаком и с другим деятелем белорусского движения, пинским помещиком Романом Скирмунтом. Вопрос о взаимоотношениях писателя с Эдмундом Зуземилем и Романом Скирмунтом требует дальнейших серьезных исследований.

Жизнь Якуба Коласа в Пинске была интересной, счастливой и плодотворной. «Пінскі перыяд быў плённы для Якуба Коласа. У гэты час на паперу лягло і было апублікавана шмат вершаў. Яны вызначаюцца тэматычнай і жанравай разнастайнасцю. Значнае месца займаюць творы, у якіх раскрываецца неўладкаванасць жыцця беларуса, што спараджае адпаведны настрой лірычнага героя»². Хотя времени на творчество было мало: приходилось много работать в училище, заниматься репетиторством, да и семейных хлопот прибавилось – родился сын Данила. Происходило много различных встреч с интересными людьми. Так, сестра Мария, жившая у Коласа в Пинске, вспоминала: «Да нас часта прыходзілі настаўнікі і іншыя госці. Чыталі кнігі, многа спрачаліся паміж сабой (...)»³. Но этот счастливый период жизни быстро закончился: в начале августа 1914 года Якуба Коласа призвали в армию.

Пребывание поэта в Пинске оставило заметный след в его жизни. Думается, что именно с пребыванием Якуба Коласа на Полесье связано начало белорусского движения в Пинске.

Развлечения пинчан: городской клуб, дворянское и общественное собрания

В царствование императора Николая I в Пинске сложилось многочисленное культурное общество: помещики из окрестных сёл, уездные и городские чиновники, учителя дворянского училища, офицеры Корпуса Инженеров Путей Сообщения и т.д. Редкие балы в дворянских домах не могли полностью удовлетворить назревшую потребность в общении и совместных развлечениях. Поэтому появилось следующее письмо:

*М.В.Д.
Пинский уездный
предводитель
дворянства
№ 1245
Декабря 9 дня
1841 года
г. Пинск*

*Его Превосходительству
Минскому Господину
Гражданскому Губернатору
Действительному статскому Советнику
и Кавалеру
Николаю Васильевичу Сушкову*

Проживающие в Городе Пинске с семействами г.г. от Правительства и Выбора Чиновники, Штаб и обер-офицеры Корпуса Инженеров Путей Сообщения а равно близкие Города помещики желая учредить нынешним зимним временем в Пинске по понедельно для препровождения вечернего времени дворянские Собрания обоих пола под названием казино; просили меня исходатайствовать на тот предмет Начальниче позволение.

Таковы желания их доводя до сведения особы Вашего Превосходительства честь имею просить на учреждение такового собрания изъявить Начальниче разрешение.

*Предводитель дворянства*⁴

¹ Лужанін, М. Колас расказавае пра сябе / М. Лужанін. – Мінск, 1964. – С. 180.

² Ляшук, В. Літаратурная Берасцейшчына / В. Ляшук, Г. Снітко. – Мінск, 2008. – С. 165.

³ Александровіч, С. Якуб Колас: паводле ўспамінаў братоў і сяцёр/ С. Александровіч, А. Лойка, Ю.

Пшыркоў // У сэрцы народным. – Мінск, 1967. – С. 141.

⁴ НИАБМ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 752. – Л. 4

Не знаем, как долго и насколько успешно функционировали эти дворянские собрания.

Известно, что в 1864 году в Пинске был открыт городской клуб. В газетной статье «Из Пинской жизни» о нём писалось: «Клуб находился, почти исключительно, в руках Русских; открыт ещё в 1864 году бывшим военным начальником, генерал-майором Чертовым 6 декабря, народным балом, на коим были исключительно семейства служащих чиновников, преимущественно Русских и военных офицеров Шуйского пехотного полка, тогда ещё квартировавших в Пинске; из заметных же помещиков два или три, не более, и конечно, без семейств, что показывает нежелание знакомиться с русскими приезжими людьми...»¹. В этой статье раскрывались и цели создания городского клуба: чтобы «сблизились русские люди, приехавшие с разных концов России на службу в Северо-Западный край, чтобы честно послужить русскому делу, освободить несчастный, загнанный русский народ от гнёта и влияния польских панов, а также польской фанатичной шляхты...». Однако вскоре городской клуб был закрыт по причине «польской интриги». Наверно, в клубе произошла какая-то стычка между местными поляками и приезжими русскими.

По мере развития и либерализации общества, появления среднего класса, роста образованности людей возникла необходимость в появлении общественных объединений граждан. В начале 70-х годов возникло Пинское общественное собрание (клуб). В нём проведение маскарадов и драматических представлений, литературных и музыкальных вечеров разрешалось только самим минским губернатором. Литературные произведения представлялись для проверки. Представление о деятельности Пинского общественного собрания даёт следующий документ.

Отчёт за год с 1 декабря 1873 по 1 декабря 1874 г. Пинского общественного собрания

Расход	Рубли	Коп.
Наём помещения	525	
Содержание людей	311	
Музыка	74	50
Журналы и газеты	59	18
Патенты и промысловые свидетельства	91	10
Приобретение мебели	313	93
За два запасных шара и кий	26	20
Страховка	17	49
Пожертвование ученику	50	
Куплено ламп	70	
Стоимость 3 лото с принадлежностями	16	70
За работу [по настилу] двух полов и окраску	74	47
За оклейку обоями и окраску 3 комнат	21	45
Содержание клуба, вечеров и освещение	579	93
Итого	2230	95
За остаток к 1875 г.	571	57
А всего	2802	52

Из отчёта² видно, что клуб располагался в трёх нанятых комнатах, где устраивали танцевальные вечера, читали газеты и журналы, играли в карты, бильярд и лото и т. д. Кроме того, члены собрания занимались благотворительностью. Наверно, поддерживали местных изобретателей и промышленников: покупали патенты и промысловые свидетельства. Руководил собранием Совет старейшин Пинского общественного клуба. В марте 1875 года в Совет входили: П. Чайковский, В. Корф, А. Золотницкий, О. Восьянский, М. Третьяков, Н. Мартынов и др. В 1876 году был утверждён новый устав общественного собрания, в котором читаем:

§ 1. Общественное собрание имеет целью доставить членам и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой.

§ 2. С этой целью собранию предоставляется устраивать для своих членов и их гостей балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера и драматические представления, выписывать книги, газеты и другие периодические издания, а также приглашать лиц специальных по разным наукам для чтения лекций, которые служили бы к распространению между членами собрания полезных сведений.

¹ Виленский вестник. – 1866. – 19 апреля.

² НИАБМ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2585. –Л. 18.

Пребывание в собрании до 1 часа ночи, потом система штрафов. Членами собрания не могут быть: 1) женщины, 2) не достигшие совершеннолетия, 3) воспитанники учебных заведений и юнкера, даже достигшие совершеннолетия, 4) исключённые из собрания, 5) подвергшиеся, ограничениям прав по судам.

Пинчане любили отдыхать и гулять в городском саду, который назывался Лещинский парк и находился на восточной окраине города на берегу реки Пина. Первое упоминание о парке относится к 1858 году. В нём на летней эстраде по выходным играли духовые оркестры. Когда в Пинске не было ещё специальных театральных зданий, то летом в парке часто выступали гастролирующие театральные труппы.

Театр

Мы уже упоминали про школьный театр пинского иезуитского коллегиума (XVII– XVIII вв.) и о театре князя Михаила Казимира Огинского (XVIII в.). Мало, что известно о театральной жизни Пинска в первой половине XIX века. Можем высказать также гипотезу, что в имении Луниин князей Друцких-Любецких, являвшимся крупным культурным центром Полесья, вполне мог быть свой театр. Имеются отрывочные сведения о гастрольях в Пинске бродячих кукольных трупп.

Кроме того, в начале 40-х годов давала музыкально-драматические представления в Пинске антреприза под дирекцией Павла Денисовича Маевского, получившего профессиональное артистическое образование в Варшавской драматической школе. Его театральный коллектив состоял из 18 человек. Выступления больше проходили на польском языке, а репертуар состоял из произведений польских и западноевропейских авторов. Афиши спектаклей были двуязычными – польско-русскими, однако более полная информация излагалась на польском языке. В конце 40-х годов в Пинске выступала антреприза Станислава Новаковского из Минска. На базе этой труппы был создан первый постоянный русско-польский театр. Спектакли в театре Новаковского ставились на двух языках – польском и русском. В репертуаре театра были «Ревизор» Николая Гоголя и «Барышня-крестьянка» Александра Пушкина, пьесы Фаддея Булгарина и Михаила Загоскина, которые могли видеть пинчане. Можно предположить, что тогда город посещали и другие польские театральные труппы, возможно из Вильны и Царства Польского. Тогда в Пинске специального театрального помещения не было, спектакли играли в городском саду и в частных домах.

Первое известное нам упоминание о гастрольях в Пинске чисто русской драматической труппы относится к зимнему сезону 1876/77 гг., но, к сожалению, нет подробных данных о самом театре. В мае 1878 года в частном театральном помещении давала спектакли антреприза Мондштейна. Можно предположить, что это – житель города Кашина Тверской губернии Эдуард Егорович Мондштейн, который в 1870 году был артистом Елецкого театра в Орловской губернии. Возможно, на базе этого театра и создана его антреприза.

В апреле и мае 1871 года в частном театральном помещении (около 100 мест) купца и владельца пивоваренного завода Айзика Басевича выступала антреприза Аркадьева. Состав труппы: П. Металлова, Павская, Аркадьев, А.А. Металлов (настоящая фамилия Серебренников) и др. 10 апреля давалась пьеса великого русского драматурга Александра Островского «Не в свои сани не садись».

В апреле 1880 года выступала труппа драматических артистов под руководством Николая Савина (настоящая фамилия Славич), бывшего мужа великой русской актрисы Марии Савиной.

*Его Превосходительству
Господину Минскому Губернатору
Пинского Полицмейстера*

Рапорт

В исполнение предписания от 22 февраля 1879 года за № 894, представляя при сём ведомость о количестве денег вырученных со спектаклей данных в г. Пинске в пользу инвалидов, имею честь донести Вашему Превосходительству, что в летний сезон текущего года были даны в театре купца Айзика Кивова Басевича представления труппою, русских артистов, состоящую из следующих лиц: Соболевского, Ленской, Савина, Уварова, Нежданова и Волковой, из которых Соболевский, Уваров, Савин и Ленская исполняли свои роли добросовестно с полным знанием театрального искусства. Нежданов как и Волкова хотя исполняли только выходные роли, но в них, кроме своей неспособности к театральному искусству, не взыскали.

Полицмейстер¹

¹ НИАБМ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3403. – Л. 81.

Интересно, что пинский полицмейстер выступал и в роли театрального критика. В репертуаре театра была преимущественно русская классика, на что указывает следующая театральная афиша:

*В г. Пинске
с дозволения начальства
в воскресенье 13 апреля 1880 года
В театре купца Басевича
Артисткой А.И. Ленской
при участии артиста Уварова и других
Дан будет спектакль «Маскарад»
Драма в 4 действиях
в стихах соч. Лермонтова
и в третий раз
«[неразборчиво] мещанин»¹.*

Думается, что частые посещения Пинска заезжими театральными труппами, а также обстановка всеобщего духовного подъёма в Российской империи, вызванная либеральными реформами императора Александра II, привели к тому, что в местном обществе созрела идея создания своего драматического театра, хотя бы любительского. В 1876 году возникло Пинское общество любителей театра, которое создало любительскую труппу, стоявшую из актёров: Д.Е. Шухов, А.М. Воскресенская, Ю.Б. Клещевская, А.В. Грудницкая, И.Ф. Церницкий, Н.С. Каменский, М.Д. Зелинская, Н.Е. Белевин, М.О. Судиловская, А.Ф. Григорьева, Ю.Г. Пашенко, А.А. Смирновой, М.И. Бенедиктович, Н.П. Прокопович, Ю.А. Оссовская, Е.П. Добня, В.К. Домановский, А.К. Марценкевич, А.В. Петров, А.В. Мартос и др. В некоторых спектаклях участвовала профессиональная актриса А.Н. Ленская. Директором театра был выбран пинский уездный предводитель дворянства, барон Николай Витте. В основном ставились водевили и интермедии под аккомпанемент оркестра, часто по три одноактных водевиля за один вечер. Большинство спектаклей были благотворительными. Например, спектакль «Расставанье» 12 декабря 1876 года давался в пользу славян Балканского полуострова. После этого спектакля был спет гимн «Боже царя храни». Представления любительской труппы выполняли и русификаторскую функцию: часто они заканчивались исполнением русских народных песен и танцев. Спектакли давались раз или два раза в месяц. К ним печатались в типографии рекламные афиши и программки (стоила 5 копеек). На них присутствовали от 70 до 100 зрителей. Билет в ложу стоил 5 рублей, на литерное кресло – 1 руб. 50 коп., в партер – 1 руб., на скамейку на галёрке – 40 коп., на галёрку – 20 коп. После окончания представления обычно проводилась лоторея.

Ведущим актёром (возможно, и режиссёром) любительской труппы был учитель рисования реального училища Дмитрий Егорович Шухов. Другой артист Алексей Михайлович Воскресенский работал судебным приставом. Актрисами были в основном жёны пинских чиновников. Профессии многих актёров выявить, пока, не удалось. А.В. Грудницкая – наверно, дочь местного протоиерея Василия Грудницкого, а Е.П. Добня – сестра известного математика Константина Добни. Последние, известные нам, спектакли любительского театра состоялись в 1877 году.

Развивался в Пинске и еврейский театр. Датой создания еврейского театра в Российской империи можно считать 1877 год, когда объединились две труппы: Авраама Гольдфадена (1840-1908) и Авраама Фишзона (1860-1922). Новый театр ставил спектакли на языке идиш и обосновался в Одессе, но гастролировал по всей России. В конце 1880 и в начале 1881 года театр выступал с успехом в Пинске. В то время здесь жил известный еврейский писатель Нохем-Меер Шомер. Возможно, что эти гастроли подтолкнули писателя к созданию в 1888 году еврейского театра в Пинске, который он и возглавил. Вскоре Шомер уехал из города, и пинский еврейский театр прекратил своё существование. В начале 80-х годов пинский купец Янкель Гольцман построил специальное театральное деревянное здание, которое стали называть театр Гольцмана. Поскольку Пинск являлся значительным центром еврейской культуры, то можно предположить о существовании в городе еврейских любительских трупп.

¹ НИАБМ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3403. – Л. 27.

*Его Превосходительству
Господину Минскому Губернатору
Гирша Ицкович Гиллера, жит. в 1-й ч.
г. Пинска по Петербургской ул. и
Пинхоса Цалева Мендельбаума, жит.
во 2-й ч. г. Пинска по набережной
в доме Гольдина.*

Прошение

Сим честь имеем покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить нам устройство любительского спектакля в Мае м-це с.г. в концертном зале Коржиневского, или в летнем театре «Шато».

Представление будет на еврейском языке драма в 4-х действиях Я. Гордина: «Еврейский король Лир».

Чистый доход от этого спектакля предполагаем пожертвовать в пользу Пинского женского еврейского училища благотворительного общества.

*18 апреля 1912 г.
гор. Пинск*

Подпись¹

Конечно, гастролировали в городе и профессиональные еврейские театральные труппы. Однако в их деятельности не всё было просто. «Істотныя абмежаванні на выкарыстанне нацыянальнай мовы ўводзіліся і для яўрэйскага тэатра. У адпаведнасці з цыркулярам Міністэрства ўнутраных спраў ад 10 чэрвеня 1900 г. забаранялася ставіць п'есы на гутарковай яўрэйскай мове. Пэўная дэмакратызацыя ў моўнай палітыцы тэатральнага жыцця Беларусі назіралася толькі напярэдадні і на пэршым часе пасля рэвалюцыі 1905 г. Аднак мясцова адміністрацыя, у якой ужо пад той час быў вельмі моцны прарускі настрой, усяляк парушала прынятыя ўладай акты аб выкарыстанні нацыянальных моваў у дзейнасці тэатраў»².

О театральной жизни Пинска 90-х годов XIX века сведений у нас мало: только краткие сообщения о гастролях пяти русских трупп. Летом 1896 года в летнем театре городского сада выступала антреприза О.А. Смолякова-Томашевского. Состав труппы: Брагина, М.А. Марусина, Брагин, Перацкий, О.А. Смоляков-Томашевский. В летнем сезоне 1897 года выступали две труппы: Товарищество артистов под управлением А.С. Славского-Станиславского и Товарищество артистов под управлением Черепова-Орловского. А в июне 1898 года в зимнем театре Я. Гольцмана выступала антреприза И.А. Школьского. Состав труппы: Медведев, Олесина, Орлик-Боброва, Болсуновский, Лунин, Орловский (Черепов), И.А. Школьский. А с 1-го октября там же выступало Товарищество артистов под управлением М.Х. Фебера. На сцене зимнего театра давался бенефис актёра и режиссёра М. Фебера, для рекламы представления издали даже специальную газету «Пинский Листок».

Знаменитая пьеса Максима Горького «Мещане» была поставлена в Пинске в театральном сезоне 1903/1904 года антрепризой К. Ванченко. Это была одна из первых постановок популярной пьесы на территории Беларуси. Константин Ипполитович Ванченко-Писанецкий (1863-1928) – известный украинский драматург, режиссёр, актёр и антрепренёр. В 1892 году он организовал собственную труппу, с которой гастролировал в Украине, России, Польше и на Кавказе. Во время Первой русской революции в Пинске снова ставился спектакль «Мещане» (думается, что той же труппой Ванченко). Опасаясь соединения антибуржуазного пафоса пьесы и революционных настроений народных масс, пинский полицмейстер дал распоряжение о присутствии на спектакле военной команды из 50 человек в полной боевой амуниции.

9 декабря 1910 года состоялось торжественное освящение нового концертного зала со сценою господина Коржиневского. Зал был оснащён по последнему слову техники. Газета «Пинский листок» писала: «Этим помещением Пинск по справедливости может гордиться. Большое величественное здание рассчитано на 1000 человек. Вследствие значительной длины сцены (17 аршинов) из всех мест одинаково хорошо видно. Плоскость зала наклонена к сцене, для танцев же наклонность выравнивается посредством железных домкратов. Сцена устроена так, что часть её пола бу-

¹ НИАБМ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 8119. – Л. 52.

² Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі пад уладай Расійскай імперыі / Л. Лыч. – Віцебск, 2007. – С. 173.

дет опускаться вниз для появления и исчезновения декораций. Помимо зрительного зала имеется ещё несколько фойе. Большое место занимает буфет и ресторан»¹. Открывался концертный зал спектаклем известной украинской труппы режиссёра и актёра Алексея Суходольского (1863-1936), в состав которой входили артисты: Петин, Радецкая-Петина, Яворский, Никитин, Андриенко, Кипоренко, Жмурко и др. Среди артистов выделялся молодой певец Юрий Кипоренко-Доманицкий (1888-1956) – замечательный тенор. Пинчане увидели тогда пьесы: «Наталка-Полтавка» Ивана Котляревского, «По ревізії» Марка Кропивницького, «Борці за мрії» Ивана Тогобочного (Щёголева), «Сватання на вечорницях» Степана Паливоди-Карпенко и др.

Начало 10-х годов XX века отмечено большим количеством театральных коллективов, гастролировавших в Пинске. Это связано со многими причинами. Во-первых, это время относительных свобод и надежд, когда начался подъём культуры, особенно национальной. Во-вторых, это время бурного роста экономики и материального состояния населения, что значительно расширило число театральных зрителей. В январе 1911 года выступала русская труппа Симонова. Высокую оценку публики получил её спектакль «Как жить» по роману модного писателя Михаила Арцыбашева. Летом того же года выступал театр украинской и русской драмы под руководством Б. Замевского. Вскоре выступил и польский виленский театр Вацлава Забельского с четырьмя спектаклями: драма Станислава Выспянского «Варшавянка», комедия Александра Фредро «Пан Бенет», пьеса Станислава Кенжинского «Игра сердец» и фарс Габриэли Запольской «Их четверо». Была тогда в Пинске и польская любительская труппа (актёры – Анна Орда, И. Щитт и др.), которая в 1910 году поставила спектакль в пользу Приходского благотворительного общества при римско-католическом костёле.

Даже во время войны, в конце 1914 и в начале 1915 года, в Пинске гастролировал Украинский исторический театр под руководством известного режиссера и актёра Митрофана Ярошенко (1858-1926). Примою труппы была замечательная актриса и певица Елена Зинина (1867-1943), в будущем – один из первых «Героев труда» УССР. В репертуаре театра были лучшие драматические произведения украинских классиков: «Назар Стодоля» Тараса Шевченко, «Наталка-Полтавка» Ивана Котляревского, «Ой не ходи, Грицю, та й на вечорниці» Михаила Старицкого, «Заварила кашу, расхлёбывай» Владимира Александрова и т.д. Представления давались на новой концертной и театральной площадке – в помещении Железнодорожного собрания.

За 24 января

Программа

*В помещении Железнодорожного Собрания
Украинский Исторический Театр М.К. Ярошенко.*

С участием артистки Е.А. Зининой

----- СЕГОДНЯ -----

Товариществом украинск. артистов

Представлено будет

Ц Ы Г А Н К А А З А

Пьеса в 5 д. с пением хорами и танцами соч. М. Старицкого

Роль «АЗЫ» исп. Е.А. Зинина.

Действующие лица:

Наум Лопух, старый селянин

гр. Гродиенко

Галя, его дочка

г-жа Южная

Денис

Пылып, его сыны

гр-н Днепровский

Дудка Апраш, старый цыган

гр-н Ярошенко

Гордыля, вожачка у цыган

г-жа Подвысоцкая

Аза, молодая цыганка

г-жа Зинина

Васьль, молодой цыган

г-н Орловский

Гарбузыха, сваха

г-жа Кубанская

Хвесья, цыганка

г-жа Славская

Голуб, лирник

г-н Садновский

1-й

г-н Попов

2-й сваты

г-н Садовский

Панас, пиддурковатый хлопец

г-н Борисенко

¹ Пинский листок. – 1910. – 12 декабря.

*Глейтюк, вийт
Цыгане, цыганки, парубки, дивчата*

г-н Заржевский

*Начало ровно в 8 час. вечера.
Режиссер Ф.А. Хмара.
Дирижёр С.М. Крышен*

Распорядитель М.Г. Борисенко¹

Частые гастроли в Пинске украинских и русских театральных коллективов подтолкнули местную активную образованную молодёжь к созданию в 1910 году русско-малорусской театральной труппы, которая в течение пяти лет в помещении Железнодорожного собрания поставила большое количество спектаклей: «Праздничный сон с обеда» Александра Островского, «Свадьба Кречинского» Александра Сухово-Кобылина, «Наталка-Полтавка» Ивана Котляревского, «Шельменко-Денщик» Григория Квитко-Основьяненко, «Ой не ходи, Грицю, та й на вечорниці» Михаила Старицкого, «Женитьба» Николая Гоголя, «Медведь» Антона Чехова и др.

*В Железнодорожном собрании на ст. Пинск
в субботу 25 января 1914 года
по общедоступным ценам
любителям русско-малорусского драматического искусства
под управлением режиссера И.С. Шмырёва представлена будет
«НАТАЛКА ПОЛТАВКА»*

Опера в 3-х действиях соч. Котляревского

Роль выборного исполнит И.С. Шмырёв

Участвуют: Г-жа Сачковская, г.г. Родзяловский, Федосенко и Шмырёв.

После спектакля танцы.

Начало ровно в 8 часов вечера.

Во избежание скопления публики у кассы билеты продаваться будут заблаговременно, т. е. с 5 часов вечера.

*Председатель Совета старшин
Старшины²*

*подпись
подписи*

Из приведённой программки видно, что спектакли труппы пользовались большой популярностью у местной публики: возникали очереди за билетами. Можно также предположить, что было создано Общество любителей русско-малорусского драматического искусства, которое и организовывало эти спектакли. В представлениях участвовал железнодорожный оркестр (35 человек) под управлением В.Г. Виторского и часто – хор.

Режиссёром театра был И.С. Шмырёв. О нём почти ничего неизвестно: только то, что в помощь ему и его жене О.В. Шмырёвой был устроен бенефис. В двух спектаклях театра: «Женитьба» и «Медведь» режиссером был Н.В. Козырев-Сокольский – петербургский комик. Участие известного актёра в спектаклях любительского театра говорит о высоком профессиональном уровне пинской труппы. В спектаклях участвовало актрисы: Мария Сачковская (исполнительница роли Наталки-Полтавки), Ольга Благосклонова, М.А. Алексеева, Н.А. Войцехович, Н.А. Довгелевич, Я.Н. Нестерович, Е.Н. Нуждина, М.М. Панина, Венцковская, Козырева, Патиюк, Петрова, Пшеева, Шабанова, Шпак, и – актёры: И. П. Еремейчик, С.Ф. Красик, А.М. Маляров, А.А. Плеханов, А.П. Родзяловский, А.Ф. Цурлянис, Г.И. Щедрович, С.П. Юров, Н.А. Ященко, Александров, Ассанов, Венцковский, Герасименко, Григоренко, Левицкий, Сачковский, Уваров, Федосенко, Шпак и др. Ведущей актрисой, наверно, была Мария Сачковская, о которой польская полиция писала в 20-е годы как о бывшей профессиональной актрисе. О других актёрах театра известно очень мало. Разве только, что Ольга Благосклонова была классной надзирательницей женской гимназии. Думается, что большинство актёров были железнодорожниками. Подчеркнём, что история пинской русско-малорусской театральной труппы ещё ждёт своих исследователей.

¹ Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Сектор Т.Н.М. – Фонд 1. – Д. 1130.

² НИАБМ. – Фонд 1. – Оп. – 4. Д. 7. – Л. 16.

Концерты и оркестры

Концертная деятельность в Пинске тесно была связана с благотворительной деятельностью. В начале XX века действовало девять благотворительных обществ: Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского реального училища (основано в 1876 г.), Пинское еврейское благотворительное общество (1899), Приходское благотворительное общество при римско-католическом костёле (1902), Пинское женское еврейское благотворительное общество (1902), Общество пособия бедным больным евреям (1902), Братство Казанской иконы Божией Матери для вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского Духовного Училища (1903), Общество по оказанию помощи беднейшим евреям г. Пинска под залог движимого имущества беспроцентных ссуд (1908), Общество вспомоществования еврейским учителям и меламедам в г. Пинске (1914) и Общество пинского еврейского ночлежного дома. Эти благотворительные общества часто организовывали концерты и литературно-музыкальные вечера, деньги за билеты на которые шли в пользу этих обществ. На такие мероприятия приглашались городские любительские музыкальные коллективы или отдельные исполнители.

Стоит отметить, что среди пинского дворянства было много хороших пианистов: Наполеон Орда, его сестра Гортензия Скирмунт и др. Конкретных документальных свидетельств об их концертах в Пинске мы пока не имеем, но предполагаем, что они проводились.

Известно, что пианистка-пинчанка Аделя Снядецкая (1850-?) дала в 1890 году концерт в пользу Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского реального училища. Её племянник, выдающийся польский скрипач Мечислав Карлович (1876-1909) дал в 1895 и 1896 годах два концерта, на которые съезжалась вся местная элита во главе с помещиками Скирмунтами – родственниками музыканта. Один из слушателей его пинских концертов позднее писал: «Карлович играл, насколько я тогда ориентировался, хорошо, чувствовалось в его игре школа Барцевича [варшавского педагога. – А.М.], особенно в атаках смычком на скрипку. Энтузиазм в зале был большой. На лице бледного, деликатного парня-виртуоза я увидел озабоченную улыбку, мне казалось, что Карлович не знает, что делать с этим энтузиазмом зала – бисировал, однако бисировал, кажется мне, неохотно, сдержанно, вероятно, больше из-за вежливости, ради сияющей тётушки, чем для зала, ибо не верил, казалось, в искренность её энтузиазма»¹. 22 октября 1910 года в доме князя Друцкого-Любецкого состоялся концерт пианистки Е. Довнар-Запольской, также пела песни К.И. Волосевич. 7 января 1911 года с концертом выступила певица Р.С. Айзенберг – студентка последнего курса Неаполитанской консерватории. К сожалению, о Довнар-Запольской и Волосевич нам ничего больше неизвестно.

Айзенберг же – известная пинская фамилия богатых купцов, торговавших хлебом. Белорусский музыковед и певец Виктор Скоробогатов возвращает из небытия имя певицы (сопрано) и педагога Руфи (Ревеки) Соломоновны Айзенберг (в замужестве Вайн; 1888-1969): «Нарадзілася яна ў Пінску, вакальную адукацыю атрымала спачатку ў Варшаўскай кансерваторыі (клас прафесара Карла Джусціньні), потым працягнула навучанне ў Італіі (1907-1913) – у Неаполітанскай каралеўскай кансерваторыі (клас прафесара Беняміна Карэлі). Ужо ў час навучання яна дэбютавала ў неаполітанскім каралеўскім оперным тэатры *Меркадантэ*. З поспехам выступала маладая спявачка ў ролях Мікаэлы («Кармэн» Ж. Бізэ), Маргарыты («Фаўст» Ш. Гуно), Сантуцы («Сялянскі гонар» П. Масканы). У Італіі ў сям’і Вайн (муж Аўсей быў вайсковы лекар, афіцэр расійскай арміі) нарадзіўся сын. Кар’ера складвалася добра, але планам сям’і перашкодзіла Першая сусветная вайна. Прышлося вяртацца дадому...»². Она была отличным педагогом по вокалу для многих оперных певцов в Смоленске, Харькове, Ташкенте и Минске.

Кое-какая информация есть и о городских оркестрах. Так, чиновник Ф. Д. Волков, посетивший город в 1865 году, писал: «В Пинске есть летнее гулянье, которое существует в конце города, в местности называемой Лещи. Нам пришлось, посетить это гулянье. Публики в саду было немного. Музыка состояла из 8 евреев и играла недурно на медных трубах, флейтах и кларнетах. Часов в десять начался фейерверк (...)»³.

В реальном училище всегда был ученический оркестр, которым руководил учитель музыки. Наибольшей популярности добился этот оркестр под руководством учителя музыки (с 1900 г.)

¹ Мальдис, А. «Отец симфонизма» / А. Мальдис // СБ. Беларусь сегодня. – 2009. 21 февраля.

² Скарабагатаў, В. Беларускія выканаўцы на радзіме bel canto / В. Скарабагатаў // Краязнаўчая газета. – 2012. – № 27.

³ Путевые записки ст. советника Ф.Д. Волкова, или Воспоминания о пребывании в Минской губернии с февраля 1865 по 1 мая 1866 г.г. –Спб., 1891. –С. 24-25.

Абрама Гарбуза. Ученический оркестр выступал не только на торжественных актах в училище, на различных благотворительных вечерах в пользу Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского реального училища, но и на городских мероприятиях. В 1892 году было основано Пинское пожарное общество, которое для пополнения своего бюджета занималось и культурной работой. Позже при пожарном обществе был создан духовой оркестр, которым руководил бывший унтер-офицер, учитель музыки и гимнастики Борух Козел. В 1915 году капельмейстером оркестра уже являлся Л. Кузнец. Этот музыкальный коллектив также участвовал в различных благотворительных вечерах и городских праздниках. Возможно, играл в городском саду. В архивных документах встречаются фамилии и других дирижёров духовых оркестров: М. Пташко, Н. Пинский и Мульник. Пока неизвестно какими пинскими оркестрами они дирижировали. Можно предположить, что в Пинске тогда существовал и еврейский оркестр.

В 1883 году Пинск стал крупной станцией Полесских железных дорог, которые дали мощный импульс экономическому развитию краю. В городе размещались Главные мастерские Полесских железных дорог. За короткое время они стали самым большим и передовым предприятием Пинска. Среди инженеров было много культурных и творческих людей, например, начальник мастерских Сергей Иванович Михин – изобретатель многих технических приспособлений и автор нескольких книжек, посвященных внедрению в производство его изобретений. В царской России железнодорожники являлись довольно высокооплачиваемым и образованным слоем общества. Учитывая это, станционное начальство построило возле станции Пинск здание Железнодорожного собрания, ставшее очагом культуры. В его концертном зале показывали кинофильмы, ставила спектакли местная малорусско-русская театральная труппа. Создан был также железнодорожный оркестр под руководством В.Г. Виторского. Оркестр принимал участие в литературно-музыкальных и танцевальных вечерах, в театральных спектаклях, исполнял также и классическую музыку. Например, 15 сентября 1912 года состоялся симфонический концерт, где прозвучали произведения Иоганна Себастьяна Баха, Джованни Россини, Антона Рубинштейна и других композиторов.

Спрос на музыкантов в Пинске был большой, поэтому Х.Ю. Фидельман в 1901 году открыл (или собирался открыть) музыкальные курсы. Более детальной информации об этих курсах у нас нет.

Синематограф

Кинематограф, после изобретения его братьями Люмьер, начал своё стремительное и триумфальное шествие по всей планете. Довольно скоро обосновался и в Пинске. Где и когда появился первый кинотеатр в Пинске, точно неизвестно. Одно можно предположить, что он находился в приспособленном под кинотеатр помещении. Краевед Александр Бучик пишет: «Первооткрывателем синематографа стал купеческий сын Давид Лейбович Боярский. В 1911 году он приобрёл участок на углу улиц Инженерной (В.Хоружей) и Продольной (В. Коржа) у Друцких-Любецких и тут же приступил к строительству кинотеатра. (...) Все строительные работы по возведению здания были завершены в кратчайшие сроки. В ноябре 1911 года и состоялось открытие первого в Пинске кинотеатра. Давид Боярский первоначально намеревался назвать своё заведение «Лувр», но в период завершения строительства появилось другое название, сохранявшееся затем длительное время, – «Казино».

Планировка театра была простой: имелись два больших помещения – «ожидательная» (т. е. фойе) и зрительный зал на 380 посадочных мест, а также несколько служебных комнат. Аппаратные были пристроены со двора.

Кинотеатр «Казино», надо отметить, пользовался большим успехом. Желавших посмотреть кино было так много, что время от времени администрация устраивала дополнительные зрительные места, тем самым нарушая правила безопасности и условия содержания зрительных залов, за что приходилось порой даже платить штраф. Спустя два года в саду при «Казино» хозяин открыл летний кинотеатр. Пятнадцать процентов от дохода выплачивалось в виде налогов в городскую казну. Наряду с художественными фильмами в «Казино» демонстрировались и научные, исторические картины. Вот кое-что из репертуара тех лет: «Последний мост», «Новейшие приключения Тарзана», «Еврей играет на скрипке». Кинотеатр работал без выходных. Владельцы «Казино» часто выезжали за границу за новыми кинолентами, заботились, чтобы их заведение поспевало за последними достижениями техники и новинками проката»¹.

¹ Бучик, А. Пинчане любили синематограф / А. Бучик // Мясцовы час. 2006. 30 лістапада.

Здание в течение 80 лет использовалось как кинотеатр. С 2006 года в нём размещается Полесский драматический театр.

Фотография

Фотография была изобретена в 20-30-е годы XIX века. В начале 60-х годов фотоателье действовали во всех губернских городах Беларуси. Чуть позже они стали появляться и в уездных центрах. Первые фотомастерские в Пинске открылись в царствование Александра II, когда были созданы благоприятные условия для развития частного бизнеса. 12 марта 1877 года открылось первое фотоателье пинского мещанина Мордуха Шоломовича Папирного, 21 марта второе – Шимона Юдковича Ренделя, а вскоре – коллежского советника Дмитрия Егоровича Шухова. Каждый фотограф стремился иметь выразительный торговый знак, логотип, который помещал на обратную сторону снимка. Некоторые фотографы указывали на снимках местонахождение своих ателье, например, «Артистическая фотография Ренделя» в Пинске – «напротив Римско-католического костёла».

В конце 80-х годов в Пинске работало уже одно фотоателье – Вольфа Шимоновича Ренделя. В 1890 году открылось ещё одно – Фишеля Шаевича Гольцмана, а в 1895 – Боруха Кемовича Розенталя.

В начале XX века в небольшом городе насчитывалось аж пять фотоателье: на центральной Большой Киевской [сейчас Ленина] улице располагалась фотография Иливицкого и Вайнтрауба, на Соборной [Горького] улице – Ниссона Струловича Нейфаха, на Петербургской [Первомайская] – М. Нейфаха, а потомственный фотограф Вольф Шимонович Рендель имел даже два ателье – на Плевской [Заслонова] и Инженерной [Хоружей] улицах. Это, конечно, неполный список пинских фотографов дореволюционного периода. Встречаются на пинских фотографиях фамилии мастеров: Г.Х. Либерман, Кац, Б. Дерегуский, М. Наппельбаум, Глоуберман и др.

Пинские краеведы пишут: «Сохранившиеся в фондах Музея Белорусского Полесья и семейных архивах старые фотографии дают представления не только о мастерстве пинских фотохудожников, но и о тогдашней моде на различные атрибуты, которые находились в съёмочных салонах: кресла, точёные и плетёные этажерки, кружевные салфетки, бутоньерки, статуэтки и книги. Чем выше статус фотографии, тем больше вариантов интерьера для съёмок могли предложить. Выбор атрибутов был далёко не случаен. Это было целое искусство – угадать, что наилучшим образом оттенит облик портретируемого, даст представление о социальном положении, вкусах и характере»¹. Сколько прекрасных, благородных, одухотворённых лиц было запечатлено на снимках пинских фотомастеров, которые достигли больших успехов в искусстве портретной фотографии.

Когда же началась история этнографической фотографии на Пинщине? В 1912 году по Полесью путешествовал известный белорусский этнограф Исаак Сербов. В окрестных сёлах он сделал большое количество фотографий, на которых запечатлены крестьяне в повседневной и праздничной одежде, сельские мастера за работой, типичные постройки и пейзажи. Некоторые исследователи считают эту научную экспедицию Сербова началом этнографической фотографии на Пинщине.

Однако в книге А. Шестова «Описание экскурсий учащихся Виленского учебного округа за 1910 год» дано описание экскурсии в апреле 1910 года учащихся Пинского реального училища с целью ознакомления с системой шлюзов на Огинском канале. Для иллюстрации в книге помещены фотографии полешуков из местечка Телеханы Пинского уезда. Очевидно, что эти фотографии сделали участники этой экскурсии. Тогда большинство учителей реального училища были членами Северо-Западного отделения Русского географического общества, которое как раз поощряло этнографические исследования, в частности и фотографирование крестьянского быта. На наш взгляд, наиболее вероятные кандидаты на авторство этих снимков участники той экскурсии: учитель пения Абрам Гарбуз и ученик училища Юзеф Обуховский, в будущем известный пинский этнограф и краевед.

Книжная торговля и кабинеты для чтения

Про книжную торговлю в Пинске в средние века нам ничего неизвестно. В первой половине XIX века приезжали на городские ярмарки виленские книгоиздатели и торговали книгами на польском языке. Можно предположить, что в 1855 году Янкель Брауман открыл книжный магазин, где продавались книги на польском и русском языках.

¹ Хвагина, Т. Полесский Иерусалим / Т. Хвагина, Э. Злобин, И. Либерман // Карлин, 2006. – 5 декабря.

14 марта 1877 года было дано разрешение на открытие книжной лавки с кабинетом для чтения книг на русском и иностранных языках Гиршу Эшману, книжной лавки – слонимскому мещанину Михелю Верниковскому и с книгами на еврейском языке – пинско-каролинскому мещанину Хельи Готлибу. 9 февраля 1878 года получил разрешение на открытие книжной лавки для торговли книгами на русском и иностранных языках пинский мещанин Мовша Колодный, а вскоре – и не-свижский мещанин Герц Качановский. Все эти книжные лавки имели каталоги имеющихся книг.

Центрами распространения и популяризации периодики и литературы становятся книжные магазины, а также организованные при них кабинеты для чтения: Мордуха Ниселевича Штрика (с 1881 г.), М.Э. Гирина (1881-83 гг.), Хаима Шмуиловича Готлиба (1888-1914), Мовши Абрамовича Палевского (с 1889), Мордуха Нотовича Псахина (1890-1914), Шломы Елевича Айзинштейна (с 1891), Лейбы Абрамовича Бергера (с 1895), Фейги Абрамовны Зильберфинк (с 1895), Э.В. Бейлина (1899 г.), С.Э. Глоубермана (1899-1914), Я. Рушкина и Б. Кагана (с нач. XX в.), Лихтенштейна (1901-03), Г. Булатова (1904), Л.В. Бурой (с 1904 г.), П.В. Мельника (с 1907), С.П. Фальчука (1907-15), Н. Дененберга (1910-15), С. Бурнштейна (1913) и др. В 1909 году в Пинске было 11 книжных магазинов, в четырёх из них имелись кабинеты для чтения, в одном – преимущественно еврейских книг, в трёх – русских.

Библиотеки

Продолжим разговор о пинских библиотеках, а точнее об их истории в период со второй половины XIX по начало XX века. Первая общедоступная библиотека в городе появилась ещё в 1855 году. «Журнал присутствия Минского губернского правления» зафиксировал разрешение пинскому мещанину Янкелю Брауману открыть библиотеку в 1855 году, в которой выдавались бы русские и польские книги, напечатанные в России с дозволения цензуры. Для своей библиотеки Брауман выписывал и журналы, например, «Теку Виленску». Как реакция на только что подавленное восстание, 28 марта 1864 года вышел циркуляр о закрытии в Северо-Западном крае библиотек, основу которых составляли книги на польском языке. Перестраховавшись, власти закрыли и те библиотеки, где польская литература составляла меньшую часть их фондов. Наверняка была закрыта и библиотека Браумана, но библиотеки учебных заведений не тронули.

В 1860 году в библиотеке пинской гимназии было 525 названий книг (764 тома). Учитель В. Хижняков вспоминал: «Учительская библиотека была очень скудна, и я, не находя, в ней никаких пособий для преподавания, должен был сам их выписывать. Ученической библиотеки вовсе не было»¹. Однако вскоре положение изменилось к лучшему. Библиотека реального училища быстро росла и в конце 80-х годов насчитывала уже 1500 книг. Приобреталось много учебной литературы. Например, в 1881 году библиотека пополнилась полным курсом физики Жамена и Вольнера, курсом физики Шимкова и другими учебниками. В 1901 году фундаментальная библиотека содержала до 4000 названий книг (свыше 8000 томов), не считая ученических библиотек, которые находились в каждом классе. Библиотека реального училища была тогда крупнейшей в Пинске.

В городе остро стоял вопрос об открытии публичной библиотеки. Из-за недостатка средств не смогла начать работу общественная библиотека, которую разрешили открыть только 25 января 1869 года. Открыть тогда и частную библиотеку было непростым делом. Нужно было свидетельство пинского полицмейстера о политической благонадёжности будущего владельца, а также разрешение минского губернатора. Многим заявителям отказывали, например, в 1889 году отказали пинскому мещанину Янкелю Фельдману. Роль публичных библиотек тогда выполняли кабинеты для чтения при книжных магазинах Г. Эшмана, М. Штрика, М. Гирина, Х. Готлиба и др., где за плату выдавали книги для чтения на дому.

В конце XIX века большой популярностью среди жителей города пользовалась частная библиотека З. Г. Островского. Она была платной и являлась коммерческим предприятием. Книги выдавались посуточно: 5 копеек за 1 книгу и 10 копеек за новый журнал. Литература выдавалась под денежный залог также сроком на один месяц, три месяца и на год по следующим расценкам:

	Залог	1 мес.	3 мес.	1 год	
1-й разряд	1 новый журнал и 1 книга	3 руб.	80 к.	2 руб.	7,5 р.
2-й разряд	1 новый журнал	2 руб.	60 к.	1,6 р.	6 руб.
3-й разряд	3 книги	3 руб.	75 к.	2 руб.	7,5 р.
4-й разряд	2 книги	2 руб.	50 к.	1,25 р.	4,75 р.
5-й разряд	1 книга	1 руб.	30 к.	75 к.	2,75 р.

¹ Хижняков, В. Воспоминания земского деятеля / В. Хижняков. – Петроград, 1916. – С. 64.

Библиотека была довольно большой: 1253 названий. Литература делилась на семь разделов:

1. Беллетристика (1000 названий). Русские классики: Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Лев Толстой, Фёдор Достоевский и др. Украинские классики: Иван Котляревский (собрание сочинений на украинском языке), Григорий Квитка-Основьяненко. Польские классики: Юзеф Крашевский, Элиза Ожешко, Генрик Сенкевич и др. Западноевропейские классики: Оноре де Бальзак, Александр Дюма, Жорж Санд, Ги де Мопассан, Эмиль Золя, Чарльз Диккенс, Марк Твен и др. Забытые, но тогда популярные писатели: Алексей Пазухин, Н. Попов, Николай Пружанский, Фридрих Шпильгаген и др.

2. Философия, психология и логика (40 названий). Сочинения философов: Николая Бердяева, Артура Шопенгауэра и др.

3. Литературная критика, публицистика, педагогика и воспитание (50 названий). Сочинения критика Виссариона Белинского и др. Книга Петра Струве «Маркс о Гёте».

4. История, география, этнография и путешествия (45 названий). Книга историка Семёна Дубнова «Еврейская история». Сочинения Жюль Верна, путешественника Фритьофа Нансена, историков Эрнеста Ренана, Генри Бокля, Евгения Тарле и др.

5. Естествознание, медицина и гигиена (30 названий). Книга Чарльза Дарвина «Происхождение человека и половой подбор», произведения биолога Климента Тимирязева и др.

6. Правоведение и политическая экономия (28 названий). Наиболее интересные книги экономистов: Михаила Туган-Барановского «Капитализм и рынок», К. Трубникова «Преобразование денежной системы», Петра Струве «Историческое и системное место русской кустарной промышленности», Миллисента Фаусетта «Популярная политическая экономия», Морева «Руководство политической экономии», П. Кузнецова «Десять лет истории наших финансов», Самуила Зака «Земля и капитализм» и др.

7. Для детей и юношества (58 названий). Сочинения Вальтера Скотта, Гарриет Бичер-Стоу, Ханса Андерсена, Фенимора Купера, Майн Рида и др.

В 1899 году выписывались следующие журналы: «Вокруг Света», «Вестник Европы», «Домашняя Библиотека», «Мир Божий», «Нива», «Русская Мысль», «Русское Богатство»¹.

Одни частные библиотеки в Пинске открывались, а другие – закрывались. В начале XX века, по донесению пинского полицмейстера, осталась только одна частная коммерческая библиотека Григория Лурье с книгами на русском языке, которая в 1911 году имела 318 абонентов. Тут, наверно, какая-то ошибка, так как в 1914 году работала библиотека З.Г. Островского, и был издан ещё один её каталог, в котором указано, что тогда она имела четыре отдела: беллетристика, научный отдел, детский отдел и журналы. Однако стоит отметить, что почти при каждом книжном магазине был кабинет для чтения, и каждое учебное заведение имело свою библиотеку. Практически не осталось сведений о библиотеках городских начальных учебных заведений в Беларуси. Сохранился каталог библиотеки Пинского еврейского начального училища. Отметим, что эта библиотека открылась на средства «коробочного с евреев сбора», которые составили 50 рублей ассигнациями.

Отметим, что с 1864 года, по указанию виленского генерал-губернатора Михаила Муравьёва, при народных училищах стали открываться небольшие библиотеки с литературой в духе известной формулы «православие, самодержавие и народность» с целью русификации местного населения. Рекомендовалось иметь следующие книги: «Путешествие по Св. местам» и «Письма о богослужении» А.М. Муравьёва, «Краткое изъяснение на литургию» Богдановича, «Краткая русская история» Иловайского, «Рассказы из русской истории» Водовозова, «Сказание о том, что была Россия» князя Львова, «География» Корнеля, «Исторические известия о возникшей в Польше унии» Бантыш-Каменского, «Рассказы из истории Западной России» Щербальского, «Лекции об истории Западной России» Кояловича, выписывать журналы: «Вестник Западной России» и «Учитель». Библиотека сельского народного училища Виленского учебного округа имела в среднем около 50 учебников и 150 книг для внеклассного чтения.

С 80-х годов XIX века стали создаваться библиотеки для народного чтения (народные библиотеки) при сельских школах, которыми могли пользоваться не только ученики, но и местные крестьяне. В 1890 году были утверждены Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора над ними. Фонды народных библиотек формировались в соответствии со специально составленным каталогом книг, разрешённых цензурой. Белорусская газета «Наша Нива» в январе

¹ Каталог книг и журналов библиотеки для чтения З.Г. Островского в Пинске. – Пинск, 1899.

1908 года сообщала, что в селе Новый Двор Пинского уезда открывается библиотека-читальня имени Тараса Шевченко. Думается, что инициатором открытия являлся учитель местной церковно-приходской школы, при которой она и была создана. Такие народные библиотеки в среднем насчитывали 100-200 книг. Сведения о других народных библиотеках в Пинском уезде нам неизвестны.

В 1912 году подвижник просвещения на Пинщине Григорий Русецкий писал: «Из 57 земских училищ, функционирующих в настоящее время, народные библиотеки существуют при 20 училищах; эти библиотеки состоят из небольшого количества популярных книг религиозно-нравственного, исторического, географического, бытового и естественно-научного содержания, к числу последних относятся книги по сельскому хозяйству, гигиене и прикладным знаниям. Стоимость книг в разных библиотеках колеблется между 23 и 45 рублями на каждое училище. Эти цифры ясно свидетельствуют, что библиотеки очень бедны и не могут удовлетворять потребностей в них местного населения. Из донесений учащихся усматривается, что наибольший спрос имеют книги религиозно-нравственного содержания, и потому указанными книгами и желательно ежегодно пополнять существующие при училищах народные библиотеки»¹. В училищных библиотеках в основном были дешевые книги. Если считать, что в среднем книга в таких библиотеках стоило 20 копеек (думается, что средняя цена была даже ниже). Число книг в училищных библиотеках колебалось тогда от 115 до 225. Земство откликнулось на просьбу Русецкого о пополнении книжного фонда народных библиотек: в 1914 году оно на эти цели выделило 1759 рублей 60 копеек.

Школьный инспектор Григорий Русецкий организовал в Пинске центральную учительскую библиотеку, которая была открыта в 1905 году на средства казны, земства и города. Помещалась она в здании 1-го мужского приходского училища и состояла из книг педагогического и общеобразовательного характера, которых в 1912 году имелось 886 названий, 1585 томов на сумму 1138 рублей 53 копейки. В 1911 учебном году книгами из библиотеки пользовались 130 учителей, которыми было прочитано 1178 книг разного содержания. Григорий Русецкий писал, что центральная учительская «библиотека имеет большое просветительское значение: многие учителя, очутившись на ниве народного просвещения в самых глухих уголках уезда очень часто лишены всякой возможности расширить свой кругозор и улучшить методы преподавания путём чтения разумных и полезных книг. В таких случаях им на помощь является центральная библиотека, книгами которой они могут пользоваться круглый год не только непосредственно сами, но и через доверенных лиц. С каждым годом число учащихся, пользующихся книгами из библиотеки всё увеличивается, и это с несомненностью свидетельствует о том, что книги не лежат мертвым капиталом, а служат целям просвещения. Правильное функционирование библиотеки круглый год даст мне основания ходатайствовать о выдаче вознаграждения в размере 60 руб. заведующему библиотекой, который несёт значительный труд по выдаче книг, ведению каталогов, содержанию библиотеки в порядке»². Очевидно, что обязанности библиотекаря вначале бесплатно исполнял какой-то из учителей приходского училища. Книжные фонды библиотеки постоянно пополнялись. Так, в 1914 году пинское уездное земство выделило на эти цели 192 рубля 17 копеек.

В 1913 году Пинское уездное земство, заботясь о развитии сельского хозяйства на Пинщине, создало сельскохозяйственную библиотеку. В следующем году на пополнение её книжного фонда и переплёт книг земство выделило 346 рублей. Сам факт того, что всего за год существования библиотеки понадобился переплёт её книг, означает, что она пользовалась большой популярностью среди местных землевладельцев.

В крупном городе Пинске положение с публичными библиотеками было критическим. Об этом говорится в следующем документе³:

*Секретно
Спешно
В Минское Губернское Правление
Пинского Полицейстера*

Рапорт

В исполнение предписания от 28 февраля с.г. за № 1515 и в дополнительное к рапорту моему от 11-го ноября 1908 г. за № 469, доношу Губернскому Правлению, что из существующих во вве-

¹ Журналы Пинского уездного очередного Земского Собрания 1911 года. – Пинск, 1912. – С. 94.

² Журналы Пинского уездного очередного Земского Собрания 1911 года. – Пинск, 1912. – С. 94.

³ НИАБМ. – Фонд 299. – Оп. 2. – Д. 14057. – Л.14.

ренном моему надзору г. Пинске 11 книжных магазинах в четырёх имеются книги для чтения – в одном преимущественно еврейские и три русские, кроме того имеется одна частная библиотека Григория Лурье, из коей отпускаются для населения города книги для чтения на дом исключительно русские произведения, а равно при местном реальном училище для пользования учащимися и служащими названного училища, читален в городе не имеется и библиотек польских книг, хотя при отделе польского общества «Освятя» есть склад книг, но таковые до получения разрешения в обращение не отпускаются.

Пинский Полицмейстер

№ 469

Март 6 дня

1909 г.

Расскажем о частных библиотеках. Большую библиотеку имел историк, ксёндз Антони Мошинский. Русский писатель Николай Лесков, посетивший его в 1862 году, отмечал, что в собрании историка-краеведа были 24 старинные рукописи, а также много редких книг. Учитель русской словесности реального училища Сергей Зубакин к концу XIX века собрал огромнейшую библиотеку, в основном художественной литературы. Можно с уверенностью сказать, что небольшие библиотечки имели православные и католические священники, учителя гимназии, некоторые чиновники и богатые купцы и т.д.

Интересна библиотека настоятеля Пинского соборной Фёдоровской церкви, протоиерея Иоанна Марковского (1800?-1854), позволяющая судить о духовных интересах и служебных потребностях тогдашних православных священников. О священнике известно очень мало. Иоанн Марковский окончил полный курс духовной семинарии, что было в начале XIX века большой редкостью среди полесских православных священников. Молодого иерея в середине 20-х годов назначили настоятелем Пинской соборной Фёдоровской церкви. 6 сентября 1829 года по предложению епископа Минского Анатолия он был назначен членом Пинского духовного правления.

Книжное собрание отца Иоанна Марковского состояло из религиозной и богослужебной литературы (66,7%), книг по церковной и библейской истории (10%), а также по гражданской истории (20%) и всего одной художественной книги. Библиотеки настоятелей православных церквей, понятно, обслуживали в основном литургические потребности, кроме того, учитывались и потребности учебного процесса в школах, училищах, гимназиях, в которых церковнослужители преподавали Закон Божий, а иногда и общеобразовательные дисциплины. Очевидно, на формирование библиотек имело влияние духовные интересы и вкусы их владельцев.

После смерти Иоанна Марковского священник Пинского собора Фёдор Рубанович составил опись¹ имущества протоиерея, которая содержала и список книг его библиотеки:

1. Библия в большую осьмуху.
2. Новый завет на Славянском языке.
3. Молитвослов.
4. Требник.
5. Беседы о сп. [асительных] Таинствах [Московской духовной академии ректора, богословия профессора, архимандрита Евсевия. 1846?].
6. Три разговора Священника с прихожанами [об истинном пути к спасению. 1844?].
7. [Муравьёв А.Н.] История Российской Церкви [1838].
8. [Скворцов И.М.] Записки по Церковному Законоведению [1848].
9. [Дебольский Г.С.] Дни Богослужения [православной католической восточной церкви. 1840.].
10. [Евсевий еп. Винницкий] Утешение в скорби и болезни [1849].
11. Псалтырь на Российском языке.
12. [Дебольский Г.С.] Попечение Православной Церкви о спасении мира [1843].
13. [Амфитеатров Я.К.] Беседы об отношении Церкви к Христианам [1847].
14. [Норова С.М.] Благоговейные Христианские размышления [1847].
15. [Капфиг Ж.Б.] История Иудеев [со времени упадка племени Маккавеев до наших дней. Пер. с нем. 1846.].
16. [Депинг Ж.] История Евреев [в средних веках, от шестого до шестнадцатого века. Ч. 1-2. 1847-1848].

¹ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. –Д. 25704. – Л.10,11.

17. [Эристов Д.А.] Словарь Исторический о Святых, прославленных в Российской Церкви, [и о некоторых подвижниках благочестия, месточтимых. 1836.].
18. Катихизические беседы [говоренные в Екатериногофской церкви св. великомученицы Екатерины священником Иоанном Яхонтовым. 1849?].
19. Переписка Пап с Российскими Государями в XVI веке [найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. С предисл. протоиерея Иоанна Григоровича. 1834.].
20. Библейская история Филарета. [Митр. Филарет (Дроздов). Начертания церковно-библейской истории в пользу духовного юношества. 1849?].
21. Краткое толкование на Литургию [из церковных писателей извлечённое протоиереем Иаковым Воскресенским. 1838.].
22. [Муравьёв А.Н.] Письма о Богослужении Восточной Кафолической Церкви. [1844?].
23. [Фийель-Петиньи К.] Путешествие с детьми на Св. земле. [Пер. с фр. 1847.].
24. Воскресное чтение. [Журнал, издаваемый при Киевской духовной академии с 1837 г.].
26. Начертание Русской истории [для средних учебных заведений.] Устрялова.
27. Басни и сказки Хемницера [1838?].
28. Наставление, как должно подавать пособие больным до прибытия врача [составленное доктором медицины Александром Никитиным. 1846.].
29. [Сумароков П.И.] Обзорение Царствования и свойств Екатерины Великой [1832].
30. [Бантыш-Каменский Д.Н. или Маркевич Н.А.] История Малороссии [1830 или 1842].

Если проанализировать состав библиотеки протоиерея Марковского, то можно сделать вывод, что её владелец был образованным и рациональным человеком. В библиотеке священника были практически все книги необходимые для его работы: для проведения богослужений и уроков Закона Божьего в дворянском училище, чтения проповедей, ведения миссионерской работы среди евреев и католиков, для углубления знаний по истории России и Малороссии и т.д. В библиотеке только одно художественное произведение – книга «Басни и сказки» Ивана Хемницера (1745-1784), Эти басни обладали той доходчивостью, и той художественной выразительностью, которые обеспечили им широкую популярность у современников, а также – в первой половине XIX века. Басни Хемницера тогда многократно переиздавались: до середины XIX века вышло 35 изданий. Наличие этого сборника в книжном собрании Марковского, наверно, было не случайным: священник использовал поучительные басни для цитирования выдержек из них в своих проповедях. Некоторую загадку представляет наличие «Истории Малороссии» и книг, связанных с Киевской духовной академией. Это можно объяснить тем, что Иоанн Марковский был, наверно, родом из Украины и окончил Киевскую духовную семинарию. В его библиотеке были книги преподавателей философии и богословия Киевской духовной академии: Ивана Михайловича Скворцова (1795-1863) и Якова Космича Амфитеатрова (1802-1848). Профессор Скворцов в 1817-1819 годах был преподавателем Киевской духовной семинарии, когда там мог учиться Иоанн Марковский, который в знак признательности мог купить книги своего учителя и его соратника. Кстати, оба профессора были одними из основателей журнала «Воскресное чтение», издававшего Киевской духовной академией, экземпляры которого также находились в библиотеке протоиерея. Возможно, что пинский священник писал заметки в этот журнал, но эту гипотезу надо ещё проверить.

Отметим, что Иоанн Марковский был человеком зажиточным: благочинным и настоятелем Пинской соборной церкви (в хозяйстве у него было две лошади, пара волов, две коровы с двумя телятами, десять овец, пять свиней). Конечно, рядовой сельский священник (в отличие от Марковского) с довольно низким доходом мог позволить себе лишь небольшую библиотечку с несколькими богослужебными книгами.

Какова судьба библиотеки Иоанна Марковского? После смерти протоиерея в Пинске жили две его юные дочери: Анна Ивановна Марковская (1835-?) и Олимпиада Ивановна Марковская (1840-?). Вероятно, что библиотека по наследству перешла к ним. 19 мая 1859 года сёстры Марковские открыли частную одноклассную девичью школу. Они имели только домашнее образование и сами вели уроки. Очевидно, что их учил отец и дал им довольно приличное образование. В 1889 году частное училище сестёр Марковских прекратило своё существование. Похоже, что девиц-учительниц уже не было тогда в живых.

История большинства частных библиотек свидетельствует, что после смерти владельцев их книжные собрания чаще всего распыляются. Такая же печальная судьба постигла, наверно, и библиотеку пинского протоиерея Иоанна Марковского.

Почти в каждом помещичьем имении Пинщины была библиотека, которую его хозяева собирали десятки или даже сотни лет. Книги в них были в большинстве на польском языке. Пинский кра-

евед Эдуард Злобин пишет: «Близ дер. Бижеревичи, в усадьбе, находившейся более 400 лет (с 1525 г.) в одной семье Орд («черных»), до 1914 г. хранился богатый архив и библиотека. В межвоенный период в библиотеке хранились редкие библиофильские издания по истории и искусству»¹.

В Погосте-Загородском и Лунине – родовых имениях князей Друцких-Любецких – располагался богатый семейный архив и великолепная библиотека книг на польском и французском языках, имевшая раритеты начала XVII века. Печальна судьба лунинской библиотеки, сгоревшей в 1918 году.

После первой мировой войны удалось частично сохранить некогда большую библиотеку Твардовских в Велеснице, где, среди прочего, сохранились материалы, относящиеся к истории местной школы, существовавшей в первой четверти XIX века. Родом отсюда ректор Виленского университета Юзеф Твардовский (1786-1840).

«Крупная, специально подобранная и научно-обработанная библиотека находилась во владении Пусловских, а позже Бройль-Пляттеров, владельцев имений Пясечно и Заполье. Последний владелец Заполья – Стефан Марианн граф Бройль-Пляттер (1873-1951) был известным геральдиком и библиофилом. Он собрал великолепную частную библиотеку, а также богатейших архив магнатских семей Шеметов и Тизенгаузов, Пляттеров и Пусловских. Перед первой мировой войной библиотека была перевезена в Вильну, где сгорела во время второй мировой войны.

Своими собраниями книг и документов был когда-то известен и дворец в Альбрехтове под Пинском, первоначально принадлежавший знатному роду Понятовских (...)»².

Большая библиотека была во дворце князей Радзивиллов в имении Маньковичи под Столином. Она «включала старые и новейшие издания, подаренные архивистом несвижским, сыном виленского книгоиздателя Юзефа Завадского. Среди них были книги А. Мицкевича, Ю. Словацкого, А. Снядецкого»³. Книжное собрание дворян Нелюбович-Тукальских в имении Мутвица состояло в основном из книг исторического содержания, изданных в середине XIX века.

Библиотека в имении Острица, принадлежавшем Фальковским, насчитывала около 1000 томов – в основном польская беллетристика и поэзия XIX века. Там было большое количество журналов, например «Kłosy», «Rolnik polski». Поскольку Фальковские были в родстве с писателем Юзефом Крашевским, то в их архиве хранились его письма и рукопись очерка «О гончих собаках».

Ещё предстоит большая работа по изучению книжных собраний помещичьих усадеб Пинщины.

Типографии и книгоиздательская деятельность

Как уже писалось, первая типография в Пинске появилась в начале XVIII века в иезуитском коллегиуме. Следующая типография появилась через 150 лет. Развитие капиталистического производства требовало большое количество образованных людей. Царское правительство вынуждено было проводить реформы в сфере образования и печати. Снятие многих ограничений на развитие книгоиздательского бизнеса способствовало развитию частных типографий. 12 марта 1877 года⁴ в Пинске начали работать частная типография и литография, принадлежавшие вдове-еврейке Родле Шмуйловне Вилькович. Вначале типография специализировалась на производстве мелкой печатной продукции: бланков, афиш и рекламных объявлений, визиток, конвертов, этикеток, прейскурантов и т.д. Со временем начали печатать брошюры и книги, в основном, на русском языке. В 1883 году Беньям Валлер открыл типографию и литографию. В конце XIX века в ней было 17 работников, а ежегодно выполнялось работ на сумму около 8000 рублей. В 80-е годы начала работать литография Арона Лейбовича Сольца. Между типографиями Вилькович и Валлера шла конкурентная борьба, которая закончилась победой первой. В начале XX века типография Беньяма Валлера уже не существовала.

Однако издательский бизнес был довольно прибыльным и рынок типографских услуг расширялся, поэтому стали создаваться всё новые и новые небольшие типографии: в 1899 году – М.П. Псахина, в 1901 – С. Готлиба, в 1903 – Б.Б. Козела, в 1910 – М. Глоубермана, в 1913 – Шмуля Воловельского. В 1913 году в Пинске было восемь типографий и книжных магазинов при них: братьев С. и Х. Вилькович, М. Глоубермана, Б. Козела, А. Сольца, Б. Авербуха, А. Трилинга, Ш. Воловельского и С.Г. Фальчука. Конкуренция была большая, поэтому многие мелкие типографии, про-

¹ Злобин, Э. Развитие библиотечного дела на Пинщине / Э. Злобин // Берасцейскі хранограф. – Брэст, 1999. – Вып. 2. – С. 111-112.

² Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Федорук. – Минск, 2004. – С. 284.

³ Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Федорук. – Минск, 2004. – С. 540.

⁴ По другим сведениям (ГАБО. – Фонд 2001. – Оп. 4. – Д. 3843. – Л. 27), типография основана в 1860 г.

работав несколько лет, разорвались. Бизнес же семейства Вилькович выстоял. С 1907 года типографией владели братья Вилькович – сыновья Родле Вилькович, которая или уже умерла к тому времени, или отошла от дел. Интересна личность Боруха Козелла (1863-?), который являлся к тому же видным пинским музыкантом, сдавшим экзамен на военного капельмейстера в Петербургской консерватории.

Когда в 10-е годы XX века в Пинске стали выходить газеты, то типографии стали печатать и газеты. Почти при каждом книжном магазине было и своё издательство. Некоторые издательства печатали открытки с видами Пинска. Нам известно, что этим занимались издательства М.Н. Штрика, С.Г. Фальчука, книжного магазина М.П. Псахина. Надписи на открытках печатались параллельно на русском и польском языках. Это свидетельствует о том, что они распространялись и в Царстве Польском.

Первая известная нам книжка, изданная пинской типографией, была напечатана в 1882 году. Всего за период с 1880 по 1915 год, по нашим расчетам, издано было в Пинске около 180 книг и брошюр: художественных, научно-популярных, технических, учебных и др. Преобладали брошюры с отчётной и другой документацией. Попробуем составить список книг на русском языке, изданных в Пинске за указанный период:

1. Борисов А. По фабрикам и заводам. Вып. 1. Писчая бумага, стекло, глина и фарфор, мыло, свечи, кожа. П., тип. Б.Л. Валлер. 1893.

2. Вальк Г. Речь, произнесённая в Пинской главной синагоге во время панихиды 1-го ноября 1894 г. по в бозе почившего Государя Императора Александра III, за молебствование ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая II Александровича. Г. Валька пинск. духовного раввина. (Пер. с евр. жаргона). П., тип. Р. Вилькович. 1894.

3. Вилькович. Маршрут плавания по Днепру и притокам. П., тип. Р. Вилькович. 1900.

4. Выпись из первой части актовой книги пинского нотариуса Николая Михайловича Хижнякова для актов, не относящихся до недвижимого имущества за 1884-1895 гг. [о завещании Н.Л. Колонного]. П., тип. Р. Вилькович. 1899.

5. Гольцман О.М. Тетрадь для письменных грамматических разборов по русскому языку с приложением конспекта по русской грамматике. П., тип. бр. Б.и А. Валлер. 1900.

6. Гурвич А. Х. Краткое наставление об уходе за зубами. П., 1896.

7. Джонсон С. Курсы бухгалтерии двойной, американской, итальянской. П., тип. Вильковича. 1911.

8. Доклады Пинской уездной земской управы 3-му очередному уездному земскому собранию, сессия 1913 г. П., тип. Вильковича. 1913.

9. Дополнительный каталог книг, выдаваемым для чтения книжным магазином Григория Лурье в г. Пинске. П., тип. Р. Вилькович. 1907.

10. Доронин Иван Георгиевич. Столетие военного министерства (8 сентября 1902 года). П., тип. Р. Вилькович. 1902.

11. Журналы Пинского уездного очередного 1911 г. земского собрания. 1 сессия (с 15 по 19 декабря), с приложениями, и журналы чрезвычайных собраний. 1-го – 5 августа 1911 г. 2-го – 16 сентября 1911 г. П., тип. Б.Б. Козелла. 1912.

12. Журналы Пинского уездного очередного 1911 г. земского собрания. 2 сессия (с 20 по 26 ноября), с приложениями, и журналы 3-го чрезвычайного собрания 16 апреля 1912 г. П., 1913.

13. Журналы Пинского уездного очередного 1913 г. земского собрания. 3 сессия (с 4 по 9 ноября 1913 г.) П., 1914.

14. Зарецкий С.М. Редукционные таблицы для клёпки. Редукция: 1. Мемельская белой клёпки, 2. Мемельская чёрной клёпки, 3. Данцигская. Также кубические вычисления для досок, брусового дерева и кругляков по диаметру и по окружности. Изд. 2-е, испр. и весьма доп. П., тип. Р. Вилькович. 1895.

15. Зарецкий С.М. Начальная арифметика в кратком изложении. Сост. учителем С. Зарецким. Ч.1. Отвлечённые числа. П., тип. Р. Вилькович. 1897.

16. Зарецкий С.М. Начальная арифметика. П., Тип. Р. Вилькович. 1897.

17. Зарецкий С.М. Редукционная книжка, заключающая в себе редукции: 1) мемельскую белой клёпки, 2) мемельскую чёрной клёпки, 3) данцигскую и 4) волынскую и кубические вычисления для: 1) досок, 2) брусев, 3) кругляков по окружности и 4) кругляков по диаметру и др. 3-е пересмотр. и знач. доп. изд. П., тип. Р. Вилькович. 1898.

18. Зарецкий С.М. Начальная арифметика. Изд. 2-е, испр. и доп. П., тип. М.Н. Псахина. 1900.

19. Зарецкий С.М. Таблицы для взаимного перевода русских и французских (метрических) мер: Длины, веса, ёмкости, кубических и квадратных, аптекарских и цены. П., тип. Р. Вилькович. 1900.
20. Зарецкий С.М. Редукционная книжка, заключающая в себе редукции. 4-е изд. П., тип. Р. Вилькович. 1900.
21. Зарецкий С.М. Учебник арифметики (применителен и к самообразованию). 3-е перераб. изд. П., тип. Б.Б. Козела. 1903.
22. Зарецкий С.М. Редукционная книжка. Необходимая вспомогательная книжка для всех, которые занимаются лесным делом. 6-е изд. П., тип. М.М. Глоубермана. 1910.
23. Зарецкий С.М. Редукционная книжка. Необходимая вспомогательная книжка для всех, которые занимаются лесным делом. Изд. 7-е, знач. расшир. Ч. 1-2. П., тип. М.М. Глоубермана. 1912.
24. Зарецкий С.М. Редукционная книжка. Необходимая вспомогательная книжка для всех, которые занимаются лесным делом. Изд. 8-е, пересмотр. В 2-х ч. Ч.1. П., тип. М.М. Глоубермана. 1914.
25. Зарецкий С.М. Подробные таблицы для исчисления кубического содержания брусьев. Футы на дюймы, объём в куб. футах, дюймах и линиях. П., 1914.
26. Зубакин Сергей Петрович. Историческая записка о домово́й церкви во имя Покрова пресвя́тая Богородицы при Пинском реальном училище. П., тип. Р.В. Вилькович. Б.д. [1894?].
27. Игль. Япония и Корея в начале XX столетия. П., тип. Р. Вилькович. 1904.
28. Избирательный список лиц, имеющих право участия в выборах на съезде городских избирателей Пинского уезда. Сост. Пин. гор. упр. 10 ноября 1906 г. П., тип. Р. Вилькович. [1906]. (По выборам в Гос. думу).
29. Избирательный список лиц, имеющих право участия в выборах на 1-м съезде городских избирателей Пинского уезда. Сост. Пин. гор. упр. 1 июля 1912 г. П., тип. Вильковича. 1912. (По выборам в Гос. думу).
30. Извлечение из законоположений о сбережении и охране частных лесов. П., тип. Р. Вилькович. 1895.
31. Извлечение из плана Пинского частного 2-хклассного, с приготовительным классом мужского еврейского училища А.Е. Клеймана. П., 1902.
31. Инструкция членам-охотникам Пинского вольно-пожарного общества. [Утв. в 1914 г.]. П., 1914.
33. Капелюшник Н.И. Руководство для лёгкого изучения дирижёрства и самоучитель главных танцев./Сост. учитель танцев Н.И. Капелюшник. П., тип. Р. Вилькович. 1900.
34. Каталог библиотеки для чтения М.Н. Штрика в Пинске. П., тип. Р. Вилькович. 1897.
35. Каталог библиотеки для чтения М.Н. Штрика в Пинске. П., 1900.
36. Каталог книг и журналов библиотеки для чтения З.Г. Островского в Пинске. П., тип. Б.Л. Валлера. 1899.
37. Каталог книг библиотеки для чтения З.Г. Островского в Пинске. П., Тип. брат. Вилькович. 1914.
38. Каталог книг ученической библиотеки Пинского начального еврейского училища. П., 1903.
39. Каталог книг, выдаваемым для чтения книжным магазином Григория Лурье в г. Пинске. П., 1904.
40. Каталог книг и пособиям для войск, имеющихся в складе изданий Я.У. Шишко г. Брест-Литовский. П., 1887.
41. Копия журнального определения Мозырского уездного по чиншевым делам присутствия, 19 декабря 1892 года состоявшегося. П., 1898.
42. Костецкий Евгений. Эхо жизни. Сборник стихов. П., Тип. А.Л. Сольца. 1912.
43. Лев Ис. Т. В бурную ночь. [Рассказы и легенды]. П., тип. М.М. Глоубермана. 1911.
44. Личный состав членов Пинского отделения по разработке сельскохозяйственных и экономических вопросов Минского Полесья при Минском обществе сельского хозяйства в 1902 году. П., 1902.
45. Михин Сергей Иванович. Тормоз Вестингауза. Подробное описание устройства, действия и ухода за воздушными тормозами системы Вестингауза с прил. инструкций для ж.-д. служащих по обращению с паровозами и вагонами, снабж. тормозами этой системы. П., тип. Б.Л. Валлера. 1895.
46. Наставление к употреблению в кожевенных заводах сернистого натра как средства для удаления волос и шерсти с кож. П., 1904.
47. Отчёт акционерного общества спичечной фабрики «Прогресс-Вулкан» Иосифа А. Гальперина в Пинске за 1913 год. П., [1914].

48. Отчёт о деятельности Пинского ж.-д. собрания за 1914 г. П., [1914].
49. Отчёт о деятельности правления Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского реального училища за 20 год существования Общества, т.е. за время с 14 сентября 1895 г. по 14 сентября 1896 года. П., 1896.
50. Отчёт о деятельности правления Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского реального училища за 1901 П., 1902.
51. Отчёт о состоянии Общества пособия бедным евреям г. Несвижа за 1902 год. П., 1903.
52. Отчёт о состоянии Общества пособия бедным евреям г. Несвижа за 1903 год. П., 1904.
53. Отчёт о состоянии Общества пособия бедным евреям г. Несвижа за 1904 год. П., 1905.
54. Отчёт о состоянии вечерних курсов черчения и рисования при Пинском реальном училище для ремесленников и ремесленных учеников за 1901-1902 учеб. год. П., тип. Р. Вилькович [1902].
55. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1886/7 учеб. год. П., 1887.
56. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1887/8 учеб. год. П., тип. Валлера. 1888.
57. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1890/91 учеб. год. П., 1891.
58. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1891/92 учеб. год. Сост. С.П. Зубакин. П., [1892].
59. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1892/93 учеб. год. Сост. С.П. Зубакин. П., [1893].
60. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1893/94 учеб. год. Сост. С.П. Зубакин. П., [1894].
61. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1894/95 учеб. год. Сост. С.П. Зубакин. П., [1895].
62. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1895/96 учеб. год. Сост. В.М. Богуславский. П., [1896].
63. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1896/97 учеб. год. Сост. В.М. Богуславский. П., [1897].
64. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1897/98 учеб. год. Сост. С.П. Зубакин. П., Тип. Валлера. 1898.
65. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1898/99 учеб. год. Сост. С.П. Зубакин. П., [1899].
66. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1899-1900 учеб. год. Сост. С.П. Зубакин. П., [1900].
67. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1900-1901 учеб. год. Сост. С.П. Зубакин. П., [1901].
68. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1901-1902 учеб. год. Сост. П.А. Костров. П., [1902].
69. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1902-1903 учеб. год. Сост. В. Шимановский. П., [1903].
70. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1903-1904 учеб. год. Сост. В. Шимановский. П., [1904].
71. Отчёт о состоянии Пинского реального училища за 1904-1905 учеб. год. Сост. В. Шимановский. П., [1905].
72. Отчёт об обороте сумм Пинского добровольного пожарного общества за 1896 год. П., 1897.
73. Отчёт Общества взаимного кредита полесских землевладельцев за 1903 г. Год. 1-й. П., тип. Р. Вилькович. 1904.
74. Отчёт Общества взаимного кредита полесских землевладельцев за 1904 г. Год. 2-й. П., тип. [Р. Вилькович]. 1905.
75. Отчёт Общества взаимного кредита полесских землевладельцев за 1905 г. Год. 3-й. П., тип. [Р. Вилькович]. 1906.
76. Отчёт Общества взаимного кредита полесских землевладельцев за 1906 г. Год. 4-й. П., тип. [Р. Вилькович]. 1907.
77. Отчёт Общества взаимного кредита полесских землевладельцев за 1907 г. V-й отчётный год общества. П., тип. [Р. Вилькович]. 1908.
78. Отчёт Общества взаимного кредита полесских землевладельцев за 1908 г. VI-й отчётный год общества П., тип. [Р. Вилькович]. 1909.
79. Отчёт общества пособия бедным больным евреям в г. Пинске за 1912 год. П., тип. Вилькович. 1913.

80. Отчёт общества пособия бедным больным евреям в г. Пинске за 1913 год. П., тип. Вилькович. 1913.
81. Отчёт Пинского еврейского благотворительного общества с 1 ноября 1899 г. по 31 декабря 1900 г. За 1-й отчётный год. П., 1901.
82. Отчёт Пинского еврейского благотворительного общества за 1901 г. За 2-й отчётный год. П., 1902.
83. Отчёт Пинского еврейского благотворительного общества за 1902 г. За 3-й отчётный год. П., 1903.
84. Отчёт Пинского еврейского благотворительного общества за 1903 г. За 4-й отчётный год. П., 1904.
85. Отчёт Пинского еврейского ремесленного училища за 1913 г. П., 1914.
86. Отчёт Пинского еврейского ремесленного училища за 1914 г. П., 1915.
87. Отчёт Пинского женского еврейского благотворительного общества за 1902 г. П., 1903.
88. Отчёт Пинского женского еврейского благотворительного общества за 1904 г. П., 1905.
89. Отчёт Пинского женского еврейского благотворительного общества за 1907 г. П., 1908.
90. Отчёт Пинского женского еврейского благотворительного общества за 1910 г. П., тип. Вильковича. 1911.
91. Отчёт Пинского женского еврейского благотворительного общества за 1911 г. П., тип. Вильковича. 1913.
92. Отчёт Пинского женского еврейского благотворительного общества за 1912 г. П., 1913.
93. Отчёт Пинского женского еврейского благотворительного общества за 1913 г. П., 1914.
94. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1880-1881 г. Год 1-й. П., 1882.
95. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1883 г. Год 3-й. П., 1884.
96. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1884 г. Год 4-й. П., 1885.
97. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1885 г. Год 5-й. П., 1886.
98. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1886 г. Год 6-й. П., 1887.
99. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1891 г. Год 11-й. П., 1892.
100. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1892 г. Год 12-й. П., 1893.
101. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1894 г. Год 14-й. П., 1895.
102. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1895 г. Год 15-й. П., 1896.
103. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1896 г. Год 16-й. П., 1897.
104. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1897 г. Год 17-й. П., 1898.
105. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1898 г. Год 18-й. П., 1899.
106. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1899 г. Год 19-й. П., 1900.
107. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1900 г. Год 20-й. П., 1901.
108. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1901 г. Год 21-й. П., 1902.
109. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1902 г. 22-й отчётный год. П., 1903.
110. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1903 г. 23-й отчётный год. П., 1904.
111. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1904 г. 24-й отчётный год. П., 1905.
112. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1905 г. 25-й отчётный год. П., 1906.
113. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1906 г. 26-й отчётный год. П., 1907.
114. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1907 г. 27-й отчётный год. П., 1908.
115. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1908 г. 28-й отчётный год. П., 1909.
116. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1909 г. 29-й отчётный год. П., 1910.
117. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1912 г. 32-й отчётный год. П., 1913.
118. Отчёт Пинского общества взаимного кредита за 1913 г. 33-й отчётный год. П., 1914.
119. Отчёт Пинского ссудо-сберигательного товарищества с 26 августа по 31 декабря 1901 г. П., [1902].
120. Отчёт Пинского ссудо-сберигательного товарищества за 1902 г. П., [1903].
121. Отчёт Пинского ссудо-сберигательного товарищества за 1903 г. П., 1904.
122. Отчёт Пинской уездной земской управы за 1912 г. (1-й год введения земства и отчётный). П., тип. Б.Б. Козелла. 1913.
123. Отчёт Пинской уездной земской управы за 1913 г. П., тип. Б.Б. Козелла. 1914.
124. Отчёт Пинской уездной земской управы за 1914 г. П., 1915.
125. Отчёт Потребительного общества жителей христианского вероисповедания города Несвижа Минской губернии, Слуцкого уезда. П., 1905.

126. Отчёт приходского благотворительного общества при римско-католическом костёле в г. Пинске за первый 1902 г. П., 1903.
127. Отчёт приходского благотворительного общества при римско-католическом костёле в г. Пинске за 1903 г. П., 1905.
128. Отчёт приходского благотворительного общества при римско-католическом костёле в г. Пинске за 1904 г. П., 1905.
129. Отчёт приходского благотворительного общества при римско-католическом костёле в г. Пинске за время с 1 января 1909 г. по 1 января 1910 г. П., [1910].
130. Отчёт приходского благотворительного общества при римско-католическом костёле в г. Пинске за время с 1 января 1910 г. по 1 января 1911 г. П., тип. Вильковича. 1911.
131. Отчёт приходского благотворительного общества при римско-католическом костёле в г. Пинске за время с 1 января 1913 г. по 1 января 1914 г. П., 1914.
132. Отчёт приходского благотворительного общества при римско-католическом костёле в г. Пинске за время с 1 января 1914 г. по 1 января 1915 г. П., [1912].
133. Отчёт Ремесленного класса при Пинско-Каролинской талмуд-торе за 1900 год. [Год 15-й]. П., [1901].
134. Отчёт Ремесленного класса при Пинско-Каролинской талмуд-торе за 1901 год. [Год 16-й]. П., [1902].
135. Положение о земельном устройстве русских арендаторов православного исповедания, водворённых на владельческих землях в губерниях северо-западных и белорусских 19 февраля 1861 года [Утв. 19 янв. 1893 г.] П., 1904.
136. Правила внутреннего распорядка для рабочих на заводах товарищества бр. Л. и Ал. Лурье в Пинске. П., 1897.
137. Правила внутреннего распорядка на лесопильном заводе братьев Бродских в гор. Пинске Минской губ. [Утв. 13 мая 1915 г.]. П., 1915.
138. Правила внутреннего распорядка на пробочной фабрике Ф. Кеневича в городе Пинске Минской губернии. П., 1901.
139. Правила для служащих на пароходах. П., 1900.
140. Прейскурант чугунно-литейного завода для станков швейных машин З. Кельбермана и М. Рубахи под фирмой «Польза». П., тип. Б.И. Авербух. [1911].
141. Приключение пинчуков. 1. Трое. 2. Тайны одной ночи. 3. История книги № 2628. 4. Свидание. П., тип. Вильковича. 1911.
142. Протокол заседания особой комиссии по разработке сельскохозяйственных и экономических вопросов Минского Полесья при Минском обществе сельского хозяйства 3 декабря 1901 года. П., 1901.
143. Протокол заседания особой комиссии по разработке сельскохозяйственных и экономических вопросов Минского Полесья при Минском обществе сельского хозяйства 12 июня 1903 года. П., 1903.
144. Сиг И.Я. Учебник немецкого языка. Пособие для самообучения. П., З.Г. Островский. 1900.
145. Сирмунт Александр Александрович. Проект правил об отмене в Минской губернии пастбищных сервитутов. П., тип. Р. Вилькович. 1908.
146. Смета расходов и доходов Пинского уездного земства Минской губернии за 1913 г. П., 1913.
147. Смета расходов и доходов Пинского уездного земства Минской губернии за 1914 г. П., 1914.
148. Смета расходов и доходов Пинского уездного земства Минской губернии за 1915 г. П., 1915.
149. Сперанский Николай Андреевич. Дополнение к пособию строевым подполковникам и капитанам, желающим подвергнуться испытанию для зачисления в кандидаты на должность уездного воинского начальника. П., тип. Валлера. 1889.
150. Теплов Николай Григорьевич. Как осуществляется парение крупных птиц при горизонтальном ветре. П., тип. Вилькович. 1910.
151. Тучкевич Максим Антонович. Практический учебник русского этимологического правописания. Сист. излож. правил правописания в связи с примерами для списывания, дописывания, словоизменения, словообразования и диктовки. Для младш. классов сред. учеб. заведений и низших училищ. П., тип. Б.Б. Козела. 1911.

152. Устав акушерско-гинекологической лечебницы женщины-врача Р. Вайн в Пинске. [Утв. 20 июля 1910]. П., 1911.
153. Устав больничной кассы при Поречской суконной фабрики Р.А. Скирмунта. [Утв. 22 дек. 1912 г.]. П., тип. бр. С. и Х. Вилькович. 1914.
154. Устав больничной кассы при фанерно-лесопильном заводе на ст. Микашевичи. П., тип. Вильковича. 1915.
155. Устав братства Казанской иконы Божией Матери для вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского духовного училища. [Утв. 12 ноября 1903 г.]. П., 1904.
156. Устав Ивановского вольного пожарного общества. [Утв. 11 мая 1905 г.] П., тип. Р. Вилькович. 1905.
157. Устав Лунинецкого общества взаимного кредита. [Утв. 17 авг. 1910 г.] П., тип. М.М. Глоубермана. 1910.
158. Устав Любешовского вольного пожарного общества. [Утв. 17 мая 1902 г.] П., тип. Р. Вилькович. 1903.
159. Устав Общества взаимного кредита полесских землевладельцев. [Утв. 4 нояб. 1902 г.]. П., 1903.
160. Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Пинского реального училища. П., 1901.
161. Устав Общества пособия бедным больным евреям в г. Пинске. [Утв. 10 июля 1902 г.]. П., 1902.
162. Устав общества пособия бедным больным евреям в г. Пинске. П., Тип. Вилькович. 1911.
163. Устав Общества пособия бедным больным евреям м. Любешов Пинского уезда Минской губернии. П., 1903.
164. Устав Общества потребителей служащих на станции Лунинец Полесских железных дорог. П., тип. Р. Вилькович. 1908.
165. Устав общественного собрания Пинского добровольного пожарного общества. [Утв. 17 июля 1900 г.] П., 1900.
166. Устав 1-й Пинской общей больничной кассы при промышленных предприятиях гор. Пинска и ближайших окрестностей в Пинске Минской губернии. [Утв. 22 дек. 1912 г.]. П., тип. Вильковича. 1914.
167. Устав Пинского еврейского благотворительного общества. П., 1899.
168. Устав Пинского женского еврейского благотворительного общества. [Утв. 10 нояб. 1912 г.]. П., 1898.
169. Устав Пинского коммерческого общества взаимного кредита [Утв. 10 нояб. 1912 г.]. П., тип. бр. С. и Х. Вилькович. 1913.
170. Устав Пинского общественного собрания [Утв. 14 авг. 1876 г.]. П., 1898.
171. Устав Пинского православного братства во имя св. великомученика Фёдора Тирона. [Утв. 26 нояб. – 7 дек. 1911 г.]. П., тип. Вильковича. 1911.
172. Устав Пинского ссудо-сберигательного товарищества. П., 1901.
- Устав Пинско-Каролинской еврейской больницы [Утв. 26 мая 1899 г.]. П., 1899.
173. Устав Погост-Загородской пожарной дружины Пинского уезда Минской губернии. П., тип. Вильковича. 1910.
174. Устав потребительского общества служащих в V округе Минского акцизного управления. П., 1902.
175. Устав Приходского благотворительного общества при Римско-католическом костёле в городе Пинске. [Утв. 10 июня 1897 г.]. П., 1902.
176. Устав Слуцкого пожарного общества. П., 1904.
177. Устав Собрания служащих Полесских железных дорог на станции Пинск. П., тип. Вилькович. 1912.
178. Устав Столинского добровольного пожарного общества. П., тип. Р. Вилькович. 1902.
179. Устав Столинского земледельческого кружка [Утв. 20 июня 1901 г.]. П., [1908].
180. Хазанович Леон. Первые проблемы сионизма в Западной Европе. П., тип. бр. Б. и А. Валлер. 1900.
181. Чепик М.А. Митрополит московский Филарет как гомилет, или как руководитель других в деле церковного учительства. Изд. 2-е, испр. и доп. П., тип. Р. Вилькович. 1894.
182. Чепик М.А. Опыт полного курса гомилетики. П., тип. Р. Вилькович. 1895.
183. Чепик М.А. Сборник уставных чтений-проповедей. П., тип. Р. Вилькович. 1895.

184. Эрленвейн Александр Александрович. Про царя Петра Алексеевича «первого императора на русской земле». Истории, былины, сказки, песни и пословицы времён Петра. Изд. 3-е, испр. и доп. П., тип. Б.Л. Валлера. 1890. (Рассказы для семьи и школы).

185. Яниславский Стефан Альфонсович. Война с Наполеоном в 1812 году. Исторические стихотворения в 3-х частях. П., тип. А.Л. Сольца. 1912.

186. Янчук С.И. Подручник мастерового. Сост. механик С.И. Янчук. Изд. 1-е. П., тип. бр. Вилькович., 1912.

187. Янчук С.И. Подручник мастерового. Для монтьоров и мастеровых. П., тип. бр. Вилькович. 1913.

Проведём небольшой анализ литературы, изданной на русском языке в Пинске. Самую большую группу изданий составляла «бюрократическая» литература (отчёты, инструкции, правила, уставы и т.п.) – 147 или 78,1%; затем учебная – 18 или 9,6%; справочная – 6 или 3,2%; научно-популярная – 5 или 2,7%; художественная – 4 или 2,1%; религиозная – 4 или 2,1%; техническая – 1 или 0,5%; медицинская – 1 или 0,5%; общественно-политическая – 1 или 0,5%; путеводитель – 1. Такой крен в сторону «бюрократической» литературы понятен: в уездном городе было мало образованных людей, способных выдавать интеллектуальный продукт, который бы ещё имел коммерческий успех.

Вызывает интерес сборник стихов Евгения Костецкого «Эхо жизни» (1912). Автором был, вероятно, учитель Мохровского народного училища Пинского уезда Евгений Костецкий. Какой-то Евгений Костецкий издал в Москве повесть «Первухино» (1928). Интересно было бы узнать – это пинский Костецкий или другой?

Возникает естественный вопрос: а на других языках издавалась ли литература тогда в Пинске?

С 1838 по 1905 год в Минской губернии было запрещено издание книг на еврейских языках. Нам известно название всего одной книги на языке идиш, изданной в Пинске в исследуемый период. Это –

Дер Кончик. Юмористический сборник на разговорно-еврейском языке. П., тип. А. Трилинга. 1911.

Возможно, типография А. Трилинга специализировалась на издании печатной продукции на языке идиш. В 1905 – 1917 годы в Минске, по приблизительным подсчетам¹ белорусских библиографов, было издано 16 книг на еврейском языке. Соотнося численности тогдашнего населения Минска и Пинска, можно предположить, что в нашем городе за этот период было издано не более пяти книг на еврейском языке.

Пока неизвестны нам книги на польском и белорусском языках, изданные в Пинске в исследуемый период. Хотя выдающимся белорусским политическим и культурным деятелем Вацлавом Ластовским была написана интересная книга на белорусском языке с такими выходными данными: **Музыка Арцём. Прыгоды Панаса і Тараса. [Апавяданне].** Пинск, тип. «Прогресс». 1912. Дело в том, что тогда в Пинске не было такой типографии. И не было смысла везти в Пинск белорусский шрифт ради одной книги. Думается, что известный мистификатор Ластовский осуществил и издательскую мистификацию. За название типографии, наверно, взял название Пинской спичечной фабрики.

Газеты и журналы

Думается, что первые регулярные подписчики газет появились в Пинске во второй половине XVIII века, когда там действовал культурно-просветительский кружок Франтишка Хоминского, о котором мы уже подробно писали. Здесь жили тогда высокообразованные люди – достойные представители эпохи Просвещения: пинский староста Хоминский, одно время историк Адам Нарушевич, подстароста Матеуш Бутримович и др. Вне всяких сомнений они выписывали первые польские периодические издания: газету «Вядомосци Варшавски» и журналы «Монитор» (издатель Франтишек Богомолец) и «Приятные и полезные развлечения» (редактор пинчук Адам Нарушевич). Издатели были людьми близкими к королю Станиславу Понятовскому. Очевидно, что пинские интеллектуалы, друзья знаменитого историка и поэта Адама Нарушевича выписывали эти же издания.

В первой половине XIX века большой популярностью пользовались виленские периодические издания. Можно с уверенностью сказать, что в Пинском уезде выписывали журнал «Атенеум»

¹ Доўнар, Л. Кнігавыдавецкія сувязі Мінска і Варшавы ў канцы XVIII – пачатку XX ст. //Л. Доўнар // Кніжная культура Рэчы Паспалітай. – Мінск, 2002. – С. 242.

(1841-1851), который издавал знаменитый польский писатель Юзеф Крашевский, так как здесь жило много его друзей и родственников.

Известный историк Адам Киркор (1818-1886) начал издавать в Вильне журнал «Тека Виленска» (1857-1858), посвященный истории и культуре Литвы, Беларуси и Польши, с которым сотрудничали лучшие литературные и исторические силы края: Владислав Сырокомля, Николай Малиновский, Теодор Нарбут, Михаил Балинский, Юзеф Крашевский, братья Евстафий и Константин Тышкевичи и др. В 1858 году подписывали этот журнал в Пинском уезде шесть человек: книготорговец Брауман, жена инспектора Канова из Ласких, графиня Констанция Мануззи, граф Влодзимеж Пляттер, жена предводителя дворянства Анна Руликовская и помещик Генрик Скирмунт. Однако виленские власти заставили Киркора прекратить выпуск журнала, успешного завоевать широкую популярность (вышло только 6 номеров). С 1860 года, любивший историю Беларуси и Литвы, Адам Киркор стал редактором газеты «Виленский Вестник». В газете печатали много исторических и этнографических материалов, с ней сотрудничали все те же друзья Киркора. Газета пользовалась большой популярностью: около трёх тысяч подписчиков (не каждое столичное издание имело столько подписчиков). Выписывали газету и пинчане. Так, историк Антони Мошинский писал известному белорусско-польскому поэту Владиславу Сырокомле, что в Пинском уезде ««Виленский Вестник» получил всеобщую симпатию..., потому что виленский, что свой ...»¹.

Конечно, местные чиновники выписывали «Минские губернские ведомости» и другие официальные издания, а православные священники – «Минские епархиальные ведомости». Довольно широкий ассортимент газет и журналов выписывали местные библиотеки. Например, библиотека Пинского реального училища в 1900 году выписывала 18 газет и журналов, а частная библиотека Островского в 1899 году – 6 журналов. Думается, что и другие частные библиотеки для привлечения читателей выписывали журналы, в основном литературные. Они пользовались популярностью у пинчан, так как в частных библиотеках взятие нового журнала на дом было дороже, чем взятие книги.

В 1898 году была выпущена однодневная юмористическая газета «Пинский Листок», посвященная бенефису артиста М.А. Фебера. Только осенью 1910 года стала регулярно выходить газета под тем же названием «Пинский Листок». Печаталась газета два раза в неделю, на четырёх полосах. Редактором-издателем газеты являлся О.М. Гольцман (наверно, бывший учитель), а основным журналистом был публицист и историк Исаак Лурье (личность загадочная, возможно, международный шпион), который писал фельетоны, печатал свои стихи. Газета была довольно либеральная. Она подробно освещала городскую жизнь: гастроли приезжих театров, криминальную хронику, культурные и экономические новости и др. Печатались стихи и очерки местных авторов, краеведческие материалы. Пропагандировалась русская литература, на смерть великого писателя Льва Толстого газета откликнулась статьёй «Фатальный день».

Так как газета была частным бизнес-проектом, то естественно печаталась реклама. И всё же газета стоила дешево – 4 копейки, поэтому испытывала финансовые трудности. Весной и летом 1911 года она не выходила четыре месяца, только 11 июля возобновилось её издание, но ненадолго – в конце года газета закрылась окончательно. Однако, первенец пинской периодической печати – «Пинский листок» оставил заметный след в её истории (вышло 35 номеров). Газета пользовалась популярностью и среди крестьян. В 24-м номере в 1911 году было напечатано следующее письмо в редакцию:

Коханий паночку!

Бувъ я въ середу в Пиньцу и купивъ за четыре гроши Вашу хазету. Я знайшов там много вельми гарныхъ и антересныхъ баекъ. Мні вельми сподобалося, що лаєте на хфанабериевъ. Тілько вельми шкода, що не описали Панаса – міроїда и Гаврилу – процентныка изъ нашого сіла. А треба було – то була-бъ антересна стория.

А пока що – бувайте здоровеньки, прощевайте!

А ще кланяюсь, Вашимъ писателям – молодцы ребята!

*Фома сын Никифоровъ
По прозвищу – Горемыка.*

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства Литвы. – Фонд 96. – Оп. 1. – Д. 91. –Л. 2.

Краевед Эдуард Злобин¹ пишет, что в 1910-14 годах выходила ежедневная газета «Пинская Жизнь», которую издавал владелец крупнейшей городской типографии С. Вилькович. К сожалению, не удалось обнаружить ни одного экземпляра газеты в библиотеках Беларуси и России, ни сведений о ней в каталогах дореволюционных периодических изданий. Вполне вероятно, что Вилькович только имел планы издания газеты, которые не осуществились. 15 июля 1912 года в Пинске стала выходить новая газета «Пинский Голос», редактором-издателем которой был Н.Н. Дененберг (владелец книжного магазина). Однако она также просуществовала короткое время. Известно только два первых номера этой газеты.

Летом 1914 года началась Первая мировая война, Пинск стал тыловым городом. Жизнь в городе резко изменилась: появились военные госпитали, много военных и беженцев, увеличилось число житейских проблем. Для информирования населения, для борьбы с всякими слухами городу была нужна своя газета. Вскоре такие две газеты появились – «Телеграммы Петроградского телеграфного агентства» и «Последние новости Петроградского телеграфного агентства». Первая газета выходила почти полгода (161 номер), а вторая, наверно, не выдержав конкуренции, – всего два месяца (35 номеров). Сами названия говорят, что эти газеты носили информативный характер. Можно предположить, что газеты издавались местными властями. Но, наверно, этот официозный орган печати не удовлетворял пинскую общественность, так как в нём рассматривались в основном общероссийские и фронтовые дела. С 2 апреля 1915 года стала выходить ежедневная газета «Объединение: Газета Полесья», редактором-издателем которой был Н.О. Михальский. Само название газеты говорило о задачах редакционного коллектива: «Объединить все слои, классы и национальности населения для будущей дружной, без неприязни и вражды, жизни и культурной работы на пользу Пинска». Поскольку шла кровопролитная война, то ей и её последствиям отводилась большая часть газетных площадей: прибытие раненных в местные госпитали, строительство церкви на воинском кладбище, организация трудовых дружин для помощи семьям призванных в армию, борьба с холерой и т.д. Появлялись заметки и на мирные городские темы. Например,

В Пинске организованы две футбольные команды «Sparta» и «Штатские». 2 июня 1915 года у Лецинской горки состоялся матч. Победила «Sparta» 11:0.

Газета выходила чуть более четырех месяцев – до занятия города немецкой армией. За этот короткий промежуток времени вышло 124 номера. Последний номер был напечатан 10 августа 1915 года.

На этом закончилась история пинской дореволюционной печати.

Первый музей в Пинске

Дворец «Мур» можно было бы считать первым пинским непубличным музеем, так как в нём в XIX веке размещалась уникальная художественная коллекция.

О сохранении самобытной полесской культуры стали задумываться уже в начале XX века. «У кастрычніку 1909-га гласны мінскай гарадской думы В. Янчэўскі і інжынер М. Кузняцоў звярнуліся да кіраўніцтва горада [Мінска. – Авт.] з прапановай, у якой абгрунтоўвалася неабходнасць стварэння ў горадзе «Палеская музея». У праекце ішла размова пра захаванне музейнымі сродкамі матэрыяльнай і духоўнай культуры ўнікальнага Паўночна-палескага рэгіёна (Мазырскі, Тураўскі і Пінскі паветы), што ўваходзіў у склад тагачаснай Мінскай губерні. У прапанове, у прыватнасці, сцярджалася: «Палессе, якое большай часткаю ўваходзіць у склад тагачаснай Мінскай губерні, уяўляе з сябе вялікі край, што характарызуецца самабытнымі асаблівасцямі, якія заслугоўваюць вывучэння... Аднак з кожным годам лясы ўсё больш высыхаюцца, балоты – асушваюцца, фаўна Палесся бяднее... Праз продаж буйных фальваркаў дробнымі кавалкамі ідзе наплыў некарэннага насельніцтва. Мясцовыя асаблівасці знікаюць, аблічча Палесся ўсё больш змяняецца і хутка застаецца толькі ва ўспамінах. Натуральна, узнікае думка аб установе, якая паставіла б сабе за мэту збіранне і захаванне для нашчадкаў усяго, што характарызуе сучаснае Палессе»². К сожалению, эта идея не реализовалась. Пинский помещик и видный общественный деятель Чеслав Мергенталер в 1910 году выступил с идеей о создании в Пинске музея. В 1913 году пинские земцы рассматривали возможность создания уже земского музея. Этим планам помешала Первая мировая война.

¹ Злобин, Э. Развитие библиотечного дела на Пинщине / Э. Злобин // Берасцейскі хранограф. – Брэст, 1999. – Вып. 2. – С. 113.

² Гужалоўскі, А. Палеская экаканцэпцыя / А. Гужалоўскі // Культура. – 2012. – № 7. – С. 12.

Принято считать, что первый музей в Пинске создал в 1926 году известный историк и исследователь Полесья Роман Горошкевич. Однако первый музей в городе появился в 1910 году. Его создатель, подвижник просвещения на Пинщине Григорий Русецкий в 1912 году просил уездное земство: «На содержание открытого в гор. Пинске центрального музея наглядных пособий – 200 руб.

Принцип наглядности, применяемый в самых широких размерах при обучении, должен найти себе место и в начальной школе. Наша начальная школа, располагающая весьма небольшими средствами на приобретение учебных пособий, конечно, не в состоянии иметь тех наглядных пособий, которые так необходимы для продуктивности занятий, и потому является необходимостью в создании такого учреждения, где были бы сосредоточены лучшие пособия по предметам начальной школы, которыми учащие могли бы пользоваться, по мере надобности. Таким учреждением и является Пинский центральный музей, начало которому положено в 1910 году и который при сочувственном отношении к нему земства мог бы значительно расшириться и иметь филиальные отделения при училищах в различных концах уезда.

В музее в настоящее время имеется: 25 гипсовых моделей для рисования, 16 чучел птиц, 180 картин по истории и географии, модели земледельческих орудий, образцы кустарных изделий местных крестьян и др.»¹.

Экспозицию музея оформил родной брат инспектора, художник Фёдор Русецкий (1881–после 1956), который за это в 1911 году получил от попечителя Виленского учебного округа денежное вознаграждение в размере 200 рублей.

Конечно, этот музей отличался от современных музеев: его экспонаты можно было не только рассматривать, но и забирать с собой, чтобы использовать на уроках в школах и училищах. В то время во многих городах Российской империи создавались музеи наглядных пособий. Обычно они располагались в зданиях приходских или народных училищ. Так, в Пинском 1-м приходском училище располагалось другое детище Русецкого – центральная учительская библиотека. Можно предположить, что там же находился и музей. На наш взгляд, это приходское училище находилось в просторном здании бывшего иезуитского коллегіума. Ирония судьбы – как раз в этом здании находится сейчас Музей Белорусского Полесья .

Польская культура после восстания 1863 года

После смерти императора-консерватора Николая I повеяло некоторой свободой и предчувствием будущих реформ. Вот как об этом писала писательница Констанция Скимунт: «В начале царствования Александра II смягчился страшный николаевский гнёт; люди начинали свободней дышать, неравнодушные оглядывались вокруг себя, как помочь краю, прежде всего в беде и темноте народа. Ожила идея ещё из предшествующих царствованию Николая лет, светлая идея освобождения и раскрепощения крестьян, по сёлах в уезде и по всему краю возникали крестьянские школки за счёт средств волостей и имений; под активной опекой имений учили обоим алфавитам, старались, чтобы учителями были порядочные люди.

Тогда в городе у нас, две дворянки – жена пинского маршалка (выбранного) Ярослава Анджейковича, пани Хелена Анджейкович, с активной помощницей пани Антониной Скимунтувной – привезли из Вильны Сестёр нищих [монашеский орден] из известного там заведения пани Домбровской. Три прибывшие сестры организовали швальню [швейную мастерскую] для девушек, одновременно обучая их основам наук, религии и родного языка, что, однако же, было спрятано под названием швальня. Из имений присылали продукты и делали заказы на выполнение работ. Заведение составляло ежегодную финансовую отчётность своей деятельности, называя своих жертвователей и цены изделий. Его моральное влияние на воспитанниц было таким глубоким и продолжительным, что ещё через 30 лет отражалось во втором поколении, воспитанном в традициях матерей, обучавшихся в этой школе.

Трагедия восстания 1863 года положила конец школкам и заведению [швальне]. Наш, край перепачканный штыками Муравьёва, потерял наилучшие силы сельской и городской интеллигенции, оставшиеся на местах люди, стеснённые материально и морально, ничего сделать не могли»².

¹ Журналы Пинского уездного очередного Земского Собрания 1911 года. – Пинск, 1912. – С. 99, 100.

² Skirmuntt, K. Jak powstało i jakie przechodziło koleje Katolickie Towarzystwo Dobroczynności w Pińsku / K. Skirmuntt. – Pińsk, 1929. – S. 3,4.

В минском архиве есть дело¹ о приюте для десяти сирот-девочек, которым руководила одна и сестёр-монашек Целина Людкевич. Ей помогали сёстры Анеля Зинович и Михалина Гржибовская. Воспитанницы приюта получили религиозное воспитание, начальное образование и обучались навыкам домашней работы. После выхода из приюта они поступали на службу к местным польским помещикам и работали в тайных польских школах. Когда писатель Николай Лесков в 1862 году посетил приют, то он отметил, что воспитанниц было около 50, и с ними в классах занимались две молодые девушки (наверно, сёстры Анеля и Михалина). Писатель охарактеризовал и руководительницу приюта: «Целина Людкевич, женщина не первой молодости, с её энергичным лицом, говорящим о силе воли и решимости, окружённая детьми, воспитанию которых она посвятила свою жизнь, производит самое приятное впечатление»². Приют содержали помещики, которые помогали в основном продуктами. На допросе в 1864 году Целина Людкевич не назвала ни одного из них. Следствие выяснило также, что часть продуктов из приюта переправлялась повстанцам. Очень вероятно, что этот приют и является той швальней, про которую писала Констанция Скирмунт.

После жестокого разгрома восстания российские власти проводили целенаправленную и жёсткую политику деполонизации и декатолизации «Северо-Западного края», в частности и Пинского Полесья. Они стремились обеспечить полное доминирование «великорусского элемента» в политической, экономической, духовной и национально-культурной жизни края. Польское общество было запугано и деморализовано, польская культура была фактически запрещена и загнана в подполье. Стали спонтанно возникать тайные польские школы. Например, в 1871 году по просьбе мелкой шляхты из сел Лопатин и Колбы отставной чиновник Фёдор Сачковский стал обучать их детей на польском языке. Это продолжалось недолго: по донесению³ местного благочинного, протоиерея Иоанна Ляцевича, эти две тайные школки (по пять и шесть мальчиков) были закрыты полицией.

Важное значение для выхода польского общества из морального и духовного кризиса играла идеология «варшавского позитивизма», которая реализовывалась путём так называемой «органической работы», то есть проведением каждым патриотом-поляком работы по улучшению материальной и духовной жизни окружающих его простых крестьян и рабочих. Лидерами «органической работы» на Полесье стали представители знаменитого рода Скирмунтов.

Александр Скирмунт

Пинского помещика и предпринимателя Александра-Юльяна Скирмунта (1830-1909) можно назвать одним из самых ярких представителей полесско-польского позитивизма. Разочаровавшись в итогах польских восстаний, он всецело поддержал теорию «малых дел», призывающую к последовательному, постепенному совершенствованию полесско-польского общества, развитию экономики и культуры Полесья.

Александр Скирмунт соединял в себе успешного предпринимателя и активного общественного деятеля. Польский деятель, слуцкий помещик Эдвард Войнилович писал в своих воспоминаниях: «Александр Скирмунт из Поречья, светило нашей провинции, статист, член редакционной комиссии по освобождению крестьян, человек очень опытный в решении общественных вопросов, смелый и дерзкий. Эдвард Войнилович (...) учился, смотрел на Скирмунта как на образец гражданина»⁴. Остановимся на биографии пинского помещика.

Родился Александр Скирмунт в 1830 году в родовом имении Молодово Кобринского уезда, расположенном на границе с Пинским уездом. Его отца, тоже Александра Скирмунта (1798-1870), можно назвать первым промышленником Полесья, который основал в своём имении Поречье сахарный завод и суконную фабрику. Александр-Юльян Скирмунт успешно продолжил и развил дело отца. Он добился настоящего признания продукции фабрики. Отличного качества поречские ткани получали награды на многочисленных выставках:

1873 год, Вена, Всемирная выставка – «Медаль заслуги»;

1878 год, Париж, Всемирная выставка – большая серебряная медаль;

1882 год, Москва, Всероссийская художественно-промышленная выставка – золотая медаль;

¹ НИАБМ. – Фонд 1418. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 1-11.

² Лесков, Н. Из одного дорожного дневника / Н. Лесков // Кругозор (Пинск), 2000. – № 1. – С. 38.

³ НИАБМ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 33722. – Л. 14.

⁴ Войнилович, Э. Воспоминания / Э. Войнилович. – Минск, 2007. – С. 71.

1896 год, Нижний Новгород, Всероссийская промышленная и художественная выставка – серебряная медаль.

1901 год, Минск, Юбилейная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка – золотая медаль.

Александр Скирмунт заботился о своих рабочих. «Большинство рабочих жило при фабрике: было 4 дома с 90 квартирами для семейных и 4 общежития для несемейных рабочих. Владелец оплачивал питание, квартирную плату, содержал за свой счёт доктора и больницу на 12 мест. Действовало бесплатное училище, где ребятишек учили грамоте и ткацкому мастерству»¹. В 1904 году помещик пожертвовал землю под постройку нового здания для Поречского народного училища.

Много внимания в Поречье уделялось развитию сельского и лесного хозяйства: была организована мелиорация земель в пойме реки Ясельды, началось производственное восстановление лесов, выращивались элитные сорта зерновых культур и породы домашних животных. Александр Скирмунт был в 1876 году одним из основателей Минского общества сельского хозяйства (МОСХ), ставшего инициатором внедрения новых производственных отношений и технологий на селе. В честь 25-летия создания общества в Минске была организована Юбилейная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, на которой Александр Скирмунт получил большую серебряную медаль за введение возделывания ворсильной шишки хмеля для суконного производства, также две бронзовые медали за корову симментальской породы «Элизабет» и за телку № 2 той же породы. В 1901 году в Пинске Александр Скирмунт основал Полесское окружное сельскохозяйственное общество² как отдел МОСХ. Много он занимался общественной и благотворительной деятельностью.

Историк Александр Смоленчук пишет: «Ужо ў 17-цігадовым узросце ён стаў ганаровым назіральнікам вучылішчаў Кобрынскага пав., у 1858 г. быў прызначаны гласным губернскага камітэту па ўладкаванню быта памешчыцкіх сялян, актыўна ўдзельнічаў у з'ездах шляхты (Менск, Вільня і Пецярбург), на якіх абмяркоўваліся ўмовы адмены прыгоннага ладу. Ягоная актыўнасць у гэтай справе была адзначана сярэбранай медаллю»³. Ещё в 1897 году был разработан устав Пинского римско-католического приходского благотворительного общества. Российские власти разрешили деятельность этой организации только в 1902 году. Одним из инициаторов создания благотворительного общества был Александр Скирмунт, который, конечно, выделял для его работы большие суммы денег, за что был избран почетным членом. При обществе действовали богадельня и приют для девочек.

Активная хозяйственная, общественная и культурная деятельность Александра Скирмунта прерывалась лишь однажды, в 1863 году, когда во время восстания он был повстанческим военным комиссаром Пинского уезда. Похоже, что поречский помещик принадлежал лагерю «белых». Не смог или не захотел Скирмунт организовать в уезде повстанческое движение. Наверно, и влиятельные родственники помогли ему избежать сурового наказания.

Александр Скирмунт интересовался историей, польской и полесской культурами, собирал литературу по этой тематике. В его письме к выдающемуся польскому филологу и фольклористу Яну Карловичу есть сведения, что поречский помещик выписывал многотомный «Географический словарь Царства Польского». В львовской библиотеке хранится четыре его письма к Яну Карловичу. Приведём самое интересное из них.

Поречье 24 сентября 1878

Только через два дня после возвращения домой смог ответить, уважаемому Пану, чтобы сообщить ему, что кроме моих личных поисков, как и с помощью члена выставочной комиссии уважаемого (?) Пана Корсака, нигде не нашёл Вашей работы о нотации [системе условных обозначений. – Авт.] – ни также в специальном русском каталоге никакого упоминания о ней не видно и невозможно (?) было в бумагах её отыскать, так как правдоподобно (?) (...) это печально. Заказанные кантчики [сборники кантов. – Авт.] купил и отдал моей сестре Каролине, которая их [неразборчиво] Пану вручит, скоро она придет в Шеметовщину. Заплатил за это 1 франк:

¹ Киштымов, А. Скирмунты: династия предпринимателей / А. Киштымов. – Режим доступа : <http://hinskhistoria.by.ru/book/73.html>.

² Вначале оно называлось Отделение по разработке сельскохозяйственных и экономических вопросов Минского Полесья Минского общества сельского хозяйства.

³ Смелянчук, А. Парэчка Скірмунтаў: лёс сядзібы і ўладальнікаў / А. Смелянчук. – Режим доступа : <http://autary.iig.pl/smalanchuk/artykuly/skirmunt/parezcza.htm>.

издания в переплёте в книжном магазине я не нашёл. Этой осенью, а также зимой имею намерение навестить своего бедного брата в Шемитовщине, и при этом случае мило мне [неразборчиво], посетить в Вишневе и уважаемых супругов.

Доброго [неразборчиво] милостивому Сударю.

А. Скирмунт¹

Из письма видно, что выезжая за границу, в частности в Париж на Всемирную выставку, Александр Скирмунт выполнял разные поручения Яна Карловича: покупал книги, искал в библиотечных каталогах различные ссылки и т.д.

В брестском архиве нами обнаружена копия² свидетельства о смерти поречского промышленника:

*Александр-Юльян Скирмунт
владелец имения Поречье, дворянин
сын Александра Скирмунта
Умер в имение Поречье 26 июня 1909 г.
имел 79 лет*

Похоронен ксёндзом Виктором Элертом и пинским деканом Станиславом Войтиком 1 июля 1909 г. в фамильном склепе в имении Молодово.

Оставил жену – Теофилия дочь Зенона из дома Любанских, сыновей: Александр-Шимон, Роман-Марьян и Зенонн-Богдан, дочерей: Теофилия-Гортензия Корсакова, Бронислава-Валерия-Матильда, Ванда-Фортуната, Фелиция-Мария-Магдалена Станишевичова и Гелена-Мария.

После смерти Александра Скирмунта имение Поречье перешло в руки его среднего сына Романа Скирмунта (1868-1939) – выдающегося полесского, белорусского, польского политического, общественного и культурного деятеля.

Роман Скирмунт

Славный сын полесской земли родился в родовом имении Поречье. Учился Роман Скирмунт в немецкой гимназии в Риге. Наверно, его отец хотел, чтобы сын получил образование в западном духе и не испытал на себе русификацию. По некоторым (непотверждённым) сведениям, после окончания гимназии юноша изучал юриспруденцию в каком-то университете за границей. В любом случае Роман Скирмунт был очень образованным человеком: автором ряда политических, исторических и этнографических произведений.

Отслужив в царской армии, Роман Скирмунт поселился в родовом имении Поречье, располагавшемся на берегах реки Ясельда, где активно занялся отцовским хозяйством. Большое имение (площадь около 6300 десятин земли) состояло преимущественно из лесов. Основной доход приносили промышленные предприятия: суконная фабрика, винокурный и пивоваренный заводы, мельницы, электростанция и др., на которых было занято около 1000 работников. «С 1900 г. [Роман Скирмунт] был вице-председателем, а потом председателем Отделения по разработке сельскохозяйственных и экономических вопросов Минского Полесья Минского общества сельского хозяйства, а в марте 1903 первый раз был выбран в совет МОСХ. Был также постоянным делегатом МОСХ на всероссийские съезды сельскохозяйственных организаций. Принадлежал к сторонникам сотрудничества дворянства и крестьян; по его инициативе МОСХ начало принимать в свои члены крестьян. По его идее в сентябре 1904 в Пинске была организована крестьянская сельскохозяйственная выставка, входил в состав её выставочного комитета. Был также одним из основателей многих полезных общественных учреждений на Минщине и Полесье. В 1905-1911 гг. назначался в Минский губернский земский комитет как представитель Пинского уезда.

После оглашения так называемого октябрьского манифеста (30. X. 1905), который объявил приход эры конституционализма в России, Скирмунт начал политическую деятельность. Наладил сотрудничество с [виленской газетой] «Kurier Litewski», выступал в защиту закрываемых российскими властями польских школ. Весной 1906 значительным перевесом голосов стал выборщиком

¹ Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. Фонд Карловича. – Д. 153/п.4. – Л. 1.

² ГАБО. – Фонд 2031. – Оп. 2. – Д. 5811. – Л. 11.

в [Государственную] Думу от дворянской курии Пинского уезда, 27.IV 1906 подавляющим числом голосов получил депутатский мандат в первую Думу от Минской губернии»¹.

В 1905 году Роман Скирмунт (под псевдонимом Romunt) опубликовал свой главный политический труд «Голос будущего и потребность момента. Положение шляхты в Литве и на Руси», в котором выступил как патриот родного края и как один из создателей идеологии краёвости. «У сваёй практычнай дзейнасці краёўцы прызнавалі роўнасць палякаў, беларусаў, літоўцаў і яўрэяў як карэнных народаў Беларусі і Літвы. (Толькі Канстанцыя Скирмунт і Людвік Абрамовіч не лічылі яўрэяў карэнным народам). Паводле краёўцаў, усе «грамадзяне» беларускай і літоўскай зямлі павінны былі працаваць на карысць краю. Пад апошнім звычайна разумеліся землі былога ВКЛ. «Край» успрымаўся ў якасці тэрытарыяльнай адзінкі са своеасаблівымі гістарычнымі, культуральнымі і гаспадарчымі традыцыямі, спецыфічнай этнічнай структурай. Спецыфіка краю нараджала адметныя краёвыя інтарэсы. Задавальненне гэтых інтарэсаў, на думку краёўцаў, адпавядала найбольш глыбінным патрабаванням усіх народаў краю. Падмуркам краёвай ідэалогіі была гістарычная свядомасць»². Идеология краёвости была развитием ягеллонской идеи: представление о Речи Посполитой как о федерации трёх равноправных народов: поляков, литовцев и русинов (украинцев и белорусов). Роман Скирмунт понимал, что поляки в так называемом Северо-Западном крае составляют меньшинство, поэтому для них жизненно необходим союз с литовцами и русинами против русификации и давления царских властей. Для этого полякам нужно на общей отчизне поддерживать развитие трёх культур: польской, литовской и русинской. Вначале Роман Скирмунт считал белорусов и украинцев одним народом.

Но, когда появилась белорусская газета «Наша Нива», он поверил в перспективность белорусского национального движения и стал в нём участвовать. «Раман Скирмунт быў носьбітам характэрнай для «краёўцаў» складанай этнакультурнай і нацыянальна-палітычнай самасвядомасці, якую даследчыкі вызначаюць як шматузроўневую»³. Он считал себя и поляком, и литовцем (литовские корни рода Скирмунтов), и литвином (жителем условного ВКЛ), и белорусом, и полешуком.

Для реализации своих идей Роман Скирмунт создал в 1907 году «Краёвую партию Литвы и Белой Руси», которая не получила поддержки у литовцев и белорусов. Будучи верным своим политическим взглядам, поречский помещик поддерживал польскую, белорусскую и полесскую культуры. Роман Скирмунт 25 марта 1907 года вошёл в надзирательный совет минского польского просветительского общества «Освята», поддерживал материально его пинское отделение и Пинское римско-католическое благотворительное общество, которое финансировало преподавание польского языка в пинской гимназии, содержало на Пинщине семь тайных школ⁴. Сам помещик организовал в своём имении в 1906 году тайную польскую школу. Прокурор Минского окружного суда сообщал губернатору: «По делу о двор. Романа Скирмунте и Марии Нарейко, обвиняемых по 1049 и 1051 ст. Улож. о наказ.; 20-го апреля 1909 года состоялся приговор Минского Окружного Суда, коим они присуждены к денежному взысканию в пользу капитала призрения лиц, приобревших право на обучение юношества в частных домах, Скирмунт – в размере 5 рублей с заменой при несостоятельности арестом на 1 день, а Нарейко в размере 1 рубля с заменой арестом также на 1 день. Приговор в отношении Скирмунта приведен в исполнение, а в отношении Нарейко приостановлен впредь до её розыска; при чем школа в им. Поречье закрыта»⁵. Есть сведения, что в имении было две школы: одна – для детей усадебной прислуги и администрации скирмунтовских предприятий, вторая – для детей фабричных рабочих. Отметим также, что Роман Скирмунт возглавлял инициативную группу по возвращению католикам замечательного памятника польской культуры – Городищенского бенедиктинского костёла.

¹ Brzoza, C. Skirmunt Roman / C. Brzoza, K. Stepan // Polski Słownik Biograficzny. T. XXXVIII/2. Z. 157. – Warszawa-Kraków, 1998. – S. 184.

² Смелянчук, А. Памыж краёвасці і нацыянальнай ідэяй / А. Смелянчук. – Санкт-Пецярбург, 2004. – С. 125, 126.

³ Рудовіч, С. «... Беларускі дзеяч з вялікіх паноў» / С. Рудовіч // Гістарычны Альманах. – 1999. – Т. 2. – С. 25.

⁴ Об этом писал его двоюродный брат Константин Скирмунт писательнице Элизе Ожешко 14.07.1907 г.

⁵ НИАБМ. – Фонд 295с. – Оп.2. – Д.137. – Л.48.

«Неафіцыйна кантактаваў з беларускімі сацыялыстамі-адраджэнцамі, падтрымліваў іх культурніцкія праекты»¹. Роман Скірмунт матэрыяльна падтрымліваў беларускую газету «Наша Нива», которая издавалась в Вильне. Ксёндз Винсент Годлевский отмечал, что Скірмунт «добра ўладаў беларускай мовай (трохі з палескім акцэнтам: «шо, шчо»)»². Со временем его краёвосьць эволюционировала в настоящую беларускосьць. В 1918 году Роман Скірмунт был одним из создателей Беларускай Народной Рэспублікі.

С любовью занимался Роман Скірмунт изучением истории, фольклора и этнографии родной Пинщины. «У 1923 г. інжынер Актаві Нелярд падрыхтаваў і выдаў зборнік краязнаўчых матэрыялаў «Палессе ілюстраваннае», у якім былі надрукаваны два артыкулы Рамана Скірмунта. У першым з іх («Рысы адметнасці Палесся») утрымліваюцца звесткі пра этнаграфію Палескага краю, псіхалогію палешукоў і асаблівасці іх мовы, таксама падаюцца тэксты чатырох песен. (...) У артыкуле «Са старых хронік» таленавіта і з захапленнем распавядалася гісторыя Палесся 14-17 ст. Раман Скірмунт быў сапраўдным знаўцам палескай мінуўшчыны. Невыпадкава пінскі староста ў кастрычніку 1929 г. раіў сябрам Таварыства вывучэння гісторыі вызвалення і абароны Вільні і Віленскай зямлі наладзіць перапіску з Р. Скірмунтам дзеля збору інфармацыі пра «вызваленне» Палесся»³. Интересовался он и этническим происхождением пинчуков, писал про это: «Паводле мовы яны больш украінцы, паводле ўкладу і побыту – беларусы»⁴. Пинский помещик Героним Нелюбович-Тукальский в своих рукописных мемуарах «Полвека воспоминаний» писал: «Пан Роман был известен своей ориентацией почти белорусской и уважением, которым пользовался у крестьян. У себя в имении Поречье говорил на местном наречии, по-крестьянски, что в общем было общепринятым»⁵. Роман Скірмунт финансировал написание и издание букваря для детей полешуков «Русінски лементар», о котором расскажем ниже.

Констанция Скірмунт

Нечасто сейчас вспоминают у нас писательницу и историка Констанцию Скірмунт (1851-1933), хотя в Польше недавно вышла интересная монография⁶ о ней. Эта удивительная и героическая женщина родилась в имении Колодное Пинского уезда (теперь Столинский район) в дворянской семье, столько сделавшей для развития экономики и культуры Полесья. Её прадедом был знаменитый Матвей Бутримович (1745-1814), от которого по наследству к ней перешел каменный дворец «Мур», а дедом – пионер промышленности Полесья Александр Скірмунт (1798-1870).

Отец писательницы – инженер Казимир Скірмунт (1824-1893) был человеком высокообразованным и предприимчивым, основателем курорта Балаклава в Крыму. Его жена Елена Скірмунт (1827-1874) прославилась как талантливый скульптор и художник. На её творчество оказал влияние родной дядя, рисовальщик и композитор Наполеон Орда (1807-1883), который почти все свои полесские зимы проводил в стенах «Мура», гостя у любимой сестры и племянницы. Во дворце хранились не только произведения Елены Скірмунт, но и почти все творческое наследие Наполеона Орды. После смерти Наполеона Орды писательница передала собрание его архитектурных зарисовок в Национальный музей в Кракове. Если бы она этого не сделала, то бесценное собрание из 971 рисунка погибло бы во время пожара в 1901 году, бушевавшего в её дворце.

Во дворце, стоящем на берегу Пины, среди красивых картин и скульптур, прошло детство Констанции Скірмунт. Несомненно, что интерес к истории, патриотизм Наполеона Орды повлиял на формирование характера и интересов будущей писательницы и историка. Когда летом 1863 года повстанческий отряд Ромуальда Траугутта подошел к имению Колодное, то супруги-патриоты Казимир и Елена Скірмунты, конечно, оказали ему посильную помощь. После ареста их отправили в ссылку в центральные районы России, а для того, чтобы избежать конфискации, их имения Ко-

¹ Рудовіч, С. Скірмунт Раман Мар’ян Аляксандравіч/ С. Рудовіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – 2001. – Т. 6. – Кн. I. – С. 321.

² Гадлеўскі, В. З беларускага палітычнага жыцця ў Менску ў 1917-1918 гг. / В. Гадлеўскі // Спадчына. – 1997. – № 5. – С. 20.

³ Ільін, А. Роман Скірмунт у грамадска-палітычным і культурным жыцці Піншчыны ў 20-30 г. 20 ст. / А. Ільін // Гістарычны альманах. – Гародня, 2003. – Т.8. – С. 103.

⁴ Дзяніца. 1918. 7 ліпеня.

⁵ Zakład Narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu, rkps., sygn. 15444/II, cz. I-II (mf. 9780-1). –S. 158.

⁶ Szoper, D. Gente Lithuana, Nazione Lithuana. Myśl polityczna i działalność Konstancji Skirmuntt (1851-1934). / D. Szoper. – Gdańsk, 2009.

лодное, Рухча и Цмень (общей площадью 10660 десятин) были проданы в 1867 году Николаю Гартингу.

Когда родители были в ссылке, то Констанция воспитывалась бабушкой Гортензией Скирмунт – сестрой Наполеона Орды. Жили они тогда в имении Альбрехтово под Пинском. Позже девушка училась в женском пансионе в городе Калиш в Царстве Польском и в Дрезденском частном училище. В 1869 году Констанция вместе с матерью, которая вернулась из ссылки, уехали к Казимиру Скирмунту, жившему в Балаклаве под Севастополем. Это было самое счастливое время в жизни девушки. Мать вдохновенно занималась творчеством, а дочь была её помощницей и советчицей. Эта творческая атмосфера, насыщенная героическими образами из истории Великого Княжества Литовского, полностью подчинила Констанцию. Вечером вся семья собиралась в гостиной. Читали по очереди вслух книги, прежде всего произведения Юзефа Крашевского и Элизы Ожешко. Уже тогда Констанция Скирмунт имела свою библиотеку, которую в конце 1873 года передала бабушке Гортензии, когда семья собиралась выезжать из Балаклавы. Приведём список книг из этой библиотеки, составленный в алфавитном порядке:

Польские книжки

1. Abecadlnik historyczny – obrazkowy – томик 1.
2. Abecadlnik obrazkowy (маленькая книжечка) – томик 1.
3. Biblijoteczka dziecinna – томик 1.
4. Człowiek i państwo Zwierzęce (в середине четыре малых) – томик 1.
5. Две пачки книжек, записанных папкой бабушки.
6. Elementarzyków i drobnych książeczek obrazkowych – томиков 10.
7. Grzeczne Dziecię – томик 1.
8. Gwiazdka czyli kolenda (с 1862 года) – томик 1.
9. Geografja Czarkowskiego – томик 1.
10. Katehizm oprawny stary – томик 1.
11. Kwiaty i Poezje (книжка в красивом переплёте) – томик 1.
12. Książeczka Helenki – томик 1.
13. Opisy z padroży (Anczyca) – томик 1.
14. Obrazy wieku dziecinnego – томик 1.
15. 24 Obrazy historyczny – томик 1.
16. Przyjacila dzieci тетрадей 49.
17. Słownik francuzko-polski – томик 1.
18. Skarbczyk – томик 1.
19. Sto nowych powiastek Jachnowicza – томик 1.
20. Siedem obrazków Jachnowicza (маленькая книжечка) – томик 1.
21. Wzóry Prozy – томика 2.
22. Wierszy Jachnowicza – томик 1.
23. Wiązanie Helenki – томик 1.
24. Wzórki rysunków (на карточках) собрание –1.
25. Złota różeczka – томик 1.

Французские книжки

1. Clotilde [Оноре де Бальзак] – томик 1.
2. Dictionnaire français (p. Voiste) – томик 1.
3. Les frères de lait – томик 1.
4. Magasine pittoresque – томик 1.
5. Magasine des enfants – томик 1.
6. Французских географических карт штук 14.
7. Nouveaux petits contes – томик 1.
8. Robinson Cruzoe – томика 2.
9. Traité de l’histoire – томика 2.

Ноты

Szkoła Nowakowskiego
Kajecik kompozycji Hummna
Melodyjne utwórki Adolfa
Pięc polonezów Dziadunia¹

¹ Zakład Narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu, rkps., sygn. 113822/II. – S. 277.

В библиотечке, которую Констанция отправила бабушке, много польских букварей и грамматик, и вообще детских книг. Очень похоже, что она собиралась на Пинщине учить детей польскому языку. Романтическая девушка много читала на польском и французском языках, размышляла над прочитанным, музицировала, занималась самообразованием. О круге её духовных интересов говорит и следующее письмо:

13 ноября 1875
Альбрехтов

Моя любимая Эвуня!

Уже очень давно как тебе не писала. Жалею, что не могу лично с тобой поговорить, но, по крайней мере, переписываемся. Говорила мне бабушка Плотницкая¹, что учишь немецкий язык, и мы также учим, имеем очень хорошую учительницу панну Эниме. Поскольку уже умеем говорить по-немецки, то кто скажет одно слово по-польски или по-французски, тот показывает красный язык и ждёт пока другой на это [неразборчиво] заслужит; тот же, который будет последним, должен на следующий день выучить 30 немецких слов; пишем и читаем. Расскажу тебе о моём путешествии в Варшаву, Вильну, Троки и Ковно. В Варшаве очень малое время развлекалась, так как была только 5 дней, но однако была два раза в театре и посетила очень много костёлов; в Вильне же была в каплице Божией Матери Остробрамской и почти во всех костёлах, ездила и осматривала виленские окрестности; в Троках видела руины Замка Кейстута на острове посреди озера; в Ковне посетила бискупа Березневича², была в Фаре [Фарный костёл] и на горе Алексоте, с которой прекрасный вид на впадение Вилии в Нёман. Остаток каникул провела у любимого дяди в Шеметовщине с кузинками и кузинами; сейчас должна готовиться к занятиям, так как довольно длинные имела каникулы.

Целую тебя всем сердцем привязанная кузина.

К.С.³

Из письма видно, что Констанция серьёзно взялась за изучение немецкого языка. Она имела очень хорошие умственные способности, стремилась к знаниям и высшему образованию, была огорчена тем, что университетское образование тогда было не доступно для женщин. В умственном развитии ей помог дальний родственник, польский учёный Ян Карлович, который стал для неё вроде духовного наставника. В архиве филолога сохранились восемь писем Констанции Скирмунт к нему.

18-го сентября 1877

Минская губ. через Пинск в Альбрехтово

Любезный Пан Ян!

*Вот закончено, сколько мучений с помощью было переслать, тетрадочку пересылаю для дальнейшего её редактирования. Найдёте в ней любезный Пан разные сделанные перечеркивания и выбрасывания с [неразборчиво], на которые не знаю всё же каким глазом посмотрит редакция, когда [неразборчиво] свою роль уже исполнила. Готова, в случае предвиденных трудностей по этому поводу, переписать всё, чтобы видом этих поправок не побудить любезных цензоров к самовольной трактовке по своему мнению. Так как редакция может снова иначе судить о вопросе улучшения этой мелочи, а даже за честь помещения в *Ateneum*, не жертвовать неприкосновенностью одного понятия. Не думаю, чтобы Пана удивила та щекотливость, ведь духовное богатство ещё больше интересует, чем материальное, и когда могу пользоваться с полной отзывчивости опекой и помощью Пана – авторскую щекотливость в помещении этой мелкой пробы [пера] ставлю на первый план. Для неё прошу защиты.*

Некоторых поправок (хотя всегда правильных) любезный Пан не встретит. Возникло это из-за трудности их исполнения; с французскими оборотами, как Пан знает меня, попросту не смогла бы хорошо совладать; в случае изменения не выразила бы ни одного понятия. И пословицы Даровского⁴ не использовала: из-за нехватки места вписать их невозможно, нашла бы разве тогда, когда возникла бы потребность всё полностью переписать. Охотно это сделаю, если любезный Пан найдет потребность в переписывании и перешлёт мне тетрадочку. В противном случае – пусть уже идёт эта мелкая вещь, как есть, если может идти. Готова и к отказу «Сказок»

¹ Юзефа Плотницкая – сестра Гортензии Скирмунт и Наполеона Орды. Эвуня, наверно, внучка Плотницкой.

² Александр Березневич (?-1902) – викарный бискуп Жмуди (1848-1883).

³ Zakład Narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu, rkps., sygn. 113817/II. – S. 191.

⁴ Александр Верига-Даровский (1815-1875) – польский писатель, мистификатор, издал сборник польских пословиц (1874).

Шлейхера с благодарностью, через несколько дней вышлю Пану. Читать её кроме выбранных мест, из-за простоты стиля, является всё-таки испытанием терпения, в отношении [неразборчиво] и неизвестных мне ещё материалов, которые мне так обильно Пан предоставил. Узнала из них ведь столько, чтобы на картах Шафарика убедиться к собственному удовлетворению и убедить Пана, что страшный суд над Нарбутом касается только его первого тома, а именно Мифологии. Дата издания указывает, что только этот том знал Шафарик, другие ещё не вышли в печать, когда свою вещь писал, вышли позднее, неизвестно также, какое о них было бы мнение историка. Позволю себе сделать замечание, что в недоверии к нашему учёному из лидского региона, упрёки, касающиеся первого тома произведения, не распространили наши критики на всё, и в целом, такое пренебрежение встречается до сих пор во взглядах на фолианты Истории Нарбута, не есть ли априорным эхом слов Шафарика, высказанных только о мифологии?

Имею намерение эту зиму особо посвятить внимательному изучению по-настоящему редких книг, данных мне любезным Паном, чтобы чересчур долго их не удерживать по-настоящему редкой, столько мне приносящей пользы от любезности Пана.

Целому дому вашего семейства, в особенности жене Пана, дорогой Ирине и уважаемой матери Пана, осмеливаюсь переслать выражения сердечной дружбы и уважения.

Оставаясь для Пана с настоящим уважением и признанием (кроме спорных вопросов).

Констанция Скимунт

Одолженные любезно Констанции Скимунт в Альбрехтово следующие книги:

Schleicher <i>Litauische Märchen</i>	– 1 том
Linde ¹ (...) <i>O statucie litewskim</i>	– 1 том
Szulc ² <i>O znaczeniu Prus dawnych</i>	– 1 том
Czacki ³ <i>O litewskich i polskich prawach</i>	– 1 том
Hlebowicz ⁴ <i>Krótki rys życia Witolda</i>	– 1 том
Szafaryk <i>Starożytności słowiański</i>	– 2 тома
Grimm ⁵ <i>Geschichte der deutschen Sprache</i>	– 2 тома
Solowjow ⁶ <i>Historja Rossja</i>	– 1 том
Nesselmann ⁷ <i>Dainos</i>	– 1 том
Brzozowski ⁸ <i>Pieśni ludu nadniemeńskiego</i>	– 1 том
Rudziński <i>Zasady muzyki</i>	– 1 том
Cegielski ⁹ <i>Nauka poezji</i>	– 1 том
Marye B. <i>Poezye</i>	– 1 том

В августе 1877¹⁰

Из этого письма видно, что Ян Карлович руководил чтением Констанции Скимунт, редактировал её первые литературные произведения, помогал в их издании и т.д. Список книг, предложенный Карловичем для чтения, говорит об интересах писательницы: литовская история и культура, история славян и России, языковедение, музыка и т.д. Констанция Скимунт была увлечена тогда «Историей литовского народа» Теодора Нарбута, несмотря на острую критику этого произведения со стороны многих историков, в первую очередь, словацкого и чешского слависта Павла Шафарика (1795-1861). В 1877 году писательница занималась переводами на польский язык произведений, связанных с литовской историей и культурой. Так, в варшавском журнале «Атенеум» она пытались опубликовать свой перевод «Литовских сказок», собранных выдающимся немецким языковедом-индоевропеистом Августом Шлейхером (1821-1868).

21 октября 1877

¹ Богумил Линде (1771-1847) – польский языковед и историк.

² Доминик Шульц (1797-1860) – польский историк-педагог.

³ Тадеуш Чацкий (1765-1813) – польский государственный деятель, публицист и историк.

⁴ Антони Глебович (1801-1874) – польский историк.

⁵ Якоб Гримм (1785-1863), Вильгельм Гримм (1786-1859) – немецкие лингвисты, исследователи народной культуры.

⁶ Сергей Соловьёв (1820-1879) – русский историк.

⁷ Георг Нессельман (1811-1881) – немецкий филолог, ориенталист и историк математики.

⁸ Кароль Бжозовский (1821-1904) – польский поэт, этнограф, инженер.

⁹ Ипполит Цегельский (1813-1868) – польский литературовед.

¹⁰ Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. Фонд Карловича. – Д. 156/n.4. – Л. 7, 7об.

Минская губ. через Пинск в Альбрехтово

Благодарю любезного Пана искренне и сердечно за подачу моей малой работы в Атенеум. Уже то, конечно, что Пан быстро о ней позаботился, не сомневаюсь в хорошем результате. Панского старания, полного в высшей степени ценной для меня доброжелательности и доброты. Благодарю Пана сердечно. Атенеум, хотя в нём не всё писать можно, является в некоторых своих разделах полем очень почётным, и с точки зрения гонорара, на куколевые (?) посевы можно не входить, с почестями другими колонками счастливо пользоваться... Пользуюсь сейчас любезной помощью Пана. Доступ к месту в этом журнале, уже мне будет полезным на будущее, если что-нибудь написать [неразборчиво].

Благодарю также Пана за любезное посещение моей сестры¹ в Варшаве... Собственно, довольно давно не имели от неё известий, когда панские слова успокоили нас.

Вскоре отошлю Пану оба тома Гримма. Просмотрела их внимательно, и несколько десятков выписок из них смогла сделать... Осуществляю большую лингвистическую программу, как и в других вещах не мыслю однако, чтобы просмотр произведения был мне совсем бесполезный. Пану обязана понятием, что всякое начало изучения исторических исследований должно начинаться с лингвистики... Хотя бы слабое иметь о ней представление. Ведь, при ни каких, моих теперешних научных средствах не исследовать мне свободно; наибольшей известной Пану моей амбицией является написание именно исторического наброска для детей, а после в чересчур богатых утверждениях Нарбута, ищу не только, что утверждать, сколько что нужно сообщить в обязанности сомневаться.

Всему семейству любезного Пана посылаю сердечное уважение и поклоны, оставаясь с настоящим уважением, и искренне желаю всякого добра.

Констанция Скимунт²

В вышеприведённом письме писательница честно признаётся в слабом владении методами исторического исследования. Однако Ян Карлович её убедил, что изучение истории литовского народа надо начинать с лингвистики.

23 декабря 1877

Альбрехтово

Любезный Пан Ян!

Дал мне Пан свидетельство настоящей доброжелательности и доверия, ничем ещё незаслуженного и неподтверждённого, предлагает мне вещь огромного значения, как перевод и комментарии Михалона.

Благодарю Пана искренне, но ни на минуту не тешу себя мыслью, что я это заслужила. Повод – простой и ясный, как на ладони: не имею образования – а когда его получу (если получу), чтобы нашёлся добрый человек, который знанием о нашем народе обдарил эту большую полезную работу. Моя подготовка по латинскому языку не является даже фундаментом строения, вроде материал на фундамент, счастливым случаем отрывочно собранным; необходимы были бы мне гимназические занятия; начитанность же в исторических дисциплинах такая слабая, что даже при комментировании первой карты не хватало бы содержания. Объясняюсь я перед Паном с полной открытостью и взаимностью, и нахожусь в дисциплине историческая наука еле на пороге. В этот дремучий лес только зашла. Перевод Михалона должен двинуть науку на шаг вперёд, стать для неё новым дополнительным материалом; моей наибольшей в этой мере амбицией была бы популяризация, и то в элементарной форме. То, что уже есть, что учёным надоело, но чего общество ещё не приняло и не употребило.

Пусть двигают науку исследователи – не любители, что касается меня – даже не к дилетантам в науке, лишь только к аспирантам отношусь, не смею даже подумать о несбывшейся мечте – о проекте Пана, который не мне принадлежит. С другой стороны, для моей личной пользы и удовольствия, сохраню благодарно ценные и неизвестные указания об архиве Калачова³, возможно, когда-то интересный этот материал, являющийся вместе с тем и источником, удастся мне встретить. Мысль Пана, чтобы неизвестный в крае портрет Мицкевича послать в какой-то из наших иллюстрированных журналов, например, в «Kłosy», нужно, со временем осуществить;

¹ Её старшая сестра Ирена вышла замуж за Титуса Ольшевского.

² Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. Фонд Карловича. – Д. 156/п.4. – Л. 9.

³ Николай Калачов (1819-1885) – известный русский историк и юрист, первый перевёл на русский язык и опубликовал труд Михалона Литвина.

сейчас не имеем ни фотографии, ни самой картины, сделаем это, стало быть, позднее, с крохотной, разве, заметкой, поскольку не думаю, чтобы нашлось много что сказать. Эти предметы должны находиться у дяди [Константина Скимунта] или где-то в другом месте, о котором он знает, несколько слов объяснений могли бы ему послать, только бы он смог после возвращения, здоровым и со свободной мыслью заняться этими вещами. Знаем, уже от некоторого времени о его терпении, и с большим опасением и беспокойством, с верой в милосердие Божие, ждём известий из Варшавы.

Красиво благодарю Пана за снимок о банках из Атенеума, жалею, что такая короткая, статья о Мелузине не было в передаче, может, потерялась в дороге?

«Старым обычаем славян» говорит поэтесса. Древним обычаем Литвы – позволяю себе заметить, приношу Пану и его жене, как и уважаемой его матери, искренние пожелания. Удачных праздников и счастливого Нового года... Этот прошедший год был и останется свидетелем тяжелых замешательств в мыслях, судьбах и жизнях. Чтобы будущий был более светлым. С искренними пожеланиями и глубоким уважением.

Констанция Скимунт¹

Снова в письме писательница жалуется на недостаток своего образования для проведения исторических исследований, благодарит за возможность познакомиться с известным историко-этнографическим произведением эпохи Ренессанса «О нравах татар, литовцев и москвитян», автор которого Михалон Литвин. Обсуждается вопрос о неизвестном портрете великого поэта Адама Мицкевича, картиной владел один из дядей Констанции, наверно, Константин Скимунт.

30 января 1878

Альбрехтово

Любезный Пан Ян!

Перед выездом из Варшавы отправилась в редакцию «Католического обозрения» с вопросом, почему сократили и прекратили печатать Пана. Ответили мне, что цензура запретила дальнейшее печатание рецензии на произведение Дрэпера, и поэтому вещь не допечатали.

В ясном разуме действовала, предлагая Пану эти тетради известной критики, любезный Пан? Смешной было бы вещью вообразить себе, что могу переубедить Пана. От предположения та наивная мысль пусть же будет свободной. Но век наш славный, девятнадцатый век, является большим разделом и расстройством критики. Хотела Пану представить голос противоположной стороны, голос, который у Кирилла Католика является голосом и нашего общества, запрещающего, чтобы ему вырывали из сердца то, что имел и имеет лучшее в себе. Произведение Дрэпера дополнило эту деятельность, не смотреть в завтра, распространение этого произведения было бы насильем, нанесённым нашему национальному обществу. И так не можем дать ему полезнейших вещей? Разве ему не можем добавить настоящие научные завоевания или особенно те, которые имеют полные силы и самостоятельные научные дороги, и почти нетронутые области после этого?

Выбор мечтаний Дрэпера несомненно раскладывает произведение. Избирательно, чтобы он чем-то, когда бы заколебал и разрушал на куски страшную темноту и фанатизм, что является такой антитезой религии, как болезнь есть антитезой здоровью, – но не сама религия, так как с ней вместе должны неотвратимо развязаться все узлы общества. Хватит их уже, имеем развязанных, и защищаемся от тенденциозного курса (?) сверху всеми нашими силами.

Пусть эта пара слов объяснит мой шаг любезному Пану, и пусть вежливость и учтивость на то, что конечно с моей стороны есть объяснением и ответом.

С большим уважением и искренностью для Пана и его семьи пожелания.

Констанция Скимунт²

Это письмо показывает, что писательница была человеком с философским складом ума, и на равных с Яном Карловичем рассуждала на философские и религиозные темы.

8 марта 1878

Альбрехтово

Любезный Пан Ян!

¹ Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. Фонд Карловича. – Д. 156/n.4. – Л. 11.

² Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. Фонд Карловича. – Д. 156/n.4. – Л. 8.

Пусть Пан мне поверит скорее, одни обстоятельства от меня не зависящие, мешали мне до сих пор ответить, что собиралась сделать обязательно. Хотела Пана поблагодарить ранее, за любезные старания о названиях и замечаниях к моим произведениям, и профессора Бодонина очень благодарю за то, что мне было сделано, а хотя, прежде всего, Пану эта благодарность принадлежит, прошу о помещении нескольких слов в той мере и от меня и профессору Бодонину, который в цитированном предисловии захотел ко мне лично обратиться. Несколько слов там являются, конечно, излишеством, такие вещи для меня [неразборчиво], как бы гнездо ласточки под крышей (?). Конечно, множество питательного материала, нетронутого там ещё лежит. Но «обществу» свободно, хотя без только с надеждой применения – особенно, когда благожелательная помощь Пана в этом неожиданно мне содействовала и содействует. А какие произведения должна Пану отослать? Столько их у себя держу, очень прошу, пусть Пан захочет постепенного их возвращения. Всегда много их использовала, и это благодаря Пану.

Спрашивал меня Пан о результате моих стараний у Вуйцицкого, до сих пор ничего не принесли, поэтому по-прежнему успешно, не враждебно. Была у седоволосого литератора в указанное Паном время, принял любезно, хотя статейки ещё не знал; взял её уже у меня и после прочтения на секции, что должно было через два дня наступить, обещал сообщить мне почтой о решении редакции. До сих пор, однако, об этом не знаю, намериваюсь писать до пана Вуйцицкого с вопросом и просьбой, чтобы, в случае не принятия, отослали рукопись моей сестре.

В вопросе атлантического мудреца столько стоящего имею [неразборчиво], сколько философы-эпикурейцы роскошествующего Рима – что-то должна ответить Пану. Пан желает дальнейшей [неразборчиво], или только турнирной любезности. Так как лучше идти совместно в кровавый поход, чем в Шранках (?) тщётно крушить копьём иначе пером.

Если по-настоящему ищешь правды, разбрасывание дара может привести к противоположному. К чему-то, но, если сверху убеждены, что её искать нет потребности, что уже имеются неопишечные наши взгляды, то зачем звонок [неразборчиво] тщётных – бесплодный турнир и возвращение в лагеря? С какой целью, любезный Пан, желает дальнейшего разбрасывания, если постановил – свой писательский талант поставить на службу сторонников Дрэпера, его зёрна в Польше сеять? Если это будет непременно, зачем вёдем разговор? С нью-йоркскими идеями ничего не найдём общего, ведь имеем им противоположное.

Но касается меня упрёк со стороны Пана, что те идеи в оригинале сама лично не проверяла, что на то смотрю через чужие очки. На это могу ответить, что ведь в критиках так свежих, что в момент уточнения могут подчиниться, ситуацию фальсифицировать не дадут. Однако Пан желает, чтобы самого оратора узнала, его собственное произведение имела перед глазами, о нём получила совершенно независимое представление, Охотно, хотя будет это по определённо-му утверждению смотреть глазами, то же самое, что через правильные очки видели. Мелкие может услуги, а большой вред. Вопрос проверки моих очков наталкивается, однако, на свободное препятствие: по-английски не умею, Может Пан это произведение имеет по-французски или по-немецки. А если такое Пан прислать может, с моей стороны ничего не препятствует с ним познакомиться, сразу после возвращения книги смогу поделиться с Паном своими не повторными впечатлениями.

С действительным уважением и искренней благожелательностью.

Констанция Скимунт¹

Ян Карлович тогда увлекался идеями американского физика, философа и историка Джо Вильяма Дрэпера (1811-1882), даже перевел на польский язык книгу атлантического мудреца «История отношения веры к разуму», перевод которой издал в 1882 году. Дрэпер отвергал эффект божественного откровения. Констанция Скимунт, как глубоко верующая католичка, не могла воспринять такие идеи американского философа, пыталась спорить с Карловичем.

20 марта 1878

Любезный Пан!

Не могу сделать по-другому, как тотчас с удовлетворением выразить собственные чувства, и поблагодарить Пана за благожелательное, активное способствование моим мечтам о рукописи Онацевича. Конечно, скоро использую указание любезного Пана и поеду к этому порядочному пану Онацевичу в Петербург, чтобы напрямую у него что-то узнать, так как пан Пляттер давно предусмотрительно молчит по этому делу, и думаю, что не будет уклонения, если непосред-

¹ Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. Фонд Карловича. –Д. 156/п.4. – Л. 10.

ственно обращаюсь к однофамильцу упомянутого автора, ища такую вещь. Не будет, чтобы само [неразборчиво] его собрание и труды, и обязательно нашёл ту «историю», которая мне единственная подходит, но ещё пробовать нужно.

Благодарю Пана за присланную ведомость оборотов Шеметовского банка. Мысль о Шеметовщине приводит к невысказанным опасениям, что со стороны того, который ею руководил, столько сделал хорошего в своём круге и вне его. Плохо слышит, и всё больше тревога наша растёт.

Должно было к Пану прийти моё предшествующее письмо, написанное около 10 марта. Не повторяю потому касаться тех в нём вопросов. Развитие их или нет, в силе и желании. Пана [девушка] умерла (?).

Номер «Обозрения», который Пан хотел мне отослать, одновременно с вашим письмом получила.

Жене Пана и всей его семье, присоединяю излияния самой сердечной благожелательности. Остаюсь с большим уважением и искренней благодарностью.

Констанция Скимунт¹

Ян Карлович продолжал снабжать Констанцию Скимунт не только книгами, но и историческими документами. Она, наверно, хотела познакомиться с рукописью знаменитой «Истории Литвы» исследователя ВКЛ Игнатия Онацевича (1780-1845), с родственником которого писательница хотела встретиться в Петербурге.

Писательница очень любила брата своего отца – Константина Скимунта (1828-1880), который жил в имении Шеметовщина Свенцянского уезда Виленской губернии недалеко от имения Вишнево, где жил тогда Ян Карлович. «Константин известен как превосходный хозяин и гражданин, инициатор реформации сельского хозяйства (основал гарбарню, сахарный завод и маслобойню). Финансировал издательскую деятельность, выделял стипендии для бедных студентов, увлекался предметами старины и искусства»². В Шеметовщине было создано кредитное общество, в котором участвовали и местные крестьяне. Констанция называла это общество «Шеметовским банком». Из её письма видно, что кредитное общество испытывало тогда финансовые затруднения.

22 апреля 1878

Варшава

Любезный Пан Ян!

Известно Пану, что дядя Константин едет ближайшими днями в Шеметовщину; возвращается из своего болезненного путешествия по состоянию здоровья. Таким ослабленным, что при обыкновенном ходе вещей медицина уже нам указала на короткое время его тут существования.

Для этого дорогого нам человека приближается, таким образом, тот страшный момент расставания со всем, что его окружает, великий, единственный момент, неосознаваемый никем, пока тот не настанет, страшный через тайное скорое своё действие, чем никто из нас не проникся. Наука тогда бессильна, не способна удержать человека, ни сказать ему куда идёт, ни его успокоить, когда его сердце разрывается из-за жалости к жизни. Касается его самого над [неразборчиво]. Единым утешением в этот момент быть может и есть Вера. Если когда-нибудь искренне её имел человек в жизни, а если не разорвал этого узла с Божеством, если полностью не убил этого своего счастья, одно колебание доброй воли возвращает его в последней потребности, поднимает и делает, не как фантазии, а уверенность – дар и сила.

Поэтому прошу Пана сейчас всей силой привязанности, какую имею к дяде, и всем доверием, какое имею к Пану, хотелось, чтобы Пан ни одним, не явным, не молчаливым шагом не замедлили (?) его сближения до того несомненного утешения, над чем его семья в слезах будет работать.

Большая есть сила дружбы. Имеет Пан большое влияние на дядю. Влияние строится или пророческое (?). Смее умолять Пана: не делать ему ничего, чтобы ему было на века больно! Не только как приятельница умоляю Пана, приношу Ему эту просьбу со всем, что есть у него дорогое и святое в жизни.

Остаюсь для Пана с большим уважением и искренней благожелательностью.

¹ Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. Фонд Карловича. – Д. 156/n.4. – Л. 12.

² Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Федорук. – Минск, 2004. – С. 38.

Констанция Скимунт¹

Константин Скимунт основал Крестьянский банк в Шеметовщине вместе со своим соседом и родственником Яном Карловичем. Наверно, поэтому Констанция Скимунт умоляет знаменитого учёного не говорить с дядей об его возможных долгах и финансовых проблемах их детища, чтобы не приносить смертельно больному дяде Константину дополнительную боль.

26 августа 1878
Альбрехтово

Уважаемый Пан!

Извините Пан, что опоздала с ответом на панское письмо, полученное неделю назад. Отнюдь не уклоняюсь от предложенной мне почётной работы, вопрос же в том: смогу ли я её выполнить, является для меня самой сильно интригующим вопросом. Всё-таки искренне и с желанием берусь за работу, не ручаясь ни перед кем-нибудь, ни перед собой за результат.

Прочитала почти без пропусков первый том, который Пан к своему произведению выбрал. Сделала это единственно для того убеждения, что произведение нужно знать в целом, чтобы можно было судить о его части. Прочитала разделы о языке, мифологии, обычаях, песнях, пословицах и т.д., приступила к вступлению в историю, уже есть первые результаты в преодолении вступления в неё. Это относится уже к содержанию второго тома, и очень желала бы, чтобы это включить могла в моё произведение. Пусть Пан захочет мне это объяснить и убедить. Желала бы иметь страницы от 14 до 21 первого тома, и от 426 до конца этого же тома. После завтра берусь за 2-й том. Приложу все усилия, чтобы окончить работу в сроки, определенные Паном, так как это – конец октября, если же вещь понравится и будет принята, единственно только к начальным буквам в подписи имею претензию – не исполняя ни в каком случае роли Филиппа из конопля. Такую только смогла бы сыграть сама перед собой, со всеми для автора снисходительностью, если мне придётся рукопись спрятать в ящике письменного стола.

Остаюсь с настоящей и уважительной благожелательностью.

Констанция Скимунт²

Из письма видно, что писательница помогала Яна Карловичу в подготовке его солидного двухтомного труда, наверно, книги «Предания, саги и мифология Жмуди», изданной на немецком языке в 1880 году. Возможно, что в результате совместной работы между ними возникли разногласия, и поэтому сотрудничество прекратилось, а переписка оборвалась. На наш взгляд, нужно исследовать вопрос о научном сотрудничестве Яна Карловича и Констанции Скимунт, о влиянии научных идей учёного на творчество писательницы.

Констанция Скимунт переписывалась продолжительное время и с великой польской писательницей Элизой Ожешко, которая в 1885 году посетила пинский «Мур» и его хозяек, где её поразила галерея старинных семейных портретов Скимунтов, Орд и Бутримовичей. Констанция искала в Элизе Ожешко духовного наставника в такое тяжёлое для польского общества время.

Довольно рано Констанция Скимунт стала горячей патриоткой исторической Литвы. Может на это повлияло то, что Скимунты выводили свой род от князей языческой Литвы? Так, в конце XIX века Пинск, как не парадоксально, становится и центром литовской культуры. В 1870 году под влиянием своей дочери Констанции скульптор Елена Скимунт создает бюсты великих князей литовских Миндовга и Гедимина. А Констанция Скимунт поставила перед собой задачу воссоздать полную историю Великого Княжества Литовского. Однако только три тома её исторической эпопеи были изданы. «В 1886 году появился её первый труд «История Литвы, рассказанная в очерке» (Краков). Критически там писала о Ягайло, однако восхваляла Витовта и его достижения. Утверждала, что на положение ВКЛ неблагоприятно влияло чрезмерное подчинение Польше. В последующие годы выдала трёхтомный цикл: «Из древнейших времен литовского племени» (Краков 1892, 2-е изд. под названием «Над Неманом и над Балтикой на заре истории», Варшава 1897), «Предания. Времена до Миндовга. История древней Пруссии» (Варшава 1903), «Миндовг – король Литвы» (Варшава 1909). Труды Скимунт, написанные интересно и доступно, пользовались значительной популярностью. «История Литвы ...» была переведена на французский язык (Париж

¹ Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. Фонд Карловича. – Д. 156/п.4. – Л. 13.

² Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника. Фонд Карловича. – Д. 156/п.4. – Л. 16.

1905)»¹. Дальнейшей работе помешала тяжелая болезнь. Все её исторические труды были переведены на литовский язык и пользовались в Литве большой популярностью.

Известный историк-краевед Александр Ельский предлагал Констанции Скимунт написать книгу про Беларусь – для простых людей. В ответном письме она отказалась от этого предложения. «Другі ліст ад 22 верасня 1906 г. паведамляе аб намеры К. Скірмунт скласці «сухі, акадэмічны» нарыс гісторыі Беларусі і аб яе гістарычнай канцэпцыі. Пачатак нашай гісторыі аўтарка ліста выводзіць да Усяслава Чарадзея. «Паводле майго меркавання, – піша яна, – братства нашае (Польшча, Русь і крыху далей размешчаная Літва) з’яўляецца перш за ўсё праславянскім (у Беларусь не веру, гэта гэта яшчэ не даказана, а можа і прыцягнута), затым Літва абараняе Русь і Беларусь, ужо хрысціянскую – ад манголаў, а Польшча яе цывілізуе ...». Дарэчы, гэтая канцэпцыя была распрацавана Канстацыяй Скірмунт яшчэ ў першых яе работах – «Nad Niemnem i nad Bałtykiem» і «Dzieje Litwy»»². Наверно, тяжелая болезнь не позволила ей реализовать интересный проект написания *Истории Беларуси*.

В начале XX века оживляется польское национальное движение в Пинске. В 1901 году дядя Констанции, поречский помещик Александр Скимунт (1830-1900), основывает Полесское окружное сельскохозяйственное общество, а в 1903 году – Общество взаимного кредита полесских землевладельцев³. Оба общества располагались во дворце Констанции Скимунт, который стал центром национально-культурной работы, где собирались и совещались по вопросам спасения католицизма и польской культуры. «Констанция Скимунт вместе со своей приятельницей Курженецкой хотели войти в правление этих двух организаций, но не были приняты, так как устав не предусматривал участие женщин. Как феминистки и эмансипантки, они почувствовали себя очень обиженными этим и основали, субсидированную [Констанцией] Скимунт, собственную «Кредитно-сберегательную кассу». Однако это учреждение, как чересчур феминистическое, не нашло поддержки в современном обществе и существовало очень коротко»⁴.

В это же время Констанция Скимунт занялась и политической деятельностью: вместе со своим двоюродным братом Романом Скимунтом (1868-1939) была организатором и идеологом так называемого движения «краёвцев». Историк Александр Смоленчук подробно исследует политическую и публицистическую деятельность Констанции Скимунт, её отношение к польской и литовской культурам. «Звяртаючыся да шляхты, яна заклікала не адракацца ад польскай, а «фактычна польска-літоўскай культуры», а збліжацца з літоўскім людам і вывучаць ягоную мову. Даследчыца падкрэслівала важнасць ведання шляхтай былога ВКЛ гісторыі роднага краю, якая сведчыць пра яе мясцовыя карані і пра тое, што дамінаванне польскай мовы было абумоўлена пэўнымі заканамернасцямі гістарычнага развіцця. К. Скірмунт абвясціла сваю прыналежнасць да старажытнай літоўскай шляхты, якая здолела захаваць сувязь з народам. Польская мова, паводле яе прызнання, зусім не перашкаджае любіць літоўскую нацыянальнасць і ганарыцца ўласнай прыналежнасцю да яе»⁵.

Российские чиновники называли Констанцию Скимунт и жившую вместе с ней подругу Жозефину Курженецкую – «эти проклятые две патриотки». Перед их активностью не устоял даже премьер-министр Пётр Столыпин. Констанция и Жозефина смогли добиться у него возвращения католикам здания костела бывшего бенедиктинского монастыря в местечке Городище под Пинском, которое уже было продано на слом⁶.

В 1902 году было создано Пинское римско-католическое приходское благотворительное общество. И тут Констанция не осталась в стороне: в начале его работы являлась казначеем. Наверно, не без её влияния это общество выделяло значительные суммы на содержание тайных польских школ. Констанция Скимунт и её подруга Юзефа Курженецкая активно занимались созданием

¹ Łossowski, P. Skirmunttówna (Skirmuntt) Konstancja / P. Łossowski // Polski Słownik Biograficzny. T. XXXVIII/2. Z. 157. – Warszawa-Kraków, 1998. – S. 189.

² Сяльверстава-Куль, С. Беларуская калекцыя Аляксандра Ельскага ў фондах Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве / С. Сяльверстава-Куль // Замежная архіўная беларусіка. – Мінск, 1998. – С. 257.

³ Ильин А.Л. Из дореволюционной истории банковских и кредитных учреждений Пинска / А.Л. Ильин, Е.А. Игнатюк // Развитие банковского сектора экономики и совершенствование подготовки банковских специалистов. – Пинск, 2004. – С. 139.

⁴ Życka, L. Działalność popowstaniowa polaków na ziemi Mińskiej / L. Życka, M. Łęska. – Warszawa, 1939. – S. 279.

⁵ Смелянчук, А. Памыж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй / А. Смелянчук. – Санкт-Пецярбург, 2004. – С.132, 133.

⁶ Нікалаеў, М. Партрэт у Гарадышчанскім касцёле / М. Нікалаеў // Arche. – 2004. – № 1. – С. 118-125.

таких школ в Пинске и его окрестностях, в которых учились около 500 детей. Способность подруг организовывать тайные польские школы, вопреки пристальному полицейскому надзору, была доведена ими до совершенства. К этой деятельности они привлекли профессионального педагога Марию Горнич – вдову врача в повстанческом отряде Траугутта.

Более подробно об организации ими тайных школ в Пинске рассказывают документы, найденные в Национальном историческом архиве Беларуси в Минске.

Обвинительный акт дворянкам Констанции Казимировой Скирмунт, Жозефине Викторовой Курженецкой и Марии Викентьевой Горнич.

В апреле месяце 1907 года полицейскими властями гор. Пинска были получены сведения о том, что на Петербургской улице в доме Микульского существует без разрешения учебного начальства польская школа для обучения детей с тремя отделениями.

Заведующий домами Микульского Иосиф Докторович на полицейском дознании, а затем на предварительном следствии показал, что в октябре месяце 1906 года жительница гор. Пинска Констанция Скирмунт наняла у него одну квартиру, в которой была устроена школа для детей, преимущественно девочек. Из объяснений Констанции Скирмунт, Жозефины Курженецкой и Марии Горнич, данных на дознании полицейскому чиновнику Саковичу оказалось, что, задумав устроить школу для приготовления бедных детей-католиков к исповеди, Скирмунт наняла квартиру в доме Микульского и предоставила её под школу, а Курженецкая возбудила ходатайство пред учебным начальством о разрешении открыть школу; затем, не дожидаясь разрешения, Курженецкая собрала 30 детей и начала обучать их молитвам: в помощь к себе она пригласила Марию Горнич, которая, кроме молитв, объясняла детям начальные понятия из арифметики, священной истории и географии.

При допросе на следствии в качестве обвиняемых дворянки Констанция Скирмунт, Жозефина Курженецкая и Мария Горнич не признавали себя виновными в устройстве школы без разрешения начальства и объяснили: Скирмунт, что она действительно наняла по просьбе Курженецкой помещение для школы, но в обучении детей никакого участия не принимала и в школу за время её существования ни разу не заходила; Курженецкая же и Горнич рассказывали, что они действительно устроили школу для обучения детей, не получив на то надлежащего разрешения, и что в этой школе они преподавали на польском языке детям Закон Божий, начала арифметики, священной истории и географии.

Из сообщения Директора народных училищ Минской губернии на имя Судебного Следователя оказалось, что разрешение на устройство польской школы в Пинске не выдавалось ни Констанции Скирмунт, ни Жозефине Курженецкой.

На основании изложенного дворянки Минской губернии Констанция Казимирова Скирмунт, 59 лет, Жозефина Викторова Курженецкая, 58 лет, и дворянка Киевской губ. Марья Викентьева Горнич, 46 лет, обвиняются в том, что в октябре месяце 1904 года они по взаимному между собой соглашению устроили в гор. Пинске без надлежащего разрешения начальства школу для обучения детей, причём Скирмунт для этой школы наняла соответственное помещение, а Курженецкая и Горнич обучали детей, не получив надлежащего по закону свидетельства о необходимых для того знаниях, т.е. в преступлении, предусмотренном 13. 1049 и 1051 статей Уложения о наказаниях.

Вследствие сего и на основании 200 ст. Уст. Угол. Суд дворянки Констанция Скирмунт, Жозефина Курженецкая и Мария Горнич подлежат суду Минского Окружного Суда без участия присяжных заседателей.

Составлен марта 30 дня 1911 года в городе Пинске.

Товарищ Прокурора¹

подпись

Судили Констанцию Скирмунт и её подруг только через 4 года после обнаружения тайной польской школы. За такое продолжительное время можно много деталей и забыть.

Я не признаю себя виновной в том, что в 1906 году в городе Пинске в доме Микульского открыла, не получив надлежащего разрешения от начальства, школу для обучения детей католического вероисповедования и в оправдание свое показываю: действительно по просьбе своей знакомой Жозефины Курженецкой я осенью 1906 года наняла помещение в доме Микульского по Петербургской улице для того, чтобы там готовить детей Закону Божьему и к исповеди. Курженецкая тогда [неразборчиво] и я по просьбе се наняла помещение и написала контракт с

¹ НИАБМ. – Фонд 183. – Оп. 2. – Д. 23054. – Л. 2.

Управляющим домами Микульского на это помещение. Я знала, что на эту школу еще разрешения не было дано, но уже хлопотали пред начальством об открытии. После заключения контракта на это помещение я в это помещение ни разу потом не ходила и не знаю, сколько было там учеников и как там шло обучение.

Мне было сказано, что помещение это нанять нужно для детей, неуспевших [научиться] грамоте, для приготовления к Закону Божьему и к исповеди. Большие я ничего не могу сказать в свое оправдание.

Констанция Скирмунт¹

В июле 1911 года полиция расследовала ещё одно дело об открытии подругами другой тайной польской школы.

Объяснительный акт о дворянках Марии Викентьевой Горнич и Жозефине Викторовой Курженецкой.

2 апреля 1908 года проживающий в гор. Пинске ротмистр отдельного корпуса жандармов Шульц, на основании полученных им сведений, произвел обыск в доме Чеснока, причем обнаружил в этом доме тайную польскую школу; в трех комнатах были найдены 43 парты для 86 учеников, классная доска, а в четвертой комнате, по-видимому, учительской, оказались кипы тетрадей с ученическими работами, учебники и расписание классных занятий: часть учебников были на русском языке, а часть на польском. В квартире оказалась Станислава Кожуховская, которая объяснила ротмистру, что школу эту устроила дворянка Мария Горнич, которая и преподает в ней детям бедных родителей начальные понятия веры и учит их грамоте. Сама же Кожуховская нанята в эту школу только для заведования хозяйственной частью и наблюдением за чистотой. Спрошенный на предварительном следствии полицейский чиновник Сакович рассказал, что Мария Горнич на дознании называла себя учительницей этой школы и говорила, что она преподаст русский и польский языки и начала арифметики, и что школа открыта с осени 1907 года без разрешения властей.

Привлеченная к следствию в качестве обвиняемой в устройстве школы без разрешения установленных властей, двор. Мария Горнич, хотя и не признала себя виновной в этом преступлении, но рассказала, что осенью 1907 года она устроила в доме Чеснока школу для обучения детей бедных поляков, причем обучение велось исключительно на польском языке и преподавались начала Закона Божия, естествоведения и арифметики; обучение вела исключительно сама обвиняемая; ходатайство о разрешении на открытие этой школы обвиняемая возбуждала в Виленском учебном округе, но не помнит, получила оттуда ответ или нет. При найме помещения домовладелец Чеснок не пожелал сдавать его Марии Горнич, потому она попросила Жозефину Курженецкую нанять это помещение для школы, что Курженецкая и исполнила.

Двор. Жозефина Курженецкая при допросе на следствии в качестве обвиняемой в содействии устройству тайной польской школы, не признавая себя виновной в этом преступлении, объяснила, что действительно это она заключила арендный договор с Чесноком о найме его дома под школу, и что при этом она знала, что будет открыта польская школа, но сама в ней не преподавала.

На основании изложенного потомственные дворянки Киевской губернии Мария Викентьева Агофонова Горнич, 46 лет, и Минской губернии Жозефина Викторова Курженецкая, 58 лет, обвиняются и том, что в сентябре месяце 1907 года они без надлежащего разрешения установленных властей открыли в Пинске польскую школу, причем Горнич в этой школе преподавала детям на польском языке начала грамоты, Закон Божий и арифметику, а Курженецкая содействовала устройству этой школы тем, что наняла для устройства её помещение в доме Чеснока: означенное преступление предусмотрено 1049 и 1051 ст. Улож. о наказ.

Вследствие сего и согласно 200 ст. Уст. Угол. Суд дворянки Мария Горнич и Жозефина Курженецкая подлежат суду Минского окружного Суда без участия присяжных заседателей.

*Составлен июля 21 дня 1911 года в городе Пинске
Товарищ Прокурора²*

Подпись

Уголовное преследование Констанции Скирмунт с учётом её тяжелой болезни было прекращено.

¹ НИАБМ. – Фонд 183. – Оп. 2. – Д. 23054. – Л. 180.

² НИАБМ. – Фонд 183. – Оп. 2. – Д. 23054. – Л. 167.

Заключение

О прекращении уголовного преследования дворянки Констанции Казимировой Скирмунт, обвиняемой по 1049 и 1052 ст. Улож. о наказ.:

Согласно постановлению Судебного Следователя 3 уч. Пинского Уезда от 27 января 1911 года дворянка Констанция Казимирова Скирмунт была привлечена в качестве обвиняемой в том, что в сентябре месяце 1907 года они содействовали открытию и устройству в гор. Пинске польской школы без разрешения установленной власти, наняв для этой школы помещение в доме Чеснока, т.е. в совершении преступления, предусмотренного 1049 ст. Улож. о наказ. Не признавая себя виновной в этом преступлении, обвиняемая Скирмунт объяснила, что она не нанимала у Чеснока дома под школу, таковой был нанят Жозефиной Курженецкой, сама-же Скирмунт никакого отношения к этой школе не имела.

Основанием для привлечения Скирмунт и качестве обвиняемой послужило показание свидетеля Чеснока, который сказал, что дом у него был нанят Констанцией Скирмунт, и в доме последней он получил арендную плату. Однако при вторичном допросе Чеснок заявил, что он за давностью не помнит, кто именно нанимал у него дом под школу и в лицо опознать, Скирмунт или Курженецкая заключили с ним договор, он не может.

Вторая обвиняемая по сему делу Мария Горнич при допросе, между прочим, показала, что дом для школы, где она преподавала, был нанят Жозефиной Курженецкой. В виду этих данных Курженецкая была привлечена к следствию в качестве обвиняемой и при допросе объяснила, что дом у Чеснока для школы нанимала она, а не Констанция Скирмунт.

Принимая во внимание изложенное, и имея в виду, что предъявленное к обвиняемой Констанции Скирмунт на предварительном следствии было опровергнуто, я полагаю - бы: 1) уголовное преследование двор. Констанции Скирмунт по настоящему делу дальнейшим производством прекратить, отменив принятую против нея меру пресечения способов уклонения от следствия и суда – подписку о не отлучке; 2) в отношении же обвиняемых Марии Горнич и Жозефины Курженецкой дать настоящему делу дальнейшее законное направление согласно с выводами прилагаемого при сем обвинительного акта.

Настоящее заключение на основании 522 и 523 ст. Уст. Угол. Суд подлежит рассмотрению Минского Окружного Суда.

Составлено июля 21 дня 1911 года в городе Пинске
Товарищ Прокурора¹

подпись

11 февраля 1912 года был объявлен приговор за создание школы в доме Чеснока: Курженецкую оштрафовать на 10 рублей, а в случае несостоятельности заменить арестом в тюрьме на 2 дня. Горнич оштрафовать на 25 рублей, а в случае несостоятельности заменить тюремным арестом на 5 дней.

В ноябре 1912 года в Пинске состоялся еще один судебный процесс над подругами, но уже за создание ими тайной польской школы в доме Микульского.

Свидетельство

Дано сие Констанции Казимировне Скирмунт в том, что она страдает неизлечимым подагрическим воспалением обоих коленных суставов. Коленные суставы сильно опухшие, болезненны и неподвижны, вследствие чего К. Скирмунт лишена возможности ходить и по сему сего 19-30 ноября (1912 года) не может явиться в судебное заседание Минского Окружного Суда в Пинске в качестве обвиняемой. В чем собственно ручаюсь, подписав и приложившем именною печати удостоверяю.

г. Пинск ноябрь 17-го дня 1912 года.

Врач С.А. Скулевский²

19 ноября 1912 года был вынесен приговор. По приговору – К. Скирмунт оправдана, Курженецкая и Горнич признаны виновными и приговорены к 5 руб. штрафа каждая, а в случае неуплаты штрафа – к 2 дням тюрьмы. Интересны полицейские протоколы, заведённые на трёх мужественных женщин:

Протокол

¹ НИАБМ. – Фонд 183. – Оп. 2. – Д. 23055. – Л. 4.

² НИАБМ. – Фонд 183. – Оп. 2. – Д. 23054. – Л. 109.

1911 года февраля 28 дня г. Пинска И. д. Судебного Следователя Минского окружного суда 2-участка Пинского уезда

- 1) Имя, отчество, фамилия и прочее *Констанция Казимиrowa Скирмунт*
- 2) Возраст *59 лет*
- 3) Место рождения и крещения *Пинский уезд, имение Колодное*
- 4) Место приписки *Минское Депутатское собрание дворянка*
- 5) Место жительства *г. Пинск, собствен. дом*
- 6) Звание *дворянка*
- 7) Рождение *законное*
- 8) Религия *р. католическая*
- 9) Народность и племя *полька*
- 10) Образование *Калишский пансион и Дрезденское част. училище*
- 11) Семейное положение: *Девуца*
- 12) Занятие или ремесло *Живу при доме*
- 13) Степень имущественного обеспечения *дом с плацом*
- 14) Особых примет *не имею*
- 15) К потерпевшим от преступления в особых отношениях *не состою*
- 16) Отбыл ли воинскую повинность –
- 17) Судимость –

Протокол

1911 года февраля 28 дня г. Пинска И. д. Судебного Следователя Минского окружного суда 2-участка Пинского уезда

- 1) Имя, отчество, фамилия и прочее *Жозефина Викторовна Курженецкая*
- 2) Возраст *58 лет*
- 3) Место рождения *имение Дубой Бродницкой вол.*
- 4) Место приписки *дворянка Минской губ.*
- 5) Место жительства *г. Пинск*
- 6) Звание *Дворянка*
- 7) Рождение *законное*
- 8) Религия *р. католическая*
- 9) Народность и племя *полька*
- 10) Образование *Домашнего обучалась в частном пансионе 6 классов*
- 11) Семейное положение: *Девуца*
- 12) Занятие или ремесло *служу при агенстве взаим. общества*
- 13) Степень имущественного обеспечения *нет*
- 14) Особых примет *не имею*
- 15) К потерпевшим от преступления в особых отношениях *не состою*
- 16) Отбыл ли воинскую повинность –
- 17) Судимость *не судилась¹*

Протокол

1911 года февраля 28 дня г. Пинска И. д. Судебного Следователя Минского окружного суда 2-участка Пинского уезда

- 1) Имя, отчество, фамилия и прочее *Мария Викентьевна Горнич (Витославская по отцу)*
- 2) Возраст *46 лет*
- 3) Место рождения *г. Киев*
- 4) Место приписки *г. Киев Киевское депутатское Собрание*
- 5) Место жительства *село Бережница, Заславского Уезда, Волынской губ.*
- 6) Звание *Дворянка*
- 7) Рождение *законное*
- 8) Религия *р. католическая*
- 9) Народность и племя *полька*
- 10) Образование *Окончила Киевскую гимназию*
- 11) Семейное положение *вдова врача*
- 12) Занятие или ремесло *гувернантка*
- 13) Степень имущественного обеспечения *нет*

¹ НИАБМ. – Фонд 183. – Оп. 2. – Д. 23054. – Л. 170..

- 14) Особых примет *нет*
 15) К потерпевшим от преступления в особых отношениях *не состояю*
 16) Отбыл ли воинскую повинность –
 17) Судимость *не судилась*¹

Православный священник Дмитрий Павский (1874-1937), в 2000 году объявленный новомучеником и праведником русским, так описывал деятельность пинской тайной польской школы: «Пинский уездный наблюдатель докладывал отношением от 21 марта 1907 года: «Мною вместе с г. Инспектором народных училищ открыта в Пинске в доме Микульского по Петербургской улице, тайная польская школа. В этой школе при 120 учащихся три отдельные комнаты. В первой комнате учит детей г-жа Гульдинович [наверно, Горнич – Авт.], во второй – г-жа Шапличская [наверно, Курженецкая. – Авт.], а в третьей г-жа Скирмунт. На вопрос г. Инспектора, что здесь делается, Гульдинович ответила, что они по поручению польского священника учат детей молиться Богу. Оказывается, что здесь вполне благоустроенная школа. Из расписания уроков, которое тут же на стене висит, видно, что здесь преподаются – русский язык, арифметика география, история и другие предметы. На мой вопрос к учительницам, кто разрешил открыть эту школу, та же Гульдинович ответила, что еще нет разрешения, но она надеется, что таковое скоро будет от министра»².

Действительно, их подруга Леонтина Орда (1859-1947) направила ходатайство на имя попечителя Виленского учебного округа. Отметим, что уроки рукоделия в этой школе вели Владислава Лещинская и Анна Трусинская. Во время обыска у Марии Горнич изъяли 72 книги (31 – на русском и 41 – на польском языке). Полицейские отметили, что одна польская учебная книга без названия. Сделаем предположение, что это был загадочный «Русински лементар», который был издан как раз в 1907 году (предположительно, в Львове) на полесском говоре под псевдонимом «Старый господар». Всё указывает на то, что этот букварь был издан на деньги Романа Скирмунта – «хозяина» Пинского Полесья. Дмитрий Павский писал: «В имении Поречье помещиком Скирмунтом открыта школа, которая заполняется детьми исключительно православных рабочих местной суконной фабрики. Обучение в школе ведется на русском и польском языках»³.

Выдвинем версию, что преподавание там велось на русинском (полесском говоре) и польском языках. Авторы букваря (в нем использовался латинский алфавит в польском варианте, и специалисты могли его принять за польский учебник) до сих пор неизвестны. Белорусский деятель Александр Власов считал, что букварь написал Роман Скирмунт⁴. Известный польский деятель, пинский помещик Ежи Осмоловский писал в своих воспоминаниях, что «в период относительной свободы в царской России от 1905 года до революции 1917 года богатой семьёй Скирмунтов велась культурно-просветительская деятельность, пропагандирующая этническую обособленность местного населения от русских и развития местного говора. В этой деятельности, которой руководила известная в польской и литовской литературе Констанция Скирмунт, значительное личное участие в написании брошюр и рассказов для народа и издании букваря принял Роман Скирмунт»⁵. Белорусский писатель Сергей Хмара (1905 – 1992), который в 20-е годы работал в Пинске, позднее писал: «Характэрна, што справа стварэння з паляшukoў асобнага «польскага племені» на ўзор «gorali tatrzańskich» ня новая. Аказваецца, што падобныя спробы адбываліся трохі і раней. Переда мной «Лемэнтар» для паляшukoў, выданы яшчэ ў 1907 годзі. Уступ надрукованы, як і ўвесь лемэнтар лацінкаю і украінскаю абэцэдаю на дыялекце Паўночнае Піншчыны. (...) Гэты лемэнтар калісьці распаўсюджвалі ксяндзы і паны па сёлах Піншчыны. Зьявішча натуральнае, бо лемэнтар быў выданы коштам абшарніцы Канстанцыі Скірмунт»⁶. Через восемь лет он уже писал немного иначе: «Мясцовыя польскія абшарнікі, як Скірмунт і іншыя, выдаюць тайна за мяжою у

¹ НИАБМ. – Фонд 183. – Оп. 2. – Д. 23055. – Л. 2.

² Павский, Д. О польских тайных школах // Труды съезда представителей западнорусских православных братств / Д. Павский. – Минск, 1908. – С. 109.

³ Павский, Д. О польских тайных школах // Труды съезда представителей западнорусских православных братств / Д. Павский. – Минск, 1908. – С. 109.

⁴ Уласаў, А. Дні жыцця / А. Уласаў // Памяць. Пінск. –Мінск, 1998. –С. 157.

⁵ Osmałowski, J. Wspomnienia z lat 1914-1921. / J. Osmałowski. – Rękopis Biblioteki Jagiellońskiej w Krakowie. Nr. 9819. – S. 690.

⁶ Пінскі, С. Палесьсе / С. Пінскі // Беларуская крыніца. – 1936. – № 43.

1907 г. гэтак званы «Русінскы Лемэнтар», напісаны Язэпай Кужэнецкай з Пінска, польскай нацыяналісткай»¹.

Можно предположить, что над букварем работали три подруги: Констанция Скимунт, Жозефина Курженецкая и Мария Горнич, с главной ролью Курженецкой. Поскольку в букваре используются украинские буквы, то можно сделать вывод о значительном участии в его создании и Марии Горнич, которая родилась и выросла в Украине. Можно предположить также, что Констанция Скимунт делала нехитrostные рисунки к «Русінскому лементару». Интересно предисловие к букварю, раскрывающее идеологию его авторов:

ПРЕДМОВА

На том лементарі повинни учитися читати всі Полешуки, бо їх мова кришку ініша як Українська або Білоруська, так в своїй мові повинни наупері научитися читати, писати, раховати і Бога хвалити.

Етий лементар писан двоякими знаками, то єст литерами: на этой сторони литеры латински, а на тамтой російски. Латинскими литерами пишуть всі народи на світи: французи, англики, поляки, німци, американци і ініши – російскими только росіяни, то єсть москалі, і булгари. Хто знає латински литеры, тому легче і заграничної мови научитися.

Так ви брати Полешуки вибирайте сами яки литеры вам ліпи сподобаютса і тими учитесь читати і писати.

Помагай Боже!

Констанция Скимунт интересовалась жизнью не только простого литовского народа, но и бедных полешуков, которые находились на такой низкой ступени национального самосознания, что называли себя «тутэйшымі». Писательница защищала понятие «тутэйшасці» от насмешек национальных демократов: «Тутэйшасць – гэта сувязь з роднай зямлёю, гэта патрыятызм». У пэўным сэнсе «тутэйшасць» была краёвасцю шырокіх мас насельніцтва². В статьях она призывала украинцев и белорусов использовать в своих учебниках латинский алфавит. Активная деятельность подруг не оказалась безрезультатной: вскоре в Пинской женской гимназии стали преподавать польский язык. Писательница не была богатым человеком: имения её родителей были конфискованы. Однако значительную часть своих средств она отдавала на общественные нужды. Все-таки денег не хватало, и в 1913 году она продает городскому земству здание, построенное в стиле классицизма, возле «Мура». Когда началась первая мировая война, в здании реального училища, которое, кстати, спроектировал её отец Казимир Скимунт, разместился военный госпиталь. А само училище переехало в скимунтовский дворец.

В августе 1915 года немецкие войска вступают в Пинск. Местное польское общество во главе с Констанцией Скимунт создаёт Комитет спасения³, в который входят ксёндз Казимир Букраба, Леонтина Орда, Станислав Свежинский, доктор Станислав Скупевский⁴ и др. Этот комитет устанавливает контакт с Опекунским Советом в Варшаве и получает через местную немецкую комендатуру деньги, продукты и одежду.

Благодаря поддержке немецких оккупационных властей, удалось в 1916 году организовать польскую четырехклассную гимназию, руководителем которой стала Мария Горнич.

Молодовские Скимунты

Род Скимунтов много сделал для развития экономики и культуры Полесья. Причем начинателем промышленного развития Пинщины был Александр Скимунт (1798-1870), получивший прекрасное образование. Он в 1818 году окончил физико-математический факультет Виленского университета. В своем родовом имении Молодово Александр Скимунт стал создавать один из очагов польской культуры, в первую очередь, собирать библиотеку, содержащую природоведческую, техническую, историческую и художественную литературу. Для библиотеки во дворце была отведена специальная комната. Известно, что его сын – Генрик Скимунт (1834-1918) в 1858 году выпускал популярный тогда литературно-исторический журнал «Тека виленська», который издавал историк Адам Киркор. Этот журнал был рупором литвинского патриотизма виленского интеллектуального кружка, в недрах которого вызревала белорусская национальная идея. Этим литвинским патриотизмом был заражен и Александр Скимунт, который хорошо помнил о литовских корнях

¹ С.Х. Пінск / С.Х. // Слонімска Газета. 1944. – № 19.

² Смелянчук, А. Памыж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй / А. Смелянчук. – Санкт-Пецярбург, 2004. – С.129.

³ Śliwiński, F. Gimnazjum państwowe w Pińsku / F. Śliwiński. – Pińsk, 1930. – S. 9.

⁴ Станислав Скупевский (1853-1920) – пинский доктор и польский деятель.

своего рода. Поэтому он скрупулёзно собирал семейный архив, особенно то, что касалось литовского происхождения рода Скимунтов (герба Дуб). Неслучайно, что Александр Скимунт был одним из попечителей Виленского музея древностей¹, руководителем которого являлся граф Евстафий Тышкевич, а идеологом – Адам Киркор. В начале XX века лидерами краёвого движения стали его внуки: Роман, Констанция и Константин Скимунты, а первый – председателем правительства БНР.

После смерти Александра Шимоновича Скимунта в 1870 году его имения были разделены между шестью его сыновьями: Молодово досталось четвертому сыну – Генрику, а соседнее имение Поречье с суконной фабрикой и сахарным заводом – третьему сыну – Александру Скимунту (1830-1909). В Поречье одно из фабричных зданий было перестроено в усадебный дом, и в новой резиденции поселился Александр Александрович Скимунт, где активно занялся хозяйственной деятельностью. Думается, что молодовская библиотека была разделена: художественная и историческая часть осталась в Молодово, а научно-техническую часть перевезли в Поречье. Кроме того, Александр Александрович Скимунт, возможно, забрал в Поречье и часть семейного архива.

Вскоре владельцу Молодова Генрику Александровичу Скимунту в управлении имением стал помогать младший сын Генрик Скимунт (1868-1939) – известный польский поэт и композитор. Он «учился в немецкой гимназии в Либаве [сейчас Лиепая в Латвии. – Авт.] В 1884 г. поступил в Петербургскую консерваторию (между прочим фортепьяно изучал у Вольфа, позже у Антона Рубинштейна², гармонию и контрапункт у Н. Соловьёва³). После выехал в Париж для продолжения музыкального образования. Был учеником А. Жедальжа⁴ и Ж. Массне⁵. Для углубления и обобщения знаний изучал контрпункт у Зигмунта Носковского⁶ в Варшаве. В 1898 г. напечатаны были в Варшаве его песни на собственные слова, опубликованные в цикле «Из стихов и песен Генрика Скимунта», а также на слова Люцияна Рыдля⁷, Марии Конопницкой⁸ и Зофьи Мрозовицкой⁹. В том же году за границей вышли его музыкальные композиции на слова П. Ронсара¹⁰, П. Верлена¹¹ и С. Прюдомма¹². Его песни исполнялись певцами такого класса как Янина Королевич-Вайда¹³ и Саломея Крушельницкая¹⁴. В 1899 г. окончил либретто к опере «Пан Володыевский» (издано в Варшаве в 1900 г. как приложение до «Слова», издание 2-е и 3-е в 1902 г. в Варшаве и Львове), основанное на романе Генрика Сенкевича, а также частично сочинённую к нему музыку. В 1899 г. представил Генрику Сенкевичу либретто и сыграл на фортепьяно музыку к опере, которую писатель оценил положительно. В 1899 г. [Сенкевич] опубликовал в [журнале] «Край» три стиха Скимунта с заметкой об авторе под названием «Новый поэт». Фрагменты «Пана Володыевского» были публично исполнены в Варшаве на благотворительных концертах и в Швейцарии.

В июне 1900 г. «Край» сообщил об обручении Скимунта с Иреной Пузына¹⁵, будущим депутатом Сейма независимой Польши. Распад этого обручения отразился на жизни и творчестве Скимунта, который в своих стихах стал избегать эротичных мотивов, а в либретто опер подчёркивал превосходство обязательств перед Богом и Отечеством над стремлением к личному счастью. Премьера «Пана Володыевского» состоялась 21 марта 1902 г. в городском театре в Львове. Рецензии были сдержанные. Не разочарованный этим, Скимунт приступил к работе над музыкой к опере «Возвращение сказки», к которой ещё раньше написал либретто. Её действие разыгрывается в XII веке во время крестовых походов и представляет непрестанную погоню человечества за счастьем.

¹ Каханоўскі Г. Руплівец нашай старасветчены / Г. Каханоўскі, А. Каханоўскі. – Мінск., 1991. – С. 31.

² Антон Рубинштейн (1829-1894) – русский композитор, пианист, дирижёр, педагог.

³ Николай Соловьёв (1846-1916) – русский композитор, музыкальный критик, педагог.

⁴ Андре Жедальж (1856-1926) – французский композитор, педагог.

⁵ Жюль Массне (1842-1912) – французский оперный композитор.

⁶ Зигмунт Носковский (1846-1909) – польский композитор, дирижёр, педагог.

⁷ Люциян Рыдель (1870-1918) – польский поэт и драматург.

⁸ Мария Конопницкая (1842-1910) – польская писательница, литературный критик и публицист.

⁹ Зофья Мрозовицкая (1861-1917) – польская поэтесса, детская писательница, учительница.

¹⁰ Пьер де Ронсар (1524-1585) – французский поэт.

¹¹ Поль Верлен (1844-1896) – французский поэт, один из основоположников литературного импрессионизма и символизма.

¹² Сюзли-Прюдом (1839-1907) – французский поэт и эссеист, первый лауреат Нобелевской премии по литературе (1901).

¹³ Янина Королевич-Вайда (1875-1955) – польская оперная певица.

¹⁴ Саломея Крушельницкая (1872-1952) – украинская оперная певица, педагог.

¹⁵ Ирена Пузына (1881-1933) – польский католический деятель, депутат Сейма, деятель женского движения.

Около 1900 г. её фрагмент к голосу и фортепиано был напечатан, правдоподобно в Лейпциге. В это время Генрик Скимунт познакомился с Элизой Ожешкой, с которой вскоре подружился. Бывал у Ожешко в Гродно, а в 1905 г. Ожешко посетила Молодово; они переписывались вплоть до её смерти. Высоко ценила она поэтический талант Генрика Скимунта. К двум своим произведениям – повести «И песня пусть заплачет» и новелле «Засуха» – взяла названия из его стихов, а трём (вышеназванные и новелла «Странная история») предшествовали эпиграфы, взятые из стихов Скимунта. Благоклонно принятый критикой, в 1903 году вышел томик «Поэзия» (Варшава), из которых часть печаталась ранее в журналах («Библиотека Варшавская», «Газета Народная», «Край», «Согласие» (Чикаго), «Жизнь и искусство» – приложение к «Краю», «Читальня» – приложение к «Краю»).

Последующие годы Скимунт делил между пребыванием в родном Молодово и путешествиями за границей для углубления музыкальных знаний. В апреле 1905 г. выехал в Берлин, где совершенствовался в оркестровке у Э. Хумпердинка¹. В 1906 г. был снова в Берлине, однако из-за трудностей в поиске соответствующего учителя переехал в Дрезден, а позднее – в Мюнхен, где в течение последующих трёх лет проводил зимнее время, работая над «Возвращением сказки» и беря уроки у Г. Рёра². (...) 1904-1913 гг. печатал свои стихи в журналах: «Газета Народная», «Курьер Литовский», «Факел», «Правда», «Семейные Вечера», «Село и Усадьба». В 1912 г. вышел второй том «Поэзия» (Краков), содержащий новые циклы «Германия» и «Итальянские наброски». Кроме воодушевленной оценки В. Гостомского³, ни один критик не откликнулся на этот томик. В 1913 г. было напечатано либретто «Возвращение сказки» (Варшава), однако начавшаяся война помешала реализации плана постановки оперы Большим театром в Варшаве под изменённым названием «Извечная сказка». В этот же период был напечатан в Лейпциге музыкальный цикл Скимунта «Год жизни». В 1913 г. стал управлять имением Молодово. (...) Львовское «Польское слово» (1914, № 556, 558) и «Варшавская газета» (1914, № 328) опубликовали его сценическую картинку «Алилуя» аллегорическо-патриотической тематики. (...) В январе 1918 г. на концерте в варшавской филармонии были исполнены три новых песни Скимунта, созданных во время войны. Как сообщил «Мир», в этом же году Варшавская опера вернулась к проекту постановки «Возвращения сказки». До постановки оперы не дошло, однако ранее была исполнена на симфонических концертах в Риме и в Лейпциге⁴. В межвоенное время поэтическое и музыкальное творчество Генрика Скимунта ослабло, только эпизодически появлялись его стихи в периодической печати.

Отметим также, что Генрик Скимунт собирал местный фольклор. Так, в соседнем селе Табулки им была записана народная песня о католическом святом Андрее Боболе. Музыкальное и литературное творчество Генрика Скимунта почти не изучалось в Польше, в Беларуси – совсем. Интересно было бы изучить влияние полесского фольклора на его музыкальное творчество. Вообще, Генрику Скимунту не повезло: Первая мировая война не позволила осуществиться многим его творческим проектам.

Его старший брат Константин Скимунт (1866-1949) был известным политическим деятелем: членом Государственного Совета Российской империи и министром иностранных дел независимой Польши. Он внёс и свой вклад в развитие польской культуры на Полесье. Юноша окончил немецкую гимназию в Либаве. После окончания юридического факультета Петербургского университета Константин, по воле отца, стал управлять имением Молодово. Он был одним из организаторов в 1898 году Гродненского общества сельского хозяйства, на заседаниях которого выступал за всеобщее начальное образование для детей крестьян. По делам общества ему приходилось часто ездить в Гродно, где Константин Скимунт познакомился с писательницей Элизой Ожешко. Это знакомство вскоре переросло в настоящую дружбу. Они вели оживленную переписку.

Одновременно Ожешко очень ценила интерес Константина, также его брата и сестёр, к её творчеству. Присылала для оценки разделы своих произведений. Её радовал и трогал обычай общего чтения вслух книг в молододовской библиотеке. Сообщая об этом, Константин старался передать настроение этих мгновений: «Осень сейчас тут холодная и серая, вечером зажигаем огонь в камине в библиотеке и садимся вокруг большого круглого стола над книжками, кто-то брэнчал на

¹ Энгельберт Хумпердинк (1854-1921) – немецкий композитор, испытывал большое влияние Рихарда Вагнера.

² Гуго Рёр (1866-1937) – немецкий композитор и дирижёр.

³ Валериан Гостомский (1854-1915) – польский историк литературы, литературный критик.

⁴ Dernałowicz, Z. Skirmunt (Skirmuntt) Henryk / Z. Dernałowicz // Polski Słownik Biograficzny. – Warszawa-Kraków, 1998. –Т. XXXVIII/2. –З. 157. S. 175, 176.

пианино, заменяя временами какие-то мысли, то снова наступает тишина, среди которой мысли собираются и проникают вглубь души; в такие минуты из этих глубин наших существ возникают поступки, исполненные развешанных надежд и разочарований. Счастливы, кому из первых должно надоесть, так как от них идет сила и утешение». Делился наблюдениями по теме её произведений. Его мнение было вообще хвалебным, часто – согласно с тогдашней манерой – высказывалось экзальтированным и патетическим способом. Однако хватало и критических замечаний, которые Ожешко принимала с пониманием.

Скирмунт показал себя как вдумчивый читатель художественной литературы, не только произведений Ожешко. Из польской литературы очень ценил творчество Марии Конопницкой. Ожешко устроила их свидание в своём доме 11 марта 1904 г. Стремилась также устроить знакомство Скирмунта и Владислава Реймонта¹, который хотел посетить Молодово².

Хотя в поэтический талант Генрика Скирмунта его старший брат Константин не очень верил, однако он привозил Элизе Ожешко стихи брата, чтобы та оценила их, посодействовала в книжных издательствах, чтобы Генрик получил возможность для литературного дебюта. Писательница ценила поэтический талант Генрика и помогала ему. «В письме из Гродно от 11 ноября 1903 г. Элиза писала Генриху «За томик прелестной поэзии Пана, за чудесные слова на первой странице... благодарю очень искренне, сердечно и крепко»³. Константин Скирмунт писал письма и известному поэту, литературному критику Чеславу Янковскому (1857-1929), в которых также просил за брата. Впрочем, и сам Константин обладал литературным талантом: в конце жизни написал интересные воспоминания⁴.

Естественно, Генрик и Константин Скирмунты пополняли молодовскую библиотеку современными художественными и музыкальными произведениями. Стал складываться и новый архив, который состоял из черновиков произведений поэта и композитора Генрика Скирмунта, а также писем к братьям, в том числе писем известных деятелей культуры. В архиве хранился и «альбом для Элизы Ожешко, которая неоднократно навещала Молодово и назвала альбом «Подручная книжечка с жемчужинами». Книжечка была в зеленом кожаном с позолотой переплете и имела позолоченные края. В альбом Элиза вписывала полюбившиеся стихи, цитаты и собственные афоризмы. На первой странице альбома имелась надпись: «Эту книгу с собственноручно записанными мыслями своими цитатами из чужих произведений Элиза Ожешко передает Константину Скирмунту. 1909». Здесь же хранились альбомы со стихами Александра Ходько, Юльяна Корсака и др.»⁵. Но в период 1919-1920 гг. молодовскую усадьбу разграбили большевики, а старинная библиотека и ценный архив погибли. Хотя по некоторым сведениям библиотека частично сохранилась. «Собрание книг не превышало в 1920 г. тысячи томов на польском и французских языках»⁶.

Да и сёстры братьев – Мария Скирмунт (1872-1939) и Ядвига Скирмунт (1874-1968) не отставали от них в культурно-просветительской деятельности. «На Пинщине существовала также школа домашнего хозяйства в Молодово, в усадьбе п. Марии Скирмунт, скрывающейся под названием «Курсы практического хозяйствования». Вела её с 1908 г. на собственные средства Мария Скирмунт, и продержалась она шесть лет, вплоть до начала войны. Первые годы были очень трудные, так как не хватало профессиональных помощниц, а [потенциальные] ученицы, даже бесплатно, не хотели учиться. Через год нашлись 12 девушек, желающих учиться. Кстати, разделы домашней работы включали: кухню, стирку, выпечку, домашнюю уборку, обучение кройке и шитью. Постепенно добавлялись новые другие разделы: молочное хозяйство, выращивание домашней птицы, выращивание свиней и мелкого скота, консервирование и выращивание ягод. Возросло число учениц, и заведение имело их столько, сколько могло вместить, т.е. 22 кандидатки в год. Курс продолжался два года, так как ученицы должны были не только собственноручно выполнять все работы, но и все хозяйственные услуги. Проходя по очереди все разделы, только в последние месяцы специализировались в выбранном разделе. Выходили из Молодова экономками и управительницами домашнего хозяйства, которые кроме профессии получали моральное воспитание и начальное образование, такое, что были способны сами вести учебные заведения домашнего хозяйствования, даже хозяйственные курсы у дворянок в Царстве Польском. За обучение платили ежегодно

¹ Владислав Реймонт (1867-1925) – польский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе в 1924 г.

² Nowak-Kielbikowa, M. Konstanty Skirmunt / M. Nowak-Kielbikowa. – Warszawa, 1998. – S. 19, 20.

³ Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Федорук. – Минск, 2004. – С. 275.

⁴ Skirmunt, K. Moje wspomnienia 1866-1945 / K. Skirmunt. – Rzeszów, 1997.

⁵ Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Федорук. – Минск, 2004. – С. 275.

⁶ Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Федорук. – Минск, 2004. – С. 275.

60 рублей, что, естественно, едва хватало на содержание. Основные средства заведению давала п.[анна] Мария Скирмунт.

П. Ядвига Скирмунт вела несколько лет школу [с 1901 г.] в Молодове, независимо от хозяйственной школы своей сестры Марии. Учила там сама. Когда число детей возросло до 30, взяла учителя, которым был тайный монах из Нового Мяста [район Варшавы. – Авт.] Болеслав Скродзский, а затем учительница, панна Ванда Лещинская из Вильны. Помогали также католическим поселениям в окрестностях, в которых велось тайное обучение польскому языку.

В том же Молодове на её средства содержался детский приют с общежитием на 40 детей»¹.

Отметим, что Мария Скирмунт занималась и литературными переводами. Нам известен только один такой перевод. В 1917 году в Варшаве вышел её перевод книги Фридриха Вильгельма Фостера «Молодёжь и мировая война». Её, как педагога, волновали проблемы молодёжи. Литературным талантом обладала и Ядвига Скирмунт, которая написала воспоминания о своей подруге, знаменитой польской писательнице Марии Родзевич.

Мать и дочь Пржилуцкие

Одним из активистов по организации тайных польских школ на Полесье была пани Паулина Пржилуцкая, которая начала создавать такие школы в Пинском уезде ещё в 1889 году, и продолжала эту работу вплоть до начала Первой мировой войны, подключив к ней в 1899 году свою юную дочь Габриелу (1881-1943). Возможно, что тогда Габриела Пржилуцкая работала в тайных школах в Логишине и Городище. Позже Габриела вспоминала, что работала благодаря усилиям Констанции Скирмунт и Юзефы Курженецкой.

Обвинительный Акт

О потомственных дворянках Паулине Иосифовой Пржилуцкой и Габриеле Антоновой-Ивановой Пржилуцкой.

В июле месяце 1911 года пристав 1 части гор. Пинска Митрофанов получил сведения о том, что на Слободской улице, в квартире дворянки Паулины Пржилуцкой открыта тайная польская школа. Для проверки этих сведений днем 21 июля пристав Митрофанов вместе со своим помощником Острейко отправился на квартиру Пржилуцкой и застал там 6 мальчиков и 8 девочек, сидевших за уроками; пред учащимися лежали учебники и тетради частью на русском, а частью на польском языке; при чём ученики объяснили, что они учатся русскому и польскому языкам, а также молитвам «польской веры».

В квартире оказались дворянки Паулина Иосифовна Пржилуцкая и её дочь Габриела Антонова-Иванова Пржилуцкая, которые объяснили на дознании, что, не имея средств к жизни, они решили заняться обучением детей первоначальной грамоте и с этой целью открыли у себя школу, причем с каждого учащегося получали плату по одному рублю в месяц и на эти деньги поддерживали свое существование; преподаванием грамоты и молитв занималась только Габриела Пржилуцкая, которая окончила курс наук в Кобринском женском пансионе; разрешения на открытие школы она ни у кого не просила и даже не знала, что на открытие школы надо ходатайствовать о разрешении у начальства.

На основании изложенного потомственные дворянки Гродненской губернии Паулина Иосифова Пржилуцкая, 70 лет, и Габриела Антонова-Иванова Пржилуцкая, 30 лет, обвиняются в том, что в июле месяце 1911 года они без разрешения подлежащих властей и не имея установленных по закону свидетельств о необходимых для преподавания познаниях открыв в своей квартире, в гор. Пинске, на Слободской улице, школу для обучения мальчиков и девочек первоначальной грамоте и молитвам, при чем от каждого учащегося вносили плату по одному рублю в месяц, т.е. в совершении преступления, предусмотренного 1049 и 1051 ст. Улож. о наказ.

Вследствие сего и согласно 200 ст. Уст. Угол. Суда дворянки Паулина Пржилуцкая и Габриела Пржилуцкая подлежат суду Минского Окружного Суда без участия присяжных заседателей.

Составлен февраля 29 дня 1912 года в гор. Минске.

Тов. Прокурора²

¹ Życka, L. Działalność popowstaniowa polaków na ziemi Mińskiej / L. Życka, M. Łęska. – Warszawa, 1939. – S. 64.

² НИАБМ. – Фонд 183. – Оп. 2. – Д. 24147. – Л.2.

Минский окружной суд 24 января 1913 года приговорил Паулину и Габриелу Пржилуцких к штрафу 2 рубля каждую, а в случае неуплаты денег – на 1 день ареста. В 1943 году немецкие фашисты расстреляли в Пинске Габриелу Пржилуцкую.

Тайные польские школы

После того, как император Николай II объявил 17 октября 1905 года Манифест, в котором провозглашались гражданские права и свободы, на Пинщине началось открытие тайных польских школ. Об этом говорит следующий документ:

*Его Превосходительству Господину Минскому Губернатору
Пинского Уездного Исправника*

Рапорт

В исполнение предписания от 16 января с.г. за № 35, данному Вашему Превосходительству, что в Пинском уезде в 1907 году действительно функционировали тайные польские школы в следующих пунктах:

1) В м. Логиишине, открытая Пинским Деканом Войтиком одна польская школа с двумя отделениями: мужским и женским; каждое из этих отделений считаем отдельной школой, хотя они и помещались в одном здании. Учителями состояли: Станислава Андрушкевич и Казимира Вилейкис. Произведенное по этому поводу донесение представлено Вашему Превосходительству 21 ноября 1907 года за № 2909/2997, но в имеющемся в деле рапорте Пристава 4 стана упомянута только одна Станислава Андрушкевич. По собранным в настоящее время сведениям в этой же школе до прибытия Станиславы Андрушкевич преподавал Рох Чернецкий, о котором в делопроизводстве сведений никаких нет.

2) В имении Поречье, при участии того же Декана, обучением занималась Мария Станиславовна Нарейко. Дознание об этом было произведено приставом 4 стана и передано Судебному следователю 1 участка Пинского уезда 26 января 1908 г. за №15.

3) В околице Скуратици, Поречской волости, в конце 1907 и начале 1908 г. тайным обучением занималась Мария Дановская. Дознание об этой школе не производилось, а таковая просуществовав короткое время, была закрыта.

4) В околице Осовой, Плотницкой волости, учительницей состояла Камилла Дубовская. Произведенное об этом дознание направлено было Судебному Следователю 4 участка Пинского уезда 30 ноября 1907 г. за № 2844. Школа эта закрыта 20 августа 1909 года, а при закрытии ее – Михаил Александров Карпович, по приговору Минского Окружного Суда от 22 апреля 1909 г. подвергнут денежному штрафу в 3 рубля.

5) В околице Вульке-Лавской, Логиишинской волости, открыта была школа при участии того же декана, где учительницей состояла Ядвига Волянская. Произведенное об этом дознание передано Судебному Следователю 1 участка Пинского уезда 24 ноября 1907 г. за № 290.

6) В м. Телеханах с дозволением того же Декана, обучением занимался Константин Осипов Раевский. Дознание было произведено Приставом 4 стана Пинского уезда и направлено Судебному Следователю 1 участка Пинского уезда 26 января 1908 г. за № 15.

При этом докладываю, что сведение какое понесли наказания лица, открывшие школы в Логиишине, Поречье, Вульке-Лавской и Телеханах в моем делопроизводстве не имеется.

*№ 135
марта 4 дня 1912 г.*

Уездный Исправник¹

В этом документе не указаны многочисленные школы, которые открывали в Пинске Константин Скимунт и Юзефа Курженецкая. Наверно, мать и дочь Пржилуцкие тоже занимались открытием тайных школ.

Всем этим процессом на Пинщине руководил председатель пинского отделения общества «Освята», пинский декан, ксёндз Станислав Войтик (1868-1926).

Чтобы создавать тайные школы, нужны были деньги и учителя. Деньги выделяло пинское отделение общества «Освята» и Пинское приходское римско-католическое благотворительное общество. Так, Константин Скимунт в письме к Элизе Ожешко выслал отчет благотворительного общества от 24 марта 1907 года, в котором указывалось, что общество содержит семь польских школ на Пинщине (Пинская – 83 ученика, Телеханская – 60...) + преподавание польского языка в пин-

¹ НИАБМ. – Фонд 295с. – Оп.2. – Д.137. – Л.51об.

ской женской гимназии. Всего в этих тайных школах имелось 397 учеников и 12 учителей. С осени 1906 года благотворительным обществом выдано на школы 2016 рублей. «Учат детей католиков читать и писать по-польски, катехизису, истории и арифметике, воспитывают в христианском духе». Стоит отметить, что в отделении «Освятых» и в благотворительном обществе активно работали не только местные дворяне-поляки, но и пинские железнодорожники: Люцыян Боник и Станислав Зеленский.

Готовили учительниц в тайной Минской учительской семинарии (работала в 1905-1911 гг., сначала как нелегальные педагогические курсы), а также – в кобринской «швальне». «Занятия проходили под руководством [Марии] Жабинской-Стефановской, с 1902 года под руководством Марии Ястржембской-Гриштановой. Занятие проходили в швальне [швейная мастерская]. В 1903 году совместными усилиями был куплен участок земли и построен на нём дом с 8 комнатами для польской школы. Освятил его бискуп Ропп во время визита в Кобрин. Число обучавшихся в этой школе – до 70 лиц. В школьном общежитии жило 40 девушек под опекой школьного персонала. (...) Эту школу закрыли в 1910 году по приказу правительства»¹.

Польское общество «Освятых»

Первый рост числа тайных польских школ в Беларуси и Литве наблюдался ещё в конце XIX века, когда после смерти императора Александра III наступила некоторая либерализация. С целью управления этим процессом и улучшения качества учебных занятий в этих школах было создано в Вильне тайное польское просветительское общество «Освятых». Все существовавшие тогда тайные школы были зарегистрированы в этом обществе.

В сентябре 1905 года возникло минское общество «Освятых», которое взяло под свой контроль всю просветительскую работу среди поляков Минской губернии. Возглавил общество минский ксёндз Казимир Михалькевич, в будущем – епископ. В январе 1907 года был утверждён устав минской «Освятых». Общество начала действовать легально. Однако его активная деятельность настолько напугала минского губернатора, что в октябре 1909 года оно было закрыто, но продолжало свою уже нелегальную работу.

Наверно, в конце 1907 или в начале 1908 года было создано Пинское отделение Минского польского общества «Освятых», которое активно включилось в процесс создания новых тайных школ, также попыталось создать польскую библиотеку, о чём говорят следующие документы:

Дело о разрешении пинскому отделению польского общества «Освятых» открыть библиотеку в гор. Пинске

*Его Превосходительству
Господину Минскому губернатору
Пинского отделения Польского
Общества Освятых в гор. Пинске*

Прошение

Честь имею просить разрешение открыть библиотеку для бесплатной выдачи книг и журналов по приложенной при сем программе; на основании которой была разрешена библиотека в гор. Минске от 22 декабря 1907 года.

Ответственным лицом по библиотеке Правления Общества Г-жу Генриху Вольбек, проживающую в гор. Пинске, которую просим в этом звании утвердить.

гор. Пинска 14-го октября 1908 года.

*Председатель отделения Кс. С. Войтик
Секретарь А. Климкевич²*

Минский губернатор Яков Эрдели (1856-1919) подозрительно относился к культурной активности польского населения, поэтому потребовал от пинских властей дать характеристику намечаемого библиотекаря.

Минское Губернское Правление

Рапорт

В исполнении предписания от 9 Декабря, за № 9730, представлял при сем расписку Председателя Пинского Отделения Польского Общества «Освятых» Войтика в объявлении ему того пред-

¹ Życka, L. Działalność popowstaniowa polaków na ziemi Mińskiej / L. Życka, M. Łęska. – Warszawa, 1939. –S. 64.

² НИАБМ. – Фонд 229. – Оп. 2. – Д. 14057. – Л. 1.

писания и в получении возвращенного проекта Устава библиотеки Полицейское Управление доносит Губернскому Правлению, что Генриха Вольбек получила воспитание домашнее, под судом и следствием не состояла и не состоит, поведения и нравственных качеств хороших, отличается лишь сильным польским патриотизмом и, что препятствий к утверждению ее ответственным лицом по библиотеке не усматривается.

Пинский Полицмейстер

№ 8076

Декабрь 26 дня

1908 год¹

Правление Пинского отделения Минского польского общества «Освята» предоставило губернским властям и проект устава своей будущей библиотеки.

Проект

Устава Библиотеки Польского Общества Освята в Пинске.

1, Библиотека Пинского Общества Освята в Пинске имеет целью бесплатную выдачу книг и журналов на дом как членам общества, так и посторонним лицам.

2, В библиотеку выписываются журналы, книги, географические карты и т.п. издания, разрешённые для обращения в публичных библиотеках.

3, Библиотека содержится на средства Общества Освята, отпущенные Правлением этого Общества.

4, Делами библиотеки заведует Правление Общества Освята; Правление избирает из числа членов этого общества: а) лицо ответственное, на которое возлагается ответственность за исполнение всех законоположений и правительственных распоряжений по библиотеке и б) библиотекаря, который ведёт записи поступающих и выдаваемых на дом книг. Ответственное лицо по библиотеке утверждается в сем звании Губернатором, от которого зависит устранение от занятий по библиотеке, как ответственное лицо, так равно и всех служащих при ней. Примечание. Обязанность ответственного лица и библиотекаря могут быть совместны.

5, За библиотекой имеет надзор лицо учебного ведомства, назначенное для этой цели Попечителем Учебного Округа. Лицу этому предоставляется право производить ревизию библиотеки во всякое время.

6, Правление отвечает за целостность имущества библиотеки, в тех случаях, если ущерб будет нанесён по вине Правления или его упущения.

7, На обязанность Правления возлагается: а) контроль дежурной и административной части библиотеки, наём помещения и служащих, выписка книг, журналов и определение времени выдачи книг и проч.

б) изыскание средств на увеличение материальных средств библиотеки; в) представления Обществу собранию отчёта и проектов годовой сметы и расходов по библиотеке.

8, Правление своевременно доводит до сведения Губернатора об избрании персонала библиотеки, о числе такового, о месте нахождения ее, а равно о времени выдачи книг.

9, Если независимо от присвоенного Губернатором по закону (св. 321 Общ. Учр. Губ. Св. закон т. II изд. 1892 года) права закрывать общественные собрания при обнаружении в них чего-либо противного государственному порядку и общественной безопасности и нравственности, Губернатор, признав необходимым закрыть библиотеку по другим причинам, то представляет об этом на усмотрение Министерства Внутренних Дел.

10, В случае закрытия библиотеки, пожертвованные книги возвращаются жертводателям.

11, Библиотека будет находиться в помещении Общества «Освята» по Большой-Киевской улице в костельном здании.

12, При библиотеке ученических книг не имеется и не будет ученикам выдаваться.

Председатель Правления Общества Кс. С. Войтик

Секретарь Мария Пиоро

Члены правления К.[онстанти] М. Кошевник

Эдуард К. Стаховский

Чеслав Мергенталер

¹ НИАБМ. – Фонд 229. – Оп. 2. – Д. 14057. – Л. 8.

Врач С.А. Скуневский
С. Зеленский
М.[ихаил] Котович
Георгий Осмоловский¹

Несмотря на все усилия пинских поляков, губернские власти не разрешили открыть библиотеку.

Резолюция Губернского Правления
Отделения 1 стол
Март 13 дня 1909 г.

И. д. Губернатора
Вице-Губернатор

Справка: Пинское Отделение Минского польского общества «Освята» возбудило ходатайство о разрешении ему открыть в городе Пинске бесплатную библиотеку для выдачи книг членам общества и посторонним лицам, причём, представившего проект устава этой библиотеки.

По поводу сего ходатайства собраны были необходимые сведения, которые для разрешения открытия помянутой библиотеки оказались не благоприятны

Резолюция: В виду сего ходатайство Пинского отделения Минского польского общества «Освята» о разрешении ему открыть в городе Пинске бесплатную библиотеку оставить без удовлетворения. О чём сообщить отделению названного общества.

Советник
За вице-губернатора
Старший Советник²

Хочется более подробно остановиться на биографии одного из лидеров польского движения на Пинщине – ксёндза Станислава Войтика, которую нам любезно предоставил историк польского костёла, ксёндз Еугениуш Боровский (1931-2010):

«Ксёндз Станислав Войтик родился 24 ноября 1868 года в Динабурге (сейчас латвийский город Даугавпилс) в Курляндии. Был сыном Юзефа Войтика и Юзефы Круковской. В своей биографии написал: «Моя семья была чисто польской, и польский язык с детства был моим языком». Учился он в Динабургском реальном училище в 1880-1886 гг. В Петербургскую (католическую) духовную семинарию поступил в 1886 году. Высветил в ксёндза 1 декабря 1891 года бискуп Мечислав Леонард Паллулон. Первая должность – префект школ в Смоленске. В 1901 году был назначен настоятелем прихода Забялы Витебской губернии. В 1904 году стал Дрисса-Себежским деканом, а в 1905 году настоятелем костёла Успения Божий Матери в Пинске, а также деканом пинского деканата. За деятельность в пользу независимой Польши был в 1917 году депортирован немецкими оккупационными властями в Кельцы. Там был префектом в гимназии королевы Ядвиги, в мужской школе Яна Шидловского, а также в женской гимназии имени Адама Мицкевича. В 1919 году вернулся в пинский приход. Спасаясь перед нашествием большевиков, выехал в Кельцы, забирая с собой деканский и приходской архивы. Несколько месяцев исполнял должность префекта учительской семинарии в Енджеюве. В ноябре 1920 года возвратился в Пинск, значительно разрушенный нашествием большевиков. Вдобавок ко всему, 7 августа 1921 года вспыхнул в Пинске огромный пожар, который уничтожил $\frac{3}{4}$ домов. В этом пожаре сгорела крыша костёла и плебания. Все эти происшествия и усилия на восстановления подорвали здоровье ксёндза Станислава. В 1923 году получил звание Почётного каноника Минской капитулы. В виду ухудшения здоровья отказался от прихода и ушёл на пенсию 25 января 1925 года. Умер 1 марта 1926 года. Похоронен на католическом кладбище в Пинске.

Ксёндз Войтик начал создавать тайные польские школы, когда ещё работал в Витебской губернии. За свой патриотизм и «фанатизм» он неоднократно преследовался царскими властями. В 1910 году против него открыли уголовное дело о соращении православных в католицизм. Ксёндза Станислава Войтика дважды судили за открытие тайных польских школ и приговаривали оба раза к штрафу (по 5 рублей).

Личность ксёндза Станислава Войтика соединяет как бы два периода в истории культуры Пинщины: до 1918 года и после. Второй период рассмотрим в следующей книге.

¹ НИАБМ. – Фонд 229. – Оп. 2. – Д. 14057. – Л. 11.

² НИАБМ. – Фонд 229. – Оп. 2. – Д. 14057. – Л. 15.

Заключение

Объект данного научного исследования – историко-культурное наследие Пинщины (IX – начало XX века). Предмет исследования – культуротворческая деятельность религиозных и светских учреждений исторической Пинщины, а также раскрытие феноменов творчества многих художников и учёных, живших и работавших в этом регионе.

В книге прослеживается история развития культуры Пинщины на протяжении разных исторических периодов: раннего Средневековья, в составе Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи. Большая часть монографии посвящена культуре периода нахождения Пинщины в составе Российской империи.

Западное Полесье является самобытным регионом – со своей особой культурой, в котором жили и живут люди разных национальностей, поэтому в книге рассмотрены культуры многих народов, живших на Пинщине: белорусская, польская, русская, еврейская, украинская, литовская и др.

Отличительной особенностью книги является её широкое проблемное поле. В ней рассмотрены различные сферы культуры и формы творческой деятельности: изобразительное искусство, архитектура, музыка, литература, наука, театр, библиотеки, книгоиздание и др. Много внимания уделяется истории учреждений образования на Пинщине, особенно истории Пинского реального училища. Подробно исследуются также приходские католические, монастырские униатские и братские православные школы, иезуитский коллегиум и другие учебные заведения при католических монастырях, подокружная школа Эдукационной комиссии, уездное, дворянское и духовное училища, классическая и реальная мужские гимназии, женские пансионы и училища, частные гимназии – Чайковского, Сёмовой, Валлер и Лобзовской-Шапиро, женская государственная гимназия, тайные польские школы, еврейские учебные заведения, поселянские школы, сельские и городские народные училища, сельские и городские церковно-приходские школы, ремесленные училища и т.д. Поставлен вопрос о существовании Пинской православной духовной семинарии.

Впервые стали предметом научного анализа деятельность Пинского православного историко-этнографического кружка, а также польского культурного кружка в Пинском уезде, в котором главную роль играли помещики Скирмунты – представители известного полесского шляхетского рода. В историю нашей культуры введен целый ряд имён полесских деятелей (историков, краеведов, литераторов и др.): Михаила Загоровского, Антония Мошинского, Дмитрия Каширина, архимандрита Анатолия (Станкевича), Василия Грудницкого, Иоанна Акоронко, Феликса Дружилковского, Стефана Куклинского, Евстафия Тарановича, Евгения Костецкого, Юзефы Курженецкой и др.

Авторы монографии использовали широкую базу источников, часть из которых впервые введена в научный оборот. Исторические документальные материалы были найдены в фондах архивов и библиотек Беларуси (Минска, Бреста, Гродно), России (Санкт-Петербурга), Польши (Варшавы, Вроцлава), Литвы (Вильнюса) и Украины (Киева, Львова). Использование данных новых архивных источников позволило авторам книги обосновать свою концептуальную линию в видении истории развития культуры Пинщины. В книге поставлен целый ряд новых исследовательских проблем. Например, о взаимоотношениях в начале XX века Якуба Коласа, Романа Скирмунта и Эдмунда Зуземиля, об авторстве «Пинской шляхты» и «Разказов на белорусском наречии», о существовании летописи монаха Лещинского монастыря Митрофана и др.

Авторы книги особенно благодарят тех деятелей духовной культуры, кто помогал им в поиске материалов: сотрудников Музея Белорусского Полесья (Пинск) Раису Викторовну Акимочкину, Екатерину Серафимовну Северин и Светлану Михайловну Лозюк, заместителя директора Национального исторического архива Беларуси (Минск) Дениса Васильевича Лисейчикова и заведующую читальным залом Марию Ивановну Блашкову, заведующую отделом краеведения Брестской областной библиотеки Татьяну Семёновну Ковенько, заведующую отделом краеведения Пинской городской библиотеки Татьяну Константиновну Богович, пинского журналиста Вячеслава Леонидовича Ильенкова, польского историка Петра Цихорацкого, польского общественного деятеля Богдана Милачевского, языковеда и историка Фёдора Даниловича Климчука, петербургского профессора Илью Николаевича Котовича и др.

Научное издание

А.Л. Ильин, Е.А. Игнатюк

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ПИНЩИНЫ
(IX – НАЧ. XX ВВ.)**

Монография

Научный редактор *С.В. Сухобокова*
Ответственный за выпуск *П.Б. Пигаль*

Подписано в печать 20.09.2013.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 25,6. Уч.-изд. л. 21,4.
Тираж 100 экз. Заказ №. 301. Цена договорная.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Полесского государственного университета.
225710, г. Пинск, ул. Днепровской флотилии, 23.